

Освальд Шпенглер

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Перевод с немецкого
В. В. АФАНАСЬЕВА*

МОСКВА
КАН Н⁺

2009

УДК 321

ББК 66

Ш 83

Рецензент

доктор философских наук, профессор *Бельский В.Ю.*,
заведующий кафедрой социологии и политологии
Московского университета МВД РФ

Шпенглер О.

Ш 83 Политические произведения / О. Шпенглер. Пер.
с нем. В. В. Афанасьева. — М.: «Канон +» РООИ «Реаби-
литация», 2009. — 528 с.

ISBN 978-5-88373-184-5.

Политические работы Освальда Шпенглера (1880–1936) оставались до недавнего времени не переведенными на русский язык, несмотря на то, что его работа «Годы решений» (1933) имела в предвоенной Германии огромный читательский успех. В ней содержатся основные идеи политической социологии Шпенглера, которого считают одним из основателей современной теории международных отношений («Новые формы мировой политики» (1924)). Для анализа политики современной России представляет особый интерес его статья «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы» (1923), которая также вошла в предлагаемое издание.

Сборник представляет интерес для всех интересующихся современными социальными и политическими проблемами.

УДК 321
ББК 66

ISBN 978-5-88373-184-5

© Пер. с нем. В. В. Афанасьева
© Издательство «Канон +»
РООИ «Реабилитация», 2009

ДВОЙНОЙ ЛИК РОССИИ И НЕМЕЦКИЕ ВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (1923)

Перед лицом сомнительного положения Германии, которая беспомощно руководится друзьями своих врагов и должна выносить неизбежную экономическую и дипломатическую войну, в значительной мере возрастает политическое и экономическое значение восточных проблем. Для того чтобы понять действительную ситуацию, недостаточно знать современное географическое и военное положение в обширных областях Советской России. Необходимо понимать всемирно-историческое значение России, ее место между великими старыми культурами: Европой, Китаем, Индией и Исламом, ее сложившуюся в течение тысячелетий душу. Политическая и экономическая жизнь – это и есть сама жизнь, проявляющаяся в видимых актуальных вопросах, отражающих ее форму и выражение.

Можно попробовать взглянуть на эти вещи «русскими» глазами, как это делают наши коммунистические и демократические писатели и партийные функционеры, – то есть с точки зрения европейских социальных идеологий. Но такой взгляд не является русским, хотя и существуют в России многие горожане, которые подтверждают его. Или существуют попытки взглянуть на русский народ, как на остальные народы «Европы». Но это также неверно. В действительности, настоящий русский духовно нам очень чужд, – так же чужд, как индиец и китаец, у которых мы не можем понять всю глубину их души. «Россия и Европа», как очень правильно различают русские, – «матушка» Россия и «отечество» западных народов, являются двумя далеко отстоящими друг от друга мирами. Русский понимает эту чуждость, и если он не полукровка, то никогда не преодолет слепого отрицания или наивного удивления по отношению к немцам, французам и англичанам. Татарин

и турок ему понятнее и ближе. Мы увлекаемся географическим понятием «Европа», который возник из печатных карт 1500 года, но действительная Европа заканчивается на Висле. Деятельность немецких орденов в Прибалтике была колонизацией чужой земли и именно так и воспринималась ее участниками.

Если мы хотим понять эту чуждую нам народность, необходимо взглянуть в наше прошлое. Русская история с 900 по 1900 годы не соответствует европейской истории этого времени, ее нужно сравнивать с европейской историей времен Рима до Карла Великого и королей из династии Штауфенов. Наша героическая поэзия от Арминия до Хильдебранда, Роланда и Нибелунгов повторяется в русских былинах, которые, начиная с кузнецов при дворе князя Владимира (1015), с походов князя Игоря и Ильи Муромца, через Ивана Грозного, Петра Великого и пожар Москвы, остаются до нашего времени плодотворными и жизненными. В этой первоначальной поэзии видно, насколько отличаются глубинные чувства этих двух миров. Русская жизнь имеет совсем другой смысл. Бесконечная равнина сделала гибкий народ покорным и тоскливым, духовно растекшимся по плоской дали, лишенным личной воли и склонным к подчинению, что явилось предпосылкой большой политики от Чингисхана до Ленина. Кроме того, русские до сих пор остаются полукочевниками. Не удастся и советской власти предотвратить бесцельные переезды рабочих с одной фабрики на другую только из-за тоски по перемене мест. Именно поэтому хорошо обученные рабочие в России большая редкость. Для русских крестьян родиной является не их деревня и родной ландшафт, а широкая русская равнина. Также и «мир», аграрный коммунизм, является не чем-то старым, а произошел из административной техники сбора налогов царским правительством, в то время как германцы были привязаны к прялке. Крестьяне тысячами устремлялись в завоеванные области южнорусской степи и Туркестана для удовлетворения своего чувства поиска границ безграничного, что обусловило

постоянное расширение империи, дошедшее до естественных границ по морям и горным хребтам. В XVI веке осваивается Сибирь до Байкала, в XVII веке колонизация доходит до Тихого океана.

Еще глубже сидит в русских смутное мистическое стремление в Византию, в Иерусалим, проявляющееся в православном христианстве и многочисленных сектах. Оно было важной силой в большой политике и является выражением неродившейся новой религии у безгласной пока еще народности. Все это не имеет никакого отношения к Западу, поскольку поляки и балканские славяне являются «азиатами». Экономическая жизнь этого народа также протекает в своих, совершенно не европейских, формах. Купеческая семья Строгановых, которая во времена Ивана Грозного за свой счет начала освоение Сибири и предоставляла в распоряжение царю свои войска, не имеет ничего общего с великими предпринимателями этого времени на Западе. Эта огромная страна со своим бродячим народом ждала бы еще столетия своего часа стать объектом европейской колонизации, если бы не появился человек всемирно-исторического значения – Петр Великий.

Такого изменения в жизни народа и огромных последствий его реформ, которые он осуществил, не встретишь, пожалуй, во всей истории человечества. Его воля вырвала Россию из Азии и сделала государством западного стиля в Европе. Он добился выхода России к мировым морям, вначале безуспешно через Азовское море, затем удачно через Балтийское море. Тот факт, что уже в то время был осуществлен выход к Тихому океану, был оставлен им без внимания. Балтийское побережье было для него «мостом в Европу». Там основывает он Петербург с символическим немецким названием. На месте старорусских рынков и резиденций, таких как Киев, Москва и Нижний Новгород, начинают строиться западноевропейские города. Администрация и законодательство осуществляется по зарубежному образцу. Из старорусского боярства были сделаны фео-

дальные дворяне, как в Англии и Франции. Над сельским народом поставили элиту с другой одеждой, с другими нравами, языком и мышлением. Фактически же в городах быстро сформировался высший слой с легким западным лоском. Ученость копировалась с немцев, а манеры – с французов. Западноевропейский рационализм перенимается неосознанно и становится настолько опасным, что уже немка Катерина вынуждена посадить в тюрьму и послать в ссылку таких писателей, как Новиков и Радищев, за то, что они попытались применить идеи Просвещения к России, к ее политическим и религиозным формам.

Изменяется и экономика: рядом со старым русским речным судоходством появляется морская торговля. Наряду со старыми торговыми привычками, например, Строганова посылать караваны в Китай и нижегородской ярмаркой, появляется западноевропейское денежное мышление с банками и биржами. Наряду с ремеслами и горным делом на Урале, которые осуществлялись примитивным способом, появляются фабрики с машинами, железные дороги и паровые суда.

Прежде всего, речь идет о появлении политики западного стиля, которая основывалась на армии, предназначенной не для борьбы с татарами, турками и киргизами, а для войн с европейскими армиями на европейской земле. Само существование Петербургской дипломатии постоянно порождало для Запада новые политические проблемы.

Несмотря на все свои недостатки, искусственное творение Петра в течение двухсот лет своего существования оставалось выдающимся явлением. То, что он построил, будет оценено только в будущем, на обломках его творения. Он расширил «Европу» до Урала, сделал ее единой культурой. Империя, простиравшаяся до Берингова пролива и Индукуша, была настолько сильно подвергнута европеизации, что в 1900 году города в Ирландии и Португалии мало чем отличались от городов в Туркестане и на Кавказе. В Сибирь ездили без опасений и комфортнее, чем в некоторые страны Западной Европы. Транссибирская магист-

раль стала последним триумфом и последним символом воли Петра.

Но эта сильная внешняя сторона скрывала внутренние проблемы. Петровская реформа была и остается чужда русским. В действительности, существовала не одна, а две России – кажущаяся и действительная, официальная и каткомбная. Чуждый европейский элемент привносил яд, от которого болело и погибло огромное государственное тело. Это был непонятный для истинно русского мышления дух западного рационализма XVIII века и материализма XIX века, существовавший в форме русского нигилизма городской «интеллигенции». Появился тип русского интеллигента, который, как и тип турка-реформатора, китайца-реформатора и индуса-реформатора, духовно и душевно прогнил и был опустошен до цинизма. Начиная с Вольтера, через Прудона и Маркса, эстафету здесь переняли Спенсер и Хэкель. Высший свет во времена Льва Толстого стремился представить себя духовно богатым, в действительности же был просто безверным и враждебным своим традициям. Это мировоззрение распространилось в крупных городах среди литераторов, народных агитаторов и студентов, которые «пошли в народ», вызвав тем самым ненависть к высшему обществу западного стиля. Результатом стал доктринальный большевизм.

В начале он был исключительно русской внешней политикой, на которую сразу обратили внимание на Западе. Русский народ не замечался и не понимался. Он был только этнографическим курьезом, который копировался на маскарадах и в опереттах. Россия была для нас державой западного стиля, иногда игравшей в большой политике ведущую роль.

Но здесь боролись внутри два течения: внутреннее – древний, инстинктивный, бессознательный и скрытый в душе каждого русского, насколько по-западному он не был бы образован, мистический зов на юг, в Константинополь и Иерусалим, действительный настрой «крестовых походов», свойственный нашим готическим предкам

и почти полностью отсутствующий у нас; и внешнее – официальная внешняя политика дипломатии великой державы: Петербург против Москвы! Здесь важную роль играла потребность быть в «Европе» признанным и равноправным. Отсюда – вежливое обращение, изысканные манеры и вкус, которые в Париже, начиная с Наполеона III, постепенно опошляются. Но эти русские не любили ни один из западноевропейских народов. Им удивлялись, их ценили, над ними подшучивали, их ненавидели, но относились к ним практически, в зависимости от того приносят ли они пользу или вред для России. Отсюда уважение во время освободительной войны к пруссакам, которых хотели использовать и смех над предвоенными старческими призывами Франции к реваншу. Для интеллигентного и тщеславного высшего слоя Россия была будущим духовным и политическим господином Европы. Русская армия находилась на западной границе, обученная вести бой с западным противником и на западной территории. Поражение в войне с Японией 1905 года отчасти было вызвано тем, что армия не была готова вести войну в других районах. Этой политике служила и система дипломатической почты в европейских столицах, которую советское правительство заменило на агитационные центры коммунистических партий. Катерина Великая захватила Польшу и убрала тем самым последнее препятствие между Востоком и Западом. Кульминацией этой политики был символический парад Александра I в Париже как «спасителя Европы». На Венском Конгрессе и в Священном альянсе Меттерниха Россия играла решающую роль как защитница традиции против западной революции. Эту политику начал Николай I в 1949 году в государстве Габсбургов для поддержания там порядка. В результате Петербургская дипломатия все больше вмешивалась в большую европейскую политику. Она принимала участие во всех интригах и комбинациях, которые были совершенно чужды и непонятны простым русским. Русская армия на западной границе стала самой многочисленной в мире, хотя после Наполеона ни одна

страна не собиралась нападать на Россию. Европейские страны стали искать дружбу с Россией, чтобы использовать вес русской армии в своих политических играх, и способствовали тем самым росту амбиций российского общества и его большим усилиям, направленным на нерусские интересы. Все мы выросли с убеждением, что Россия является европейской державой и что области по другую сторону Волги являются колониями. Но образованные русские думали так же. Они считали поражение на Дальнем Востоке 1905 года простым колониальным приключением, в то время как малейшее поражение на западной границе воспринималось как позор в глазах Запада. На Юге и на Севере был создан флот, который был предназначен не для защиты побережий, а для того, чтобы играть важную роль в большой политике Запада.

Но уже турецкие войны по «освобождению» христианских балканских народов очень сильно затронули русскую душу. Мистической мыслью при этом была идея о том, что Россия может стать наследницей Турции. Об этом не было никаких дипломатических разногласий. Это была воля Бога. Турецкие войны стали народными. Александр I не без оснований опасался в 1807 году заговора среди офицеров. Весь офицерский корпус выступал тогда за войну с Турцией, а не с Наполеоном, что привело к союзу Александра I с Наполеоном в Тифлисе, определившему мировую политику до 1812 года. Примечательно, что война 1877 года сильно взволновала Достоевского, а не Толстого. Он непрестанно писал свои метафизические видения и проповедовал религиозную миссию России в Византии. Последнюю часть «Анны Карениной» Русский Вестник отказался печатать, поскольку не хотел показывать общественности скепсис Толстого.

Как уже было сказано, даже образованные, неверующие, по-западному мыслящие русские имели всеобщий мистический зов в Иерусалим: идею «Третьего Рима» киевского монаха, которая, как и миссия апостола в Риме и Лютера в Виттенберге, призвана служить Христу. Этот

почти бессознательный инстинкт всех русских направлен против любой силы, которая встает на пути политического продвижения через Византию в Иерусалим. В то время, как для Запада речь здесь шла только о национальном тщеславии, а Восток был вообще равнодушен, для русских все это мистически затрагивало душу народа и глубоко ее волновало. На этом основан успех славянофильского движения, которое стремилось повлиять не на поляков и чехов, а только на балканских славян, живущих недалеко от Константинополя. Священная война против Наполеона и поджог Москвы были вызваны не разграблением русских областей, а планами Наполеона захватить иллирийские провинции (современная Югославия), после того как он в 1809 году захватил контроль над Адриатическим морем и тем самым усилил свое влияние на Турцию. Вместе с Турцией и Персией он рассчитывал расчистить путь в Индию. Ненависть, направленная на Наполеона, переместилась затем на династию Габсбургов, которая имела планы захвата турецких областей (начиная с Меттерниха – устье Дуная, а с 1878 – Салоники). Она распространилась после Крымской войны и на Англию, которая закрыла проливы и, захватив Египет и Кипр, также претендовала на наследие Турции.

И, наконец, объектом этой глубокой ненависти, не основанной на практическом смысле, стала Германия, которая из союзника все больше и больше превращалась в защитницу государства Габсбургов и, несмотря на предостережение Бисмарка, строила планы на Балканы. Не была правильно понята и мысль Графа Витте, этого последнего дружественно настроенного по отношению к Германии дипломата, о том, что необходимо выбирать между Австрией и Россией. Германия могла восстановить дружбу с Россией, как только отказалась бы от тесного союза с Австрией. В 1911 году новая ориентация всей немецкой политики, пожалуй, была еще возможна.

Начиная с Берлинского Конгресса, эта ненависть к Германии распространяется по всему российскому обществу, когда Бисмарк, в интересах сохранения мира и равно-

весия «европейских» держав, попытался удержать русскую дипломатию. С точки зрения Германии, это было, пожалуй, тогда верно, в любом случае это было выражением большого политического мастерства Бисмарка; но в глазах Петербурга это была ошибка: русские надежды на турецкое наследие рухнули, и области получили Англия и Австрия. Этот душевный настрой русских присутствовал во всех дипломатических расчетах. Ненависть к Германии охватила все слои русского общества. Она была временно отвлечена Японией, которая выводила мировую политику на новый уровень, а Дальний Восток делала опасной зоной. Но это было быстро забыто вследствие гротескной некомпетентности немецкой политики, которая, не понимая ни положения вещей, ни своих возможностей, предложила идею оси Берлин–Багдад, стремясь захватить ненужный ни для ее политики, ни для экономики путь через Константинополь.

Точно так же и в экономической жизни России присутствовали два течения: внешнее – наступательное, внутреннее – пассивное. Это, прежде всего, старорусское крестьянство с допотопным сельским хозяйством. Сюда же следует отнести и старорусского купца с его ярмарками и баржами по Волге, как и русских ремесленников и самобытных горнозаводчиков Урала, которые, совершенно независимо от западных технологий, использовали старинные методы литья. Здесь литье металлов было открыто во втором тысячелетии до нашей эры, о чем немного знали греки. А сверху все сильнее распространялся цивилизованный мир, западная экономика с ее банками, биржами, фабриками и дорогами. Денежная экономика и товарная экономика ненавидят друг друга, ведут между собой постоянную борьбу на поражение. Но петровское государство нуждалось в денежной экономике, чтобы оплатить свою большую политику западного стиля, армию, чиновничество с его примитивной коррупцией, которая является частью товарной экономики, в отличие от западной скрытой коррупции, как, например, у западноевропейских парла-

ментариев. Государство поддерживало и укрепляло направленное на Запад экономическое мышление, которое в России оставалось непонятым, но вводилось и терпелось в виде коммунистического экономического учения, связанного с марксистским капитализмом низших классов, которое в петровском государстве распространялось как непонятное евангелие для студентов и массовых агитаторов.

Но не это доктринальное литературное течение в низших слоях больших городов было решающим для будущего, а глубоко инстинктивное, религиозное отрицание вообще всех западных экономических форм. «Деньги» и все связанные с ними экономические формы, как капиталистические, так и коммунистические, воспринимались как греховные и сатанинские – чувство, которое в Европе готического времени было направлено против экономической практики арабско-еврейского мира и привело к запрету для христиан брать проценты. То, что на протяжении веков на Западе стало уже пустой фразой в проповедях, является в России сегодня духовной проблемой. Многие русские из-за «страха перед прибылью» покончили с собой, поскольку со своим примитивными чувствами и мышлением они не могли представить себе никакой формулы предпринимательства, которая не была бы направлена на «эксплуатацию» своих «ближних». Русское мышление видело в мире капитализма врага, яд великого греха, который приписывался петровскому государству, несмотря на глубокое уважение к батюшке царю.

Настолько глубоки и многообразны были корни мировоззрения русского нигилизма после Крымской войны, последним плодом которого стал большевизм, уничтоживший в 1917 году петровскую систему и заменивший ее на то, что на Западе было бы совершенно невозможно. В нем сидит ненависть верующих славянофилов к Петербургу и его духу, ненависть крестьян к «миру» – этому деревенскому коммунизму, который противоречил идущему от предшествующих поколений инстинкту собственности; ненависть к капитализму, ко всей индустриальной про-

мышленности с ее машинами и дорогами; ненависть к государству и армии, которые защищали этот циничный мир от русского инстинкта; древняя религиозная ненависть к непонятым безбожным силам, которые не надо менять, а надо уничтожить, чтобы жизнь снова пошла своим нормальным путем.

Крестьяне ненавидели «интеллигенцию» и ее агитаторов, как и то, за что они агитировали; а тем временем эта агитация вела к господству небольшой рой хитрых и низменных людей. Творение Ленина западно по своей сути, так же как и Петербург, который большинству русских чужд, что приведет однажды к его концу. Оно является протестом против Запада, исходящим из западного мышления, поэтому оно старается сохранить экономические формы промышленной работы, капиталистической спекуляции, авторитарное государство, а на месте царского правительства вводит частнокапиталистические экономические формы правления группы, скрывая государственный капитализм доктриной коммунизма.

Но эта новая победа Петербурга над Москвой была, без сомнения последней, поскольку она означает окончательный подрыв петринизма изнутри. Единственной жертвой ее является элемент, который надеялся в результате переворота освободиться: истинный русский крестьянин и ремесленник. Западные революции хотели нечто органически выросшее улучшить с помощью теорий, поэтому это им никогда не удавалось. Здесь же без сопротивления целый мир был уничтожен. Только искусственное творения Петра может дать объяснение этому. Иначе как бы маленькая группа революционеров, которые почти без исключения были трусливыми глупцами, могла оказать подобное действие, как если бы огромный пузырь неожиданно лопнул?

Таким образом, современный большевизм имеет двойной смысл. Он уничтожил искусственную систему, которая не опиралась на народ, но сам остался частью этой системы. Кроме того, он освобождает дорогу для новой культу-

ры, которая когда-нибудь вырастет на пространстве между «Европой» и Восточной Азией. Он является больше началом, чем концом. Временным, поверхностным и чуждым он останется, только пока он старается самоуничтожение петровской системы представить как планомерную смену общественной надстройки в соответствии с марксистской теорией. В глубине находится русское крестьянство, сыгравшее важную роль в революции 1917 года, хотя это часто отрицается интеллектуалами. Крестьяне поверили, не зная, что они являются смертельными врагами большевизма и что будут им эксплуатироваться сильнее монголов и старых царей; они все же использовали свою волю совершенно в другом направлении. Это народ будущего, который не даст себя задушить и извратить, хотя и в форме существующего большевизма будет медленно изменяться, разлагаться или уничтожаться. Как это произойдет, сегодня не может сказать никто. Во многом это будет зависеть от появления великих личностей – таких, как Чингисхан, Иван IV и Ленин, которые возьмут судьбу в свои железные руки. И здесь Достоевский не согласен с Толстым: он представитель будущего, в то время как Толстой – наш современник. Достоевского заклеили как реакционера, поскольку в своих «Бесах» он почти не заметил проблем нигилизма, которые были для него только частью петровской системы. Но Толстой, как человек из высшего света, жил в этом элементе, протестовал против Запада в западных формах. Толстой, а не Маркс, был действительным вождем большевизма. Достоевский же – его будущий победитель.

Без сомнения, здесь имеет место появление нового народа, который вследствие ужасной судьбы потрясен в своем душевном существовании и вынужден сопротивляться и укрепляться. Он будет таким религиозным, какими европейцы перестали быть уже несколько столетий. Он будет иметь огромную силу влияния, пока это религиозное стремление будет направлено на одну цель. Такой народ не считает жертвы, умирающие за идею, как это делаем мы,

поскольку он молод, силен и плодороден. Глубокое уважение к святым крестьянам, которых правительство ссылало в Сибирь или истребило другими методами, такие фигуры, как Иоанн Кронштадтский и Распутин, как Иван и Петр Великий, будут способствовать появлению нового вождя, который осуществит крестовые походы и сказочные завоевания. Мир вокруг ищет религию, устал творить без религии и, при определенных обстоятельствах, может получить другое лицо. Вероятно, сам большевизм не будет таким лидером, поскольку эта господствующая орда такая же, как во времена монголов, которая постоянно смотрит на Запад глазами Петра Великого и родину своих мыслей делает своей целью. Но молчащая глубинная Россия уже забыла про Запад и смотрит на Переднюю и Восточную Азию глазами материкового народа.

Интерес к Западу поддерживается только высшим слоем, который поддерживает и организует коммунистические партии в различных странах, по моему мнению, достаточно безуспешно. Это простое следствие марксистского учения, а не предприятие практического государственного искусства. Только большая ошибка внешней политики – например, если Германия объявит крестовый поход западных стран против большевизма в интересах французского и английского финансового капитала, – заставит взор России снова обратиться на Запад. Спокойное движение России направлено в Иерусалим и во внутреннюю Азию, и врагом будет тот, кто встанет у нее на пути. То, что благодаря основанном Англией балтийским государствам Россия может потерять свое влияние в Балтийском море, не несет в себе особых потерь. Петербург можно отдать как руины времен Петра. Старая Москва снова стала центром страны. Но развал Турции и деление ее на сферы влияния Англии и Франции, создание Францией с Румынией новой Антанты и попытки воссоздания государства Габсбургов, чтобы укрепить влияние на Дунае и Черном море, – делают Англию и, прежде всего, Францию ненавистными для России. Не является ли возрождение наполеоновских тенденций

и Березина последними великими символами движения в этом направлении? Византия есть и будет священными воротами будущей русской политики, и другая сторона внутренней Азии будет уже не завоеванной землей, а частью священного наследия русского народа.

Немецкая политика по отношению к быстро изменяющейся, растущей России должна быть тактически очень аккуратной, проводимой великими государственниками и знатоками; но таковых я сегодня не вижу. То, что мы не враги России, — это очевидно; но чьими друзьями мы должны быть — России сегодняшней или России завтрашней? Возможно ли дружить с обеими, или они исключают друг друга? Не принесут ли нам неосторожные связи новых врагов?

Так же непонятны и сложны наши экономические связи с Россией — как фактические, так и возможные в будущем. Политика и экономика являются совершенно разными областями жизни по их методам, целям и душевному значению, что в век практического материализма хотя и не признается, но в огромной степени остается верно. Экономика является объектом для политики, и она является вторым, а не первым, элементом истории. Тенденции современного и будущего развития русской экономики, которая на поверхности представляет собой государственный капитализм, а в глубине руководствуется почти религиозными установками, необходимо четко отличать от большой политики. Их трудно понять и еще труднее ими правильно оперировать из-за границы. Россия последних царей внешне выглядела, как экономическое образование западноевропейского типа. Большевицкая Россия также стремится быть такой, и в своем коммунистическом стиле даже считает себя образцом для Запада. Фактически же, с точки зрения западной экономики, Россия представляет собой огромную колониальную область, где русский на селе и в небольших городах работает, главным образом, как крестьянин и ремесленник. Индустрия и организованное ею

движение товаров по железной дороге, как и продажа через большие торговые сети, были и остаются там внутренне чуждыми явлениями. Предприниматель, менеджер, инженер и изобретатель не являются «русскими» типами. Истинно русский будет разрешать чужакам делать то, к чему он внутренне не способен, что запрещает себе, чтобы приспособиться к современным формам мировой экономики. Сравнение с временами крестовых походов покажет, что я имею ввиду. И тогда молодые народы севера были экономически чужды городу, жили полностью сельским хозяйством даже в маленьких городах, замках и резиденциях, которые выполняли роль рынков. Евреи и арабы были на тысячу лет «старше» и поэтому сидели в своих гетто, как знатоки столичной денежной экономики. Такое же положение в современной России имеют европейцы.

Машинная индустрия, в их понимании, — не русская и в будущем будет оставаться для русских чуждой, греховной и чертовской. Ее терпят, ее даже ценят как средство для достижения больших целей, как и в Японии; но, как гонят черта, но не идут за ним, так и здесь в ней видят лишь средство динамического чувства германских наций. Эта индустрия будет постоянно находиться в руках, или под руководством, иностранцев, но русский будет очень чувствительно относиться к вопросу о том, кому она служит.

Что касается «денег», то города в России играют роль рынков сельскохозяйственной продукции, в то время как для нас с XVIII века они являются центрами денежной динамики. Экономическое мышление «деньгами» будет еще долго невозможно для русских, и в этом смысле, как я уже говорил, Россия будет оставаться для зарубежной экономики колонией. Германия получит преимущества от своего соседства с Россией, прежде всего, если оба государства будут иметь общего врага в лице больших финансов государств Антанты. Но немецкая экономика не сможет получить все преимущества этого положения без поддержки со стороны правильной политики. Без этой поддержки может

произойти разграбление, способное оставить для будущего ужасное наследие. Политика Франции, благодаря садистическому характеру этого народа, на протяжении столетий была и остается близорукой и исключительно разрушительной. Но хорошей немецкой политики, которую можно было бы всерьез рассматривать, тоже пока не существует.

Поэтому первой задачей для руководителей немецкой экономики является упорядочить свою внутреннюю политику для создания предпосылок соответствующей внешней политики. Эта задача, именно в силу ее важности для экономики, пока не стала понятной. Речь идет не о приспособлении политических задач к сиюминутным интересам отдельных групп, как это имеет место в мелочной политике партийной борьбы. Здесь речь идет и не о выгоде на несколько лет. Довоенное сельское хозяйство и послевоенная промышленность совершенно безуспешно пытались использовать государственную политику для достижения мелких сиюминутных преимуществ. Но время мелкой тактики прошло. В следующем десятилетии речь пойдет о проблемах всемирно-исторического значения. И здесь экономика полностью зависит от уровня политики, а не наоборот. Руководители экономики должны научиться мыслить политически, а не «политэкономически». Предпосылкой для большой экономической работы на Востоке является, таким образом, порядок в собственной политике.

НОВЫЕ ФОРМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ¹ (1924)

В наше время любой, кто будет говорить немцам о мировой политике, должен быть готов услышать возражение, что время большой политикой для нас окончательно миновало после того, как Бисмарк едва осилил ее. У нас нет больше армии и флота. Мы находимся под дипломатическим контролем враждебных нам стран. Мы пережили экономическую катастрофу, масштаб которой еще не поняло не только большинство немецкого народа, но даже наши хозяйственные руководители. Можно ли в этих условиях вообще рассуждать о мировой политике? Мы – государство, которое со времени переворота 1918 года перестало играть какую-либо роль в комбинациях мировой политики, разве что как объект для интересов других держав. Право на собственные решения признается за любыми мелкими и средними государствами, но только не за нами. И в самой Германии есть много людей, целые партии, которые прославляют все это как спасение, как прогресс. Люди, считающие себя политиками только потому, что они получают министерские оклады и депутатские суточные надбавки, или потому, что они являются избирателями, считают самым важным обсуждение внутривнутриполитических мелочей. Тем не менее, именно в силу вышеперечисленных обстоятельств, для нас в данный момент не существует ничего более важного, чем мировая политика. Мы видим, как во всем мире, который впервые становится политически активным как некое целое, а не играет только пассивную роль в качестве фона для европейской политики, происходят события совершенно нового порядка. Они с нарастаю-

¹ Доклад, прочитанный 28 апреля 1924 года в Трансатлантическом клубе Гамбурга.

щей тревогой развиваются в новых формах, движутся к неизвестным целям, имеют непредсказуемые последствия. Мировая война не решила основные проблемы прошлого столетия; напротив, с нее начинается эпоха важных решений, о величии и ужасе которых никто не решается составить себе представление. Если присмотреться к современной ситуации, к событиям последних лет, то мы увидим, что повсюду возникают новые возможности, которые однажды могут получить решающее для нас значение. Даже если мы вынуждены будем запретить себе публично выражать некоторые свои надежды, то все-таки нам необходимо будет отказаться от той грязной брани, которая сегодня в Германии называется политикой, и обратить свой взор на весь мир, чтобы увидеть, что там происходит и в каком направлении развиваются события, которые однажды могут стать предметом наших надежд.

Современную политику Западной Европы определяет господствующее политическое положение Франции. Этот факт был еще в 1917 году совершенно невероятен. Во время войны Франция была тем государством, которое более других зависело от доброй воли своих союзников и которое погребло бы, если бы штыки и миллиарды англосаксонского мира не спасали его снова и снова из самой крайней опасности. Уже до войны французский народ, вследствие недостаточной рождаемости, занимал предпоследнее место по численности населения среди великих держав, и очень в скором времени – как это и случилось сегодня – должен был бы занять среди них самое последнее место. Составившийся, усталый, желающий только спокойно потреблять свою ренту и при этом заниматься немного литературой и любовью, он предназначен был к тому, чтобы с концом XIX века, как Испания с окончанием XVIII века, выбыть из рядов живых великих держав. Умные французы – Ренан, Флобер и Золя – давно уже предчувствовали и высказывали это. Со времен Ватерлоо французский народ не произвел ни одной новой политической идеи. В то время, как другие великие державы, и даже не столь круп-

ные народы, вступали в последнюю четверть XIX века с новыми идеями (например, новый смысл колониальной политики, который поставил международные отношения, а тем самым и морскую войну, на новый уровень, используя в стратегических целях расчленение береговой линии континентов), французский народ жил, фактически, одним, сугубо отрицательным чувством – чувством реванша. Но реванш – это идея совершенно ретроспективная, старческая и неплодотворная, которая показывает, что народ начал жить только собственными воспоминаниями о прошлом. Уже эпоха Наполеона III была не чем иным, как дурным повторением более значительных дней. И вот совершенно внезапно в конце 1918 года происходит событие, давшее этому народу неожиданный толчок, который должен был вызвать неожиданные последствия в состарившейся французской душе. За один год Франция забыла, кто в действительности был победителем. Утвердилось мнение, что войну выиграла одна Франция и что эта победа дает ей права на то, чтобы и результатами войны воспользоваться совершенно единолично, не считаясь со своими союзниками. Начиная с этого времени, мы наблюдаем, как французская политика с величайшим успехом и все более целенаправленно стремится к тому, чтобы сделать свою страну безусловным центром мировых интересов. Цели, которые с тех пор обнаруживаются все с большей ясностью, также все без исключения стары, а частично и чужды. Создатели великих политических идей никогда не принимали во внимание французскую мысль – ни при Людовике XIV, когда эта мысль отсутствовала, ни при итальянце Наполеоне, когда она удовлетворяла только его тщеславие. Так называемые идеи революции – все без исключения – происходят из Англии, поэтому именно Англия могла бы претендовать осенью 1918 года на единоличный успех. Тогда, без всякого сомнения, английские цели были бы новыми, направленными к новой политической организации мира. Англичане психологически привлекли бы на свою сторону также и противника. Французы этого вовсе не умеют и не желают.

Наполеон обновил французскую душу, когда избавил ее от плена благородных форм и условностей феодальной Франции. Он провел свои армии через большую часть Европы и перенес все племенное честолюбие французов в военную область, что с тех пор остается неизменным. Для настоящего француза, вчерашнего и сегодняшнего, существует только один вид славы – слава военная; а точнее говоря – тщеславие старого рубака, такого Сирано, за которым скрывается Тартарен. С тех пор существует только одна форма, в которой жажда этой славы может быть удовлетворена, – это садизм в отношении к побежденным. Если мы сравним с этим пример Англии, которая, жестоко проведя и лишь после долгого колебания военного успеха выиграв войну в Южной Африке, воспользовалась этой войной – как она предприняла великолепно задуманную попытку примирить с собою буров и сделать их в сердце англичанами; удалось ли ей это или нет – это другой вопрос; мы можем сказать только, что Франция с презрением отвергла бы подобную попытку. Если оккупированного нельзя трактовать как побежденного зверски, цинично, постоянно с издевкой напоминая о поражении, опустошая и без всякой собственной выгоды разоряя страну, бесчестя и безнаказанно оскорбляя, то такая победа ничего не значит. Таково основное чувство француза, которое, в конечном счете, привело к краху всемирного господства Наполеона, потому что он не мог уже удовлетворять этому чувству. Английские идеи революции, с которыми французские армии врывались в чужие страны, сначала заключали в себе некое очарование для народов этих стран; и только когда прошло 15 лет, а победитель все продолжал наслаждаться сознанием победителя, от Испании до России, – тогда ярость оскорбленных возмутилась и сокрушила систему.

Якобинцы освободили от пут низменный инстинкт французского народа, который держали в узде; пытались облагородить или, по крайней мере, обезвредить феодальных властителей «старого режима», который еще удерживал

вали Мирабо и иные из его соратников, и направили его вначале против собственного высшего общества, дворян и священников, дворцов и церквей, а затем против других наций. Корсиканец Наполеон, у которого были свои идеи, был неспособен организовать Европу, как это пытаются приписать ему немецкие демократы. Его армия, возникшая из якобинских войск, представляет подлинно французский тип. Она хотела сражаться, жечь, грабить, осквернять, мучить – и ничего более. Она была мужественна и презирала смерть, но только при этом условии. Наполеон знал, что армия была в его руках лишь до тех пор, пока он мог приносить в жертву своим солдатам целые страны. Поэтому с оставлением Москвы он погиб. С тех пор это чувство француза не изменилось. Там, где французы основывали колонии в других частях света, там они проливали больше крови, чем какая-либо другая нация, и достигли в колониальном отношении меньше, чем другие. Там, где они длительное время удерживали в своих руках некоторый успех на материке, они оставили следы, среди которых не было ни одного созидательного.

К этому нужно еще добавить, что не только способ наслаждаться своей победой, но и цели, которые ставили перед собою победители, оставались те же, что и сто лет назад. В XVIII столетии во французской политике еще было слабое, аристократическое, непопулярное при дворе и в народе направление, которое стремилось оспаривать у Англии ее господство на море. Пока были живы адмирал Сюффрен и министр иностранных дел Верженн, пока Франция владела областью Миссисипи и опережала Англию в Индии; но то и другое было утрачено в 1763 году. С Фонтенблосским миром начинается упадок Франции, хотя еще оставалась возможность того, чтобы на развалинах колоний Испании возникло не только английское, но и французское мировое господство. Утратив свои североамериканские колонии, Англия в 1789 году далеко не так твердо удерживала за собою свое положение владычицы морей вне пределов Европы.

Одна из тех черт французской революции, на которые до сих пор обращали слишком мало внимания, – это то, что она мыслила чисто внутриконтинентальными категориями (как жирондисты, так и якобинцы) и не проявляла ни малейшего понимания к вопросам стратегического противостояния на море. В самом начале революции произошла выдача Англии Тулонского флота восставшими роялистами. Ни одному из французских флотов не передалось то честолюбие, которое было во французских армиях. Французская революция была всецело континентальной; ее военные планы обращены были исключительно на соседние с Францией страны, а не на области, лежащие за океаном. Упоение дальними краями французу чуждо. Даже Наполеон I не мог пробудить в нации воодушевление к флоту, и французы остались единственным народом Западной Европы, который никогда не думал о мореплавании, открытиях и морской торговле в значительных размерах. Ее колонии всегда имели или военное значение, или вовсе не имели никакого. Эта черта осталась неизменной и привела к тому, что Англия могла считать Францию не столь опасным соседом на континенте, потому что видела, что она никогда не будет серьезной соперницей на море. Ограничиваясь чисто материковыми интересами, французская военная экспансия как в 1800 году, так и сегодня, и как при Людовике XIV, состояла в идее создания вдоль восточной границы Франции оборонительного пространства, в котором не могла бы удержаться никакая, сколько-нибудь серьезная военная сила. Это означает превратить Германию в груды развалин в функциональном, военном, политическом и, по-возможности, в экономическом отношении. Кроме этого, силовые стратегические линии, проходящие по европейскому материку, французская политика попыталась развить и твердо удерживать в своих руках.

Первая из этих линий обращалась к немецкому побережью Северного моря. Когда Наполеон после битвы под Йеной учредил великое герцогство Берг, он прямо наметнул своему зятю Мюрату, чтобы он, управляя этой стра-

ной, имея в виду тот факт, что речь идет только об этапе в дальнейшем пути. Великое герцогство располагалось как раз там, где сегодня находится рейнско-вестфальский индустриальный район. В следующем году Наполеон создал из других развалин немецких государств Вестфальское королевство, которое передал своему брату Жерому с поручением, рассматривать его как составную часть Французской империи. Финансовая администрация королевства в самом деле находилась в Париже в одном из отделений министерства финансов, а вестфальские войска с самого начала входили в состав одного из корпусов французской армии. Через Вестфальское королевство в 1810 году немецкое побережье Северного моря, Гамбург, Бремен и даже Любек были включены в состав Франции. Обсуждались планы прорыть Северо-восточный морской канал для контроля над Северным морем с побережья и прилегающих к нему областей.

Прошлым летом в журналах, близких к кругам французского военно-морского флота, неоднократно выражалось требование овладеть побережьем Северного моря, заняв Бремен и Гамбург. Нужно ясно понимать, что должна означать подобная оккупация при имеющихся в наши дни средствах военной мощи. Прежде всего, Германия, в нынешнем состоянии полной разоруженности, само собою разумеется, совершенно неспособна оказать ни малейшего сопротивления осуществлению подобного плана, если только этот план будет всерьез решено осуществить. Ударные колонны современной армии пройдут путь от Рурской области до Северного моря за один-два дня. Если же эти побережья, атаковать которые с моря вообще невозможно, окажутся заняты противником, который разместит там свои подводные лодки и авиационные эскадрильи, причем разоренность прилегающих к морю областей не будет играть для него никакой роли, то тогда самыми современными средствами будет достигнута блокада южного берега Северного моря, которой Англия никак не сможет противодействовать.

К захвату второй из этих силовых линий первым приступил, хотя и безуспешно, Наполеон, после того как Людовик XIV вообще не понимал всего масштаба инициатив, направленных к берегу Северной Африки и ведущих через Египет в Сирию, т.е., в благоприятном случае, к господству над Турцией. Однако во времена Наполеона экспедиция на Нил была возможна только при успехе рискованной затеи – обхода английского флота. И в самом деле, попытка прорваться из Египта далее потерпела неудачу в тот момент, когда французский флот был уничтожен при Абукире. Сегодня обстоятельства изменились. Франция располагает в северо-западной Африке огромным сплоченным блоком, который можно достигнуть кратчайшим морским путем, через Корсику. Военные интересы и здесь также намного перевешивают хозяйственные. Благодаря тому что Франция наделила цветных жителей правами французского гражданства и ввела там всеобщую воинскую повинность, у нее сегодня есть возможность использовать в военных целях 50–60 миллионов негритянского населения так же, как она пользуется 39 миллионами белых французов. Один французский генерал совершенно откровенно сказал, что в военном отношении французская нация насчитывает по эту и по ту сторону Средиземного моря 100 миллионов человек. Со времени окончания войны огромная, и все еще растущая, масса цветных получила образование на армейской службе и научилась мыслить в категориях европейской тактики. Она ясно осознает, где пролегает граница действия белых войск, если они имеют дело с черными войсками превосходящей численности и такого же уровня подготовки. К этому следует добавить, что национализм среди цветного населения Африки вызывается к жизни не только военной политикой Франции, но и сознательно поддерживается еще с двух других сторон; впрочем, с весьма различными целями. Негры Соединенных Штатов Америки ведут, прежде всего через Либерию, чрезвычайно мощную пропаганду под девизом: «Африка для африканцев», – пропаганду, которая ощущается вплоть

до Нила и до области рудников. С другой стороны, столь же действенную пропаганду проводит ислам, когда, одновременно с обращением больших масс негров, распространяет далеко за линию экватора то сознание, которое внедряет в своих сторонников современный, ставший политически активным ислам: сознание единства в борьбе против белых народов. К этому присоединяется большевистская агитация, преимущественно из Индии через Восточную Африку, и подготовка ее христианским миссионерством, — прежде всего англиканской Церкви, которая проповедует неграм равенство всех людей перед Богом.

Тем самым достигнуто то, на что еще не мог рассчитывать Наполеон, и о чем он никогда не думал: Африка как целое перестала быть простым объектом политики и начинает все более и более ощущать себя ее субъектом. Если сеть стратегических железных и автомобильных дорог, запланированных французами, будет расширяться, проникнет из Западной Африки через озеро Чад в области Нила и Конго и пойдет в направлении, которое уже едва не привело однажды к войне между Францией и Англией в Фашоде (1898), — то совершенно невозможно предвидеть, в каком направлении устремится ударная сила этой огромной массы пробудившегося цветного населения. И если в каких-нибудь будущих разногласиях между белыми державами цветные примут ту или другую сторону — эту возможность им впервые продемонстрировали во время мировой войны, — то при известных обстоятельствах исход дела может зависеть только от позиции этого стратегически бесконечно важного пространства и его населения, которое готово почувствовать себя единой нацией. Это один из примеров того, как европейская держава кует оружие, которое в будущем может выскользнуть из ее рук и будет использовано для ее уничтожения.

Наряду с этими северными и южными линиями следует принять во внимание среднюю линию, которую также впервые заметил и разработал Наполеон: сухопутную дорогу, ведущую вниз по Дунаю в Константинополь и Пе-

реднюю Азию. Она является причиной того, почему сегодня, как сто лет назад, главная идея французской политики состоит в раздроблении Южной Германии, три государства которой представляют собою, как известно, военные креатуры Наполеона, нуждавшегося здесь в укреплении против Австрии, и в создании ряда зависимых государств вплоть до Дунайского устья. Уже в 1683 году осада Вены турками была предпринята вследствие ободряющих жестов со стороны Франции. В 1809 году Наполеон занял иллирийские провинции, сегодняшнюю Югославию, и обдумывал мысль вызвать восстания в Богемии и Венгрии, которые привели бы к возникновению зависимых от Франции государств. Великое герцогство Варшавское, как и сегодняшняя Польша, находилось в вассальной зависимости от Парижа. Основная причина того, почему Александр I разорвал свой союз с Наполеоном, который в 1807–1812 годах господствовал в большой политике, состояла в угрозе нижнему Дунаю. В 1812 году Россия заняла Бессарабию. Франция пытается сегодня господствовать на Дунае, ставя вновь созданные или увеличенные государства в зависимость от себя с помощью военных кредитов, побуждая их содержать чрезмерно большие армии под французским руководством и обучением, и одновременно наполняет их экономику французскими капиталами. Здесь создана грандиозная операционная база, безраздельно господствующая над средним и нижним течением Дуная, над Черным, Адриатическим и Эгейским морями, и каждый, кто сегодня бросит взгляд на карту, обнаружит, что линии, пролегающие не только из Югославии в Румынию, но и из Румынии в Польшу, осуществляют старые планы Наполеона.

Когда в 1811 году Наполеон готовил вторжение в Россию, союзом с Турцией он создал такую же базу: фронт, проходивший от Балтийского до Черного моря; и цель его состояла в том, чтобы оказывать на Восточную Европу французское давление.

Благодаря тому что Франция имеет господствующее положение в Северной Африке и одновременно по Дунаю

вплоть до Черного моря, что через гавани Прованса и Алжира, Югославии и Румынии и, наконец, Сирии, где Наполеон потерпел некогда неудачу при Акко, она способна контролировать флоты других держав, так что Средиземное море оказывается охваченным с обеих сторон. Тем самым все важнейшие выходы в Переднюю Азию поставлены под контроль Франции, и в наши дни совершенно безразлично, какая именно вторая держава непосредственно владеет этим выходом. Фактически, над ним господствует Франция, владея внутренней областью Танжера и будучи поэтому в любое время способной запереть Гибралтарский пролив с юга. Эта система избегает постановки вопроса о господстве на море, а видит лишь основные континентальные силовые линии, чтобы обезвредить со стороны суши любые возникающие опорные базы флотов или их перемещения.

К этому необходимо добавить, что, для обеспечения этих силовых линий, требуется господство над сырьевыми районами, поставляющими материалы для континентального войска – уголь, железо и нефть. Сегодня положение таково, что Франция прямо или косвенно контролирует две трети материковых месторождений угля, – все равно, находятся ли они в Верхней Силезии, на Руре или в Сааре. Они все расположены так, что Франция имеет военные возможности для того, чтобы использовать производство угля в собственных целях. Это – система неплодотворного, безыдейного насилия, которая была восстановлена меньше чем за четыре года по наполеоновскому образцу и которая поддерживается с большой политической ловкостью.

С этой точки зрения, в ином свете предстает вторая проблема: вопрос о репарациях. С той же самой непринужденностью, с какой Франция приписала одной себе военные результаты войны, она высказала притязания и на финансовые последствия «мира» и фактически превратила вопрос о репарациях во французский вопрос. А поскольку описанная только что система, в соответствии с французским характером, опирается в военном отношении на

очень прочное, а в финансовом отношении — на очень слабое, основание, вопрос о репарациях, в конечном счете, становится главным. В самом деле, выплаты Германии следует понимать так, что Германия немецкими деньгами содержит на немецкой земле французскую армию, и что каждый новый миллиард выплат означает создание новых французских полков, авиационных эскадрилий и подводных лодок; что, следовательно, каждая попытка союзников Франции повысить выплаты представляет собою усиление французской военной мощи, ибо одни только эти средства в состоянии поддерживать за границами Франции эту грандиозную военную систему.

Но, возможно, скоро произойдет неожиданный поворот, если возобновится борьба, которую мы потеряли из виду со времени войны, но которая разгорелась со всей непримиримостью уже до войны: бессловесная, упорная, беспощадная борьба между политическим руководством государств и международными финансовыми магнатами, желающими подчинить себе это руководство. Это же происходило в римском мире со времени Второй Пунической войны до дней Цезаря: попытка предоставить крупным политическим решениям совершаться внешне в пользу народов, в действительности же — в интересах власти денег, не привязанной к отдельным странам и народам, которая, в зависимости от того, предоставляет ли она кредиты государствам или нет, повышает задолженность государств или нет, хоронит или возвышает на бирже силу государств, — постепенно делает большую политику предметом банкирских соображений и биржевых спекуляций. Она превращает предоставление кредита в финансовый диктат, а потому саму политику — в коммерческое предприятие.

В ближайшие годы эта борьба, начиная с Америки, будет все более и более выходить на первый план политики. Мне нет надобности подробнее останавливаться на этих темах, но именно теперь очень важно, чтобы политики ясно отдавали себе отчет в том обстоятельстве, что Соединенные Штаты никогда не занимались действительной по-

литикой, коль скоро они и не являются государством в собственном смысле слова, но что их политика с 1865 года без всякого исключения направлялась закулисными финансистами – до войны, во время войны и особенно сейчас, когда речь идет о том, чтобы придать финансовую форму итогам войны. Не экономика господствует над политикой, а финансовые магнаты господствуют над ними обеими. Является фактом, что вдруг сделался возможным, и даже вероятным, перенос проблемы репараций из плоскости борьбы между политическими силами в плоскость борьбы между политическими и финансовыми силами, с непредсказуемыми последствиями для экономики. Здесь, по крайней мере сегодня, Париж представляет политиков, Нью-Йорк – финансистов.

Неожиданно выясняется, что государственные руководители Англии со времен войны держатся совершенно с непривычной для них неуверенностью. Одна из причин этого очевидна. В то время, когда решается судьба Англии, ею правят вожди профсоюзов, – сначала совершенно лево-радикальный Ллойд Джордж, а сегодня Рамзей Макдональд. Здесь обнаруживается, что политическая школа, которую проходит внутриполитический деятель в народных собраниях, – это не та школа, которая нужна дипломату за рубежом. Талантливый агитатор масс не способен мыслить государственно. Сиюминутное превосходство французской дипломатии, которое доказывается сегодня с каждым днем, основано на том, что все сколько-нибудь значительные политические руководители Франции во времена Антанты достаточно близко познакомились с Петербургской школой. Если сегодня где-нибудь еще сохранились остатки дипломатии «большого», т. е. русского, стиля, так это в Париже. Эти дипломаты намного превосходят дарованием английских профсоюзных вождей, которые, вследствие победы одной партии, оказались вынужденными заниматься политикой, и все это произошло в тот момент, когда Англия нуждалась в изменении методов своей политики. Сможет ли Англия когда-либо возместить допущенную

в эти годы потерю времени, ибо исторические перемены идут вперед катастрофическими темпами?

Если мы оглянемся на предвоенное время, то от Ватерлоо до 1914 года существовала однородная, пребывающая в равновесии, система власти, в рамках которой принимались политические решения. Группа государств XVIII века, которой руководило известное число кабинетов, состоявших на службе у княжеских династий, была преодолена Наполеоном. На Венском конгрессе возник «концерт великих держав», основанный Меттернихом. Под великой державой в XIX веке понимали такое государство, которое известное число других государств признавали равным себе. Эти державы вели переговоры на равных только между собою. Они вступали в дружественные или враждебные отношения друг с другом, между ними возникала напряженность, и даже войны, но при любых обстоятельствах они строго сохраняли основы системы как таковой, то есть чтобы даже в случае большой победы победитель не перерос себе подобных. Возьму пример франко-германской войны. Другие великие державы, прежде всего Англия и Россия, немедленно и энергично вмешались бы, если бы была предпринята серьезная попытка устранить одну из них в качестве великой державы и тем самым возвысить другую державу над средним уровнем. Именно это обстоятельство с самого начала удерживало Крымскую войну, австро-германскую и русско-турецкую войну в известных границах относительно возможных последствий победы в ней. Эта система равновесия была настолько сильна, что вновь возникающие государства, такие как Германия и Италия, не изменили ее существующей формы. После испанской войны в систему вошла Америка, после китайской войны – Япония. Обе эти державы признаны остальными, и с этого времени они поддерживали условия равновесия.

Это равновесие поддерживалось ростом постоянных армий, а точнее – оно было одной из причин этого роста. Готовое разразиться борьбой соперничество постоянно откладывало свою разрядку до будущего повода. Эпоха по-

стоянных армий – и здесь я подхожу к самому важному – с необходимостью породила попытку создать равновесие и на море, – попытку, осуществлению которой Англия при любых обстоятельствах должна была воспрепятствовать. Одно государство за другим, не исключая и Германию, оказывались перед весьма серьезным вопросом: какую позицию ему следует занять в вопросах морского вооружения? Равновесие считалось неосуществимым, если воплощалось исключительно армией, которой на море не соответствовал флот. Вследствие этого не только оказывались невозможными определенные сухопутные операции, но можно было лишиться и финансово-экономических предпосылок ведения войны. Если на рубеже веков Австрию не воспринимали всерьез, то это объясняется тем, что австрийский флот был недостаточно силен даже для береговой охраны.

Вопрос о господстве на море был тайным и гнетущим вопросом всего XIX века. Этот факт тем примечательнее, что, ввиду гигантской численности армий, решающую победу искали именно на суше; а поскольку любое решение возлагало исключительную ответственность на политического руководителя, то никто уже не мог более охватить взором все последствия объявления войны. Начиная с 1870 года, появилась тенденция обойти этот факт, предвосхитив в той или иной форме решающий перевес на море. Сначала готовые нанести удар флоты – еще одно характерное для этого века явление – пытались превзойти друг друга по количеству соединений. Перед войной все крупные государства пытались опередить друг друга в темпе вооружений не только увеличением сухопутных войск, но и непрерывным усилением ударных сил флота, а следовательно, переносили акценты не в плоскость вооруженной борьбы, а в плоскость ее подготовки, в плоскость технических изобретений и финансовой состоятельности. Я убежден, что ни одна держава не принимала мысль о морском сражении настолько всерьез, как это само собой подразумевалось, когда речь шла об оперативных планах генеральных штабов в отношении сухопутной армии. Ибо едва

лишь современные флоты приобрели то оснащение, которое они, в основных чертах, сохраняют еще и сегодня, как на море началось состязание совершенно иного рода.

Поворотный пункт здесь приходится на эпоху гражданской войны в Америке. Тогда в борьбе северных штатов с южными в течение трех лет парусные суда были заменены паровыми, деревянные суда – броненосцами, легкая артиллерия – тяжелой и сверхтяжелой, и, наконец, появился торпедный катер, как новый вид оружия. К концу войны (1865) боевой флот был уже таким, каким он оставался до 1914 года: оснащенные самыми тяжелыми орудиями броненосцы стандартного типа. Но за это время началась та конкуренция, о которой мы только что говорили: не для того, чтобы рисковать применением чрезвычайно опасного и сомнительного, никогда по-настоящему не испытанного оружия¹, но использовать его таким образом, чтобы исход дела стал несомненен и без сражения. Начинается состязание за занятие и укрепление береговых линий во всех частях света, которые могли представлять собою надежную базу для такого флота; то есть за такие пункты, как Мальта, Аден, Сингапур, Гонконг, Порт Артур, Гавайи, Панама, Бермуды, на основании того простого соображения, что если какая-нибудь держава уверенно держит в руках эти пункты в одном из морей, то исход морской войны предрешен заранее. Вражеский флот вообще не может удержаться в этих водах. Это означает, что исход морской войны решается до начала войны, т. к. соперники противопоставляют друг другу свои опорные базы. Начиная с 1870 года такова была существенная черта европейской колониальной политики.

При занятии побережий, а именно в Африке, учитывались только экономические соображения. Речь шла о приобретении сырьевых областей и рынков сбыта. Но, наряду

¹ Победа Америки над Испанией и Японии над Россией на море была всего лишь уничтожением материально неполноценного и устаревшего флота.

с этим, все более решительно проявлялось желание получить под свой контроль те пункты побережья, которые приобретали стратегическое значение в случае войны. Когда в девяностых годах политики освоились с мыслью о разделе Китая на сферы влияния отдельных европейских держав, хозяйственные соображения поначалу не играли уже вовсе никакой роли в выборе занимаемых областей; единственное, что учитывалось, – это приобретение стратегических пунктов. В эти годы Порт Артур, Вэйхайвэй и Кьеу-чжоу были более важны, чем области угледобычи и крупные торговые города. Все это объясняется тем стратегическим фактом, который сейчас уже более не существует: для того, кто владеет побережьем, прилегающие к нему внутренние области составляют обеспеченное владение, ибо в Африке и в Азии не было ни единой державы, которая могла бы из глубины страны владеть побережьями или удерживать их в своей власти. Африка – в том числе государства буров и Египет – была, как мы сказали, исключительно объектом политики. Таким образом, занятие побережий означало овладение соответствующей сферой влияния в глубине страны, и вопрос об экономическом значении решался сам собою.

С тех пор в этом отношении произошла перемена в той же самой мере, в какой внутренние области Африки начинают обнаруживать собственные политические цели и наклонности, как в Южной Африке, где это недавно продемонстрировало свержение генерала Смита Гертцогом. Индия все отчетливее проявляет свое намерение взять свою судьбу в свои собственные руки, а большевистская агитация из России будоражит весь внутренний Китай. Все это сделало возможным захват побережья с обеих сторон – с моря и изнутри материка. Но в таком случае преимущество при любых обстоятельствах будет на стороне материка.

Время господства Англии на морях клонится к закату. Перед нами открывается возможность того, что судьбой мира в военном отношении завладеет величайшая материковая масса земли – блок Европа–Азия–Африка, и притом

сделает это по внутриматериковым линиям власти, так что прилегающие к континенту моря, эти прежние сферы господства Англии, будут уже не носителями стратегического решения, а – при определенных обстоятельствах – только его объектами. Английское господство на море в течение XIX века основывалось на том, что тот, кому принадлежало море, владел также и землей. Границами Англии в самом деле были побережья всех крупных морей. Возможно, что уже в середине этого века эта пропорция изменится на противоположную, а эпоху постоянных флотов и конкуренции за береговые пункты сменит другая эпоха. Теперь основной задачей является удерживание побережья из глубины материка при помощи авиационных полков и баз подводных лодок, что устраняет сам смысл существования боевого флота. Тем самым понятие господства на море было перенесено с флота на материк.

От судьбы внутренней Азии неотделима судьба России, которая сегодня вновь психологически и политически относится к Азии, и здесь обнаруживается коренное изменение всех форм мировой политики. Политика России, какую мы перед войной воспринимали как совершенно для нее естественную, опиралась на идею, возникшую исключительно в уме Петра Великого и противоречащую всему, что было психологической традицией русского народа. Петр Великий повернул направление русской политики от Сибири, Каспийского и Черного морей исключительно в сторону Западной Европы и Балтики. С тех пор в течение двух веков вся система внешней политики России опиралась на дипломатические миссии в западных государствах. Русской политикой было то, что осуществляли посланники в Берлине, Вене, Париже и Лондоне. Это было использование средств «Азии» для достижения целей, находившихся в Западной Европе; и эта система пришла к величайшему своему триумфу с окончанием господства Наполеона, когда Александр I вступил в Париж как освободитель Европы и учредил Священный Союз, то есть поставил под защиту России весь мир европейских государств.

В этом ничего не изменил большевизм в его наиболее старой форме, которую сегодня мы можем обозначать именем Ленина и которая, по моему убеждению, со смертью Ленина завершилась. Первоначальный большевизм, по всему своему интеллектуальному миру, да и по происхождению значительной части его адептов, является европейским, а это значит – западноевропейским. Он ничего не изменил в том обстоятельстве, что Азия по-прежнему используется как средство для достижения европейских целей. Место крупных дипломатических миссий, с которыми работал Петербург, теперь занимает группа коммунистических партий, с которыми работает Московское правительство, а идея Священного Союза продолжает жить в идее союза пролетариата стран Запада под Советской звездой. И теперь, как прежде, речь идет о том, чтобы в какой-либо форме подчинить Западную Европу русским интересам и поставить русские идеи на службу ее народам. Я полагаю, что со смертью Ленина это направление завершилось. Я убежден, что русско-азиатская империя, в какой форме она сформировалась в 1917 году и как она удерживалась в течение шести лет, держаться более не может, и нам не следует (как некоторое время нам приходилось допускать) рассчитывать на медленное развитие ее изнутри, которое создаст из ее нынешнего состояния некоторый устойчивый порядок. На русско-азиатской земле будут совершаться новые потрясения: религиозные, военные, политические и экономические, которые в России мы никогда не вправе полностью отделять друг от друга. Потрясения столь же глубокие и, быть может, более кровавые, нежели первые, ибо теперь на свет внезапно является сила, до сих пор молчавшая и потому незамеченная: русское крестьянство, которое было до Петра Великого, которое спало и ожидало в петровскую эпоху, спало и ожидало во время Ленина и сегодня является перед нами в очень глубоком религиозном брожении, – необозримое множество людей, готовое пробудиться. Под ним следует понимать не только то крестьянство, которое сидит на черноземе, но весь тот народ, который уже много веков живет на землях от Вислы до

Индии и Китая, и неважно, назовем ли мы его русским, татарским или монгольским; народ, над которым, как тень, прошли все исторические события и культуры со дней Чингисхана. До сих пор русские войска могли делать с ним, что хотели, но в нем время от времени замечались искры религиозного возбуждения, выражавшегося в появлении святых крестьян и пророков, которых правительство, по мере возможности, подавляло.

Невозможно избавиться от ощущения, что это антибольшевистское движение из-за того, что советские идеи утратили то политическое и хозяйственное очарование, которое было им свойственно вначале, и из-за того, что люди начинают воспринимать ужасные страдания этих шести лет уже не как жертву какому-то делу, а как жертву бесполезную, — укрепляется и обретает все более отчетливые формы. Взрыв метафизической страсти, чуть только как-нибудь и где-нибудь у него появится вождь, может совершенно внезапно стать политической волной, которая за несколько лет навсегда изменит облик Азии. Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что закончилось то время, когда, вследствие равновесия великих держав, действительные изменения могли осуществлять в Азии только постоянные войска в европейском стиле. Сегодня по всей Земле политическая власть и традиции всякого рода переживают такое разложение, что сравнительно небольшие силы способны вызвать совершенно исключительные по силе перевороты.

В свое время возможность такого рода напрашивалась весьма настоятельно после появления в Туркестане барона фон Унгерн-Штернберга, собравшего в 1920 году направленную против большевизма армию, с которой, спустя недолгое время, он сумел бы твердо удержать Среднюю Азию. Этот человек, безусловно, увлек за собою население обширных областей, и если бы он захотел, и если бы большевикам не посчастливилось устранить его, то невозможно предположить, каков был бы уже сегодня облик Азии. Если бы в эти годы явилось подобное войско воодушевленных приверженцев прирожденного вождя, авантюриста и завоевателя, каким был и Энвер Паша с лозунгом «Азия

для азиатов», то нет сомнения, что ни в Китае, ни в Индии оно не встретило бы себе серьезных препятствий. И пусть это звучит баснословием, ибо нам самим никогда не случилось встречать ничего подобного, но в истории такое бывало не однажды, и крах царизма в этой страшной его форме, явись он как пророчество за три года перед тем, показался бы всему миру сновидением безумца.

Нам следует принять во внимание, что единственное препятствие на пути подобного рода переворотов – система постоянных армий – потрясена и находится на грани исчезновения. Революционное настроение во всех странах изменило дух этих армий. Неизвестно, возможно ли еще где-нибудь провести всеобщую мобилизацию, не вызвав серьезных беспорядков. Таким образом, на горизонте появляется неясная возможность того, что внезапно тот дипломатический стиль, который сегодня, например, вызвала к жизни малая Антанта и который поддерживает большая Антанта, сделается совершенно невозможным вследствие того, что где-нибудь в Азии или в Африке произойдут изменения политической формы, какие до сих пор мы не решаемся допускать даже в наши теоретические рассуждения.

Ибо таков новый элемент большой политики: совершенно изменившееся влияние, которое во всех государствах белых народов внутренняя политика оказывает на армию, а тем самым и на внешнюю политику. С тех пор как крупные города стали подлинными носителями современной политики, мы наблюдали постепенное проявление того факта, что крупные рабочие партии, по сути своей, революционны и в своих методах также хотели быть, и должны были быть, революционными. В последние десятилетия перед войной это было почти совсем утрачено. Сколько бы партии в отдельных странах ни называли себя революционными и ни держались революционно, в их тактической мысли насилие уже почти не играло никакой роли. Об этом говорил Бернштейн в полемике с Бебелем. Все ясно осознавали, или думали, что осознают, будто постоянные армии представляли собою столь неодолимую силу, что сама мысль о насильственном противостоянии им лишена

смысла. Одной роты с автоматами было достаточно, чтобы держать в страхе тысячи бастующих, потому что люди не могли оценить действительную боевую силу этой роты. В мировую войну революционные элементы в крупных городах смогли накопить большой опыт относительно того, каков может быть исход вооруженного противостояния. Война, со множеством обстрелов и разграблений больших городов, проверила на деле, где проходят границы действительности регулярных войск в уличном бою. Она показала каждому, что при умелой обороне даже незначительными силами наши крупные города из камня можно превратить в объекты, которые трудно, или почти невозможно, захватить армии, применяющей все современные силовые средства.

Благодаря этому, во всех без исключения странах, в умах людей, называющих себя революционерами, снова возникло убеждение, что революцию можно осуществить только революционным путем. Во всяком случае, устарело мнение, согласно которому существуют только парламентские пути, выборы, голосования, баллотировка бюджета, в самом крайнем случае – всеобщая забастовка; то есть все традиционные формы внутренней политики становятся ненадежными, ибо эти формы опирались на едва осознаваемый консенсус в том, что противники подчинятся известной форме, даже если в частном случае она ведет к их поражению. Как только тот, кто не находит для себя более никакой выгоды от формы, перестает и уважать ее как таковую, то проводить конституционную внутреннюю политику оказывается вообще невозможно, и переговоры уступают место насилию.

Перед войной формальное равновесие партий, безусловно, было налицо во всех хорошо управляемых государствах Европы, даже в России, а сейчас это равновесие уже не может быть надежно обеспечено ни в одном государстве мира. Это факт, с которым должна считаться большая политика. Как бы мы ни оценивали его эмоционально, но даже в стране классического парламентаризма – в Англии – соотношение сегодня таково, что радикальные массы рабочих не питают серьезного уважения к парламентским

формам и всерьез не побоялись бы прибегнуть к внепарламентским средствам, если бы все прочие средства не вели более к поставленной цели. Это еще самый благоприятный случай, находится в остальных странах положение намного хуже. Поскольку на всякое действие – противодействие, это приводит к тому, что и в тех слоях общества, которые до сих пор сохраняли существующие внутренние формы в силу традиции, чувства права или пиетета к ним, все заметнее пропадает уважение к этим формам, потому что здесь пробивается осознание того, что форма, которую не уважает противная партия, вообще перестала быть чем-то таким, с помощью чего можно править государством. Сегодня мы наблюдаем, как правители либо переносят место принятия решений из парламента в окружение частных, но влиятельных личностей, в финансовые и военные круги, при видимом сохранении парламентских форм, или же не сохраняют парламентскую форму и пытаются теперь достигнуть с помощью каких-нибудь чрезвычайных положений того, чего не обеспечивает более сама конституция.

Мы видим, что сегодня большая политика все более и более приобретает сиюминутный характер. Она безотчетно реализуется отдельными личностями, которые пытаются внутри страны всеми доступными средствами обеспечить выполнение своих планов, что мы наблюдаем как в Италии и Испании, так и в России.

Мы вступаем сейчас в такую эпоху, когда и внешняя политика в той ее форме, которая развилась в течение столетий как нечто надличностное и которую мы так или иначе можем обозначить словами «легитимность», «конституция», «политическая традиция», «дипломатический стиль», – переходит в формы, возникающие из характеров отдельных личностей. О России мы можем сказать, что Советская республика была личной формой Ленина. В Южной Африке уже задолго до войны устройство группы государств было вполне личным выражением характера работы Сесила Родса. А сегодняшняя Италия соответствует политическому вкусу Муссолини. В этих явлениях заявляет о себе цезаризм будущего. Меттерних обнаружил глубокую про-

нительность относительно будущего, когда в 1820 году писал: «Я явился на свет или слишком рано, или слишком поздно; сейчас я чувствую себя ни на что не годным. Раньше я наслаждался бы временем, позже я послужил бы для того, чтобы строить вновь; сегодня я трачу свою жизнь на то, чтобы подпирать ветхие здания. Мне следовало родиться в 1900 году и видеть перед собою двадцатое столетие... Моя самая сокровенная мысль состоит в том, что Европа находится в начале своего конца. Решившись погибнуть с нею вместе, я сумею исполнить свой долг. Новая Европа, с другой стороны, еще только возникает; между концом и началом будет хаос».

Однако во времена Бисмарка и Гладстона это исчезновение традиции еще не созрело до размеров катастрофы. Тогда даже самой сильной личности приходилось употреблять подавляюще большую часть своей рабочей силы и энергии на то, чтобы работать в оковах и преодолевать сопротивление некоторой формы, которая, как таковая, была неколебима, чтобы вопреки всем препятствиям достичь желанной цели. Сегодня эти силы сопротивления более не существуют. Если бы Бисмарк правил сегодня, он, вероятно, должен был бы использовать свою рабочую силу целиком для достижения своей цели, а не тратить ее преимущественно на преодоление сопротивляющихся ему традиций. Политика будущего – будь то в Англии, России или Японии – будет осуществляться в условиях, когда отдельные личности крупного масштаба подчинят все своей индивидуальной воле. В случае, если таковых личностей не окажется, судьба любой страны может принять чрезвычайно трагический оборот, несмотря на все властные полномочия и конституционные формы.

Тем самым в будущем для Германии существует возможность, благодаря появлению выдающихся личностей, избежать всего, что представляется сейчас безнадежным. В эпоху, когда судьбу воплощают в себе индивиды, а не безличные формы, даже побежденная и наполовину уничтоженная страна может в один день подняться и обрести огромное значение. Но об этом можно говорить только вместе с Гамлетом: «Быть наготове – это все».

ГОДЫ РЕШЕНИЙ (1933)

Никто так не желал национального переворота последних лет, как я. С самого начала я презирал грязную революцию 1918 года, как предательство низменной части нашего народа по отношению к сильной, не использованной, воскресшей в 1914 году, которая хотела и могла иметь будущее. Все, что после этого я писал о политике, было направлено против сил, которые укрепились на горе нашей нищеты и несчастий с помощью наших врагов, для того чтобы сделать это будущее невозможным. Каждая строка должна была способствовать их падению, и я надеюсь, что так оно и было. Что-то должно наступить в какой-либо форме, для того чтобы глубокий инстинкт нашей крови освободить от этого давления, если мы намерены что-то сказать и сделать для важных решений будущего, а не быть только их жертвами. Большая игра мировой политики еще не закончилась. Самые высокие ставки будут делаться сейчас. Для любого, живущего сегодня народа речь идет о величии или уничтожении. Но события этих лет дают нам надежду на то, что этот вопрос для нас еще не решен, что мы — как во времена Бисмарка — когда-нибудь снова будем субъектом, а не только объектом истории. Мы живем в решающие десятилетия. Решающие — значит, страшные и несчастные. Величие и счастье двойственно, и выбор нам не дан. Никто не может быть счастлив, кто сегодня где-либо живет в мире, но многие могут пройти путь этих лет по своей воле в величии или в ничтожестве. Но кто хочет только удовольствий, тот не заслуживает быть здесь. Кто действует, часто видит недалеко. Его несет без осознания действительной цели. Он, вероятно, сопротивлялся бы, если бы увидел ее, но логика судьбы никогда не обращает внимания на желания людей. Гораздо чаще она ведет к помешательству, потому что часто человек создает ложную

картину окружающего мира. Великая задача знатока истории состоит в том, чтобы понять факты своего времени, и, исходя из них, предвидеть, указать, обозначить то будущее, которое наступит, хотим мы того или нет. Без творческой, предупреждающей, предостерегающей и направляющей критики эпоха такого сознания, как сегодняшнее, невозможна.

Я не буду браниться или льстить. Я воздержусь от любой оценки вещей, которые только что начали возникать. Правильно оценить события можно только из далекого прошлого, когда окончательно успех или неудача стали фактами, то есть спустя десятилетия. Зрелое понимание Наполеона было невозможно до конца прошлого века. О Бисмарке мы не можем даже сегодня дать окончательное мнение. Только факты прочны, оценки же колеблются и меняются. И, наконец, великие события не нуждаются в оценке современников: История сама оценит, даже если никого из участников уже не будет на свете.

Но сегодня уже можно сказать с определенностью: национальный переворот 1933 года был насильственным и останется таковым для будущего, осуществленный с помощью элементарной внешней силы, а не внутренней дисциплиной. Он был насквозь прусским, как и выступление 1914 года, породнившее на какой-то момент души. Немецкие мечтатели возвысились спокойно с импонирующей очевидностью и открыли дорогу будущему. Поэтому тот, кто идет вместе с ними, должен понимать: это была не победа, потому что не было врага. Перед силой восстания исчезло все, что оставалось еще сделать. Это было обещание будущих побед, которые должны быть одержаны в тяжелой борьбе, для которых сейчас подготавливалось место. Всю ответственность вожди взяли на себя и должны знать, или постараться понять, что это означает. Эта задача полна невиданных опасностей, находящихся вне Германии, в мире войн и катастроф, где решает все только большая политика. Германия, как никакая другая страна, связана с судьбами других стран; она, как никакая другая, не может

управляться, основываясь только на собственных интересах. И, кроме того, это не первая национальная революция, которая здесь произошла – Кромвель и Мирабо были ее предшественниками, – но это первая революция, которая происходит в политически слабой стране, находящейся в очень опасном положении, что усложняет сложность задач до бесконечности.

Эти задачи редко осознаются, не понимаются и не решаются. Сейчас нет ни времени, ни повода для упоения и триумфа. Горе тем, кто путает мобилизацию с победой! Движение только началось, еще не достигло цели, и великие вопросы времени остались теми же. Они касаются не только Германии, но и всего мира; это проблемы не ближайших лет, а столетий. Опасность состоит в том, что положение видится слишком простым. Воодушевление не согласуется с целями, которые касаются нескольких поколений, но именно с них начинаются действительные исторические решения.

Захват власти произошел в вихре силы и слабости, поэтому я беспокоюсь глядя на то, как он ежедневно шумно празднуется. Правильнее было бы сэкономить это ликование для настоящих и решающих, т. е. внешнеполитических, успехов. Других не существует. Если когда-нибудь это произойдет, то наверняка те, кто сделал первый шаг, будут или мертвы, или забыты, или опозорены, если кто-нибудь не вспомнит о них. История не терпит сентиментальности, и горе тем, кто сентиментален!

Любое событие с таким началом скрывает в себе множество возможностей для развития, которые его участниками редко осознаются. Оно может остановиться на принципах и теориях или перейти в политическую, социальную и экономическую анархию, или же безрезультатно вернуться к своему началу, как это произошло в Париже 1793 года. После порыва первых дней, который часто уничтожает последующие возможности, как правило следует разочарование и неуверенность в «следующем шаге». К власти приходят элементы, которые упиваются властью

и стремятся увековечить свое положение, носящее временный характер. Правильные мысли гипертрофируются фанатиками до абсурда. Что вначале казалось великим, заканчивается трагедией или комедией. Мы хотим указать на эти опасности трезво и заблаговременно и чтобы быть умнее, чем некоторые поколения прошлого.

Но если здесь должен быть заложен прочный фундамент великого будущего, на котором смогут строить грядущие поколения, то нельзя обойтись без поддержания старых традиций. Ибо только то, что мы получили от наших отцов с кровью, то есть идеи без слов, придадут прочность будущему. То, что несколько лет назад я назвал «пруссачеством», что сейчас нашло свое подтверждение, — очень важно, а не какие-то типы «социализма». Нам нужно воспитывать в себе прусское поведение, каким оно было с 1870 по 1914 годы и которое постоянно дремлет в глубине нашей души, как некая возможность. Этого можно достичь только через живой пример и нравственную самодисциплину руководящего слоя, а не через пустое многословие или грубое насилие. Чтобы служить идее, нужно уметь управлять самим собой и быть внутренне готовым к жертвам. Кто путает это с духовным давлением какой-нибудь программы, тот не знает, о чем идет речь. Хотел бы напомнить свою работу «Пруссачество и социализм», где я в 1919 году впервые указал на эту нравственную необходимость, без которой невозможно создать ничего долговечного. Все народы сохранили свой характер, только сохраняя свое прошлое. У нас нет такого воспитывающего прошлого, поэтому мы должны наш характер, который находится в нашей крови, вначале разбудить, раскрыть и воспитать.

Этой цели посвящена данная работа, первая часть которой представлена в этой книге. Я делаю то, что и всегда: не создаю желаемую картину будущего и, еще в меньшей мере, программу для ее достижения, как это модно у немцев; но ясно рисую картину фактов, каковы они есть и какими они будут. Я вижу дальше, чем другие. Я вижу не только большие возможности, но и великие опасности, их истоки

и, может быть, способы их избежать. И если у кого-то не хватает мужества сказать то, что он видит, то это сделаю я. У меня есть право на критику, потому что я с помощью ее предсказывал, что произойдет, потому что это должно произойти. Решающие действия уже начались. Нельзя изменить то, что стало фактом. Сейчас мы все должны идти дальше в этом направлении, хотим мы того или нет. Сказать «нет» было бы близоруко и трусливо. Что не хочет делать человек, его заставит сделать история.

Но чтобы сказать «да», нужно понимать, о чем идет речь. Этому должна послужить эта книга, как предупреждение перед опасностями. Опасности есть всегда; любое действующее лицо сталкивается с опасностями, сама жизнь есть опасность, и тот, кто судьбу государств и наций связал со своей собственной судьбой, должен признавать эти опасности, что требует величайшего мужества.

Книга эта возникла из доклада на тему «Германия в опасности», который я прочитал в 1929 году в Гамбурге, не встретив при этом большого понимания. В ноябре 1932 года я приступил к переработке текста, при этом положение Германии оставалось неизменным. До 30 января 1933 было напечатано 106 страниц. Я ничего не стал менять, поскольку пишу не на год, но для будущего. Что истинно, не может быть отменено через отдельное событие. Только название я изменил, чтобы избежать непонимания: опасность не в этом захвате власти, опасности существуют уже давно, с 1918 года, и даже еще раньше, и они продолжают оставаться, потому что они не могут быть устранены отдельным событием, а требуют годы правильного развития. Германия в опасности. Моя тревога за Германию не уменьшилась. Мартовская победа была слишком легкой, чтобы победители поняли меру опасности, ее причины и длительность.

Никто не знает, как, в каких формах и кем будут осуществляться эти изменения, и какие последствия они будут иметь для внешней политики. Всякая революция ухудшает внешнеполитическое положение страны, и для того чтобы

этого не допустить, нужны государственные деятели такого высокого ранга, как Бисмарк. Может быть, мы находимся перед Второй мировой войной с неизвестной расстановкой сил и непредсказуемыми последствиями, перед новыми военными, экономическими и революционными целями и средствами. У нас нет времени ограничиться внутривнутриполитическими проблемами. Мы должны быть «в форме» и готовы для любого поворота событий. Германия – не остров. Если мы не будем видеть в нашем отношении к миру важнейшую для нас проблему, судьба – и какая судьба! – безжалостно перешагнет через нас.

Германия играет важную роль не только вследствие своего географического положения на границе с Азией – этой важнейшей, с точки зрения мировой политики, части света; но и потому, что немцы еще достаточно молоды, чтобы решать всемирно-исторические проблемы, в то время как другие народы Европы слишком стары, и закостенели, и не могут организовать нечто большее, чем защита. Но и для великих проблем справедливо, что нападение дает больше надежд на победу.

Об этом я пишу, но будет ли это иметь желаемое действие?

*Освальд Шпенглер.
Мюнхен, июль 1933 г.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ

ГЛАВА 1

Имеет ли сегодня какой-либо представитель белой расы представление о том, что происходит вокруг него на планете? о величине опасности, которая нависла над массой этих народов и угрожает им? Я не имею в виду образованное и необразованное общество наших городов, читателей газет, тупиц, голосующих на выборах, — хотя между выбираемыми и выбирающими давно уже нет разницы в общественном положении. Но я говорю о ведущих слоях белых наций, которые еще не совсем уничтожены; о государственных людях, насколько таковые еще имеются; о настоящих руководителях политики и экономики, армии и мысли. Видит ли кто-нибудь дальше этих лет, дальше своей части света, своей страны, дальше узкого круга своей деятельности?

Мы живем в трудное время. Наступила великая историческая эпоха не только для фаустовской культуры Западной Европы с ее невиданной динамикой, но и для всей мировой истории, которая важнее и плодотворнее времен Цезаря и Наполеона. Но как слепы люди, через которых эта могучая судьба бушует, закруживая, поднимая и уничтожая их. Кто из них видит и понимает, что с ними и вокруг них происходит? Может быть, старый мудрый китаец или индус, который молча, с тысячелетним прошлым духовного мышления, смотрит вокруг себя? Но как плоско, как узко, как мелко думают обо всем, что касается суждений и мероприятий, происходящих в Западной Европе и Америке! Кто из жителей среднего Запада Соединенных Штатов действительно что-то понимает в том, что происходит по другую сторону Нью-Йорка и Сан-Франциско? О чем может догадываться представитель английского среднего класса, что готовится на континенте, не говоря уже о человеке из французской провинции? Что нам известно о на-

правлении, в котором движется наша собственная судьба? Здесь появляются такие смехотворные лозунги, как преодоление экономического кризиса, взаимопонимание народов, национальная безопасность и самостоятельность, для того чтобы «преодолеть» катастрофы в объеме нескольких поколений с помощью собственности и разоружения.

Я говорю здесь о Германии, которой штурм происходящих событий угрожает, как никакой другой стране, и чье существование в страшном смысле слова поставлено под вопрос. Какая близорукость и непроницаемая пошлость здесь господствуют, что за провинциальные точки зрения высказываются, когда речь идет о величайших проблемах! Основывают ли внутри наших пограничных столбов третий Рейх или советское государство; отменяют ли армию, собственность и руководство экономикой и сельским хозяйством; дают ли отдельным мелким странам как можно больше самостоятельности или устраняют их; позволяют ли старым господам промышленности и управления снова руководить в стиле 1900 года или, наконец, делают революцию, прокламируют диктатуру, для которой уже найден диктатор, — четыре дюжины людей чувствуют себя уже давно созревшими для этого, и все прекрасно и хорошо.

Но Германия не остров. Никакая другая страна в такой степени реально и болезненно не вплетена в судьбу мира. Уже ее географическое положение, ее недостаток в естественных границах, принуждает ее к этому. В XVIII и XIX веках она была «серединкой Европы», в XX веке она снова стала, как в XIII веке, пограничной страной против «Азии», и никто так не нуждается в политическом и экономическом мышлении дальше своих границ, чем немцы. Все, что происходит вдали, отдается до глубины в Германии.

Но наше прошлое мстит за эти 700 лет, полных бедствий провинциальных мелких государств, без оттенка величия, без идеи, без цели. Это нельзя восполнить в два поколения. И творение Бисмарка содержало в себе ошибку, что подрастающее поколение не воспитывалось для новых форм нашей политической жизни¹. Их видели, но их не по-

¹ Politische Schriften. S. 227.

нимали, не связывали их внутренне со своими горизонтами, проблемами и новыми обязанностями. С ними не жили. И средний немец смотрит, как и прежде, на судьбу своей большой страны партийно и ограниченно; то есть плоско, узко, тупо, захолустно. Это мелкое мышление началось с того момента, когда кайзеры династии Штауфенов, с их взглядом, идущим далее Средиземного моря, и Ганза, господствовавшая от Шельды до Новгорода, вследствие недостатка реальной политической поддержки в стране были вытеснены другими более сильными державами. С тех пор люди закрылись в свои бесчисленные маленькие родины, в свои мелочные интересы; мерили мировую историю по своему горизонту и мечтали жадно и жалко о каком-то заоблачном государстве, для чего и придумали выражение «немецкий идеализм». К подобному мелкому немецкому мышлению относится почти все, что касается политических идеалов и утопий в болоте Веймарского государства, все интернациональные, коммунистические, пацифистские, ультрамонтанские, федералистские, «арийские» желаемые картины святой империи, советского государства или Третьего рейха. Все партии полагают и поступают так, как если бы Германия была одна во всем мире. Профсоюзы не видят дальше своей отрасли промышленности. Колониальную политику они презирали, поскольку она не вписывалась в схему классовой борьбы. В своей доктринерской ограниченности они не понимали, или не хотели понять, что промышленный империализм 1900 года именно для рабочего был предпосылкой его существования, поскольку сохранял обмен продуктов и добычу сырья, что английским рабочим давно уже стало ясно. Немецкая демократия увлеклась пацифизмом и разоружением вне сферы французского влияния. Федералисты хотели бы и без того маленькую страну превратить в связку карликовых государств старого образца, для того чтобы дать возможность чуждым государствам настраивать их одно против другого. И национал-социалисты думают все сделать без других стран и вопреки им и верят, что смогут построить свои воздушные замки без молчаливого, по меньшей мере, но очень чувствительного противодействия извне.

ГЛАВА 2

К этому прибавляется еще и всеобщий страх перед реальностью. У нас от нее ужас на лице, хотя мы очень редко, чаще всего никогда, ее не понимаем. Это духовная слабость последнего человека высоких культур, которые отрезаны в своих городах от крестьянства материнской земли, и тем самым отрезаны от естественных переживаний судьбы, времени и смерти. Он стал слишком бодрствовать, привык к вечному обдумыванию вчера и завтра и не переносит того, что он видит и должен видеть: неизменный ход вещей, бессмысленный случай, действительную историю с ее безжалостными шагами через столетия, в которых отдельный человек врос безвозвратно со своей мелочной жизнью на определенном месте. Это то, что он хотел бы забыть, опровергнуть, оспорить. Он бежит из истории в одиночество, в выдумывание, в чуждые миру системы, в любую веру, в самоубийство. Он прячет, как страус, свою голову в надежды, идеалы, в трусливый оптимизм: это так, но так не должно быть, значит – это не так. Кто ночью воет в лесу, делает это из-за страха. Из-за такого же страха вытекает сегодня трусость городов в своем мнимом оптимизме в этом мире. Они не способны больше переносить реальность. Они ставят на место фактов желаемую картину будущего – хотя история никогда еще не заботилась о желаниях людей – от детской страны с кисельными берегами до мира во всем мире и рабочего рая взрослых.

Так мало мы можем узнать о будущих событиях – только общую форму будущих фактов и их шаги через время, которое можно вывести из сравнения с другими культурами. Верно лишь то, что движущими силами в будущем будут те, что были в прошлом: воля сильного, здоровый инстинкт, раса, воля к владению и к власти; а на этом колеблются бездейственные мечты, которые всегда останутся мечтами: справедливость, счастье и мир.

К этому в нашей культуре еще прибавляется с XVI века быстро растущая невозможность большинства видеть становящиеся постоянно запутанными и непросматриваемыми

события и ситуации в большой политике и экономике, понять действующие в ней силы и тенденции, не говоря уже о том, чтобы овладеть ими. Истинные политики встречаются все реже. В своем большинстве все, что было сделано в этом веке, но не произошло само по себе, было сделано полужайками и дилетантами, которым везло. Но они не всегда могут доверяться народам, чьим инстинктам они удовлетворяют. Сегодня эти инстинкты очень слабы, многословная критика самодовольного незнания стала достаточно сильной, и потому возрастает опасность, что истинные политики и люди знающие не будут инстинктивно одобряться или хотя бы ворчливо терпеться, но встретят сопротивление во всем, что необходимо сделать. Первое мог испытывать Фридрих Великий, последнее было судьбой Бисмарка. Величие и творение таких вождей могли оценить только последующие поколения, и даже не они. Но речь идет о том, что современность ограничивается неблагодарностью и непониманием и не переходит к противодействию. Особенно немцы велики в том, чтобы не доверять творческим начинаниям, придираются к ним из-за мелочей, срывать их. Исторический опыт и сильные традиции, какие имеются у англичан, у них отсутствуют. Народ поэтов и мыслителей хочет стать народом болтунов и подстрекателей! Любой настоящий государственный руководитель непопулярен вследствие страха, трусости и незнания современников, но даже чтобы это понять, нужно быть нечем большим, чем «идеалист».

Мы живем сегодня в веке рационализма, который начался в XVIII столетии и в XX веке быстро идет к своему концу¹. Все мы его творения независимо от того, знаем мы это или нет. Это слово знакомо всем, но кто знает, что с ним связано? Это надменность городского, оторванного от корней духа, которым не руководят более сильные инстинкты и который презирает полнокровное мышление прошлого и мудрость старых крестьянских поколений. Это время, когда всякий может читать и писать и поэтому хо-

¹ Untergang des Abendlandes II. München, 1924. S. 374.

чет сказать свое слово, считая, что он лучше всех понимает. Этот дух занимают понятия, которые являются новыми богами этого времени, и он пытается критиковать мир: он никуда не годится, мы можем его сделать лучше, составим программу этого лучшего мира! Нет ничего проще, если есть у человека дух. Осуществление придет само собой. Мы назовем это «прогресс человечества». Если имя есть, то, значит, это имеет место. Кто в этом сомневается, тот ограничен, реакционер, еретик; по крайней мере – человек без демократических достоинств, поэтому прочь его с дороги! Так страх перед действительностью преодолевается духовным высокомерием, темным незнанием жизни, душевной бедностью из-за недостатка уважения; наконец – чуждой миру тупостью, потому что нет ничего тупее лишенной корней городской интеллигенции. В английских конторах и клубах она называется *common sense*, во французских салонах – *esprit*, у немецких ученых – *die reine Vernunft*. Плоский оптимизм филистеров от образования начинает не бояться, а презирать элементарные факты истории. Всякий, считающий себя знающим, хочет вставить их в систему, далекую от действительности, дополнить ненужными понятиями, в душе сделать их подчиненными, потому что он больше не переживает их, а только познает. Эта доктринерская склонность к теориям из-за недостатка опыта, лучше сказать – из-за недостаточного дарования делать опыт, выражается литературно во все новых набросках политических, социальных и экономических систем и утопий; практически – в яростном стремлении что-либо организовывать, которое становится абстрактной самоцелью, ведущей к бюрократии, которая, в свою очередь, разлагается в своей пустоте или уничтожает жизненный порядок. Рационализм, в принципе, есть не что иное, как критика, а критик есть противоположность творца: он разлагает и составляет; чувство и созидание ему чужды. Поэтому его продукт – искусственный, безжизненный и убивающий, когда сталкивается с реальной жизнью. Все эти системы и организации возникли на бумаге методически и абсурдно и живут только на бумаге. Это началось во времена Руссо

и Канта с философских, теряющихся во всеобщности идеологий; затем это в XIX веке приводит к научному конструированию с помощью естественнонаучных, физических, дарвинистских методов — к социологии, политэкономии, материалистическому пониманию истории — и теряется в XX веке в сочинительстве тенденциозных романов и партийных программ.

Не надо себя обманывать: как идеализм, так и материализм в равной мере могут быть отнесены к этому течению. Оба они насквозь рационалистичны: Кант не меньше, чем Вольтер и Гольбах, Новалис — так же, как Прудон; идеологи освободительных войн — так же, как и Маркс; материалистическое понимание истории в той же мере, что и идеалистическое, ибо то, что для одних «смыслом» и «целью» прогресса является техника, «свобода», «счастье большинства», а для других — развитие искусства, поэзии и мышления, — не имеет большого значения. В обоих случаях не заметили, что историческая судьба зависит совсем от иных, более важных сил. История человечества есть история войн. Из немногих настоящих историков высокого уровня ни один не стал популярным, а среди политиков — только Бисмарк, и то только тогда, когда ему это уже не помогло.

Но так же, как идеализм, материализм является романтикой, выражением рационалистического зазнайства из-за недостаточного понимания действительности. Они в своей глубокой основе родственны, и трудно найти у какого-либо политического или социального романтика границу между этими направлениями мышления. В каждом значительном материалисте прячется романтик¹. Конечно, презирается холодный, плоский, методический дух других, но этого достаточно у них самих, для того чтобы теми же средствами проявлять высокомерие. Романтика является признаком не сильных инстинктов, но инстинктов слабых, самого себя презирающего интеллекта. Они все инфантильны, эти ро-

¹ «Мировые загадки» Хекеля, например, является книгой чистого мечтателя и слабого логика. Ибо эта вера, которая сильнее всех доказательств, является характерной чертой мечтателя.

мантики, мужчины, которые долго или навсегда останутся детьми. У них нет сил для самокритики, но есть вечные торможения из-за смутного сознания личной слабости, и, движимые больными мыслями, они стремятся изменить общество – которое для них слишком мужское, слишком здоровое, слишком трезвое – не с ножом и револьвером, как в России, а с благородными речами и политическими теориями. Плохо им, если у них недостает художественного дарования, чтобы внушить себе недостающую формирующую силу. Но и здесь они женоподобны и слабы: они не могут написать большого романа, сильной трагедии, тем более логичной сильной философии; а только – внутренне бесформенную лирику, бескровные схемы и фрагментарные мысли, чуждые и ненавидящие мир до абсурда. Таковыми же были вечные «юноши» после 1815 года с их старонемецкими юбками и табачными трубками, – такие как Ян и Арндт; даже Штайн не смог настолько усмирить свой романтический вкус к старому государственному порядку, чтобы из своего большого практического опыта получить дипломатический успех. Конечно, они были героически благородны, готовые в любой момент стать мучениками, но они слишком много говорили о сущности немцев и слишком мало – о железных дорогах и таможенных союзах; и поэтому для действительного будущего Германии они были только помехой. Вы слышали о великом Фридрихе Листе, который в 1846 году покончил с собой, потому что никто не понимал и не поддерживал предвиденные им цели реальной политики – создание немецкой национальной промышленности? Но имена Арминия и Туснельды были известны всем.

И точно такие же вечные юноши снова сегодня здесь, без какого-либо опыта и доброй воли, но скорые на руку писать и говорить о политике, воодушевленные униформой и значками, с фанатической верой в какую-нибудь теорию. Существует социальная романтика мечтательного коммунизма; политическая романтика, считающая цифры выборов, упоение от массовых речей делами; и промышленная романтика, вытекающая из теории денег больных мозгов,

без каких-либо познаний внутренних форм реальной промышленности. Они чувствуют себя только в массе, в которой можно потопить смутное чувство своей слабости, умножая себя. И это они называют преодолением индивидуализма.

Все они, как все рационалисты и романтики, сентиментальны, как уличная песенка. Уже общественный договор (contact social) и права человека происходят из века чувствительности. Бурке, как истинный государственный деятель, по праву подчеркивал в противоположность этому, что они там, на другой стороне, требуют свои права не как люди, а как англичане. Это понималось практично и политически, а не рационалистически из невоспитанности чувств. Дело в том, что скверная сентиментальность, понижающая все теоретические течения этих двух столетий – либерализм, коммунизм, пацифизм, все книги, речи и революции, происходит от душевной несдержанности, личных слабостей, недостаточного отбора через строгую старую традицию. Она «буржуазная» или «плебейская» в худшем смысле этих слов. Она видит человеческие дела, историю, политическую и экономическую судьбу снизу, мелко и мелочно, из окна подвала, из ложбины, из литературного кафе, из народного собрания, а не с высоты и дали. Любой вид величия, все что возвышается, господствует, превосходит, – ей ненавистно, и построение означает для нее в действительности разложение всех творений культуры, государства, общества до уровня маленьких людей; разложение всего, что не удовлетворяет ее малодушному чувству. Только это является сегодня народным, угодно народу, ибо «народ» в устах всякого рационалиста и романтика означает не оформленную, сформированную судьбой в течение долгого времени историческую нацию, но часть плоской бесформенной массы, которую каждый находит себе равной, – от «пролетариата» до «человечества». Это господство городского, не имеющего корней духа подходит сегодня к концу. В качестве последнего способа понимания вещей, как они есть на самом деле, возникает скепсис, основывающийся на сомнении в значении и смысле теоретического мышления, в его способности критиче-

ски и понятийно что-либо заключить и принести что-либо новое в практику; этот скепсис есть форма большого исторического физиогномического опыта, неподкупного взгляда на вещи, действительного знания людей, которое учит, каков человек был и есть, а не каким он должен быть; это истинное историческое мышление, которое, кроме всего прочего, учит, как часто были такие эпохи сильной критики и как они безуспешно проходили; глубокое уважение перед фактами истории, внутренне имеющимися и остающимися тайнами, которые мы могли только описать, но не объяснить, и которые практически могут быть поняты только людьми сильной расы, когда они сами являются историческими фактами, а отнюдь не сентиментальными программами и системами. Это жесткое историческое знание фактов, начинающееся в этом веке слабыми, необузданными натурами, нетерпимо. Они презирают того, кто его признает, и называют пессимистом. Ну и ладно бы, но этот сильный пессимизм, которому принадлежит пренебрежение к людям всех великих людей дела, знающих природу человека, есть нечто совсем иное, чем трусливые, мелкие, усталые души, боящиеся жизни и не выносящие взгляда на действительность. Желательная жизнь в счастье, в мире, вне опасности, в сплошном удовольствии – скучна, годится только для стариков, и, кроме того, только лишь в уме представляема, но не в действительности. На этих фактах, на действительности истории, любая идеология теряет свое значение.

ГЛАВА 3

Что касается современного положения в мире, то нам грозит опасность неправильно его оценивать. Со времен гражданской войны в Америке (1865), француско-германской войны (1870) и викторианского времени до 1914 года распространилось такое невероятное состояние покоя, безопасности, мирного и беззаботного прогрессивного бытия среди белых народов, что во всех веках не найдется ничего подобного. Кто это пережил и от других об этом

слышит, поддается склонности считать такое состояние нормой, а беспорядочную современность рассматривать как помеху такого состояния, и желает, чтобы когда-нибудь «наконец-то вновь все пойдет вверх». Но это не пройдет. Подобное никогда не повторится. Неизвестны причины того, почему это положение, не способное долго длиться, проходит: факт, что имеющие и все растущие войска делают войну столь неконтролируемой, что ни один государственный деятель не хочет ее вести; факт, что техническая промышленность находилась в лихорадочном движении, которое быстро должно было закончиться, потому что оно натывается на быстро исчезающие условия; и, наконец, тот факт, что через эти два факта тяжелые, нерешенные проблемы нашего времени все время ухудшались и отодвигались на сыновей и внуков, как злое наследство, последующим поколениям, до тех пор пока совсем перестали верить в их существование, хотя они и постоянно растущим напряжением угрожают будущему.

Длительную войну выносят немногие, без того чтобы душевно не разложиться; длительный мир не выносит никто. Это мирное время с 1870-го по 1914 годы и воспоминания о нем сделали всех белых людей сытыми, жадными, безучастными, неспособными переносить несчастье: последствия видны в утопических представлениях и требованиях, с которыми выступает сегодня любой демагог, с претензиями к времени, к государствам, к партиям, прежде всего «к другим», без того чтобы даже вспомнить о границах возможного, об обязанностях, о достижениях и отказах. Это слишком затянувшееся спокойствие, при трясущейся от растущего возбуждения земле, есть страшное наследие. Ни один государственный деятель, ни одна партия, ни один политический аналитик не чувствует себя настолько уверенным, чтобы сказать правду. Все они лгут, все сливаются в один хор не знающей массы, хотя политики и руководители промышленности должны лучше знать об ужасной действительности. Но каких вождей имеем мы сегодня в мире! Этот трусливый и нечестный оптимизм объявляет каждый месяц о «возвращающейся» конъюнкту-

ре и собственности (prosperity); как только несколько спекулянтов недвижимостью дают курсу быстро вырасти, — объявляют о конце безработицы, если кто-нибудь примет на работу сто человек. И, конечно, говорят о достигнутом «понимании» народов, если Лига Наций — эта толпа отдыхающих, паразитирующих на Женевском озере — принимает какое-либо решение. На всех собраниях и во всех газетах слово «кризис» понимается как выражение проходящей помехи для удовольствий; тем самым люди обманывают себя относительно того факта, что речь идет о катастрофе с необозримыми последствиями — этой нормальной форме для больших исторических изменений.

Но мы живем в ужасное время. Величайшее в жизни европейской культуры, — такое же, какое античный мир пережил со времен битвы при Каннах и до Актиума; время, связанное с такими именами, как Ганнибал, Сципион, Гракций, Марий, Сулла, Цезарь¹. Мировая война была для нас только первым проблеском грома из грозowych облаков, которые судьба приносит на эти века. Форма мира в самой своей основе изменяется сегодня, как и тогда, в начале Римской империи, не обращая внимания на волю и желание «большинства» и не обращая внимания на число жертв, которых потребует такое решение. Но кто понимает это? Кто в состоянии это перенести? Кто считает счастьем принять участие в этом? Это великое время, а люди так мелочны. Они не способны более переносить трагедии ни на сцене, ни в действительности. Они желают счастливого конца в романах — жалких и усталых, как они сами. Но судьба, бросившая их в эти десятилетия, берет их за шиворот и делает с ними все, что должно быть сделано, хотя того они или нет. Трусливая безопасность с начала прошлого столетия подходит к концу. Жизнь в опасности есть действительная историческая жизнь, она снова вступает в свои права. Все пришло в движение. Сейчас важен только тот человек, который смел и имеет мужество видеть и принимать вещи такими, какие они есть на самом деле. Придет

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 518.

время — нет, оно уже пришло! — которое не оставляет больше места для мягких душ и слабых идеалов. Древнее крестьянство, спрятанное и связанное века под строгими формами высокой культуры, просыпается снова сейчас, когда культура завершается и начинается цивилизация. Оно несет с собой такую здоровую воинственную радость за свои силы, которая презиралась в литературе сытого века рационалистического мышления: всякий непрерывающийся инстинкт расы хочет жить по-другому, а не под воздействием прочитанной книжной массы и книжных идеалов. В западноевропейской народности живет еще дух так же, как и в американских прериях, и поэтому на великой североазиатской равнине растут покорители мира.

«Пессимизм» ли это? Кто так думает, тому необходима благая ложь или покрывало из идеалов или утопий, чтобы устоять перед взглядом реальности и освободиться от него. Возможно, что это делает большинство белых людей в этом столетии. Ну, а в следующем? Их предки во времена переселения народов и крестовых походов были другие. Они презирали это как трусость. Из этой трусости перед жизнью возникли в индийской культуре в аналогичный период буддизм и родственные ему направления, которые у нас становятся модными. Вполне возможно, что здесь имеет место появление поздней религиозности в Западной Европе то ли христиански окрашенное, то ли нет; кто может это знать? Религиозное «обновление», которое приносит рационализм как мировоззрение, содержит в себе, по крайней мере возможность появления новых религий. Эти усталые, трусливые, состарившиеся души хотят убежать из этого времени куда-нибудь, чтобы через чудодейственные учения и обряды оставаться в беспамятстве; это не может позволить им христианская Церковь. Верю, потому что абсурдно (*credo quia absurdum*) — снова становится актуальным. Но глубина мировых страданий, чувство, которое так же старо, как и раздумывание о мире, осуждение абсурдности истории и ужасов жизни происходят не из самих вещей, а из размышлений больного ума о них. Оно есть уничтожающее суждение о мире и силе собственной души. Глубокий взгляд на мир не требует слез.

Имеет место нордическое мирочувствование – от Англии до Японии, – которое радуется именно в самые тяжелейшие моменты человеческой судьбы. Его воспитывают, чтобы побеждать. С гордостью погибают, если это чувство сильнее, чем собственная воля. Такие взгляды имеются в древнейших частях Махабхараты, повествующих о борьбе между Курусом и Пандусом, у Гомера – Пиндара с Ахиллом, в германских героических сказаниях и у Шекспира, в некоторых песнях китайского Шукунга и в кругу японских самураев. Это трагическое понимание жизни сегодня еще не утрачено и переживет в будущем новое цветение, которое уже показало себя в мировой войне. Поэтому все великие поэты всех нордических культур были трагиками, и поэтому трагедия через балладу и эпос явилась глубочайшей формой этого мужественного пессимизма. Кто не пережил трагедию, не может переносить ее, не может быть образом мировых событий. Кто не пережил историю такой, какова она есть в действительности, то есть трагичной, навеянной судьбой для глаза, ищущего во всем пользу, то есть без смысла цели и морали, – тот не в состоянии делать историю. Здесь различаются высший и низший духовные склады людей. Речь идет о том, что жизнь отдельного человека не важна никому в такой мере, как ему самому: убегают ли он от истории, или готов жертвовать для нее. История не имеет ничего общего с человеческой логикой. Гроза, землетрясение, поток лавы, которые без разбора уничтожают человеческие жизни, являются непланомерными элементарными событиями мировой истории. И если погибают народы и горят старые города, ставшие старыми культуры превращаются в развалины, то Земля продолжает спокойно вращаться дальше вокруг Солнца, и звезды идут по своему пути.

Человек есть хищник¹. Я буду всегда это повторять. Все эти образцы добродетели и социальные этики, которые отрицают это, являются хищниками со сломанными зубами; они ненавидят всех из-за нападков, но не самих себя. По-

¹ Der Mensch und die Technik. S. 14.

смотрите на них: они настолько слабы, что не могут прочесть книгу о войне; но они вместе идут на улицу, если случится несчастье, чтобы взволновать свои нервы кровью и криками; а если же они и на это не могут осмелиться, тогда они с удовольствием смотрят об этом в фильме и в иллюстрированных журналах. Если я называю человека хищником, то кого я при этом унижаю – человека или животное? Ибо великие хищники есть благородные создания совершенной формы и без лжи слабой человеческой морали.

Они кричат: «Никогда не будет войны!», но они хотят классовой борьбы. Они очень переживают, когда казнят матерого убийцу, но они втайне наслаждаются смертью своего политического врага. Что же они использовали против большевистских расправ? Нет, борьба есть древний факт жизни и сама жизнь, и не удастся даже самому жалкому пацифисту до конца истребить в своей душе удовольствие от борьбы. По меньшей мере теоретически, он хотел бы всех противников пацифизма наказать и уничтожить.

Чем глубже мы вступаем в эпоху цезаризма фаустовского мира, тем становится яснее, кто нравственно определен стать субъектом, а кто объектом исторических событий. Печальное шествие улучшателей мира, которое, начиная с Руссо, неуклюже проходит через эти столетия, закончилось, оставив после себя в качестве единственного памятника своего существования горы печатной бумаги. На их место приходят цезари. Большая политика как искусство возможного, далекое от всех систем и теорий, как умение знающе использовать факты, управлять миром, как искусный наездник при помощи нажатия на шпоры, – получает свои вечные права.

Поэтому я хочу здесь только показать, в каком историческом положении находится Германия и мир; как это положение вытекает с необходимостью из истории предшествующих столетий, с тем чтобы прийти неизбежно к известным формам и решениям. Это судьба. Ее можно отрицать, но при этом отрицаешь сам себя.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И СУПЕРДЕРЖАВЫ

ГЛАВА 4

«Мировой кризис» этих лет, о чем говорит уже само это выражение, понимается слишком плоско, легко и примитивно в зависимости от местности, интересов и горизонта судящих: как кризис производства, рост безработицы, инфляции, как следствие военных долгов и выплат по обязательствам, неверной внешней и внутренней политики и, прежде всего, как следствие мировой войны. Его можно было бы предотвратить, по мнению этих людей, при большей дипломатической честности и проворности. Говорят о тех, кто хочет войны, и о тех, кто виновен в ней, прежде всего, тогда, когда со стороны оценивают Германию. Конечно, если бы тогда Извольский, Пуанкаре и Грей предвидели современное состояние своих стран, то отказались бы от намерения полностью окружить Германию во время войны, когда начинали проведение стратегических операций 1911 года в Триполи и 1912 года на Балканах, ведущих к желаемым политическим результатам. Но, может быть, тогда страшная разрядка не только политического напряжения с несколько иным, менее ярким, разделением властей была бы задержана на одно десятилетие. Факты всегда сильнее людей, и круг возможного всегда очень узок даже для великого государственного деятеля, чем это полагает человек несведущий. Что же можно было бы исторически при этом изменить? Форму, темп катастрофы, но не саму ее. Она была необходимым завершением одного столетия европейского развития, которое приближалось с нарастающим напряжением со времени Наполеона.

Мы вступили в эпоху мировых войн. Она начинается в XIX столетии и будет продолжаться в нашем и, вероятно, в следующем веке. Она означает переход от системы государств XVIII века к мировой империи (*Imperium mundi*). Она соответствует двум ужасным столетиям между Каннами и Акциумом, во время которых эллинистические госу-

дарства, включая Рим и Карфаген, превратились в Римскую империю (*Imperium Romanum*). Все то, что относилось к античной цивилизации и сфере ее влияния – Средиземного моря, – ожидает и весь земной шар на неизвестный период времени. Империализм есть идея, независимо от того, понимают это ее носители и исполнители, или нет. Она в нашем случае, быть может, никогда не будет осуществлена до конца; она будет перекрещиваться с другими идеями, которые распространены вне мира белых народов, но она является как тенденция одной великой исторической формы во всем, что сейчас происходит.

Мы живем сегодня «между временем». Государственный мир Европы был в XVIII веке образованием строгого стиля, как и одновременные творения высокой музыки и математики¹. Он был благородной формой не только их существования, но и их поведения и убеждений. Везде господствовала старая и сильная традиция. Существовали благородные приличия в правлении, у оппозиции, в дипломатических и военных взаимоотношениях государств, в признании поражения в требованиях и уступках при заключении мирных договоров. Честь играла еще неоспоримую роль. Все происходило церемониально, учтиво, как на дуэли.

После того, как Петр Великий в Петербурге основал государство на западных формах², во всеобщем словоупотреблении западных народов появилось слово «Европа», и оно незаметно вследствие этого, как это всегда бывает, вкралось в практическое политическое мышление и стало исторической тенденцией. До того времени это слово было лишь ученым выражением в географической науке, которое после открытия Америки применялось при составлении географических карт. Примечательно, что Турецкая империя, бывшая тогда действительно великой державой, занимавшей весь Балканский полуостров и часть южной России, инстинктивно не была причислена к Европе. Сама Россия, в принципе, принималась только как правительство в Петербурге. Многие ли из западных дипломатов знали тогда об Астрахани, Нижнем Новгороде, даже о Москве,

¹ *Untergang des Abendlandes II.* S. 484.

² *Politische Schriften.* S. 112.

и причисляли их интуитивно к «Европе»? Граница западной цивилизации пролегла всегда там, где заканчивалась немецкая колонизация.

В этой «Европе» Германия образует середину – не государство, а поле битвы для действительных государств. Здесь решалось, большей частью немецкой кровью, кому должна принадлежать Передняя Индия, Южная Африка и Северная Америка. На Востоке лежали Россия, Австрия и Турция, на Западе – Испания и Франция, тонущие колониальные империи, у которых Англия отвоевала первенство: у испанцев окончательно в 1713 году, у французов – начиная с 1763 года. Англия стала ведущей силой в этой системе не только как государство, но и как стиль. Она стала очень богатой по сравнению с «континентом» – Англия никогда до конца не считала себя составной частью «Европы», и это богатство она использовала в форме наемных солдат, матросов и целых государств, которые за субсидии маршировали в интересах острова.

В конце столетия Испания прекратила свое существование как великая держава, и Франция вынуждена была следовать ей: оба народа, стали старыми, использованными, гордыми, но усталыми, обращенными к прошлому, без действительного честолюбия, которое нужно отличать от тщеславия, не способными в будущем играть творческую роль. Если бы осуществились планы Мирабо 1789 года, возникла бы сравнительно устойчивая конституционная монархия, которая довольствовалась бы удовлетворением старческого вкуса буржуазии и крестьян. Во время Директории страна, обессиленная и пресыщенная идеалами, была рада любому виду правления, которое обеспечит внешнее и внутреннее спокойствие. Тогда пришел Наполеон, итальянец, который сделал Париж основой для своих властных целей и создал в своем войске тип последнего француза, который еще в течение целого столетия сохранил за Францией титул великой державы: храбрый, элегантный, хвастливый, жестокий, полный радости при убийстве, грабеже, разорении, с размахом без цели, существующий лишь ради себя самого; так что все победы, несмотря на неслыханное кровопролитие, ни в малейшей степени не принесли пре-

имуществ Франции. Только слава выиграла при этом, но не честь. В принципе, это был якобинский идеал, который, в отличие от жирондистского идеала мелких собственников и обывателей, никогда не имел за собою большинства, но всегда имел власть. С этим идеалом вместо благородных форм старого режима (*ancien regime*) вошло в политику плебейство: нация как неделимая масса, война как массовый призыв, битва как растрата человеческих жизней, насильственные заключения мира, дипломатия адвокатских уловок без манер. Но Англии потребовалась вся Европа и все ее богатство, чтобы уничтожить это создание одного единственного человека, которое все же, как идея, продолжало жить дальше. На Венском Конгрессе победил еще раз XVIII век над новым временем, с этого времени это называлось «консервативный».

Это была только кажущаяся победа, чей успех все столетие постоянно ставился под вопрос. Меттерних, чей политический взгляд смотрел глубже в будущее, чем какой-нибудь другой политик после Бисмарка — что бы ни говорили о нем как о личности, — видел это с невероятной ясностью: «Моя тайная мысль есть та, что Европа стоит в начале своего конца. Я полон решимости погибнуть вместе с ней с сознанием выполненного моего долга. Новая Европа, с другой стороны, еще в становлении; между концом и началом будет хаос». Только для того чтобы этот хаос как можно дольше задержать, возникла система равновесия великих держав, начавшаяся со Священного союза между Австрией, Пруссией и Россией. Заключались договоры, искали союзы, проводились конгрессы, чтобы, насколько это возможно, предотвратить любые потрясения политической «Европы», которые она не выдержала бы. И если все-таки между отдельными государствами возникала война, сразу же вступали в игру нейтральные страны, чтобы при заключении мира сохранить равновесие, несмотря на незначительные изменения границ: Крымская война является этому классическим примером. Успешным было лишь одно новообразование — Германия: личное творение Бисмарка стало крупной державой как раз в самой середине старой системы государств. В этом видимом факте имеется

трагическое зерно, которое невозможно обойти. Пока правил Бисмарк — а он действительно правил в Европе в большей степени, чем некогда Меттерних, — ничего не изменялось в этой общей политической картине. Европа была предоставлена себе; никто не вмешивался в ее дела. Мировые державы, все без исключения, были европейскими. Но страх перед концом этого положения, которое Бисмарк называл кошмаром коалиций (*le cauchemar des coalitions*), все время присутствовал и управлял дипломатией всех входящих сюда государств. И тем не менее в 1878 году уже созрели все условия для Первой мировой войны. Русские стояли у Константинополя, Англия была готова вмешаться, Франция и Австрия — тоже; война тотчас бы распространилась на Азию и Африку и, возможно, на Америку, ибо Туркестан угрожал Индии; резко стоял вопрос о контроле над Египтом и Суэцким каналом, обострялись китайские проблемы; а за всем этим стояло начинающееся соперничество между Лондоном и Нью-Йорком, показывающее, что последний не забыл симпатии англичан к южным штатам во время Гражданской войны. Только благодаря личным способностям Бисмарка, решение этих великих вопросов власти, которые невозможно было решить мирным путем, отодвинулось в будущее. В результате этого появилась новая форма войны в виде взаимного стремления увеличить число солдат, вооружения, открытий, используемых финансовых средств, что с тех пор способствовало росту напряжения до непереносимого¹. Именно тогда, незаметно для Европы времен Бисмарка, с Мутсухито (1869), Япония начала превращаться в государство европейского стиля — с армией, тактикой и военной промышленностью, — а Соединенные Штаты сделали выводы из гражданской войны 1861–1865 годов, когда элемент поселенцев и владельцев плантаций был вытеснен углем, индустрией, банками и биржами: доллар начинал играть свою роль в мире.

С конца столетия распад этой государственной системы становится очень ясным, но не для руководящих политиков, среди которых уже не было ни одного сколько-нибудь значительного. Все они истощились в привычных комби-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 534.

нациях, союзах и соглашениях; все надеялись на внешнее спокойствие, чтобы продлить время своего нахождения у власти, которое поддерживают регулярные войска; все думают о будущем, как о продолжении настоящего. И во всех городах Европы и Америки раздавался триумфальный галдеж о «прогессе человечества», который ежедневно себя доказывал в постоянно растущей длине железнодорожных линий, в редакционных статьях, высоте фабричных труб, в радикальных результатах выборов, в толщине брони и пакетов акций в сейфах. Галдеж этот заглушал канонаду американских орудий против испанских кораблей в Маниле и Гаване и даже новых японских орудий навесного огня, которыми маленькие желтые люди, избалованные и превознесенные глупой Европой, доказали, на каких слабых опорах стояло ее техническое превосходство, и которыми они весьма убедительно напомнили об Азии, оцепеневшей на своих западных границах России.

Во всяком случае, Россия имела именно сейчас повод «заняться» Европой; было ясно, что Австро-Венгрия не переживет смерть кайзера Франца Иосифа. Вставал вопрос: в каких формах будет осуществляться переход к новому порядку в этих обширных областях, и возможен ли этот переход без войны? Кроме различных, друг друга исключających планов и тенденций внутри Дунайского государства, существовали намерения соседей, а сверх того — и ожидания более отдаленных государств, которые желали здесь конфликта, чтобы как-нибудь иначе приблизиться к своим собственным целям. Государственная система Европы как единого целого на этом заканчивалась, и с 1878 года отодвигавшаяся мировая война грозила начаться из-за тех же проблем на том же месте. Это произошло в 1912 году.

Между тем эта система начала принимать форму, которая существует до настоящего времени и напоминает *Orbis Terrarum* позднего эллинизма и римских веков: в середине тогда находились старые города-государства Греции, включая Рим и Карфаген, а вокруг них «круг из государств», которые в их распоряжение поставляли войска и деньги¹. Из наследия Александра Великого произошли

¹ *Untergang des Abendlandes* II. S. 506.

Македония, Сирия и Египет; из наследия Карфагена образовались Африка и Испания; Рим захватил северную и южную Италию, и Цезарь включил сюда и Галлию. Борьба за то, кому организовывать будущую Империю и господствовать в ней, велась от Ганнибала и Сципиона до Антония и Октавиана на средства больших окраинных областей. Также развивались отношения в последние десятилетия до 1914 года. Великой державой европейского стиля было государство, которое на европейской территории держало под ружьем несколько сот тысяч человек и обладало достаточными финансовыми средствами, чтобы их за определенное время удесятить и овладеть в других частях света обширными областями, которые своими военно-морскими базами, колониальными войсками и населением, производящим сырье и потребляющим готовую продукцию, создавали основу для богатства и тем самым – военную ударную силу центра. Это была актуальная форма для английской империи, французской Западной Африки и российской Азии; в то же время в Германии была упущена десятилетняя возможность организации в Центральной Африке большого колониального государства: из-за ограниченности министров и партий, которое было бы силой даже без связи с Родиной, и, во всяком случае, предотвратило бы полную изоляцию от моря. Из-за спешного стремления поделить на сферы влияния оставшиеся части света, возникли очень серьезные разногласия: между Россией и Англией – в Персии и Чилийском заливе, между Англией и Францией – в Фашоде, между Францией и Германией – в Марокко, между всеми этими государствами – в Китае.

Везде были поводы для большой войны, которые постоянно возникали между противниками с очень различными вариантами распределения сил: в Фашодском инциденте и русско-японском конфликте на одной стороне были Россия и Франция, на другой – Англия и Япония, и этот конфликт развился в совершенно бессмысленную форму в 1914 году. То была осада Германии, как «серединного государства», целым миром, последняя попытка решить старыми методами великие далекие вопросы на немецкой земле. Бессмысленная по цели и месту, она тотчас бы приняла совершенно иную форму, иные цели и другой исход,

если бы удалось заблаговременно заключить мирный договор России и Германии, что с необходимостью привело бы к переходу России на сторону центральных держав. В этой форме война была неизбежным провалом, поскольку великие задачи не решены еще и сегодня и не могут быть решены с помощью союзов естественных врагов, таких как Англия и Россия, Япония и Америка.

Эта война показала конец всех традиций большой дипломатии, чьим последним представителем был Бисмарк. Никто из жалких государственных деятелей не понимает больше задач своего министерства и исторического положения своей страны. Многие признали себя растерянными и беспомощными, втянутыми в ход событий. Так факт «Европы» закончился глупо и бесполезно.

Кто здесь победил, а кто проиграл? В 1918 году многие полагали, что знают это; а Франция, по крайней мере, воинственно придерживается своего мнения, потому что она не может поступиться дешево последней мыслью ее политического существования как великой державы – реваншем. Но Англия? Или даже Россия? Повторяет ли здесь история во всемирно-историческом масштабе новеллу Клейста «Поединок»? Была ли «Европа» побеждена? Или силы традиции? В действительности, возникла новая форма мира как предпосылка для будущих решений, которые с ужасной силой прорываются. Россия вновь духовно была завоевана Азией, а что касается Английской Империи, то неясно: лежит ли ее центр тяжести по-прежнему в Европе? Остаток «Европы» находится между Азией и Америкой – между Россией и Японией на Востоке, Северной Америкой и английскими доминионами на Западе – и состоит сегодня, в принципе, только из Германии, которая занимает снова свое старое положение, как пограничная против «Азии» страна; из Италии, которая представляет силу, пока живет Муссолини, и, возможно, завоюет в Средиземном море большой базис для действительно мировой державы; из Франции, которая снова видит себя госпожой Европы, и к ее политическим организациям принадлежит женевская Лига Наций и группа государств на юго-востоке. Но все это явления, возможно, или вероятно, проходящие. Изме-

нение политических форм мира происходит быстро, и никто не знает, как будет выглядеть через несколько десятилетий политическая карта Азии, Африки и самой Америки.

ГЛАВА 5

То, что Меттерних понимал под хаосом, то, от чего он хотел своей самоотверженной, нетворческой деятельностью, направленной на сохранение существующего порядка, как можно дольше уберечь Европу, было не столько разрушением ее государственной системы и равновесия сил, сколько сопутствующим разрушением самого государственного величия отдельных стран, которое с тех пор исчезло для нас как понятие. То, что сегодня понимается под «порядком» и закреплено в «либеральных» конституциях, есть не что иное, как ставшая привычкой анархия. Мы называем это демократией, парламентаризмом, самоуправлением народа; на самом деле, – это простое отсутствие сознающего свою ответственность авторитета правительства, и тем самым, отсутствие действительного государства.

Человеческая история века высоких культур есть история политических держав. Формой этой истории является война. Но и мир здесь имеет место. Он есть продолжение войны другими средствами: попытками побежденного избавиться от последствий войны в форме договоров и стремлением победителя их сохранить. Государство означает «быть в форме»¹ народного единства, им образованного и представленного, для дел ведения настоящих и возможных войн. Если эта форма сильна, то она уже как таковая имеет ценность и победит без оружия – только весом имеющихся в ее распоряжении сил. Если она слаба, то она сейчас же приведет к постоянным поражениям со стороны других государств. Государства – это чисто политические единства, единства действующих вовне сил. Они не являются единствами рас, языков или религий; они стоят выше этого. Если же они совпадают с подобными единствами

¹ В смысле современного спорта (Untergang des Abendlandes II. S. 444).

или пересекаются с ними, то в таком случае сила их, вследствие внутреннего противоречия, как правило, меньше, но никогда не больше. Внутренняя политика предназначена только для того, чтобы укреплять силу и единство внешней политики. Если же она начинает преследовать другие цели, свои собственные, то начинается падение потерявшего форму государства.

«Быть в форме» для власти как государства среди государств означает, прежде всего, силу и единство управления, организации, авторитета, без которых действительное государство невозможно. Государство и управление — это одна и та же форма, мыслимая в качестве существования или в качестве деятельности. Государства XVIII века были в форме, четко обозначенной в династических, придворных и общественных традициях, и в большей мере были идентичными с этими традициями. Церемонии, такт в обществе, приятные манеры поведения и поступков — есть лишь внешнее проявление этого. Также и Англия была «в форме»: островное положение заменяло существенные признаки государства, а парламент был насквозь аристократической, очень действенной формой решать дела, основанной на старом обычае. Франция скатилась в революцию не потому, что «народ» восстал против абсолютизма, которого здесь больше не было, не из-за нищеты и государственных долгов, в иных странах более значительных, а вследствие того, что произошло падение авторитета. Все революции происходят из-за падения государственности. Восстание в одном переулке не может иметь такого действия. Оно может быть только следствием. Современная республика есть не что иное, как руины монархии, которая сама от себя отказалась.

В XIX веке государства переходят от формы династического государства к форме национального государства. Но что это значит? Нации, то есть культурные народы, конечно, существовали уже давно. В большей части они являлись областью владения великих династий. Эти нации были идеями в том смысле, как Гёте говорит о идее наличного существования: внутренняя форма значимой жизни, которая бессознательно и незаметно реализуется в каждом по-

ступке, в каждом слове. «Нация» (la nation) в смысле 1789 года была, однако, националистическим и романтическим идеалом, желательной картиной явно политической, чтобы не сказать социальной, тенденции. Этого никто больше не мог отличать в то плоское время. Идеал есть результат мышления, понятие или предложение, которое должно быть сформулировано, чтобы «иметь» идеал. Поэтому мышление быстро становится словосочетанием, которое используется бездумно. Идеи же, напротив, бесславны. Они осознаются редко, или вообще не осознаются своими носителями, и не могут быть другими сформулированы в словах. Они должны наполняться картиной происходящего, описываться в их осуществлении. Им невозможно дать определение. С желаниями и целями они не имеют ничего общего. Они являются смутным стремлением, которое получает свой образ в жизни и судьбоносно простирается в одном направлении выше отдельной жизни: идея Рима, идея Крестовых походов, фаустовская идея стремления к бесконечному.

Настоящие нации являются идеями даже и сегодня. Но национализм, начиная с 1789 года, характеризуется тем, что путает родной язык с письменным языком больших городов, на котором каждый учится читать и писать; то есть с языком газет и листовок, через которые каждому объясняются «права» нации и ее необходимое освобождение непонятно от чего. Настоящие же нации, как и любое живое тело, полны внутренних разделений; они уже просто через свое существование представляют собой вид порядка. Но политический рационализм понимает «нацию» как свободу от этого, как борьбу против любого порядка. Нация для него – бесформенная масса, без структуры, господства и целей. Это он называет суверенитетом народа. Он забывает (что примечательно) растущее мышление и чувства крестьянства; он ненавидит нравы и обычаи истинной народной жизни, к которой особенно принадлежит страх чести перед авторитетом. Он не знает такого страха. Он знает только принципы, происшедшие из теорий, и прежде всего – плебейский принцип равенства, что означает замену ненавистного качества на количество, замену дарования

на число. Современный национализм заменяет народ на массу. Он революционной и по своей природе насквозь городской.

Самым роковым является идеал управления народа «самим собой». Но народ не может управлять собой, также как армия не может сама себя вести. Он должен быть руководимым, и он этого желает, пока имеет здоровые инстинкты. Но здесь подразумевается совсем иное: понятие народного представительства играет в каждом таком движении тотчас же первую роль. Приходят люди, которые себя называют «представителями» народа и предлагают себя в качестве таковых. Они совсем не хотят «служить народу», — они хотят быть обслуживаемы народом для своих более или менее грязных целей, среди которых удовлетворение тщеславия является самым безобидным. Они борются с силой традиции, чтобы занять ее место. Они борются с государственным порядком, поскольку он мешает их методам деятельности. Они борются с любым видом авторитета, потому что они не хотят быть ни перед кем ответственными и избегают сами всякой ответственности. Ни одна конституция не содержит инстанцию, перед которой должны были бы отчитываться партии. Они нападают, прежде всего, на постепенно вызревшую и развитую культурную форму государства, потому что они не имеют ее в себе, как здоровое общество, «society» XVIII века, и поэтому считают ее насилием, каковым для культурного человека она не является. Так возникает «демократия» этого столетия — не форма, а бесформенность во всех смыслах как принцип, парламентаризм как анархия в рамках конституции, республика как отрицание всякого авторитета.

Так теряют европейские государства форму в той мере, насколько «прогрессивнее» они управляются. Именно этот хаос подвигнул Меттерниха бороться с демократией без разбора — как с романтическим направлением, выступавшим за освободительные войны, так и с рационалистическим направлением штурмовиков Бастилии, которые затем в 1848 году объединились — и заставил его консервативно относиться ко всем реформам. Во всех странах с этого вре-

мени возникают партии, то есть рядом с отдельными идеалистами группы профессиональных политиков с сомнительным происхождением и еще с более сомнительной моралью: журналисты, адвокаты, биржевики, писатели, партийные функционеры. Они управляют, представляя свои интересы. Монархи и министры были постоянно ответственны, по крайней мере, перед общественным мнением. Только эти группы не были никому подотчетны. Пресса, возникшая как орган общественного мнения, уже давно служила тому, кто ее оплачивал; выборы, первое выражение этого мнения, вели к победе ту партию, за которой стояли сильнейшие спонсоры. И если был, несмотря на это, некоторый общественный порядок из-за добросовестных правителей и авторитета, то это были остатки форм XVIII века, которые сохранились в виде конституционной монархии, офицерского корпуса, дипломатических традиций; в Англии — в древних обычаях парламента, прежде всего верхней палаты лордов и его двух партий. Благодаря им осуществлялись государственные дела, несмотря на противодействие парламента. Если бы у Бисмарка не было возможности опираться на своего короля, он бы не устоял против демократии. Политический дилетантизм, господствующий в парламентах, смотрел на эту власть традиции с недоверием и ненавистью. Он боролся с ней основательно и беспощадно, без оглядки на внешние последствия. Так внутренняя политика становится везде областью, которая сверх границ своего собственного значения занимает деятельность всех опытных государственных деятелей, растрчивает их время и силы; при этом первоначальный смысл государственного управления, ведения внешней политики забывался или старался быть забытым. Это анархическое промежуточное состояние, которое сегодня называется демократией, ведет через уничтожение монархического государства путем политического, плебейского рационализма к цезаризму будущего, который начинает сегодня тихо заявлять о себе диктаторскими тенденциями и намерен без ограничений покорить поле деятельности разрушенной исторической традиции.

ГЛАВА 6

К серьезным признакам падения государственности принадлежит тот факт, что в течении XIX века стало господствующим мнение, будто экономика важнее политики. Среди людей, которые сегодня имеют хоть какое-то отношение к принятию решений, не найдется ни одного, кто бы это отрицал. Политическая власть рассматривается не только как всего лишь элемент общественной жизни, чьей первой, если не единственной, задачей является служение экономике; но и ожидается, что она полностью должна следовать желаниям и намерениям промышленности и, наконец, что она полностью будет управляться руководителями промышленности. Современная история показывает, в каком обширном объеме и с каким успехом это происходило.

В действительности нельзя в жизни народов отделить политику от экономики. Они являются двумя сторонами одной и той же жизни, как я всегда повторяю, но они относятся друг другу как управление кораблем к назначению его груза. На борту первым человеком является капитан, а не торговец, которому принадлежит груз. И если сегодня господствует мнение, что руководители промышленности являются могущественным элементом, то причиной является то, что политическое руководство погрязло в партийной анархии и не заслуживает того, чтобы его называли таковым; поэтому-то экономика и кажется на высоте. Если после землетрясения остался стоять один дом среди развалин, то это еще не означает, что он был важнейшим. В истории, пока она протекает не «в форме», а неспешно и революционно, хозяйственный руководитель никогда не был господином при принятии решений. Он предоставлял себя политическим соображениям, служил им теми средствами, которые у него были под рукой. Без сильной политики нигде и никогда не было здоровой экономики, хотя материалистические теории утверждают обратное. Их основатель Адам Смит рассматривал хозяйственную жизнь как собственно человеческую жизнь, а добычу денег считал смыслом истории; он старался показать государственных людей вредными животными. Но именно в Англии не торговцы

и хозяева фабрик, но истинные политики, такие как оба Питта, сделали английскую промышленность первой в мире путем великодушной внешней политики, часто при болезненном сопротивлении не способных смотреть вдаль хозяйственников. Чистые политики довели борьбу с Наполеоном до грани финансовой катастрофы, потому что они смотрели дальше, чем баланс на следующий год, как сейчас стало модным. Но сегодня стало фактом, что, вследствие этой незначительности государственных деятелей, которые в большей своей части сами интересуются частным предпринимательством, промышленность участвует при принятии решений – теперь уже в полном объеме: не только банки и концерны с партийными одеждами или без них, но и концерны за повышение зарплаты и сокращение рабочего дня, которые называют себя рабочими партиями. Последнее есть необходимое следствие первого. В этом состоит трагичность любой экономики, которая сама себя хочет политически застраховать. И это берет свое начало в 1789 году у жирондистов, которые хотели сделать смыслом государственной власти предпринимательство богатых горожан, что во времена Луи Филиппа, этого короля горожан, стало широко распространенным фактом. Пресловутый лозунг «обогащайтесь» (*enrichissez vous*) стал политической моралью. Этот лозунг был позитивно воспринят, и ему стали следовать не только в торговле, в производстве, в политике, но и рабочий класс, который отныне – с 1848 года – извлекал для себя преимущества из развала государственности. Тем самым ползучая революция целого столетия, называемая демократией, периодически проявляющаяся в протестах масс в виде выборных бюллетеней или в виде баррикад, в бунтах «народных представителей», которые посредством парламентских провалов министров и отказа бюджета для государства, приобретают хозяйственную тенденцию. То же самое происходит и в Англии, где манчестерское учение о свободной торговле применялось профсоюзами к торговле «рабочим» товаром, что Маркс и Энгельс теоретически отразили затем в своем Коммунистическом манифесте. Тем самым завершается замена политики экономикой, государства – конторой, ди-

пломатов – профсоюзными вождями; здесь, а не в последствиях мировой войны, лежит зерно современной промышленной катастрофы. Он во всей своей тяжести есть не что иное, как следствие падения государственной власти.

Исторический опыт этого столетия должен был бы служить предупреждением. Никогда еще экономические начинания реально не достигали своей цели без прикрытия думающего стратегически государственного управления. Не верно, когда таким образом осуждают пиратов викингов, давших начало господству на море европейских народов. Их целью был, конечно, грабеж – будь то земли, люди или богатства; но это второстепенный вопрос. Корабль был маленьким государством, а план его плавания, управления, тактика являлись настоящей политикой. Там, где корабли объединялись во флот, тотчас же это приводило к основанию государства с очевидным высоким уровнем управления, как это было в Нормандии, Англии и Сицилии. Немецкая Ганза оставалась бы экономической державой, если бы сама Германия стала большой политической силой. После конца этого сильного союза городов, политически поддерживать который со стороны немецкого государства никто не считал нужным, Германия была исключена из мировых экономических комбинаций Запада. Она снова вошла в них лишь в XIX веке, причем благодаря не частным стараниям, но исключительно вследствие политического творения Бисмарка, которое было предпосылкой для империалистического роста немецкой промышленности.

Морской империализм, выражение фаустовского стремления в бесконечное, начал приобретать большие формы после того, как в 1453 году турки захватили Константинополь, и тем самым экономические пути в Азию были политически закрыты. Это явилось внутренней причиной для открытия морского пути в Восточную Индию португальцами и Америки испанцами, за которыми стояли великие державы того времени. Движущими мотивами, в частности, были тщеславие, поиск приключений, борьбы и опасностей, золотая лихорадка, а не «хорошие сделки». Вновь открытые страны должны были быть завоеваны и покорены; они призваны были укрепить власть Габсбургов в ев-

ропейских комбинациях. Империя, в которой не заходило солнце, была политическим образованием, результатом расчетливого государственного управления и, в этом смысле, полем для успешной экономической деятельности. Ничего не изменилось после того, как Англия приобрела первенство не через свою экономическую силу, которой вначале не было, а через умное управление аристократии, будь то тори или виги. В битвах стала Англия богатой, а не путем ведения бухгалтерского учета и спекуляций. Поэтому английский народ, как бы «либерально» он ни мыслил и говорил, на практике был самым консервативным в Европе: консервативным в смысле сохранения всех государственных форм прошлого до самых малых церемониальных мелочей, посмеиваясь над ними и иногда пренебрегая ими; но пока не было видно новых более сильных форм, старые сохранялись: обе партии, то искусство, с каким правительство в своих решениях держится независимо от парламента, Палата лордов и королевство как сдерживающий момент в критических ситуациях. Этот инстинкт всегда спасал Англию, и если он сегодня исчезнет, то это будет обозначать потерю не только политического, но и экономического мирового значения. Мирабо, Талейран, Меттерних, Веллингтон ничего не понимали в экономике. Это было, конечно, плохо. Но было бы еще хуже, если бы на их месте какой-то хозяйственник попытался бы делать политику. Как только империализм попал в руки промышленных, материалистических дельцов, как только он перестал быть политическим, — он очень быстро перешел от сферы интересов ведущего экономического слоя в область классовой борьбы исполнительного труда, и, таким образом, стали разлагаться национальные экономики и тянуть за собой в пропасть и сами великие державы.

ГЛАВА 7

Самым богатым по последствиям выражением «национальной» революции со времени 1789 года были постоянные армии XIX века. Профессиональные войска династических государств были заменены на массовые войска,

формируемые на основе всеобщей воинской повинности. Это было в своей основе идеалом якобинцев: массовый набор в рекруты (*levee en masse*) в 1792 году соответствовал пониманию нации как массы, которая должна быть организована на основе полного равенства на месте старой, выросшей, поделенной на сословия нации. То, что в штурмовых атаках из этой унифицированной массы вышло совсем другое – роскошная, варварская, блестяще нетеоретическая радость опасности, господства и победы, этот остаток здоровой расы, который еще жил в этих народах со времен нордических героев, – мечтатели «прав человека» очень скоро поняли. Кровь была снова сильнее, чем дух. Теоретическое воодушевление идеалом «вооруженного народа» имело совсем другую сознательную, рациональную цель, чем освобождение этой элементарной страсти. Это же было и в Германии, прежде всего – после освободительной войны, где она привела к революциям 1830 и 1848 годов. Эти войска, «в которых не было различия между высшими и низшими, богатыми и бедными», должны были стать образцом для будущей нации, в которой не было никаких различий в ранге, владениях и дарованиях. Это было тайной мыслью многих добровольцев в 1913 году, а также литературной молодежи Германии (Гейне, Гервег, Фрейлиграт) и многих заседавших в церкви Св. Павла (таких, как Уланд). Принцип неорганического равенства был для них решающим. Такие люди, как Ян и Арндт, не понимали, что именно этот принцип равенства впервые в сентябрьских убийствах 1792 года произнес призыв «Да здравствует нация!» (*Vive la nation!*).

Забывают важный факт: в романтике народных песен речь шла только о геройстве солдата, но внутренняя ценность этого в военном деле сначала дилетантского войска, его дух, его воспитание и выучка зависели от качеств офицерского корпуса, нахождение «в форме» которого покоилось полностью на традициях XVIII века. Морально были пригодны те войска даже при якобинцах, насколько они были воспитаны офицером по его представлениям. Наполеон признался на острове Св. Елены, что он был бы непобедим, если бы вместе с великолепными солдатами своего

войска он имел бы офицерской корпус, как в Австрии, в котором рыцарские традиции верности, чести и молчаливой послушной дисциплины были еще живы. Отступи это офицерство от своего образа мыслей и действий, или откажись само от него, как в 1918 году, то смелое войско сейчас же превратилось бы в трусливую и беспомощную орду. При быстром изменении форм власти в Европе было бы чудом, если бы это ее средство власти сохранилось. И тем не менее это было так. Большие армии были самым консервативным элементом XIX века. Именно они – а не ставшие слабыми монархии, дворянство и, тем более, Церковь – сохранили форму государственного суверенитета против анархических тенденций либерализма. «Что из этого мусора образуется в будущем – сегодня не может знать никто. Один элемент силы появился не только в Австрии, но и во всей так сильно сжатой Европе, элемент этот – постоянная армия. К сожалению, этот элемент только сохраняющий, а не творческий, а речь идет как раз о творчестве», – так писал Меттерних в 1849 году¹. И все это основывалось исключительно на строгих взглядах офицерского корпуса, которые воспитывающе действовали на подчиненных. Везде, где в 1848 году и позже возникали мятежи и выступления, причиной этому всегда были моральная слабость офицеров. Политизированные генералы, которые по своему военному рангу имели способность и право на государственные суждения и поведение, были всегда в Испании и Франции, как и в Пруссии и Австрии, но офицерский корпус в целом запрещал себе иметь свое политическое мнение. Только войска, а не короны, удерживали ситуацию в 1830, 1848, 1870 годах. Они с 1870 года предотвратили войну, потому что никто не осмеливался привести в движение такую огромную силу из-за боязни непредвиденных последствий, и тем самым продлили ненормальное мирное положение с 1870 по 1914 год, которое сегодня делает почти невозможным правильную оценку ситуации. На месте непосредственной войны выступила опосредованная

¹ An Hartig, 30 Marz. Ebenso Bismark, Gedanken und Erinnerungen I. S. 63.

война в виде постоянного поднятия боеготовности, темпов вооружений и технических открытий, – война, в которой также были победы, поражения и короткие мирные договоры¹. Но этот способ скрытой войны предполагает национальное богатство, какое развили страны с крупной промышленностью. Оно состояло из самой этой промышленности в той мере, в какой представляло капитал. Предпосылкой же промышленности было наличие угля, на месторождениях которого она основывалась². Для ведения войны нужны деньги, для подготовки войны нужно многое. Так индустриальное хозяйство само стало оружием; чем более производительным оно было, тем решительнее укрепляло оно успех. Каждая печь, каждая фабрика укрепляли готовность к войне. Надежда на успешную операцию становилась все более зависимой от возможности неограниченного использования материалов, прежде всего амуниции. Этот факт понимали очень медленно. Во время мирных переговоров 1871 года Бисмарк считал важными только стратегические пункты Метц и Бельфорт и не считал важными лотарингские рудники. Как только стали понятными отношения между промышленностью и войной, углем и пушками, все перевернулось: сильная промышленность стала решающей предпосылкой для ведения войны; она получает первостепенное значение, и во все возрастающей мере пушки начинают служить углю³. К этому прибавляется еще и падение государственного мышления вследствие заботящегося о себе парламентаризма. Промышленность – от треста до профсоюза – начинает соучаствовать в управлении и своим «нет» или «да» определять цели и методы внешней политики. Колониальная и заморская политика становятся борьбой за рынки сбыта и источники сырья для промышленности, в том числе, во все возрастающей мере, за месторождения нефти. Ибо нефть начинает бороться и вытеснять уголь. Без бензиновых моторов автомобили, самолеты и подводные лодки были бы невозможны.

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 534; Politische Schriften. S. 132.

² Politische Schriften. S. 329.

³ Politische Schriften. S. 330.

В этом же направлении изменяется готовность к войне на море¹. Еще к началу американской Гражданской войны торговые корабли с усиленной защитой приближались к военным кораблям. Три года спустя эти броненосцы стали типом, покорившим все моря. Эти военные корабли в очень быстром темпе меняли конструкцию на все более больший и сильный тип, который, в свою очередь, через несколько лет устаревал. Эти плавучие крепости на смене веков, невиданные машины, становились все более зависимыми от опорных пунктов и побережья из-за своей потребности в угле. Старая борьба между морем и сушей в определенном смысле стала склоняться в пользу суши: кто имел опорные пункты для флота с доками и резервами материалов, тот покорял море, не считаясь с силой флота. Власть Британии покоилась, прежде всего, на богатстве колоний, которые были предоставлены кораблем, а не наоборот. Таково было значение Гибралтара, Мальты, Адена, Сингапура, Бермудов и многочисленных аналогичных стратегических опорных пунктов. Смысл войны в виде решающего сражения на море потерялся из виду. Все пытались сделать флот противника бездейственным, отрезая его от побережий. На море не было того, что соответствовало бы оперативным планам генеральных штабов, и ни одно решение не было действительно проведено с помощью военных эскадр. Теоретический спор о значении новых броненосцев после русско-японской войны основывался на том, что хотя Япония этот тип построила, но не испробовала его. И во время мировой войны броненосцы оставались в гаванях. В них не было никакой надобности. Даже сражение у Скагеррак было только нападением, вызовом на битву, которую английский флот, насколько это было возможно, избегал. Почти все большие корабли, которые за последние пятнадцать лет как устаревшие были сняты с вооружения, не сделали ни одного выстрела по своему противнику. И сегодня развитие авиации ставит вопрос: не пришло ли вообще время броненосцев к концу? Может быть, останется только война с высадкой десанта?

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 524; Politische Schriften. S. 134, 173.

За время мировой войны на континентах произошли значительные изменения. Национальные массовые армии, развитые до предельных границ их возможностей, оружие, которое, в отличие от военного флота, было действительно «исчерпано», закончились в копании окопов, начиная с осады Германии с атаками и нападениями до капитуляции. Количество одержало победу над качеством, и механика – над жизнью. Эти большие числа означали конец скорости, которую ввел Наполеон в свою тактику в войне с Германией в 1805 году, когда за несколько недель передвинулся от Ульма до Аустерлица. В большей мере ее увеличили американцы в 1861–1865 годах путем использования для этого железной дороги. Без этих железнодорожных путей, которые позволяли бы Германии перебрасывать все войска между Востоком и Западом, эта война, по своей форме и длительности, была бы невозможна.

В мировой истории встречается дважды значительное изменение методов ведения войны благодаря неожиданно росту подвижности. Первое было в первом столетии после 1000 года до нашей эры, когда где-то на широкой равнине между Дунаем и Амуром появились наездники. Конная армия превзошла пешую¹. Она могла появиться и исчезнуть, не боясь нападения и преследования. Напрасно народы от Атлантического до Тихого океанов наряду с пехотой выставляли кавалерию: она была связана последней от свободного движения. Также напрасно окружались Римская и Китайская империи валами и рвами, среди которых китайская стена до сегодняшнего дня протянулась через половину Азии, а римские границы в сирийско-арабской пустыне недавно были снова найдены. Было невозможно за этими стенами настолько быстро собирать войско, как это-

¹ Включая тачанки, которые использовались во время боя, а не на марше. Они примерно тысячу лет назад появились в этих областях и везде, где они появлялись, доказывали свое удивительное превосходство в тогдашнем способе борьбы на полях – в Китае и Индии примерно после 1500 года, в передней Азии еще раньше, в греческом мире с 1600 года. Вскоре они использовались везде, а исчезли лишь тогда, когда кавалерия, уже только как специфическое оружие наряду с пехотой, вошла как постоянный род войск.

го требовали неожиданные нападения: партеры, гунны, скифы, монголы, турки каждый раз обращали оседлое крестьянское население китайского, индийского, римского, арабского и европейского мира в панический ужас. Казалось, что крестьянство и кочевничество душевно несовместимы. Полчища Чингисхана обязаны своими победами превосходящей скорости.

Второе переселение переживаем мы сегодня сами: замену лошади «лошадиной силой» фаустовской техники. До Первой мировой войны старые известные кавалерийские войска Западной Европы были связаны рыцарской гордостью, стремлением к приключениям и героизмом более, чем другие виды войск. Они на протяжении веков были собственными викингами в стране. Они представляли истинную внутреннюю солдатскую профессию, солдатскую жизнь гораздо сильнее, чем пехота, формируемая на основе всеобщей воинской обязанности. В будущем все изменится. Самолеты и танковые эскадры устранят их. Подвижность поднимется выше границ органических возможностей к неорганической машине, но к машине индивидуальной, которая в противоположность не персональному ураганному огню окопов вновь дает большие возможности для личного героизма.

Но еще глубже, чем это разделение между массой и подвижностью, повлиял на судьбу армии другой факт, который подготавливает необходимый конец ее основе в виде всеобщей национальной воинской обязанности. Упадок авторитета, замена государства партией, развивающаяся анархия до 1914 года сдерживались армией. Пока существовавший офицерский корпус воспитывал быстро растущие войска, оставались этические ценности чести, верности и молчаливой покорности – дух Фридриха Великого, Наполеона, Веллингтона, то есть дух XVIII века, сохраняющий рыцарское отношение к жизни, являясь важным элементом стабильности. Этот элемент покачнулся, когда, во время позиционной войны, быстро выученные молодые офицеры встали против старых, годами стоящими на полях войск. И здесь затянувшийся мир с 1870-го до 1914 года сдержал развитие, которое должно было бы иметь место

в связи с прогрессирующим развалом «формы» государств. Войска, включая низших офицеров, которые смотрели на мир снизу, поскольку они были руководителями не по внутреннему призванию, а по временному положению, получили собственное мнение о политических возможностях. Это мнение было, конечно, импортировано извне от врагов или радикальных партий в своей собственной стране через пропаганду и разлагающие кружки, включая также обдумывание методов реализаций этих мнений. Тем самым в войска проник элемент анархии, который ранее туда не допускался. И этот элемент распространился после войны везде в казармах войск мирного времени. К этому прибавилось еще то, что в течение сорока лет простой человек из народа, так же, как и политик и радикальный руководитель партии, боялись неведомого влияния современной армии и преувеличивали ее значение в борьбе против чуждых войск и восстаний, поэтому сопротивление ей как практическую возможность не брали во внимание¹. Социал-демократические партии перед войной отказались от мыслей о революции и сохранили только фразы в их программах. Одной компании было достаточно, чтобы тысячи гражданских лиц обратить в панику. Война доказала, как незначительно действие сильного войска с тяжелой артиллерией против наших каменных городов, если оно будет защищать каждый дом. Регулярная армия во время революции потеряла ореол непобедимости. Сегодня любой насильно мобилизованный рекрут думает о ней совершенно иначе, чем перед войной. И в связи с этим он потерял сознание необходимости быть простым объектом приказаний. Я сомневаюсь, что, например, во Франции вообще возможно провести всеобщую мобилизацию против опасного врага. Что произойдет, если массы не последуют приказу явиться на сборные пункты? И что за цена такому войску, о котором неизвестно, каково его моральное разложение и какую часть людей следует считать боеспособной? Это конец всеобщей воинской обязанности, исходным пунктом которой было на-

¹ Politische Schriften. S. 179.

циональное воодушевление войной в начале 1792 года, когда она была объединением добровольческого войска профессиональных солдат вокруг народного лидера или одной большой цели. И это имеет место во всех культурах; вспомним о замене рекрутской римской крестьянской армии во времена Мария на наемную профессиональную армию и о ее последствиях — о начале пути к цезаризму и, в глубине, инстинктивный протест крови неиспользованной расы, ее примитивной воли к власти против материализованных сил денег и духа, анархических теорий и используемых ими спекуляций от демократии до плутократии¹.

Эти материалистические плебейские силы с конца XVIII века последовательно обратились совершенно к иным методам войны, которые более соответствовали их мышлению и их опыту. Наряду с армией и флотом, которые во все возрастающей мере использовались для целей, далеко отстоящих от самих наций, и все больше соответствовали экономическим интересам отдельных групп (опиумная война особенно ярко иллюстрирует это), развивались методы экономического ведения войны, которые часто «путем мира» приводили к чисто экономическим битвам, победам и мирным договорам. Эти методы презирали настоящие солдаты, такие как Мольтке, и их действенность очевидно недооценивалась. В равной мере «современные» политики их очень ценили и, соответственно их происхождению и наклонностям, мыслили вначале экономически и потом, может быть, политически. Прогрессирующее разложение государства через парламентаризм давало возможность использовать государственные органы в этом направлении. Прежде всего, это происходило в Англии, которая в середине XIX века стала «нацией лавочников»: враждебное государство должно быть не побеждено, а устранено как экономический конкурент, в то же время оставаясь потребителем английских товаров. Это было целью «либерального» империализма свободной торговли, начиная с Роберта Рила. Наполеон континентальную блокаду Англии понимал как чисто военное средство, поскольку

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 498, 538.

других средств у него в распоряжении не было. На континенте он создавал новые династии, в то время как Питт вдалеке основывал торговые колонии и плантации. Война 1914 года велась Англией не из-за Франции или Бельгии, но из-за «желания выходных дней» — с тем чтобы исключить Германию как экономического конкурента, по возможности, навсегда. В 1916 году наряду с обычной войной началась война планомерная, экономическая, которая должна была продолжаться, даже если бы война обычными методами заканчивалась. Цели войны с тех пор все решительнее ищутся в этом направлении. Версальский договор призван был не сформировать мирное положение, а изменить соотношение сил так, чтобы эта цель в любое время могла быть гарантирована новыми требованиями и мероприятиями. В том числе — передача колоний, торгового флота, конфискация банковских счетов, владений, патентов во всех странах; отделение от таких промышленных областей, как Верхняя Шлезия и Саарланда; введение республики, от которой по праву ожидалось разрушение индустрии через ставшие всеильными профсоюзы и, наконец, через репарации, которые должны были, по крайней мере в понимании Англии, быть не военными компенсациями, а длительными нагрузками для немецкой промышленности, ведущими ее к гибели.

Но при этом неожиданно для государств, диктовавших договор, началась новая экономическая война, в которой мы сегодня находимся и которая образует значительную часть современного «мирового промышленного кризиса». Распределение власти в мире полностью изменилось через усиление Соединенных Штатов и их финансов, а также через новый образ русского государства. Враги и методы стали другими. Современная война экономическими методами, которую позже, может быть, будут называть Второй мировой войной, привнесла совершенно новые формы: большевистское экономическое наступление в форме пятилетних планов; наступление доллара и франка на фунт, которые проводят из зарубежных бирж инфляцию как метод уничтожения всех национальных накоплений и независимости национальной промышленности; может быть вплоть

до уничтожения вражеского экспорта, то есть промышленности, и тем самым условия существования больших народов подрываются, планы Дауэса и Юнга являются попытками финансовых групп заставить целые государства принудительно работать на банки. В глубине сознания речь идет о том, чтобы спасти способность к жизни своей нации за счет уничтожения этой способности у других. Это борьба у руля корабля. И здесь будут введены, как только все другие средства исчерпаются, старые и изначальные средства – военные: наиболее вооруженная держава будет принуждать слабую отказаться от ее экономического сопротивления, будет заставлять ее капитулировать и тем самым исчезнуть. Пушки все же, в конце концов, сильнее угля. Невозможно предсказать, чем закончится эта экономическая война; но ясно одно: что в результате государство как авторитет, опирающийся на добровольную и потому надежную, хорошо образованную и очень подвижную профессиональную армию, получит снова свои исторические права, и промышленность займет вторую подобающую ей линию.

ГЛАВА 8

В этот переходный период бесформенности «между временами», который, вероятно, еще долго не достигнет высоты своего расстройств и изменчивых образований, медленно вырисовываются новые тенденции, которые указывают на более отдаленное будущее. Начинают формироваться силы соответствующей формы и расположения, призванные вести окончательную борьбу за господство на этой планете. Только одна из них сможет дать имя мировой империи (*Imperium mundi*) и будет ею, если какая-нибудь ужасная случайность не уничтожит ее до того, как она завершит свое развитие. Возникнут нации нового типа, которые будут отличаться от их сегодняшнего понимания: суммы равноправных индивидов, говорящих на одном языке; но не такие, каковы они были раньше, когда можно было по картине, по битве, по лицу, по мысли, по поведению и мнениям с уверенностью узнать итальянский стиль, душу, хотя единого итальянского государства еще не су-

ществовало. Фаустовские нации конца XX века будут родственными объединениями выборщиков с одинаковым ощущением жизни, с одинаковыми императивами сильной воли, говорящих, конечно, на одном языке, — без того, чтобы знание этого языка их выделяло или ограничивало; людьми сильной расы не в смысле современной веры в расу, а в моем смысле, предполагающем сильные инстинкты, к которым принадлежит также преимущественный взгляд на вещи, каковы они есть в действительности, и который сегодня в больших городах и среди писак путается с «духом» простой интеллигенции — людьми, чувствующими себя рожденными и призванными быть господами. Какое нам дело до их численности? Число тиранизировало только прошлое столетие, которое преклонялось перед количеством. Один муж значит больше, чем масса рабских душ — пацифистов и улучшателей мира, стремящихся к покою любой ценой, даже ценой «свободы». Это переход от всенародных собраний (*populus Romanus*) Римской республики времен Ганнибала к представителям «Римства» I века, которые, как Марий и Цицерон, частично даже не были «римлянами».

Кажется, что Западная Европа потеряла свое определяющее значение, но, исключая политику, так только кажется. Идея фаустовской культуры выросла здесь. Здесь она имеет свои корни, здесь она будет сражаться за свою последнюю победу в своей истории или быстро погибнет. Решения, где бы они не были приняты, свершаются согласно воле Европы, в соответствии с ее душой, а не из-за ее денег или счастья. Но пока сила перешла в окраинные районы, — в Азию и Америку. Там она охватывает наибольшую материковую часть земного шара, здесь — в Соединенных Штатах и в английских колониях — власть над двумя связанными Панамским каналом всемирно-историческими океанами. Однако ни одна из современных мировых держав не чувствует свое положение настолько надежным, чтобы с уверенностью сказать не только то, что через сто или пятьдесят лет она останется державой, но и то, будет ли она существовать вообще.

Что такое сегодня мировая держава? Это государственное, или подобное государству, образование, с руково-

дством, имеющим всемирно-политические цели и возможностью их достигать также и с помощью силы, неважно на какие средства оно опирается: на армию, флот, на политические организации, кредиты, на мощные банковские или промышленные группы с едиными интересами или, наконец, прежде всего на сильное стратегическое положение на планете. Можно все державы обозначить названиями миллионных городов, в которых концентрируется власть и дух власти. По сравнению с ними все остальные страны и их народы являются только «провинциями».

Здесь речь идет, прежде всего, о «Москве» – о таинственной и для европейского мышления и чувствования совершенно непонятной, которая стала решающим фактором для Европы с 1812 года, когда она еще государственно к ней принадлежала, а с 1917 года – решающим фактором для всего мира. Победа большевиков исторически означает нечто совершенно иное, чем с точки зрения социальной политики или экономической теории. Азия вновь овладела Россией после того, как «Европа» через Петра Первого завладела ею. Понятие «Европа» вновь исчезает из практического мышления политиков или должно было бы исчезнуть, если бы мы имели политиков, крупного масштаба. Но эта «Азия» является идеей, и даже идеей, имеющей будущее. Раса, язык, народность, религия в сегодняшних формах совершенно незначимы. Все это, может, и будет значительно изменено. То, что сегодня здесь происходит, невозможно выразить только в словах – рождается ей самой непонятный новый вид жизни, которым беременно это огромное пространство и который ищет пути к рождению. Определить будущее, установить его, хотеть представить в виде программы – означает смешивать жизнь с фразой о ней, как это делает господствующий большевизм, который недостаточно понимает свое западноевропейское, рационалистическое и городское происхождение.

Население этой огромнейшей на Земле континентальной страны недосыгаемо для внешних нападений. Удаленность есть сила, которая политическими и военными средствами еще никогда не была преодолена; это узнал уже Наполеон. Что толку врагу от завоевания больших терри-

торий? Чтобы сделать даже попытку такого завоевания бессмысленной, большевики переместили центр тяжести своей системы все дальше на Восток. Важные в стратегическом значении промышленные районы были построены редко к Востоку от Москвы, – большей частью к Востоку от Урала до самого Алтая, а на юге – до Кавказа. Весь район западнее Москвы, Белоруссия, Украина, некогда жизненно важные районы царской империи от Риги до Одессы, представляют сегодня фантастический вал против «Европы» и могут быть легко отданы, не приведя к крушению всей системы. Но поэтому любая мысль о нападении с запада стала совершенно бессмысленной. Она наткнулась бы на пустое пространство.

Это правление большевиков не является государством в нашем смысле, каковым была петровская Россия. Оно состоит, как государство «Золотой Орды» во времена монголов, из господствующей орды – называемой коммунистической партией – с главарями и всесильным ханом и примерно из большей в сто раз, подавленной, беззащитной массы. От настоящего марксизма здесь очень мало – только названия и программы. В действительности, это татарский абсолютизм, который, не обращая внимания на границы, подстрекает и эксплуатирует мир, не знающий осторожности, – мир хитрый, ужасный, со смертью как повседневным средством управления. В любой момент может появиться новый Чингисхан и начнет накатываться на Азию и Европу.

Истинный русский в своем жизнеощущении остался кочевником, как северный китаец, маньчжур и туркмен¹. Родиной для него является не деревня, но бесконечная равнина матери России. Душа этого бескрайнего ландшафта заставляет его бесцельно скитаться. «Воля» отсутствует. Германское мироощущение имеет цель, которая должна быть достигнута – дальняя страна, проблема, Бог, власть, слава или богатство. Здесь же семьи крестьян, ремесленников и рабочих переезжают с одного места на другое, с одной фабрики на другую – без необходимости, только следуя внутреннему стремлению. Никакие насильственные

¹ Politische Schriften. S. 110.

меры Советов не могут этому помешать, хотя это не дает возможности для возникновения ученого племени и связанной с фабрикой рабочей силы. Уже поэтому не удастся попытка создания и поддержания промышленности европейского типа без использования заграничной помощи.

Но можно ли еще вообще серьезно принимать коммунистическую программу, то есть как идеал, ради которого были пожертвованы миллионы людей и из-за которого миллионы голодают и живут в нищете? Или же она только очень действенное средство борьбы против подавленных масс, прежде всего крестьян? средство нападения на ненавидимый нерусский мир, который должен быть разложен, прежде чем он будет разгромлен?¹ Ясно одно: действительно не многое изменилось бы, если бы однажды, по причинам стратегической целесообразности, коммунистический принцип был бы отброшен. Изменились бы названия; отрасли промышленности назвались бы концернами, контрольные комиссии и сами коммунисты – владельцами акций. В остальном же западная капиталистическая форма присутствует уже давно.

Но эта страна не может вести войны вне своих пределов ни на Востоке, ни на Западе, а может только заниматься пропагандой. Для этого данная система с ее западноевропейскими, рационалистическими признаками, которые происходят еще из литературного подполья Петербурга, слишком искусственна. Она не пережила бы ни одного поражения, поскольку не пережила бы ни одной победы: победоносный генерал не смог бы противостоять московской бюрократии. Советская Россия была бы заменена на какую-нибудь другую Россию, а правящая орда, вероятно, была бы уничтожена. Но при этом был бы преодолен большевизм марксистского стиля, а национально-азиатский беспрепятственно гигантски вырос бы. Надежна ли вообще Красная Армия? Можно ли ее использовать? Как обстоят

¹ Достоевский писал в 1878 году: «Все люди должны стать русскими, прежде всего стать русскими. Всечеловечность есть русская национальная идея, поэтому прежде всего нужно, чтобы каждый стал русским».

дела с деловыми и моральными качествами «офицерского корпуса»? То, что показывается на парадах в Москве, является только элитными частями из убежденных коммунистов, личной охраны власть имущих. Из провинции постоянно можно слышать о подавленных заговорах. И возросла ли вообще серьезная загруженность железных дорог, самолетов, военной промышленности? Ясно то, что действия русских в Маньчжурии и пакт о ненападении с Западом показывают решения исключить пробу военных сил любыми путями. Другие средства – экономическое уничтожение врага через торговлю и, прежде всего, через революцию, понимаемую не как идеальную цель, а как оружие, какое в 1918 году Англия и Франция использовали против Германии – являются безопасными и действенными.

В отличие от этого, у Японии достаточно прочное положение. Со стороны моря она практически недосыгаема благодаря островам, узкие проходы между которыми прочно можно закрыть с помощью минных полей, подводных лодок и самолетов, так что Китайское море станет недоступным для чужеземного флота. Поэтому Япония смогла занять в Маньчжурии континентальную область, которая в будущем будет играть огромную экономическую роль (соя уже сегодня подорвала выгодность разведения кокоса и оливка в Южном море и в Западной Африке), количество жителей в которой очень быстро растет и чьи окончательные границы сегодня еще не определены¹. Малейшая попытка большевиков с помощью военной силы вмешаться против этого смещения власти привела бы к захвату Владивостока, Восточной Монголии и, возможно, Пекина. Единственным действительным противодействием является красная революция в Китае, но и она, со времен основания Гоминдана, все время была поражаема «капиталистическими» нападениями, точнее – подкупом генералов и целых армий с какой-либо стороны. Старые феллахские народы², такие как индийцы и китайцы, не смогут больше

¹ Оно утроилось за последние 15 лет из-за массовых переселений и составляет сейчас более 30 миллионов человек.

² Untergang des Abendlandes II. S. 125, 222.

никогда играть самостоятельную роль среди великих держав. Они могут менять господ: одних выгонять – как англичан из Индии, других впускать; но они никогда больше не смогут сформировать свою собственную форму внутреннего политического существования. Для этого они слишком старые, слишком заскорузлые, слишком использованные. Также и формы их сегодняшних выступлений – цель которых свобода, равенство, парламент, республика, коммунизм и подобное, – все без исключения, импортированы из Западной Европы и из Москвы. Они являются объектами и средствами борьбы чуждых им сил; их страны являются полями битв для чужих сражений, но именно через это они могут получить огромное, хотя и временное, значение.

Без сомнения, Россия и Япония направляют свой взор на таящиеся здесь возможности и тихо работают со средствами, которые «белый» не знает и не видит. Но настолько ли прочно положение Японии, каким оно было во время войны с Россией? Тогда у власти стоял старый, гордый, благородный и смелый слой самураев, принадлежавший к лучшей из «рас» во всем мире. Но сегодня можно слышать о радикальных партиях, забастовках, о большевистской пропаганде и об убийствах министров. Перешло ли уже это великолепное государство через пик своего существования, отравлено ли оно демократическими и марксистскими формами разложения белых народов сегодня, когда борьба за Тихий океан переходит в свою решающую фазу? Если японское государство еще имеет свою силу для нападения, то это, вместе с несравнимым стратегическим положением на море, обрекает на неудачу любую вражескую комбинацию. Но кто здесь может быть серьезным врагом? Россия в любом случае отпадает, как и любая другая западноевропейская страна. Нигде столь не заметно сползание всех этих государств с высоты их прошлого политического значения, как здесь. Не прошло и двадцати лет с тех пор, как были заняты Порт-Артур, Вейхайвей и Киаутчоу, а раздел Китая шел согласно интересам западных держав. Проблема Тихого океана была тогда европейской проблемой. Сегодня даже Англия не осмеливается осуществить вынашиваемые ею десятилетиями планы развития Сингапура. Ста-

нет ли он мощным опорным пунктом для английского флота в восточно-азиатском пространстве в случае осложнений? Можно ли удержать его против Японии и Франции, если будет освобожден путь через Индию? Если Англия откажется от своего прежнего положения в этих морях и отдаст Австралию под давлением Японии, то она должна будет выйти из своей империи и подключиться к Америке. Америка является единственным серьезным врагом, но насколько сильна она в этом месте моря, несмотря на Панамский канал? Сан-Франциско и Гавайи находятся слишком далеко, чтобы быть опорным пунктом для флота против Японии; Филиппины невозможно удержать; и Японии имеет в Латинской Америке возможных союзников против Нью-Йорка, чье значение не умаляется тем, что о нем не говорят.

ГЛАВА 9

Являются ли Соединенные Штаты державой, имеющей будущее? До 1914 года поверхностные наблюдатели разглагольствовали о безграничных их возможностях, после того как они в течение нескольких недель побывали там, а новое «общество» Западной Европы, состоящее после 1918 года из снобов и подонков (Snob und Mob), восторгается молодым, сильным, далеко нас превосходящим, просто идеальным американизмом. Но они путают рекорды и доллары с духовной силой и глубиной народа, которые необходимы, если речь идет о долговременной власти; они путают спорт со здоровьем расы и деловую интеллигентность — с душой. Что такое «стопроцентный» американизм? По нижнему уровню усредненное нормированное существование масс, примитивная поза или общение будущего?

Верно лишь то, что здесь до сих пор нет ни действующего народа, ни действительного государства. Смогут ли они, благодаря превратностям суровой судьбы, еще сформироваться, или это исключает сам тип колониста, чье духовное прошлое находится где-то в другом месте и умерло? Американцы говорят, как и англичане, не о государстве или Родине, но используют выражение «эта страна» (this

country). В действительности, речь идет о необъятной стране, о кочующем из города в город населении, охотящемся за долларами беспрепятственно и нагло, ибо закон там только для тех, кто недостаточно хитер и влиятелен, чтобы его презирать.

Сходство с большевистской Россией больше, чем обычно полагают: тот же бесконечный ландшафт, который исключает любое успешное нападение врага, как и действительное чувство национальной опасности, делает само государство ненужным, и, как следствие этого, делает, однако, невозможным и возникновение действительно политического мышления. Жизнь организована чисто экономически, что исключает глубину по мере того, насколько отсутствует элемент действительной исторической трагики, великой судьбы, какая веками углубляла и воспитывала душу европейских народов. Религия, бывшая вначале строгим пуританизмом, стала обязательным видом общения, а война стала новым спортом. И та же диктатура общественного мнения здесь и там, будь она партийная или общественная, которая вмешивается во все, что в Европе является делом личным: в любовь и религию, в обувь и косметику, в модные танцы и модные романы, в мышление, питание и удовольствия. Все для всех одинаково. Есть некий тип американца с определенным телосложением, одеждой и душой, а прежде всего – тип американки; и тот, кто осмеливается выступать против него, кто его открыто критикует, тот подлежит всеобщему презрению как в Нью-Йорке, так и в Москве. И, наконец, здесь находится почти русская форма государственного социализма или государственного капитализма, представленная массой трестов, которые, в соответствии с русским хозяйственным руководством, детально планируют и руководят производством продукции и потреблением. Они являются единственными господами страны как здесь, так и там. Это фаустовская воля к власти, но пересаженная из органического, выросшего в бездушно механическое. Этот долларовый империализм распространяется во всей Америке до Сантьяго и Буэнос-Айреса и повсюду пытается разрушить, вытеснить европейскую, и прежде всего английскую, промышлен-

ность, одновременно с подчинением политической власти экономическим тенденциям, как и у большевиков, чей лозунг «Азия азиатам» соответствует, по существу, современному пониманию доктрины Монро для Латинской Америки: вся Америка для экономической мощи Соединенных Штатов. Это и есть смысл основания «независимых» республик, таких как Куба и Панама, вторжение в Никарагуа и устранение неугодных президентов с помощью силы доллара до самого крайнего юга.

Но эта безгосударственная и беззаконная «свобода» чисто экономически устроенной жизни имеет свою обратную сторону. Благодаря ей, возникла морская держава, которая начинает быть сильнее, чем Англия, и господствует в двух океанах. Возникли колониальные владения – Филиппины, Гавай, Вест-Индские острова, – которые, благодаря экономическим интересам и английской пропаганде, втягивались в Первую мировую войну все глубже до военного участия в ней. Тем самым Соединенные Штаты стали ведущим элементом мировой политики – знают ли они это, хотят ли они этого или нет; и теперь они должны учиться в своей внутренней и внешней политике думать и действовать по-государственному, или исчезнуть в своей сегодняшней форме. Назад возврата нет. Справятся ли «янки» с этой трудной задачей? Представляют ли они собой неуничтожимый образ жизни или только моду на телесную, духовную и душевную одежду? Но сколько жителей этой страны вообще внутренне не принадлежат этому господствующему англосаксонскому типу? Не учитывая негров, в страну въезжало в течение 20 лет до войны лишь небольшое число немцев, англичан и скандинавов, но 15 миллионов поляков, русских, славян из балканских стран, восточных евреев, греков, жителей Передней Азии, испанцев и итальянцев. Большей частью они не приняли американскую культуру и образуют чужеродный, инакомыслящий и очень плодовитый пролетариат с духовным центром тяжести в Чикаго. Они так же законно хотят вести свободную экономическую борьбу, но понимают ее иначе.

Разумеется, коммунистическая партия не существует. Ее, как организации, участвующей в выборах, не было

и в царской империи. Но здесь существует, как и там, сильный подпольный мир, почти как описанный Достоевским. Со своими властными целями, методами уничтожения и делания денег, он, с помощью коррупции органов управления и спецслужб, прежде всего за счет незаконной продажи алкоголя, привел к крайней деморализации, доходящей до самых богатых слоев общества. Он включает как преступный мир, так и тайные организации типа Ку-Клус-Клана. Он охватывает негров и китайцев, как и оторванные от своих корней элементы всех европейских племен и рас, располагает весьма действенными, отчасти уже старыми организациями по типу итальянской Каморры, испанской Герильи и русских нигилистов до 1917 года и чекистов после 1917-го. Линчевание, взятие в заложники, нападения, убийства, смерть, разбой и поджоги – давно стали проверенными методами политической и экономической пропаганды. Его главари, типа Джека Даймонда и Аль-Капоне имеют виллы, автомобили и располагают капиталами большими, чем многие компании и даже государства средней величины. В обширных, малонаселенных районах революции с необходимостью принимают другие формы, чем в столицах Западной Европы. Латиноамериканские республики доказывают это постоянно. Здесь нет ни одного сильного государства, которое должно было бы пасть в борьбе против армии со старыми традициями; но нет и такого, которое гарантирует общественный порядок даже из уважения к самому себе. То, что здесь зовется правительством (government), может очень неожиданно превратиться в ничто. Уже до войны тресты, в случае забастовок, достаточно часто защищали свои фабрики собственными укреплениями и дзотами. В «стране свободы» считается, что свободные люди должны помогать себе сами: револьвер в кармане – это американское открытие, но он предоставлен хозяину настолько же свободно, как и другим. Совсем недавно фермеры в штате Айова сумели захватить несколько городов и, угрожая голодом, заставляли покупать их продукты по приемлемой цене. Всего несколько лет назад всякого, кто говорил слово «революция» по отношению к Америке, объявляли сумасшедшим. Сегодня подобные

идеи давно уже на повестке дня. Что должны делать массы безработных (я повторяю: в подавляющей части не являющихся «стопроцентными американцами»), когда их источники полностью исчерпаются и когда отсутствует государственная помощь, потому что нет организованного государства с точной и честной статистикой и контролем нуждающихся? Вспомнят ли они о силе своих кулаков и об экономической общности интересов с преступным миром? Обнаружит ли духовно примитивный, думающий только о деньгах высший слой в борьбе с этой огромной опасностью дремлющие моральные силы, ведущие к действительному созданию государства, к духовной готовности жертвовать для него свою жизнь и собственность, вместо того чтобы по-прежнему рассматривать войну как средство наживы? Или же особые экономические интересы отдельных областей преобладают, что приведет, как уже было в 1861 году, к развалу страны на отдельные штаты – например, на индустриальные Северо-Восток, сельскохозяйственные области Среднего Запада, негритянские области Юга и на области, расположенные по другую сторону Скалистых гор?

Есть только одна страна, если не считать Японию, имеющая желание беспрепятственно проводить свои империалистические планы в Восточной Азии и Австралии, которая сделала бы все и принесла бы любые жертвы ради такого развала, – это Англия. Она уже делала это почти до объявления войны: в 1862–1864 годах во время гражданской войны, когда для южных штатов в английских портах строились и продавались военные и грузовые корабли, которые вооружались и получали назначение в европейских водах «Алабама» и были даже укомплектованы командой английских моряков. Сжигались и потоплялись торговые корабли Северных штатов везде, где были замечены. Тогда Англия неоспоримо господствовала на море. Это было единственной причиной, почему вашингтонское правительство не решилось объявить войну. «Свобода на море» была не чем иным, как свободой английской торговли. С 1918 года этому пришел конец. Англия, бывшая в XIX веке конторой мира, сегодня не имеет достаточно средств, чтобы быть во главе по темпам строительства флота, и вла-

сти ее уже недостаточно для того, чтобы с помощью силы предотвращать опережение других держав. Предчувствие этой исторической границы было одной из причин объявления войны Германии, и ноябрь 1918 года был, вероятно, последним коротким промежутком времени, когда эта бывшая великая держава могла позволить себе строить иллюзию большой победы. Но, несмотря на растущее отставание Англии в строительстве военных кораблей, о чем уже говорилось выше, само понятие господства на море претерпело существенные изменения. Наряду с подводными лодками, грозным оружием становятся самолеты, и благодаря им континентальные районы становятся важнее побережий и портов. Для французских бомбардировщиков Англия не была больше стратегически островом. Вместе с тяжелым броненосцем погружается в прошлое господствующая на морях Англия.

Но и английская нация по своей душе и расе не является больше сильной, молодой и достаточно здоровой, чтобы в этом ужасном кризисе с уверенностью выстоять. Англия устала. Она в XIX веке потеряла слишком много ценной крови за свои владения, через переселение в Америку, через климатическое вымирание в цветных колониях. И, прежде всего, у нее отсутствует соответствующая расе основа сильного крестьянства. Со временем господствующий слой норманнов, состоящий из германцев и кельтов, не отличающихся друг от друга, уже израсходовался. Везде проникает в господствующую элиту многочисленная изначальная народность, которую по ошибке называют кельтской¹ с ее инородным «французским» жизнеощущением, и благодаря которой старая олигархическая форма уважительного парламентского правления уже переходит в континентальную

¹ Это та же раса, к которой принадлежат французские крестьяне, буржуа и большинство испанцев, после того, как нордический элемент иссяк в войнах и через переселение. Истинно кельтские племена пришли с севера средней Европы лишь в середине первого тысячелетия до нашей эры, и вопрос состоит в том, отличаются они от германцев лишь языком или чем-то еще. Из них состояли во времена Цезаря галльские и британские дворяне, господствующие над обширным многочисленным населением, позднее ставшим франками, саксами и норманнами.

анархическую форму грязной партийной борьбы. Голсуорси с глубоким сопутствующим пониманием показал трагедию этих утрат в своей книге «Сага о Форсайтах». При этом капиталистический империализм экономически уступает идеалу рантье. Имеются значительные остатки былого богатства, но нет стимула бороться за новое. Промышленность и торговля постепенно устаревают в своих методах, не хватает даже творческой энергии для создания новых форм на основе американских и немецких образцов. Стремление к предпринимательству отмирает, и молодое поколение показывает духовное, моральное и мировоззренческое падение с той высоты, которой достигло качество английских предпринимателей в прошлом веке; и это ужасающее падение не имеет подобных примеров во всем мире. Старый лозунг «Англия надеется на то, что каждый выполняет свои обязанности», который до войны каждый молодой англичанин из благородной семьи Эпона и Оксфорда воспринимал лично, – сегодня пустой звук. Отпрыски истеблишмента играют с большевистскими проблемами, занимаются эротикой как спортом, а спортом как призванием и смыслом жизни. Люди старого поколения, которые занимали высокое положение, когда начиналась война, спрашивали себя в тревоге и сомнении: кто же после них должен защищать идеал Великой Британии? Бернард Шоу в своей пьесе «Американский король» показал, что «некоторым» лучше сражаться в безнадежной борьбе против всемогущества Америки, чем сидеть сложа оружие; но сколько таких будет через десять, двадцать лет? Согласно уставу Вестминстера 1931 года, Англия приравняла себе белые доминионы в качестве Содружества наций (Commonwealth of Nation). Англия отказалась от своего ведущего положения и объединилась с этими государствами на основе одинаковых интересов, прежде всего – в оборонительных целях, обеспечиваемых английским флагом. Но уже завтра Канада и Австралия без сентиментальностей могут обращаться к Соединенным Штатам в случае надобности, если они обнаружат там лучшую защиту своих интересов, например – как белые нации против желтой Японии. По другую сторону от Сингапура прошлое положение Англии уже

утеряно, и если она потеряет Индию, то ее позиции в Египте и в Средиземном море потеряют свое значение. Английская дипломатия старого стиля напрасно пытается мобилизовать, как в прошлом, союзников на службу своим интересам – против Америки для борьбы с долгами и против России для борьбы с большевизмом. Но это уже дипломатия прошлого. Свой последний роковой успех она имела в 1914 году. А что, если при последних усилиях традиционно пресыщенной английской гордости Россия и Америка достигнут соглашения? Это вполне возможно.

На фоне таких событий, в которых таинственно и угрожающе решаются судьбы всего мира, быть может, на сотни лет вперед, романские страны играют лишь провинциальное значение. Даже Франция с ее столицей становится лишь исторической достопримечательностью, как Вена и Флоренция, или Афины во времена Римской империи. До сих пор, пока в большой политике главную роль играло старое дворянство кельтского и германского происхождения, чьи генеалогические корни уходят ко временам, начиная с переселения народов и до крестовых походов примерно до Людовика XIV, были в политике большие цели – такие, как крестовые походы и основание колоний в XVII веке. Французский народ постоянно ненавидел становившимися сильными своих соседей – испанцев, англичан и, прежде всего, немцев, – потому что их успехи затрагивали его тщеславие как во времена Габсбургов, так и во времена Гогенцоллернов. Против них эта старая ненависть со времени неудавшейся «мести за Садову» выросла до безумия. Французский народ не любил думать о дальних пространствах и временах – как в политике, так и в философии; и свое стремление к славе (*gloire*) постоянно удовлетворял лишь присоединением или опустошением окраин на границах. Какой истинный француз воодушевляется огромными колониями в Западной Африке, за исключением высоких военачальников и парижских банкиров? Или по поводу колоний в Индокитае? И это же касается Эльзас-Лотарингии, которую они вновь «отвоевали» и которая, в связи с этим фактом, потеряла для них всякую привлекательность.

Французская нация делится все отчетливее на две части, духовно совершенно отличные друг от друга. Одна из них – многочисленный «жирондический» элемент, состоящий из провинциальных французов, приверженцев идеала рантье, крестьян и буржуазии. Все они не хотят ничего, кроме покоя, ставшие в грязи, жадности и тупости усталыми и неплодотворными. Они хотят лишь немного денег, вина и любви («amour»); они не хотят больше ничего слышать о большой политике, об экономическом преуспевании, о борьбе за значимые жизненные цели. Над всем этим находится постепенно уменьшающийся якобинский слой, который руководит судьбами страны с 1792 года и который дал название французскому национализму от старой смешной политической фигуры 1831 года – шовинизм. Он состоит из офицеров, промышленников, высших чиновников, из наполеоновского строго централизованного управления, журналистов, из парижской прессы, из депутатов всех партий и программ (быть депутатом в Париже означает частное дело, а не партийное), а также от некоторых сильных организаций, таких как ложи и союзы фронтовиков. Этот слой спокойно управляется уже сто лет международными парижскими финансистами, которые оплачивают прессу и выборы. Шовинизм уже давно, главным образом, стал бизнесом.

Господство этого высшего слоя покоится сегодня на непонятном, но истинном страхе провинции перед какой-либо внешнеполитической опасностью, на страхе перед обесцениванием сбережений, который поддерживается парижской прессой и умелым способом проведения выборов. Но этот настрой является на ближайшие годы опасностью для всех соседних стран – как Англии и Италии, так и Германии. Этот настрой был использован до 1914 года Англией и Россией для своих целей и является еще и сегодня инструментом для умелых политиков других стран. Образ Шовена постепенно перерастает в свою противоположность – в образ испанского Дон Кихота, – и вызывает уже сегодня в своей грандиозной комичности смех у половины мира: состарившийся смельчак, после многих героических поступков, с горой золота со всего мира, с содроганием

смотрит в окно перестроенного в крепость своего дома, до зубов вооруженный, обвешанный всевозможными видами оружия, окруженный своими тяжело вооруженными слугами, зовет всех своих вчерашних друзей на помощь и при виде всякого невооруженного соседа выходит из себя. Это конец великой нации (*grand nation*). Ее наследство в Средиземном море и Северной Африке станет, может быть, творением Муссолини, если оно достаточно долго будет находиться в его власти, чтобы получить необходимую духовную твердость и долговечность.

О всех этих государствах сегодня нельзя быть уверенным, будут ли они еще существовать в их современной форме до середины этого века. Англия может быть сведена к одному лишь острову. Америка может распасться. Япония и Франция, которые сегодня знают о значимости сильной армии, могут попасть в руки коммунистического диктатора. Будущие изменения в России отчасти даже невозможно вообще предугадать. Но современное положение будет определяться борьбой Англии и России на Востоке и Англии и Америки на Западе. В обоих случаях Англия будет терять свои позиции в экономическом, дипломатическом, военном и моральном плане, и потерянные ее позиции отчасти уже невозможно вернуть даже путем войны. Означает ли это необходимый выбор между войной и капитуляцией? Или для побежденных не будет даже выбора? Большинство англосаксов по обеим сторонам Атлантического океана сильнее верят в то, что они тесно связаны между собой кровью и традицией, чем это подтверждается в единых решениях. Но вера в то, что кровь гуще воды, для Англии и Германии не подтвердилась. Ненависть среди братьев всегда была сильнее, чем ненависть чуждых друг другу людей. И именно эта ненависть может из-за незначительного повода неожиданно вырасти в раздражение, которое невозможно остановить.

Так выглядит мир вокруг Германии. В этих условиях для нации без руководителя и оружия, обнищавшей и разрозненной, даже и простое существование невозможно обеспечить. Мы видели миллионы убитых в России и умерших с голоду в Китае, и это было для остального мира

лишь газетным сообщением, которое забылось на следующий день. Ни один человек не будет обеспокоен, если где-то в Европе произойдет нечто более страшное. Пугаются только угроз; с фактами совершившимися быстро примиряются. Умрет отдельный человек или народ — их место будет занято. И в этом положении мы, немцы, еще ничего не сделали, кроме шума о партийных идеалах и общей распри, о преимуществах отдельных профессий и отдельных районов. Но отказ от мировой политики не защищает от ее последствий. В те же годы, когда Колумб открыл Америку, а Васко да Гама — морской путь в Индию, когда западноевропейский мир свою власть и свое богатство начинал распространять по всему миру, по поручению английских купцов был закрыт стальной двор в Лондоне, который был последним символом былой силы ганзейской торговли. Таким образом, немецкие купцы исчезли из океанов, потому что не было немецкого флага, который мог бы развеваться на их мачтах. Тем самым, Германия стала страной слишком бедной для большой политики. Она должна была вести свои войны на чужие деньги, и выполнять услуги за эти деньги, и делала это ради убогих клочков собственной земли, которые передавались от одного карликового государства другому. Отдаленные великие события не брались во внимание и не понимались. Под нашей политикой понималось нечто настолько убогое и мелкое, что ею могли заниматься только люди очень низкого характера. Наступит ли это «сегодня» снова в эти решающие десятилетия? Должны ли мы, как мечтатели, фантазеры и спорщики, быть проглоченными событиями и ничего после себя не оставить, что закончило бы нашу историю величественно? Игра в кости за мировое господство началась. Она будет доиграна до конца сильными людьми. Не должны ли между ними быть и немцы?

БЕЛАЯ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА 10

Так выглядит век мировых войн, в начале которого мы находимся. Но позади оказался второй элемент ужасных изменений – мировая революция. Что она хочет? За что она выступает? Что означает это слово в глубоком его смысле? Ее полное содержание сегодня понимается так же мало, как и исторический смысл Первой мировой войны, которая уже находится позади нас. Речь идет не об опасности для мировой экономики большевизма из Москвы, как полагают одни, и не об «освобождении» рабочего класса, как думают другие. Это только поверхностные вопросы. Прежде всего: эта революция не только угрожает нам, но мы стоим в середине ее не со вчерашнего или сегодняшнего дня, но уже более столетия. Она перекрещивает «горизонтальную» борьбу между государствами и нациями вертикальной борьбой между ведущими слоями белых народов и другими слоями, на заднем плане началась уже вторая опаснейшая часть этой революции: нападение на всех белых со стороны общей массы цветного населения земли, которая постепенно понимает свою общность.

Эта борьба господствует не только между слоями людей, но, отсюда, и между слоями духовной жизни, доходящей до отдельного человека. Почти каждый из нас имеет в себе эту двойственность чувствования и мышления, хотя этого даже и не понимает. Поэтому только немногие приходят к ясному взгляду, на чьей стороне они действительно стоят. Но именно это и показывает внутреннюю необходимость этого решения, которое выходит далеко за рамки личных желаний и дел. Здесь мало помогают заголовки – большевизм, коммунизм, классовая борьба, капитализм и социализм, – из которых происходит господствующая мода в мышлении и с помощью которых каждый думает точно очертить проблему, поскольку не способен заглянуть

в глубину фактов. Аналогичное происходило и во всех прошлых культурах на этом этапе, насколько нам известны подробности¹.

Что касается античного мира, то о нем нам известно достаточно много. Пик революционного движения приходится на время от Гракхов до Суллы, но борьба против ведущего слоя и его общей традиции началась за столетие до этого Фламинием, чей закон о земле от 232 года по праву называется Полибием началом деморализации народной массы. Это развитие было лишь временно прервано войной с Ганнибалом, к концу которой рабы уже входили в «гражданское войско». После убийства обоих Гракхов и их главных врагов юным Сципионом Африканским быстро исчезают охранительные силы староримской традиции. Марий, выходец из низшего слоя и даже не уроженец Рима, создает первое войско не на основе всеобщей воинской повинности, а из преданных ему лично и им же оплачиваемых добровольцев, и с помощью этого войска беззастенчиво и кроваво вмешивается во внутренние дела Рима. Старые роды, в которых на протяжении столетий формировались государственные способности и моральное самосознание и которым Рим был обязан положением как мировой державы, большей частью были истреблены. Римские центурионы попытались вместе с варварскими племенами в Испании основать враждебное государство, а Спартак призвал рабов Италии к уничтожению Римского государства. Война против Югурты и предательство Катилины показали падение самих господствующих классов, чьи безродные элементы были готовы в любой момент ради своих грязных денежных интересов обратиться за помощью к врагу и народу на форуме. Саллуст полностью был прав: из-за наличных денег, которых жаждали как плебс, так и богатые спекулянты, были утрачены честь и величие Рима, его раса, его идея. Но эти городские, со всех сторон сбежавшиеся массы были, как и сегодня, немобилизуемы и неорганизованны изнутри, для того чтобы бороться за свое «право» на самоуправление, за свою «свободу» от давления господ-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 522, 560.

ствующих слоев; но были использованы как средство для целей политиков, преследующих цели наживы, и профессиональных революционеров. Из этих кругов развивалась «диктатура снизу» как необходимое последнее следствие радикальной демократической анархии, тогда как сегодня Полибий, обладающий государственным опытом и острым взглядом на ход событий, еще за тридцать лет до К. Гракха убедительно предсказал: «Когда они прячутся за высшими государственными должностями и не могут удержать их по причине отсутствия личных достоинств и способностей, тогда они начинают растрачивать деньги, с тем чтобы любым способом привлекать и вводить в заблуждение массы. В результате этого политического стремления народ привыкает получать подарки и ожидает денег без работы; тем самым демократия заканчивается, ее место занимает насилие, право кулака. Ибо как только эта масса, живущая за счет чужой собственности, привыкшая к надежде на содержание за счет других, находит себе тщеславного и смелого лидера, то она сразу использует силу своих кулаков. И сейчас она, объединившись, свирепствует убивая и изгоняя, грабя чужое имущество до тех пор, пока, полностью одичав, не попадает во власть неограниченного диктатора». «Но собственно катастрофа получается по вине масс, которые переоценивают свое значение вследствие жадности и тщеславия. Стремясь себя возвысить, они во всех переговорах готовы слушать только о страданиях, не подчиняются больше руководителям государства, даже считают их ниже себя, требуя права на окончательные решения. Когда доходят до такого состояния, государство стремится прикрыться красивыми словами о свободе и самоуправлении народа, но в действительности оно получает ужасную форму охлократии, диктатуры толпы».

Такая же диктатура не то чтобы угрожает сегодня белым народам, но мы находимся под ее полнейшим господством, причем столь глубоко и так естественно, что даже больше не замечаем ее. «Диктатура пролетариата», то есть диктатура использующих его профсоюзов и партийных функционеров всех направлений, является свершившимся фактом, независимо от того, формируют ли они правитель-

ства или покоряют их путем страха перед «гражданами». Этого хотел Марий, но потерпел крах из-за отсутствия всякого политического дарования. Но зато его племянник Цезарь имел его достаточно и завершил ужасную революционную эпоху своей формой «диктатуры сверху», которая на место партийной анархии поставила безграничный авторитет сильной личности, – форме, которой он навсегда дал это имя. Его убийство и его последствия уже ничего не могли в этом изменить. Начиная с него, борьба идет уже не вокруг денег или освобождения социального гнева, но только вокруг обладания абсолютной властью.

Эта борьба не имеет ничего общего с борьбой между «капитализмом» и «социализмом». Напротив: класс крупных финансистов и спекулянтов, римских *equities*, которых, начиная с Моммзена, совершенно неверно переводят как «рыцарство», всегда очень хорошо взаимодействовал с плебсом и его организациями, с клубами выборщиков (*sodalicia*) и с вооруженными бандами – такими, как банда Мило и банда Клодия¹. Они давали деньги на выборы, восстания и на подкупы, и Г. Гракх для этих целей отдавал им провинции для безграничной эксплуатации под прикрытием государства, где они создали ужасную нищету своими грабежами, ростовщичеством и продажей в рабство населения целых городов. Кроме того, они заняли суды, в которых могли осуждать свои собственные преступления и при этом одновременно себя оправдывать. За это они обещали Гракху все и позволили ему и его серьезным реформам провалиться, как только их собственные выгоды были закреплены. Этот союз между биржей и профсоюзами имеет место сегодня так же, как и тогда. Причина этого – в естественном развитии подобной эпохи, так как это соответствует общей ненависти против государственного авторитета и руководителей производства, которые мешают анархическим тенденциям добычи денег без усилий. Марий – политически величина незначительная; как и все народные руководители партий, и его помощники Сатурний и Цинна думали так же, как и Гракхи; поэтому Сулла, националь-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 566.

ный диктатор, организовал после погрома Рима такую ужасную резню финансистов, после которой этот класс больше никогда не оправился. Начиная с Цезаря, этот класс полностью исчезает из истории как политический элемент. Его существование как политической силы тесно было связано с эпохой демократической партийной анархии, потому он и не пережил ее.

ГЛАВА 11

Эта революция длится более чем столетие и в своей глубокой основе не имеет ничего общего с «экономикой». Она является длинным периодом разложения всей жизни культуры, понимаемой как жизненное тело. Распадается внутренняя форма жизни, и тем самым исчезает сила, которая с помощью творческой работы создает единство истории государств, религий, искусств; делает их выразительными для внешнего мира, после того как культура созрела до максимальной высоты своих возможностей. Отдельный человек в своем личном существовании лишь следует общему ходу событий. Его дела, поведение, воля, мышление, переживания с необходимостью образуют в этом развитии один элемент, даже если и не очень значительный. И если все это он путает с простыми вопросами экономики, то это уже признак падения, которое происходит внутри него независимо от того, чувствует и понимает он это или нет. Само собой разумеется, что экономические формы в такой же мере являются культурой, как и государства, религии, мысли и искусства¹. Но обычно имеют в виду не формы экономической жизни, которые вырастают и исчезают независимо от человеческой воли, а материальный доход от экономической деятельности, который сегодня сопоставляется со смыслом культуры и истории, и падение которого рассматривается совершенно материалистично и механистично в качестве «причины» и содержания мировой катастрофы.

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 586.

Сценой этой революции жизни, ее «почвой» и одновременно ее «выражением», является большой город, который начинает создаваться в позднее время всех культур¹. В этом каменном и окаменевшем мире собирается во все возрастающем масштабе потерявшая корни народность, оторванная от крестьянской жизни, «масса» в самом худшем понимании, бесформенный человеческий песок, из которого можно создать искусственные, и поэтому мимолетные, образования, партии, на основе программ и идеалов созданные организации, в которых отмерли естественные силы, основанные на смене поколений с традициями насыщенного роста, и, прежде всего, отсутствует естественная плодovitость жизни, инстинкт к продолжению семьи и рода. Многодетность, первый признак здоровой расы, становится обузой и высмеивается². Это серьезнейший признак «эгоизма» людей, живущих в большом городе; людей, ставших самостоятельными атомами эгоизма, который не является противоположностью сегодняшнему коллективизму, — между ними вообще нет различия; куча атомов не живет, чем отдельный атом, а его противоположность — в стремлении продолжать жить в крови потомков, в творческой заботе о них, в длительности своего имени. В то же время в невероятных количествах растет голая интеллигентность — это единственное цветение, этот сорняк на городских булыжниках. Это уже не скупая, глубокая мудрость старых крестьянских родов, которая оставалась истинной, пока эти роды жили; но это пустой дух дня, газет, литературы, собраний народа; дух без крови, который критически разъедает все, что еще осталось истинного, то есть живые остатки выросшей культуры.

Ибо культура является растением. Чем совершеннее какая-то нация представляет культуру, к благороднейшим творениям которой принадлежат сами культурные народы, тем решительнее она несет на себе отпечаток истинного культурного стиля, тем богаче ее рост подчинен положению и рангу, благочестивой дистанции, начиная с коренно-

¹ Ibid. S. 117.

² Politische Schriften. S. 138, 269

го крестьянства и до высших слоев городского общества. Здесь важна высота формы, традиции, воспитания и нравов, врожденный приоритет для ведущих родов, слоев, личностей, интересов жизни и общей судьбы. Общество в таком понимании остается свободным от умственных делений и фантазий, или же оно перестает существовать. Прежде всего, оно строится по рангам, а не по «экономическим классам». Этот английский материалистический взгляд, который, начиная с Адама Смита, развился вместе с рационализмом, благодаря его росту и почти за сто лет до Маркса превратился в упрощенную и циничную систему, не станет вернее из-за того, что он утвердился и в настоящее время подчинил себе все мышление, видение и волю белых народов. Он является признаком падения общества — и больше ничего. Уже до конца этого столетия люди будут с удивлением спрашивать себя, как могло всерьез быть принято это деление общественных форм и ступеней на «работодателей» и «наемных», то есть в соответствии с количеством денег, которое отдельный человек имеет, или хотел бы иметь, в качестве состояний, ренты или зарплаты, а не в соответствии с тем, каким образом, связанным с сословием, оно было получено и стало действительной собственностью. Это точка зрения пролетариев и ростовщиков, которые, в принципе, представляют один и тот же тип, все те же растения на городских булыжниках — от воров и агитаторов в переулках до спекулянтов биржи и партийной политики.

«Общество» означает наличие культуры, формы, достигающей до мельчайших оттенков в поведении и мышлении; формы, которые выкристаллизовывались в результате длительной муштровки всех поколений, представляют собой жесткие нравы и взгляды на жизнь, которые все бытие пронизывают тысячами обязанностей и связей, никогда не высказываемых и редко понимаемых. Тем самым все причастные к этому люди делаются единым жизненным целым, часто далеко выходящим за границы отдельных наций, как знать эпохи крестовых походов и XVIII века. Это определяет ранг, то есть «иметь мир». Это уже у германских племен обозначалось почти мистически честью. Эта

честь есть сила, которая пронизывает всю жизнь поколений. Честь отдельного лица была только чувством безусловной ответственности отдельного человека за честьсловия, профессии, за национальную честь. Отдельный человек жил вместе с общим, и существование других было равно его существованию. Если он что-то совершал, то отвечал за всех, и тогда человек умирал не только духовно, если становился бесчестным, если его чувство чести смертельно оскорблялось своей или чужой виной. Все, что называют обязанностями, является предпосылкой всякого настоящего права, основой любого приличного обычая, происходит от чести. Свою честь имеет любой крестьянин, как и всякий мастеровой, купец или офицер, чиновник и старые княжеские роды. У кого ее нет, кто «не придает этому значение», кто не может ее отстаивать сам и перед себе подобными, – тот является «низменным». Эта противоположность уважительности в смысле любого настоящего общества, а не бедность, не недостаток денег, как полагает современный человек, потерявший всякий инстинкт, всякое чувство приличия, когда общественные манеры всех «классов» и «партий» стали уподобляться плебейским.

В старое высшее общество Европы, которое в конце XVIII века находилось на высоте жизни и свободы форм более недостижимой и в некоторых признаках уже становящееся слабым и больным, вырастает в сороковых годах еще и добившаяся успеха англо-пуританская буржуазия, которая имела тщеславие стать равной высшему дворянству в его ведущей роли в жизни и, по возможности, с ним слиться. В этом принятии все новых потоков человеческих жизней сказывается сила старых естественных форм. Из собственников плантаций на юге Испании и в английской Северной Америке давно сформировалась истинная аристократия по типу испанских грандов и английских лордов. Последняя была уничтожена во время гражданской войны 1861–1865 годов и была заменена финансистами из Нью-Йорка и Чикаго с процентами от их миллиардов. Уже после 1870 года новая немецкая буржуазия вырастала в строгие формы жизни сословия прусских офицеров и чиновников. Это является предпосылкой общественного существова-

ния: кто своими качествами и внутренней силой достиг высших слоев общества, должен быть воспитан в строгой форме, в понимании безусловности нравов, должен стать дворянином, чтобы затем сыновьям и внукам самому представлять и передавать эти формы. Жизнеспособное общество постоянно обновляет себя представителями ценной крови, которых оно получает как с низов, так и извне. Доказательством внутренней силы жизненной формы является то, насколько она может принять, отшлифовать и приравнять их, не становясь при этом непрочной. Но как только эта жизненная форма утрачивает самостоятельность, как только она допускает критику своей необходимости хотя бы на словах, она сразу же прекращает свое существование. Теряется взгляд на необходимость деления, устанавливающего любому типу людей и человеческой деятельности свое место в жизни целого; то есть теряется смысл необходимости внутреннего неравенства частей, с которым идентично всякое органическое строение. Теряется внутренний смысл своего ранга; люди разучиваются воспринимать подчиненность как нечто само собой разумеющееся; в такой же мере и как следствие этого, нижние слои общества перестают подчиняться и считать такое подчинение необходимым и обоснованным. Здесь, как и всегда, революция в верхах подготавливает революцию в низах. «Всеобщие» права раздаются всем, даже тем, кто никогда и не думал их требовать. Однако общество основано на неравенстве людей. Это естественный факт. Бывают натуры сильные, слабые, призванные к управлению и не способные к нему, творческие и не одаренные, честолюбивые, ленивые, тщеславные и спокойные. У каждого есть свое место в общем порядке. Чем значительнее культура, тем более она напоминает деление животного или растительного тела, тем сильнее отличаются друг от друга элементы в их строении; — отличаются, но не противостоят друг другу, ибо противоречие вносится сознательно. Никакой провинный батрак не думает рассматривать крестьянина как себе равного, и всякий старший рабочий, который сам что-то делает, не позволяет тона равенства с ним своему необученному помощнику. Это естественное понимание челове-

ческих отношений. «Равные права» противоречат природе; они являются признаками разложения общества, ставшего старым; они есть начало его неизбежного распада. Интеллектуальной тупостью является стремление заменить на что-то другое столетиями складывавшееся и скрепленное традицией устройство общества. Нельзя заменить жизнь на нечто другое. После жизни есть только смерть.

Все это в глубокой основе своей неизменно. Люди стремятся не изменить и улучшить, но уничтожить. Из любого общества постоянно падают вниз опустившиеся элементы: использованные семьи, павшие члены высших родов, неудачники, больные духовно и телесно, — они собираются, сидят в пивных, помогают при переездах, участвуют в драках. Они все так или иначе вырожда, люди, у которых в теле отсутствует активная раса, а голова их наполнена требованиями своих прав и мезтью за свою неудачную жизнь; их главной частью тела является рот. Это дрожжи больших городов, собственно плебс, подземелье в любом смысле, которое организуется по принципу умышленного противостояния во всем большому и порядочному миру, объединяясь в ненависти к нему; здесь можно встретить представителей политической и литературной богемы, выродившихся дворян, таких как Катилина, Филипп Эгалите, Герцог Орлеанский, несостоявшихся ученых, искателей приключений и спекулянтов, преступников и проституток, воров, сумасшедших — вперемешку с несколькими грустными мечтателями в какие-нибудь абстрактные идеалы. Всех их связывает неясное чувство мести за какую-нибудь неудачу, которая испортила им жизнь; отсутствие чувств чести и долга, а также не знающая преград жажда денег без работы и прав без обязанностей. Из этого выделяющего испарение круга появляются все герои дня всех движений плебса и радикальных партий. Здесь слово «свобода» имеет кровавый смысл эпох падения. Под ним понимается свобода от всех условий культуры, от всех нравов и форм, от всех людей, чью жизнь они воспринимают в тупой ярости, как более лучшую. В гордости и спокойствии переносимая нищета, молчаливое выполнение обязанностей, отречение для службы задаче или убеждению, величие в несении судьбы,

верность, честь, ответственность, деловитость — все это постоянно осуждается как «унижение и оскорбление».

Ибо, да будет еще раз сказано, противоположностью приличного является не бедность, а низменность. Низкое мышление и чувства этого подземелья используются оторванными от корней, во всех своих инстинктах ставшими неустойчивой массой больших городов для достижения своих собственных целей и наслаждения мстостью и разрушением. Потому этому растерянному множеству людей внедряют «классовое сознание» и «классовую ненависть» путем нескончаемых речей и писаний; потому ведущие слои общества — «богатые», «могущественные» — в прямой противоположности к их истинному значению обзывают преступниками и эксплуататорами, а себя, наконец, предлагают в качестве спасителей и вождей. Все «права народа», о которых наверху рационалистически болтают из-за больного настроения и безостановочного мышления, воспринимающиеся в низах общества как нечто само собой разумеющееся, начинают требоваться «обездоленными» ни в коем случае не для народа, поскольку ему таковые права всегда принадлежат, и он никогда и не думал о том, чтобы их требовать, — он даже не знает, что с ними делать. Эти права предназначались не для «народа», а для дрожей, для самих себя назначенных «народных представителей», которые образуют радикальные партии и занимаются как профессионалы борьбой против существующей власти, беря при этом под свой контроль массы через право выбора, свободу прессы и террор.

Так появляется нигилизм — глубокая ненависть низов общества каждой превосходной формы к культуре как к внутреннему содержанию, против общества — как к ее носителю результатов истории. То, что кто-то имеет форму, владеет ею, чувствует себя хорошо в ней, в то время как низкий человек ощущает ее как цепи, в которых он не может свободно двигаться; то, что такт, вкус, смысл традиции являются наследием высокой культуры и предполагают воспитание; то, что существуют круги, в которых чувство долга и самоотверженность не смешны, а достойны уважения, — все это вызывает глухую ненависть, которая в про-

шлые времена пряталась за углом, и там, как у Терсита, злобствовала, а сегодня она лежит в основе широкого низменного мировоззрения всех белых народов. Ибо само время стало низким, и большинство даже не знает, на какой ступени они сами находятся. Пошлые манеры всех парламентов, всеобщее стремление участвовать в грязных делах, если они обещают деньги без работы, джаз и негритянские танцы как духовное выражение всех кругов, продажное стремление женщин краситься, тяга литераторов в своих романах и пьесах под общие аплодисменты сделать смешными строгие взгляды приличного общества, плохой вкус даже в высшем дворянстве и в старых княжеских родах к устранению любого общественного насилия, любого старого обычая — все это доказывает, что тон задают плебеи. В то время как одни здесь осмеивают приличные формы и старые нравы, потому что они не носят их внутри себя в качестве руководства для поведения, не понимая, что при этом речь идет о бытии и небытии, — другие выказывают свою уничтожающую ненависть, стремление разрушить все, что не каждому доступно, что выше их и потому должно быть, наконец, унижено. Не только традиция и обычай, но и любой вид утонченной культуры, красоты, грации, вкуса к одежде, уверенные формы общения, избранный язык, сдержанная осанка, которые говорят о воспитании и о внутренней дисциплине — все это раздражает низких людей до глубины. Уважительно воспитанное лицо, маленькая ножка, которая легко и нежно ступает по асфальту, — все противоречит демократии. *Otium cum dignitate* вместо спектаклей боксерских боев и шестидневных гонок, знакомство с настоящим искусством и старой поэзией, даже радость от ухоженного сада с прекрасными цветами и редкими сортами фруктов, — все это хочется сжечь, разрушить, уничтожить. Культура, по их убеждению, является врагом. Поскольку ее творение нельзя понять, невозможно внутренне усвоить, потому что она «не для всех», — потому ее необходимо уничтожить.

Это и есть тенденция нигилизма: не думают о том, чтобы воспитать массы до высоты настоящей культуры, — это тяжело и неудобно и могут отсутствовать предпосылки.

Напротив: здание общества должно быть снижено до уровня плебеев. Должно господствовать всеобщее равенство: все должны стать одинаково пошлыми. Одинаковыми способами добывать деньги и одинаково отдавать их на развлечения: «хлеба и зрелищ» – большего человеку не надо, большее ему не понятно. Превосходство, манеры, вкус, любой внутренний ранг являются преступлениями. Нравственные, религиозные, национальные идеи, брак ради детей, семья, государственное величие – все они старомодны и реакционны. Вид улиц Москвы показывает цель, но не надо вводить себя в заблуждение: это не московский дух, который здесь победил. Большевизм зародился в Западной Европе, а точнее – начиная с английских материалистических кругов, в которых Вольтер и Руссо вращались как ученики, а в якобинстве континента он нашел реальное выражение. Демократия XIX века уже есть большевизм; ей не хватает только мужества быть до конца последовательной. Один только шаг отделяет взятие Бастилии и всеобщее равенство с помощью гильотины от идеалов и уличных боев 1848 года – года коммунистического манифеста; и еще один шаг отсюда до краха по-западному сложившихся царств. Большевизм не угрожает нам – он уже овладел нами. Их равенство есть равенство народа с плебеями, их свобода есть освобождение от культуры и ее светского общества.

ГЛАВА 12

Любой высокой культуре принадлежит, наконец, еще нечто и даже с необходимостью того, что низкие натуры приводит в зависть и ярость, – это собственность в ее первоначальном смысле как старое длительное владение, унаследованное от отцов или выросшее в процессе десятилетий напряженного и самоотверженного труда, за которым следят и которое увеличивают ради сыновей и внуков. Богатство является не только предпосылкой, но, прежде всего, следствием и выражением превосходства, и не только в смысле способа его приобретения, но и умения приспособить и использовать его в качестве элемента действительной культуры. Необходимо, наконец, открыто сказать,

хотя это и бьет по лицу пошлости нашего времени: владение – это не обуза, а дар, к которому способны не многие. Этот дар является результатом длительной тренировки из поколения в поколение. Иногда, у основателей рода, – результатом сильных расовых качеств, и почти никогда – результатом одной гениальности без всех предпосылок воспитывающего окружения и примеров из прошлого. Речь идет не о том сколько имеют, но чем и каким образом владеют. Простое количество как самоцель – пошло. Можно иметь собственность как средство желаяния и владения властью. Это подчинение экономического успеха политическим целям подтверждает старую истину, что ведение войны и управление государством связано с деньгами. Это понимал Цезарь, когда он захватил и разграбил Галлию, а в наши дни это понимает Сесиль Роде, когда он захватил в свои руки южноафриканские месторождения, чтобы здесь основать государство по своему личному вкусу. Никакой бедный народ не в состоянии иметь большие политические успехи; если он к тому же полагает бедность достоинством, а богатство грехом, то вообще не добьется никаких успехов. Собственность – это оружие. Глубинный, не совсем понимаемый смысл германских морских и наземных походов состоял в том же: с помощью награбленных сокровищ строились корабли и набиралась свита. Королевская щедрость характерна для такого вида воли к власти. Она является противоположностью жадности и скупости, расточительности финансов и женской любви к ближнему. Но здесь не об этом речь. Я говорю о владении по мере того, как его имеет в себе культурная традиция. Оно означает внутреннее превосходство; оно выделяет целые классы людей. Не многие принадлежат к таковым: маленький, хорошо содержащийся крестьянский двор, проворный ремесленник, нашедший признание, маленький садик, за которым ухаживают с любовью, чистый дом шахтера, несколько книг или оттисков старого искусства. Важно то, что эти вещи превратились в личный мир и что личность их пронизывает. Истинное владение есть душа, и вследствие этого – истинная культура. Мерять его меркой денег является каким-то недоразумением или осквернением. Делить его по-

сле смерти владельца есть один из видов убийства. Германское понимание наследия было таково: идея нераздельного единства, пронизанного душой умершего, владевшего наследием; оно не было суммой, которую можно поделить. Но кто это понимает? Кто имеет еще сегодня глаза и чувство внутреннего, почти метафизического различия между добром и деньгами?¹ Настоящее добро является тем, к чему человек внутренне прирастает, как германский воин к своему оружию, которое он, как собственность, берет в свой гроб, как крестьянин — к своему двору, на котором работали еще отцы, как купец старого стиля — к фирме, носящей его фамилию, как истинный ремесленник — к своей мастерской и своей профессии: тому, чья ценность для владельца не может быть выражена в деньгах, но состоит в привязанности, разрушение которой касается самой жизни. Поэтому-то истинное «владение» в глубоком смысле всегда неподвижно. Оно связано с владельцем. Оно состоит из вещей, а не из того, что в них «вложено»², как простая собственность, которую можно выразить только количественно и которая совершенно бездомна. Поэтому набирающие силу семейства всегда стремятся владеть землей, как первоначальной формой недвижимости, а теряющие силу — превратить свои земельные владения в наличные деньги. В этом также состоит отличие культуры от цивилизации.

Но «деньги» — это абстракция³, чистое множество в смысле рынка, который можно измерить только математически в какой-нибудь валюте. Возможность за одну ночь получить деньги — от выигрыша и грабежа до выгодных дел с политикой и биржевыми спекуляциями — с суммами, которых нет в наличии; с другой стороны, возможность в любое время их истратить — вот что составляют единственное достоинство денег. В этом смысле нищие и финансисты едины, и в этом же смысле имеется внутреннее родство между большевизмом и американизмом. Сколько получил денег вождь радикальной партии, или сколько «име-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 597.

² Politische Schriften. S. 138, 269.

³ Politische Schriften. S. 138.

ет» спекулянт, — это должно быть показано. Дворцы ставших богатыми якобинцев, задирающих нос финансистов после французских налогов на аренду XVIII века и американских миллионеров — все они говорят на одном языке. Так же было и в старом Риме, где Мартиал, Ювеналий, Петроний издевались по поводу выставления напоказ слишком быстро полученных денежных масс. Конечно, раздаются все ради себя, даже если что-то спонсируется, проматывается или покровительственно ложится другому в карман: главное, чтобы видели. Весь мир должен знать, иначе в этом не будет смысла. Люди испытывают наслаждение от траты денег. Они хотят изображать из себя меценатов, потому что слышали об этом, но дают деньги только тем, кого в Мюнхене называют пряностями, покровительствующими хвастунами, — копиям римских тримальхио. Дома наполняют вещами, в которых ничего не понимают, — важным является лишь их цена. Вся торговля предметами искусства сегодня, как и во времена Цезаря¹, построена на этом. Но самых бессмысленных «транжителей» и «кутил» можно найти в кабаках, где пропиваются и проигрываются грязные доходы и партийные оклады, а не в буржуазных домах патрициев, не в земельных угодьях старых родов. Отсутствует культура, традиция наслаждения, которая умеет из мелочей делать многое, которую нельзя купить за деньги; и, несмотря на это, склонность к такому виду превосходства съедает всех людей с пошлой натурой. Необходимо всякий раз повторять, особенно сегодня, когда в Германии «национальные» революционеры в восторге от идеалов всеобщей нищеты и убожества, как просящий милостыню монах, в полном согласии с марксистами объявляют богатство в любой форме преступлением и бременем и борются со всем, что имеет превосходство в смысле высокой культуры, что связано со способностью приобретать собственность, ее сохранять и использовать из зависти к таким способностям, которые у них отсутствуют: всякая высокая культура нераздельно связана с роскошью и богатством. Роскошь, нахождение среди вещей культуры, кото-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 599.

рые духовно связаны с личностью, является предпосылкой всех творческих времен. Например, для возникновения великого искусства, которое сегодня уже только потому не существует, что, начиная с прошлого века, действительная жизнь искусства прекратилась, она протекает в обществе, между знатоками и создателями великих работ, а не на выставках, не у культурных критиков, не у «народа» и, тем более, не у «публики». Богатство, которое собирается у нескольких человек высшего сословия, является, кроме того, важной предпосылкой для воспитания руководителей через высокоразвитую среду, без которой невозможна здоровая экономическая жизнь и невозможно развитие политических способностей. Изобретатель может быть бедным человеком, но если он живет в нищей стране, его дарование не достигнет зрелости; если перед ним не будут стоять большие задачи, это дарование часто даже не осознается. Это же относится и к политике, и к искусству. Поэтому с 1648 года немцы были отстранены от мира и стали народом теоретиков, поэтов и музыкантов, поскольку для этого не нужно денег. Они путали и путают сегодня романтические картины с реальной политикой, ибо они ничего не стоят, но могут принести успех. Богатство, однако, всегда относительно. То что в 1770 году в Англии означало небогатое положение, в Пруссии считалось богатством. То же самое и бедность: прусский дворянин был в свои лучшие времена беден, поэтому, в отличие от английского, был беден политическими дарованиями, предпосылкой возникновения которых была, за редкими исключениями, жизнь в высшем свете: он был беден, но не чувствовал себя бедным¹. Недостаточность необходимой собственности и доходов не является сама по себе несчастьем или нищетой; так же, как и их наличие не означает в обыденном смысле счастья. Не сам факт, а только определенное отношение к нему, восприятие различий как противоположностей, зависть, делают людей несчастными. Чтобы кто-нибудь по-

¹ Конечно, и не как достоинство, что нужно всегда повторять. Громкая любовь к бедности так же предосудительна, как и хула на богатство: за этим кроется злость на собственную неспособность покончить с ней.

чувствовал себя неудовлетворенным своим положением, необходимо, чтобы кто-то это приличное существование принизил, что и было всегда задачей демагогов всех времен. Альбрехт Дюрер в Нюрнберге радовался, как простой человек, глядя на роскошь высших сословий. Что-то от блеска своего родного города получал и он, понимая, что от этого зависит стиль его жизни, и что в другом месте он не смог бы чувствовать себя счастливым. Именно для необразованного рассудка батраков и ремесленников вполне понятно, что собственность означает, прежде всего, ответственность, заботу и работу. Но с XVIII века начинается господство рационального мышления над жизнью, историей и человеческой судьбой. Зависть планомерно провоцируется, и, хотя она прилежному и не ленивому рабочему совершенно не свойственна, она навязывается демократическими профессиональными политиками, вышедшими из низов, писателями на потребу дня, такими как Руссо, которые зарабатывают на этом деньги или же удовлетворяют свои больные чувства. Желание завладеть чужой собственностью, которую называют воровством, без того, чтобы при этом презирать или обращать внимание на связанные с ней работу и дарование, проповедуется как мировоззрение и приводит к соответствующей политике снизу.

С этим связано и начало приобретения общественной революцией в обществе экономических тенденций, которые выражаются в агитационных теориях. Они не имеют никакого отношения к целям экономики, к ее организации, но заботятся лишь о денежной ценности ее запасов и выручки. Искусственно создается противоположность богатства и бедности для организации борьбы между ними. Люди хотят иметь «все», все что есть, на чем можно сделать деньги путем раздела или общего владения, а все, что нельзя забрать, — уничтожить, чтобы другие не могли этим воспользоваться. Из подобного чувства и мышления, идущего не из нижних слоев общества, а от его вождей, самопровозгласивших себя, возникло все то, что в античности было связано с разделом богатств, а сегодня называется классово-вой борьбой и социализмом. Это — борьба между верхами и низами общества, между руководителями государства и

руководителями сброда, которые используют рабочий класс только в качестве объекта и средства для собственных целей. А общество, ставшее старым, может лишь слабо противостоять своим закоренелым врагам, которые ведут беспощадное наступление, доходящее до установления цезаризма диктатуры пролетариата, устанавливающего конец гракховским и катилиновским тенденциям.

ГЛАВА 13

Таким образом, имеются все предпосылки, для того чтобы описать «белую» революцию в полном объеме – ее цели, продолжительность и логическое развитие. Этого пока еще никто не отважился сделать. Может быть, до сих пор это и невозможно было сделать, пока не стали в решающие десятилетия ясными последствия Первой мировой войны. Скепсис, предпосылка исторического взгляда, разносторонний взгляд на историю, как и презрение к людям – необходимое условие глубокого знания людей, – все это не приходит сразу.

Революция эта начинается не в материализме XIX века и тем более не в большевизме 1917 года. Начиная с середины XVIII столетия, она присутствует «перманентно», как выражается один из ее приверженцев. Именно тогда берет свое начало рационалистическая критика, которая себя гордо называет философией просвещения¹. Она стремилась разрушить теологическую систему христианства и являлась мировоззрением образованных слоев, теологией без воли к системе, без стремления обращать внимание на факты действительности, на государство, на общество и, наконец, на развитые формы экономики. Она начала лишать своего исторического содержания понятие «народ», право и правительство, представила противоположность между богатством и бедностью материалистически, как моральное противоречие, которое она пропагандировала, но по-настоящему в него не верила. Сюда следует отнести и политэкономия, которая была основана Адамом Смитом

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 374.

около 1770 года в кружке Хартли, Пристли, Мандевилля и Бентама. Она рассматривала человека как приложение к экономике¹ и «объясняла» историю понятиями «цена», «рынок», «товар». От этого идет понимание работы не как содержания жизни и призвания, а как товара, которым торгует работающий².

Все муки творчества и деяния сильных личностей забыты. С одной стороны, воля, направленная на приказания и господство, на власть и добычу, стремление к новому, ненависть, месть, гордость за свою силу и успех; с другой — зависть, лень, отравляющее чувство неполноценности. Остаются только законы денег и цен, находящих свое выражение в статистике и графиках кривых.

Параллельно с этим начинается распад пресыщенного духом общества, аплодировавшего «Свадьбе Фигаро» господина «де» Бомарше, поставленной, несмотря на запрет короля, в замке Женневиль для ухмыляющего придворного дворянства; романам господина «де»³ Вольтера, которые проглатывались высшими кругами от Лондона до Петербурга, рисункам Хогартса, путешествиям Гуливера и шиллеровским «Разбойникам», «Коварству и любви» — единственно гениальным творениям революционной прозы, своей публикацией доказывающим, что они принадлежали отнюдь не низшим слоям общества⁴. То, что было написано «просвещенными» кругами высшего общества — письма лорда Честерфилда, максимы герцога Ларошфуко, «Система природы» барона Гольбаха — были уже вне одухотворенной дискуссии и остались непонятыми, не говоря уже о том, что читать и писать тогда могли не все представители среднего класса.

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 583.

² Politische Schriften. S. 79.

³ Не только этот мелкобуржуазный кладовщик и литератор, сыновья часовщика Карона и служащего налоговой службы Аруэта, но и «де» Робеспьер, еще во времена национального собрания незаконно присвоили себе дворянские титулы. Они хотели принадлежать к обществу, которое они разрушали, и это характерная черта всех подобных революций.

⁴ Как и социалистические пьесы и романы 80-х годов и большевистские произведения после 1918 года, которые оплачивались во всех столицах Западной Европы, хотя были против нее направлены.

Однако профессиональные демагоги хорошо понимали городские низы; они ничего другого не умели, как говорить речи и писать памфлеты, лозунги которых использовались для агитации в массах. В Англии беспорядки начались в 1762 году из-за случая с Вильксом, осужденным за оскорбление правительства в прессе, за что впоследствии он постоянно избирался депутатом Палаты общин. На собраниях и во время регулярных погромов за выкриками «Вилькс и свобода» следовали требования свободы прессы, всеобщего избирательного права и даже республики. Тогда Марат написал свой первый памфлет «The chains of slavery» в Англии и для англичан (1774). Освобождение американских колоний (1776), объявление ими всеобщих прав человека и республики, их деревья свободы и добродетели – они исходили, в конечном счете, из английских движений тех лет¹. Начиная с 1779 года, возникают клубы и тайные общества, которые распространяются по всей стране, требуя революции, а с 1790 года во главе с министром Фоксом и Шериданом посылают Конвенту и якобинцам пожелания успехов, письма и советы. Если бы господствующая английская плутократия не была намного энергичнее, чем трусливый двор в Версале, революция в Лондоне произошла бы раньше, чем в Париже². Парижские клубы, прежде всего фолианты и якобинцы, включая их программу, связи по всей стране и форму агитации, были не чем иным, как копией английских клубов. Они заменили французское слово *citoyen* на *citizen* и новое *citizennes* и использовали его для обращения к своим членам; они переняли фразу «Свобода, равенство, братство», как и обозначение королей тиранами. С этого времени и до сегодняшнего дня форма

¹ Лоялисты – не республикански настроенные американцы – выехали более или менее добровольно в Канаду.

² В Германии дело до этого не дошло, потому что отсутствовала собственная столица с агитаторами, мелкими литераторами и профессиональными преступниками. Идеологи там были. Следует вспомнить Георга Форстера и других, которые в Майнце, а затем в Париже, выступали в качестве якобинцев и погибли за свои убеждения. В 1793 году политические клубы англо-французского образца были запрещены законом.

подготовки революции оставалась неизменной. Тогда возникло «всеобщее» требование свободы прессы и собраний, в качестве средства для достижения основной цели политического либерализма – освобождения от этических условий старой культуры; – требование, которое ни в коей мере не было всеобщим, а лишь называлось так жившими за счет этого крикунами и писаками, стремящимися с помощью этой свободы достичь свои частные цели. Но старое общество, поглощенное разумом, образованные обыватели XIX века, жертвы этой свободы, возводят ее в идеал, так что любая критика ее подоплеки отсутствует. Сегодня, когда мы видим не только надежды XVIII века, но и их последствия в XX веке, можно, наконец, об этом говорить. Свобода от чего и для чего? Кто оплачивал прессу и агитацию? Кто на этом заработал? Эти свободы везде показали себя тем, что они есть, – средством нигилизма для уравнивания общества, средством подпольного мира для инъекции своего мнения в массу населения больших городов, которая своего мнения не имеет. Для этой цели данное средство обещает быть наиболее успешным¹. Поэтому в настоящее время с этими свободами, к которым относится и всеобщее избирательное право, снова борются, их устраняют, превращают в свою противоположность, когда цель достигнута и их пользователи получают в свои руки власть. Так было в якобинской Франции 1793 года, в большевистской России и в республике профсоюзов Германии с 1918 года. Когда здесь было наибольшее количество запретов на газеты: в 1820-м или в 1920 году? Свобода была всегда свободой для тех, кто хотел захватить власть, а не устранить ее.

Этот активный либерализм последовательно прогрессирует от якобинства к большевизму. Это не противоположность мышления и желания. Это ранняя и поздняя форма, начало и конец единого движения. Она началась около 1770 года с сентиментальных «социально-политических» тенденций: строительство общества, согласно сословию и

¹ «О свободе прессы никто не кричит, кроме тех, которые хотят ее использовать в других целях» (*Гёте*).

рангу, должно быть уничтожено, появляется желание вернуться к «природе», к однородному стаду. Место сословий должны занять несовместимые с ними деньги и интеллигентность, контора и кафедра, счетовод и писарь, — без манер, без обязанностей, без дистанции. Только с 1840 года эта тенденция переходит в «политэкономическую». Вместо того чтобы бороться против знатных, она борется теперь с собственниками — от крестьян до предпринимателей. Представители этого движения обещают уже не равенство прав, а преимущество неимущих; уже не свобода для всех, а диктатура столичного пролетариата, «рабочего класса». Но это не является отличием в мировоззрении; оно было и остается материалистическим, утилитаристским; меняются только революционные методы: профессиональные демагоги мобилизуют другую часть народа на классовую борьбу. Вначале, около 1770 года, осторожно обращались к крестьянам и ремесленникам в Англии и во Франции. Воззвания (*cachiers*) сельских и провинциальных депутатов 1789 года, которые должны были изобразить «возмущение нации», были написаны профессиональными зазывалами¹, и большей частью избирателей так и не были поняты. Эти слои имеют слишком много укоренившихся традиций, для того чтобы быть использованными в качестве средства, в качестве орудия. Без плебса восточных пригородов господство террора в Париже было бы невозможно. Нужны в постоянном наличии кулаки из большого города. Неправда, что тогда речь шла об «экономической» нужде. Налоги и сборы были достаточно велики. Всеобщее избирательное право должно было быть ударом по общественному порядку. Поэтому Конвент потерпел неудачу: крестьяне и ремесленники для профессиональных демагогов не были надежными приверженцами. У них было врожденное чувство дистанции. У них было слишком много инстинкта и слишком мало городской интеллигентности. Они были прилежны и кое-чему научены; кроме того, они хотели оставить в наследство сыновьям свой двор или свою мастерскую, поэтому программы и лозунги действовали на них недолго.

¹ *Wahl A. Studien zur Vorgeschichte der französischen Revolution. 1901. S. 24.*

Лишь начиная с 1840 года, развитая пишущая и говорящая демагогия Западной Европы¹ находит лучшее средство для своих целей: лишенную корней массу, которая собралась на северных европейских месторождениях угля², представленную в виде индустриальных рабочих. Необходимо, наконец, прояснить один факт, который остается полностью закрытым в тумане партийно-политической борьбы: не «экономическая нищета», в которую привело «пролетариат» «капиталистическое общество», породила социализм, а профессиональная агитация, которая целенаправленно создала этот взгляд на вещи. Она же, начиная с 1789 года, нарисовала совершенно ложный образ обнищавшего крестьянства³, поскольку надеялась найти в нем своего безропотного приверженца. Образованное и полубразованное крестьянство поверило этому и верит до сих пор. Слову «рабочий», начиная с 1848 года, придается священное значение, хотя не задумывается о его смысле и границах его применения. «Рабочего класса» нет в экономической структуре ни одного народа⁴, ибо что общее имеют шахтер, матрос, подмастерий портного, металлург, официант, служащий банка, батрак и дворник? Однако именно он становится политической действительностью, агрессивной партией, расколовшей все белые народы на два фронта, из которых один должен кормить войско партийных функционеров, массовых ораторов, газетных писак и «представителей народа» и своей кровью обеспечивать их частные цели. В этом состоит смысл его существования. Антагонистичность капитализма и социализма – слова, дать определение которым пыталась огромная литература, но безуспешно, поскольку лозунгам невозможно дать оп-

¹ Все ее известные лидеры принадлежат к «буржуазии». Оуэн, Фурье, Энгельс были «предпринимателями», Маркс и Лассаль – «академиками», Дантон и Робеспьер – юристами, Марат – врачом. Остальные были писателями и журналистами. Среди них нет ни одного рабочего.

² Politische Schriften. S. 331.

³ Вскоре от этого отказались, поскольку не было желаемого эффекта. На самом деле французские крестьяне времен Людовика XVI жили лучше, чем где-то еще в Европе.

⁴ Untergang des Abendlandes II. S. 596.

ределение. Они выведены не из действительности, а лишь являются увлекательной конструкцией. Маркс использовал их для описания английской тяжелой промышленности, что стало возможным потому, что он не заметил людей, занятых в сельском хозяйстве, торговле, на транспорте и в управлении. Эта картина времени настолько мало имеет общего с действительностью, что даже теоретически разделяла людей Юга и Севера. Граница лежит где-то на линии Лион–Милан. На романском юге, где очень мало необходимо для жизни и где люди мало работают, где нет угля и, соответственно, тяжелой промышленности, где люди другой расы иначе мыслят и чувствуют, – там развиваются анархические и синдикалистские тенденции, стремящиеся к разложению больших народных организмов на негосударственные, маленькие, самодостаточные группы. На Севере же, где морозная зима заставляет людей много трудиться, а работа становится необходимостью для борьбы с голодом и холодом, возникает система авторитарного социализма, основанная на германской воле к власти, стремящейся к организации и преследующей цель пролетарской диктатуры над всем миром. И благодаря тому, что в течение XIX века угольные месторождения северных стран способствовали доселе небывалой концентрации людей и национального богатства, демагогия внутри и вне их границ получила совершенно другую силу. Высокие зарплаты английских, немецких и американских фабричных рабочих победили, потому что они не были «голодными зарплатами» и превышали низкие зарплаты сельскохозяйственных рабочих юга. Вследствие «капиталистического» преимущества партийных средств марксизм победил теории Фурье и Прудона. Крестьянство всеми ими игнорируется. В качестве орудия для классовой борьбы оно не имеет большого значения уже потому, что не может в любой момент выходить на баррикады: традиция иметь собственность и постоянную работу противоречит намерениям теории; поэтому крестьянство игнорируется в лозунгах коммунистических программ. Буржуазия и пролетариат – это запоминается; и чем доверчивее человек, тем меньше он замечает все то, что остается вне этой схемы.

Любая демагогия создает свою программу для той части нации, чья мобилизация служит ее целям. В Риме, начиная от Фламина до Гракха, это было италийское крестьянство, желающее земли. Отсюда происходит раздел галльских областей южнее реки По, осуществленное первым, и требование раздела государственных земель, высказанное вторым. Но Гракх потерпел неудачу, потому что массы крестьян, пришедшие в Рим для референдума, должны были вернуться домой для сбора урожая. С этого момента демагоги, типа Кинна и Катилины, переориентировались на рабов, и вместо прилежных рабочих, как это было в греческих городах, начиная с Клеона, они стали обращаться к безработному плебсу любого происхождения, бродящего по улицам Рима в надежде на еду и развлечения – в поисках хлеба и зрелищ! Поскольку в течение столетия эту массу пытались привлечь на свою сторону с затратами, постоянно растущими, она разрослась до такого размера, что после Цезаря стала постоянной опасностью для правительства мирового города. Чем низменнее этот сброд, тем легче его использовать. Поэтому большевизм, начиная с Парижской Коммуны 1871 года, пытается влиять не на обученного и прилежного рабочего, который думает о своей семье, а на боящихся работы подонков больших городов, готовых в любой момент грабить и убивать. Поэтому в Германии, с 1918 года и до годов с наивысшей безработицей, правящие профсоюзные партии не решались внести законодательное различие между теми, кто не имеет работы, и теми, кто не хочет ее иметь. В это время, наряду с поддержкой мнимой безработицы, существовал недостаток в рабочих руках, прежде всего в сельской местности, и никто не хотел этому серьезно помешать. Медицинские страховки тысячами были использованы не по назначению, а для того чтобы отлынивать от работы. Безработица вначале буквально выращивалась марксистами. Понятие «пролетарий» исключало радость от работы. Рабочий, который что-то может делать и гордится своими успехами, не считает себя пролетарием. Он мешает революционному движению. Он должен быть пролетаризирован, деморализован, чтобы быть пригодным. Это и есть большевизм, в котором рево-

люция находится на пике своего развития, хотя и не в его конце.

То, что большевизм считается русским созданием, грозящим захватить Западную Европу, показывает поверхностность мышления всего «белого» света. На самом деле он возник в Западной Европе как логическое продолжение последней фазы либеральной демократии 1770 года и как триумф политического рационализма, то есть подгонки живой истории под бумажные системы и идеалы. Его первым проявлением большого стиля была, после июньских битв 1848 года, Парижская коммуна 1871 года, которая была близка к тому, чтобы завоевать всю Францию¹. Только армия помешала этому и немецкая политика, морально поддержавшая эту армию. Тогда, а не в России 1917 года, появились в оккупированной столице рабочие и солдатские советы, которые Маркс, мало разбирающийся в практических вопросах, рекомендовал в качестве возможной формы коммунистического правления. Тогда впервые были осуществлены массовые убийства «врагов народа», которые стоили Франции больше жертв, чем вся война с Германией. В действительности, тогда господствовал не рабочий класс, а презирающие работу подонки, дезертиры, преступники и заключенные, литераторы и журналисты, среди которых, как всегда, было много иностранцев – поляков, евреев, итальянцев, даже немцев. Но это была специфически французская форма революции. О Марксе не было речи, тем более о Прудоне, Фурье, якобинцах 1792 года. Свободный союз больших городов, то есть их низших слоев, должен унижить и покорить сельские районы и маленькие города – типичная для романского анархизма мысль. Нечто аналогичное пытался сделать в 1411 году мясник Кабош вместе с плебсом Парижа, организованным по-военному. В 1917 году в Петербурге это было только скопировано аналогичным «западным» плебсом и с теми же лозунгами. Но «азиатская» душа этой русской революции тогда еще не проявилась, и ей до сих пор не удастся преодолеть западно-

¹ Восстания произошли также в Лионе, Марселе, Тулузе, Крейсоте, Нарбонне, то есть именно на юге.

коммунистические формы советского правления. Она нашла свое первое выражение в восстании Пугачёва в 1772–1775 годах, охватившего всю нижнюю Волгу и некоторое время угрожавшего Москве, а тем самым – и царизму. Религиозно настроенные крестьяне¹, среди которых были целые казацкие племена, убивали представителей петровской, «по-европейски» оформленной, России, попадавшим им в руки: офицеров, чиновников и, прежде всего, дворян нового типа. Подобное сделали бы сегодня с удовольствием с представителями советской бюрократии их потомки, или сделают это, возможно, в будущем. Ненависть к думающему чужими системами режиму, против которой Москва этих дней все меньше может себя защитить, очень стара и восходит к сопротивлению стрельцов Петру I. Западные демократы и социалисты по характеру своего мышления не могут иметь эту ненависть. Здесь видна противоположность между действительным большевизмом, находящимся внутри всех «белых» народов и включающим в себя демократию и социализм, и ненавистью всего цветного населения мира против белой цивилизации, включая ее революционные течения.

Но как относится «общество» западноевропейской цивилизации, называющее себя в сегодняшней Англии средним классом, а на континенте – буржуазией, и также забывшее крестьян с 1770 года², а особенно после 1848 года, к факту прогрессирующей революции снизу, которая уже давно прошла свой либеральный подготовительный этап и презирает требуемые политическим просвещением свободы прессы, объединений, собраний и всеобщее избирательное право, после того как она использовала разложение до последней возможности? Это глава позора, которую должны будут еще написать историки. Возникнув на основе первичных фактов господства, сословия и собственности, буржуазия направила на них же нигилистический удар, «по-

¹ «То была Божья воля, наказать Россию моими делами», – сказал Пугачёв своим судьям.

² Слова *citoyen* и *bourgeois*, начиная с 1789 года, действительно означают волю города, направленную против деревни.

няв», празднуя и поддерживая его. Это интеллектуальное самоубийство было высокой модой прошлого столетия.

Необходимо вновь и вновь констатировать, что это общество, в котором сейчас происходит переход от культуры к цивилизации, больно; оно больно в своих инстинктах, поэтому и в своем духе. Оно не защищает себя. Оно смакует издевательство над собой и свое разложение. Начиная с середины XVIII века, оно распадается на два лагеря: на либеральный и на противостоящий ему, неуверенно защищающийся консервативный. В консервативный лагерь входят небольшое количество людей, которые на основе уверенного инстинкта видят политическую действительность, понимают, откуда и куда все движется, пытаются препятствовать этому, смягчить и предотвратить падение. Сюда относятся люди из окружения Сципиона в Риме, на основе мировоззрения которого Полибий написал свою историческую работу; а также Берк, Питт, Веллингтон Дизраэли в Англии, Меттерних и Гегель, позже Бисмарк в Германии, Токвиль во Франции. Они пытались защитить силы старой культуры: государство, монархию, армию, сословное сознание, собственность, крестьянство. Это вызвало возражения, и они были заклеены как «реакционеры» – словом, которое придумали либералы и которое сегодня используется против них их марксистскими питомцами, после того как они попытались не допустить крайних последствий своих дел: в этом состоит их хваленый прогресс. В либеральный лагерь входят все, кто имеет городскую интеллигентность, или, по крайней мере, восхищается ею как соответствующему времени признаком превосходства, как властью будущего, которое уже сегодня является прошлым.

Здесь журнализм превозносится до господствующего выражения времени. Это критический разум XVIII века, разбавленный и упрощенный для потребления духовными посредственностями. Нельзя забывать, что греческое слово *krinein* означает рвать, разбирать, разлагать. Драма, лирика, философия, даже естественные науки и историография¹,

¹ Вспомните Хенкеля. История Рима Моммсена представляет собой памфлет представителя революции 1848 года против «помещиков и по-

становятся статьями и фельетонами, с явной тенденцией, направленной против всего, что консервативно и что однажды впитало благоговение. Партии становятся либеральной заменой сословий и государства; революция в форме периодической массовой предвыборной борьбы – всеми средствами денег и «духа»; и даже насилие, согласно методу Гракхов, становится конституционным. Управление, как смысл и задача государственного существования, подвергается нападкам: над ним издеваются и опускают до уровня партийных сделок. Но слепота и трусость либерализма идет дальше. Толерантность защищается разрушительными силами столичных дрожжей, однако к себе не применяется. С ужасной сентиментальностью восхищается «высшее» общество Западной Европы русскими нигилистами и испанскими анархистами, празднует с ними, водит их из одного эlegantного салона в другой. В Париже, в Лондоне и, прежде всего, в Швейцарии поддерживается не только их существование, но и их подпольная деятельность. Либеральная пресса снова говорит об улучшении условий содержания в тюрьмах этих мучеников свободы и ни слова не говорит о многочисленных защитниках общественного порядка, о простых солдатах и полицейских, которые, исполняя свой долг, подрываются на бомбах и гибнут под пулями¹.

Понятие пролетариата, специально созданное социалистическими теоретиками, буржуазией принимается. В действительности, оно не имеет ничего общего с тысячами видов тяжелой и сложной работы – от ловли рыбы до печача

пов» совершенно с ложным представлением о внутреннем развитии Рима. Эрнст Эдуард Мейер в работах «Исследование истории Гракхов» и «Монархия Цезаря и принципат Помпея» описал непартийную историю этих событий.

¹ Когда Шопенгауэр в своем завещании передал некоторую сумму денег для родственников солдат, погибших в Берлине в 1848 году, больше никто не подумал об этих жертвах революции; под руководством Гучкова разразились вопли писателей об этом позоре. Этот же дух проявляется и в сочувствии к большевистскому массовому убийце Троцкому, когда «буржуазные» правительства Западной Европы отказали ему в государственной охране при посещении курорта.

тания книг, от лесоповала до вождения локомотива. Прилежными рабочими оно презируется и воспринимается как ругательное слово. Оно призвано помочь столичному плебсу разрушить общественный порядок. Только либерализм использовал это слово как устоявшееся понятие и поместил его в центр всеобщего политического мышления. Под именем натурализма возникла малодушная литература и изобразительное искусство, которые подняли грязь до эстетического удовольствия, а пошлые чувства и мысли пошлых людей – до уровня общего мировоззрения. В понятие «народ» включается уже не вся нация, а только часть городской массы, настроенная против общества. Пролетарий предстает как герой на сцене прогрессивного мещанства, а вместе с ним – проститутка, тунеядец, подстрекатель, преступник. С этого момента становится модным и современным смотреть на мир снизу, из забегаловки, из дурного переулка. Именно тогда в либеральных кругах Западной Европы, а не в России 1918 года, возник «пролеткульт». Тяжелая по своим последствиям смесь полувранья, полутупости начинает занимать головы образованных и полубразованных: «рабочий» становится особым человеком, особым народом, смыслом и целью истории, политики, общественной заботы. При этом забывается, что все люди работают, что другие делают более важные работы: изобретатели, инженеры, организаторы. Никто уже не пытается подчеркнуть ранг и качество результатов работы как масштаб их ценности. Только измеренное часами время считается работой, а «рабочий» является одновременно бедным и несчастным, ограбленным, голодающим, эксплуатируемым. Только для него используются слова «забота» и «нужда». Никто уже ни думает о крестьянах, их проблемах, связанных с неплодородной землей, плохими урожаями, опасностью града и холода; о проблемах, связанных с продажей продуктов. Никто уже не думает о жалком существовании бедных ремесленников промышленных районов, о трагедиях мелких лавочников, изобретателей, врачей, которые за каждую крошку хлеба должны работать в страхе и опасности, и тысячами незаметно разоряются.

Только «рабочий» достоин сострадания. Только он один поддерживается, обеспечивается, страхуется. Больше того – его делают святым, обожествляют. Весь мир вертится вокруг него, человечество и нация должны служить ему. Можно насмеяться над тупым и толстым крестьянином, над ленивым чиновником, над хитрым лавочником, не говоря уже о судье, офицере и предпринимателе – возлюбленных объектах всяческих злобных шуток; но не кто не посмел бы насмеяться над «рабочим» в подобном тоне. Все другие являются праздношатающимися, но не он. Все эгоисты, кроме него. Вся буржуазия машет кадилом перед этим фантомом; кто так же много работает в своей жизни, тот должен стать перед ним на колени. Его существование выше всякой критики. Сначала буржуазия породила подобного рода вещи, выставляя себя «представительницей народа». Рабочим долго говорили об этом, пока они действительно не почувствовали себя использованными и бедными, пока они полностью не потеряли всякий масштаб для измерения своих заслуг в действительности. Либерализм, исходя из этих тенденций демагогии, является формой, с помощью которой большое общество пытается покончить с собой самоубийством. В этой перспективе оно отказывается от самого себя. В классовой борьбе, которая ведется против самого общества, борьбе отчаянной и бескомпромиссной, оно готово к политической капитуляции, после того как само помогло отлить оружие для врагов. Только консервативный элемент, который в XIX веке был очень слаб, может предотвратить такой конец в будущем.

ГЛАВА 14

Кто же собрал и организовал эту массу рабочих в большие города и индустриальные области, настроил ее цинической пропагандой на массовую борьбу против большинства нации? Это не прилежный и обученный рабочий, «упирающийся» (Вагабунд), как его называют с презрени-

ем в своей переписке Маркс и Энгельс. В своем письме от 9 мая 1851 года Энгельс пишет Марксу о демократическом красном и коммунистическом сбросе. Он писал Марксу 11 декабря 1851 года: «Что это еще за подонки, которые разучились себя бить?». Рабочий является только средством для достижения частных целей профессиональных революционеров. Он должен себя бить сам, чтобы вызывать ненависть к консервативным силам и удовлетворять их голод к власти¹. Если бы захотели признать только самих рабочих представителями рабочих, то левые скамейки во всех парламентах стали ли бы пустыми. Среди создателей теоретических программ и руководителей революционных акций нет ни одного, который действительно в течение многих лет работал бы на фабрике². Политическая богема Западной Европы, где, начиная с середины XIX века, развился большевизм, состоит из тех же самых элементов, из которых состоит революционный либерализм с 1770 года. Независимо от того, произошла ли февральская революция 1848 года в Париже за «капитализм», а июньская бойня – против, «свобода и равенство» 1789 года служило среднему слою, а 1973-го и 1918 годов низшим слоям, – цели инициаторов этих движений были одни и те же, и остаются сегодня теми же в Испании, и, может быть, завтра проявят себя в Соединенных Штатах. Это сброд, во главе которого – неудачники академических профессий, духовно не способных и душевно больных; из них и появляются ганг-

¹ Фридрих Ленц в своей книге «Государство и марксизм» (1921, 1924) доказал, что только по этой причине Маркс боролся с государствами Святого альянса, прежде всего с Пруссией и Россией, перед тем как он стал в 1843 году социалистом; и что позже он готов был отказаться от своей теории промышленного пролетариата и заменить ее на теорию крестьянского движения, чтобы гарантированно добиться уничтожения царизма.

² Тем более рабочие, которые, с помощью своего старания и таланта, достигли руководящих постов и стали предпринимателями. Бебель с яростной ненавистью позорил это как предательство рабочего класса. По его мнению, «целенаправленный» путь рабочего может вести только через партийного секретаря к руководителю масс.

стеры либеральных и большевистских восстаний. «Диктатура пролетариата» означает их собственную диктатуру с помощью пролетариата; она означает месть счастливым и преуспевающим – последнее средство для успокоения их большого тщеславия и подлой зависти, выросшее из чувства собственной неполноценности: последнего выражения утраченных инстинктов.

Среди всех этих юристов, журналистов, учителей, художников, техников стараются не замечать одного типа, наиболее рокового среди всех, – опустившегося священника. Забывают глубокое различие между религией и Церковью. Религия – это личное отношение к всевышним силам, выражающееся в мировоззрении, в смиренных обычаях и определенном поведении. Церковь – это организация священников для борьбы за мирскую власть. Она дает им власть над религиозными формами жизни и над людьми, которые с ними связаны. Поэтому она является врагом всех других институтов власти: государства, сословия, нации. Во время Персидской войны священники из Дельфи агитировали за Ксеркса и против национальной обороны. Кир смог завоевать Вавилон и свергнуть последнего халдейского царя Набонеда благодаря поддержке священников из Мардука. Истории Древнего Египта и Древнего Китая полны подобных примеров. В Европе перемирие между монархией и Церковью, трон и алтарем, дворянством и священством имело место только во время борьбы с третьей силой, обещающей большие выгоды. «Мир мой не от мира сего», – это высказывание можно отнести к любой религии. Оно предаст любую Церковь. Но всякая Церковь разлагается фактом ее существования в условиях исторической жизни: она вынуждена думать политически и экономически, она ведет дипломатические войны и сражения, делит с другими властями последствия юности и старости, роста и разложения. Но, прежде всего, она не честна по отношению к консервативной политике и традиции в государстве и обществе, что не соответствует понятию Церкви. Все новые секты в своей основе враждебны государству и собственности. Они направлены против сословий и рангов

и выступают за всеобщее равенство¹. Также и политика стареющей Церкви: как бы консервативна она ни была по отношению к самой себе, но, как только начинается борьба между традицией и сбродом, она постоянно испытывает искушение быть либеральной, демократической, социалистической, то есть уравнивающей и разрушающей.

Все священники – люди, и поэтому судьба Церкви зависит от составляющего ее человеческого материала. Даже строгий выбор, как правило, не может предотвратить того, что во времена общественного распада и революционного развала берут верх пошлые инстинкты и пошлое мышление. Во все подобные времена имеет место священнический плебс, который предаст достоинство и веру Церкви партийно-политическим интересам, связывается с разрушительными силами и с сентиментальными фразами о любви к ближнему и помощи бедным, способствует разрушению общественного порядка – порядка, с которым Церковь навсегда связана судьбою. Религия есть душа верующих. Церковь ценится священниками, из которых она состоит.

В начале Французской революции наряду с толпой разложившихся аббатов, которые долгие годы насмешливо писали и говорили о монархии, авторитете и сословиях, стоит расстриженный монах Фуше и вероломный епископ Талейран – оба убийцы царей и крупные воры, наполеоновские герцоги и предатели страны. С 1815 года христианский священник все чаще становится демократом, социалистом, партийным политиком. Лютеранство и кальвинизм, которые как таковые не являются Церковью, не вели эту разрушительную политику. Лишь отдельные священнослужители уходили «в народ» и в рабочую партию, говорили на собраниях выборщиков и в парламентах, писали о «социальном» вопросе и стали демагогами и марксистами. Католический же священник, более тесно связанный

¹ И, наоборот, любое революционное движение, совершенно не желая и часто не замечая того, имеет тенденцию к принятию культовых форм.

с Церковью, тащил за собой по этому пути всю Церковь. Она впутывалась в партийную агитацию: вначале — как действенное средство, в конце — как жертва этой политики. Католическое профсоюзное движение с социалистическими и синдикалистскими тенденциями было во Франции уже при Наполеоне III. В Германии оно возникло после 1870 года из-за опасения, что красные профсоюзы полностью захватят власть над массами индустриальных районов. Вскоре они нашли взаимопонимание. Все рабочие партии смутно понимают свою общность, хотя вожди их друг друга ненавидят.

Уже прошло много времени с тех пор, когда всемирно-политический взгляд Леона XIII создал свою школу, а в Германии руководил Церковью настоящий церковный князь кардинал Конн. Тогда Церковь понимала, что должна быть консервативной силой, и знала совершенно точно, что ее судьба тесно связана с другими консервативными силами — с государственным авторитетом, монархией, с общественным порядком и собственностью; что в классовой борьбе она должна безусловно стоять на «правой» стороне и бороться против либеральных и социалистических сил, что от этого зависит, сможет ли она, как сила, пережить революционные времена. Это быстро изменилось. Духовная дисциплина подорвана. Плебейские элементы в священстве тиранизируют своей деятельностью всю Церковь до самых высоких постов, и последние вынуждены молчать, чтобы не показать миру свое бессилие. Дипломатия Церкви, когда-то солидная, предвидящая ход событий на десятилетия вперед, во многих областях уступает место низким методам политики злобы дня, партийной демократической агитации снизу с несолидными уловками и лживыми аргументами. Мыслят и действуют на уровне столетнего отрепья. Стремление к власти редуцировалось до уровня мелкого тщеславия выборов и союзов с другими партиями плебса с целью материальных выгод. Подонки в священстве, раньше державшиеся строгих рамок, руководят сегодня со своим пролетарским мышлением ценной частью клира, которая душу человека считает важнее его

голоса на выборах и воспринимает метафизические вопросы серьезнее, чем демагогические нападки на экономическую жизнь. Тактические ошибки, как в Испании, где посчитали возможным отделить трон от алтаря, несколько десятилетий назад не пришли бы никому в голову. Однако после мировой войны Церковь, старая власть со старыми и крепкими традициями, прежде всего в Германии, начинает терять свое влияние даже среди своих верующих из-за агитации своих низменных представлений в пользу классовой борьбы и за общность с марксизмом. В Германии существует католический большевизм, который опаснее антихристианского, поскольку он прячется под маской религии.

Все коммунистические системы Западной Европы выросли из христианско-теологического мышления – «Утопия» Мора, «Город Солнца» доминиканца Кампанеллы, учение ученика Лютера Карлштадта и Томаса Мюнцера, государственный социализм Фихте. Все то, о чем мечтали и писали Фурье, Сен-Симон, Оуэн, Маркс и сотни других, исходит от знания и воли к христианскому моральному разоружению – от схоластических понятий, политэкономического мышления, от стремления втайне влиять на общественное мнение о социальных вопросах. Сколько от естественного права и понятия государства Фомы Аквинского присутствует у Адама Смита и в Коммунистическом манифесте! Христианская теология является бабушкой большевизма. Это все те же абстрактные рассуждения об экономических понятиях, далекие от экономического опыта, которые, если их смело и честно довести до конца, ведут к умственным заключениям против государства и собственности; и, не замечая недостатков подобного взгляда, материалистический схоластик видит в конце своей цепочки аргументов ее начало: действительный коммунизм – это авторитарная бюрократия. Чтобы реализовать этот идеал, необходима диктатура, господство страха, вооруженная власть, неравенство между рабами и господами, пронизывающее и подчиняющее; короче – московская система. Но есть два вида коммунизма. Один – людей верующих в доктрину, или основанный на женской чувствительности,

чуждый и враждебный миру богатых злых счастливицков и приписывающий бедность смелым несчастным. Он кончается или в туманной утопии, или в уходе в аскезу, в монастырь, в богему и бродяжничество, где пропагандируется никчемность всех экономических стремлений. Другой, «мирской», связанный с реальной политикой, хочет через своих приверженцев из-за чувства зависти и мести разрушить общество, ибо по своим личным талантам они занимают слишком низкое место в обществе. На основе какой-нибудь программы они поднимают за собой массы, чтобы удовлетворить свою жажду власти. Но и он охотно прячется за маской религии.

Даже марксизм является религией, — правда, не для его создателей, а в том, что сделали из него революционные последователи. В нем есть святые, апостолы, мученики, отцы Церкви, своя Библия и свой Мессия. В нем есть догмы, суды, ортодоксия и схоластика, но, прежде всего, — народная мораль, или, точнее, две: для посвященных и непосвященных, как и в любой другой Церкви. А то, что его учение насквозь материалистично, составляет ли большое отличие? Священники, которые агитационно вмешиваются в экономические вопросы, становятся от этого меньше священниками? Что же такое христианские профсоюзы? — Нечто другое, как христианский большевизм. С начала рациональной эпохи, то есть с 1750 года, материализм существует как с христианской терминологией, так и без нее. Как только понятия бедность, голод, нищета, работа и зарплата, смешиваются с моральной тональностью в словах «богатый» и «бедный», «справедливый» и «несправедливый», на чем основываются социальные и экономические требования пролетарского типа, то есть требования денег, — тогда человек становится материалистом. И тогда наступает с внутренней необходимостью на месте алтаря партийный секретариат, на месте жертвенника — выборная касса, и профсоюзный чиновник становится наследником Святого Франца.

Этот материализм поздних больших городов является формой практической морали и, если захочет, может быть кроме того «верой». Это способ видеть историю, общест-

венную и личную жизнь «экономически» и понимать под экономикой не жизненную профессию и содержание жизни, а метод, как можно меньшими усилиями получить как можно больше денег и удовольствия – «хлеба и зрелищ». Большинство сегодня даже не понимают, как материалистически они думают и существуют. Можно неистово молиться и каяться, постоянно повторять слово «Бог»¹, можно даже быть священником из убеждения, и все равно оставаться материалистом. Христианская мораль, как и любая мораль, является моралью отречения и не чем другим. Кто этого не понимает, тот материалист. «Каждый должен в поте лица добывать хлеб свой», – то есть тяжелую жизнь не считать несчастьем и не пытаться обойти ее с помощью партийной политики. Но для пролетарской пропаганды на выборах это высказывание все-таки нельзя использовать. Материалист хочет есть свой хлеб и видеть других трудящихся в поте лица: крестьян, ремесленников, ученых, руководителей экономики. Известное ушко иголки, через которое проходят некоторые верблюды, узко не только для богатых, но и для всех, кто путем забастовки, саботажа и выборов выдавливает повышение зарплаты и сокращение рабочего времени, как и для тех, кто занимается этой деятельностью ради власти. Это практическая мораль рабских душ: рабами становятся не через свое положение в жизни –

¹ Эта мода сегодняшних ораторов и писателей доказывает, что речь идет о лозунге, о пустом понятии, а не о выражении религиозного обновления и внутреннего переживания. Существуют глубокие религии и религиозные убеждения великих людей в Китае, Индии, в Античности и сегодня в Европе, атеистические, пантеистические или политеистические. Старогерманское слово *god* вначале было среднего рода множественного числа и лишь благодаря христианской пропаганде стало мужского рода единственного числа. То, как пытаются обозначить непонятную тайну окружающего мира и вообще пытаются ли, не имеет никакого отношения к рангу религиозного видения и поведения. Здесь путают религиозное с конфессиональным признанием определенных учений и предписаний и с клерикальным признанием претензий священства. В действительности глубина религии зависит от личности тех, в ком она живет. Без профанной набожности нежизнеспособна даже религия священства.

рождения в определенное время и в определенном месте, — а через пошлое стремление смотреть на мир снизу вверх. Речь идет о том, что завидуют богатым или занижают их заслуги, ненавидят тех, кто, благодаря своим личным качествам, получает ранг руководителя; например, бывший ученик слесаря становится изобретателем или владельцем фабрики. Но этот материализм, который остается для морали отречения непонятен и смешон, является не чем иным, как эгоизмом отдельных людей или классов, паразитическим эгоизмом неполноценных, которые видят экономическую жизнь других и всего общества в качестве объекта, из которого следует, как можно малыми усилиями высосать как можно больше удовольствий для жизни — «хлеба и зрелищ». Здесь считается личное превосходство; прилежность, успех, радость по поводу достижений злом рассматривается, как грех и предательство. Это мораль классового борца, который все это называет капитализмом, понимаемым с самого начала этически¹. Она имеет целью вызвать ненависть пролетариата и одновременно старается слить в единый политический фронт получателей зарплат с подпольем больших городов.

Только «рабочий» имеет право и должен быть эгоистом, а не крестьянин и ремесленник. Он один имеет права вместо обязанностей. Другие имеют только обязанности, а не права. Это привилегированное сословие, которому другие своей работой должны прислуживать. Экономическая жизнь нации существует для него и должна быть организована только для его желаний, и при этом неважно, разрушится она от этого или нет. Это мировоззрение разработано классом народных представителей из академической среды — от литератора и профессора до священника. Оно деморализует нижние слои общества, использует их ненависть и голод, чтобы прийти к власти. Поэтому, в отличие от Маркса, такие приличные и консервативно думающие социалисты, как Лассаль, приверженец монархии Жорж Сорель, считавший защиту Отечества, семьи и собственно-

¹ Politische Schriften. S. 77.

сти важными задачами пролетариата и о котором Муссолини сказал, что он ему больше благодарен, чем Ницше, — являются неудобными и никогда не цитируется их действительное мнение.

Среди всех видов теоретического социализма или коммунизма победило соответственно самое пошлое и в своих последних намерениях самое лживое, — то, которое было создано специально для того, чтобы обеспечить профессиональным революционерам власть над массами. Назовем мы его марксизмом или нет — не имеет значения. Какая теория доставляет революционные лозунги для пропаганды и под какими нереволюционными мировоззрениями она скрывается — тоже неважно. Речь идет только о практическом мышлении и желании. Кто пошел, тот пошло думает, пошло чувствует, пошло поступает и не станет другим от того, что он наденет на себя облачение священника или поднимет национальный флаг. Тот, кто сегодня в мире где-нибудь основывает профсоюзы и рабочие партии или руководит ими¹, неизбежно очень скоро подпадает под власть марксистской идеологии, которая под общее понятие капитализма подводит любое политическое и экономическое руководство, общественный порядок, авторитет и собственность. Он найдет в своих последователях ставшее уже традицией понимание экономической жизни как борьбы классов и будет от них зависеть, если захочет остаться руководителем. Пролетарский эгоизм в своих целях и методах является формой, в которой уже почти столетие осуществляется «белая» мировая революция, и неважно, называет она себя социальным или социалистическим движением, но ее руководители желают быть внешне христианами².

¹ Это относится к левому крылу английской, очень националистической, рабочей партии и к немецкому национал-социализму так же, как и к испанским клубам анархистов, американским и японским профсоюзам, как бы они не открещивались от Маркса.

² Руководитель католического объединения горняков сказал 28 января 1925 года в Эссене: «Социальные идеи победят или путем реформ, или путем насилия. Это не угроза, а констатация факта, и если еще раз произойдет революция, чего я не ожидаю, будут ли сохранены головы

Время цветения теорий улучшения мира приходится на первое столетие рационализма, начиная с Общественного договора (1762) до Коммунистического манифеста (1848)¹. Тогда верили, как Сократ и софисты, во всемогущество человеческого ума и в его способность справиться с судьбой и инстинктами, упорядочить и руководить общественной жизнью. Даже система Линнея включала в себя человека разумного. При этом забыли, что в человеке живет бестия, которая отчетливо напомнила о своем существовании в 1792 году. В это время забыли о скепсисе истинных знатоков истории, которые знали, что «человек с молодости является злым». Надеялись, что могут организовать народы по доктринерским программам с целью их окончательного блаженства. Насколько верили читатели писателям таких материалистических утопий, — это другой вопрос. Но агитаторское влияние таких теорий на дураков, которыми Ленин считал 95% всех людей, остается по-прежнему сильным. В Англии и Америке их влияние даже растет, за исключением Москвы, где в них верят только для политических целей.

Классическая политэкономия 1770 года, как и старое материалистическое, то есть «экономическое», понимание истории, которые свели судьбы тысячелетий к понятиям «рынок», «цена», «товар», в своей глубокой основе тоже относятся сюда. Они внутренне родственны, во многом идентичны и ведут с необходимостью к мечтам о

ведущих немецких предпринимателей)? Католические профсоюзы под аплодисменты «атеистических» профсоюзов снова и снова требовали лишения собственности без компенсаций владельцев шахт и крупных предприятий: это экспроприация эксплуататоров по Коммунистическому манифесту (Ср.: *Holtermann F. Christentum oder Klassenkampf?*). Растущее недовольство ценной части клира против священников, помогающих развитию католического большевизма, стремящихся к союзу с социал-демократией, очень велико и достигло крестьянства и среднего слоя; поэтому не исключено появление немецкой национальной Церкви, создать которую предлагал во время Венского конгресса известный викарый Констанской епархии фон Вессенберг.

¹ *Untergang des Abendlandes* II. S. 563.

Третьем рейхе¹, который веру в прогресс XIX столетия считал концом истории. Это было материалистической копией идей великих готических христиан, таких как Иоахим фон Флорис. Предусматривается достижение окончательного благоденствия на земле, рай для всех бедных и нуждающихся, которых усиленно идентифицируют с «рабочими». Должен наступить конец всем заботам и установиться сладкое безделье, которое принесет вечный мир; а классовая борьба приведет к отмене собственности, к «крушению господства налогов», к государственному социализму, к уничтожению всех господ и богатых. Это побеждающий эгоизм класса; он называется «благom человечества» и морально поднимается до небес.

Идеал классового борца² появился в начале в известном пропагандистском трактате аббата Сийе (снова католический священник!) в 1789 году о буржуазном государстве, в котором оба высшие сословия должны быть уравнены с остальными. Затем он развивается последовательно от раннего революционного либерального понимания до большевистской поздней формы 1848 года, которая перенесла борьбу из политической области в экономическую, но не ради экономики, а для того чтобы, разрушив ее, достичь политических целей. «Буржуазные» идеологи различают идеализм и материализм, но не заглядывают при этом за лозунги в глубину и не видят, что конечные цели обоих в целом одинаковые. Все теории классовой борьбы созданы с целью мобилизации столичных масс. «Класс» должен вначале быть подготовлен для дальнейшей борьбы. Целью был взят 1848 год, когда появился первый опыт революций, названный диктатурой пролетариата, который можно было бы назвать диктатурой буржуазии, ибо либерализм хочет того же самого. В этом последний смысл конституций, республик и парламентаризма. Но в действительности речь идет о диктатуре демагогов, которые с помощью планомерной деморализации массы отчасти уничтожают ее из

¹ Untergang des Abendlandes I. S. 461.

² Politische Schriften. S. 74.

мести, отчасти из жажды власти хотят сделать ее своими рабами.

Каждый идеал происходит от того, кому он нужен. Идеал либеральной и большевистской классовой борьбы создан людьми, желающими без успеха достичь высокого положения в обществе, или находящимися в социальном слое, к выполнению этических требований которого они не готовы. Маркс является неудачным предпринимателем, отсюда его ненависть к буржуазии. Это же относится и ко всем другим юристам, писателям, профессорам и священникам: они выбрали профессии, к которым не приспособлены. Это духовная предпосылка всех профессиональных революционеров.

Идеал классовой борьбы – это известный переворот: не создание чего-то нового, а уничтожение существующего. Это цель без будущего. Это воля к пустоте. Утопические программы служат только для духовного заражения масс. Всерьез воспринимается только цель этого заражения – создание класса как боевой группы через планомерную деморализацию. Ничто так не сплачивает вместе, как ненависть. Но здесь лучше говорить не о классовой ненависти, а о классовой зависти. Ненависть предполагает молчаливое признание врага. Зависть – это косой взгляд снизу на нечто высшее, остающееся непонятным и недоступным; поэтому возникает желание его опустить, приравнять себе, запачкать и проигнорировать. К желаемой картине пролетарского будущего принадлежит поэтому не только счастье большинства¹, которое состоит в наслаждении безделием (хлеба и зрелищ!) и в вечном мире, чтобы быть свободным от забот и ответственности; но истинно революционному вкусу принадлежит, прежде всего, несчастье «меньшинст-

¹ Либеральная формула «высшее счастье в наибольшем числе» исходит от английских материалистов XVIII века, среди которых находились верующие теологи Палей и Батлер. Она развилась последовательно до большевистской формулы господства пролетарских масс. О врожденном различии ранга у людей речь уже больше не идет. Главное – количество счастья и счастливых, а не качество.

ва», — ранее властных, умных, уважаемых и богатых. Любая революция доказывает это¹. То, что вчерашние лакеи садятся за стол господ, — в этом только половина удовольствия: ибо господин должен им при этом еще и прислуживать.

Объектом классовой борьбы в 1789 году были «тираны» — короли, помещики; в 1850 году, в связи с переходом политической борьбы в экономическую область, стал «капитализм». Лозунгу, а это и есть лозунг, бесполезно искать определения. Он не связан с экономическим опытом и понимается этически, почти полухристиански². Он должен означать экономическое зло, под которым прячется великий грех превосходства — чёрт, переодетый в экономический успех. В некоторых буржуазных кругах он даже стал ругательным словом для тех, кто не нравится, у кого есть ранг — успешный предприниматель и продавец, судья, офицер и ученый, даже крестьянин. Это означает всех, кто не является «рабочими» и их вождями, которые, по причине отсутствия у них талантов, не добились ничего в жизни. Это означает всех сильных и здоровых в глазах всех недовольных, всех душевно больных. «Капитализм» — это не экономическая форма или «буржуазный» метод делать деньги. Это определенный взгляд на вещи. Есть политэкономы, которые нашли его во времена Карла Великого и в доисторических деревнях. Политэкономия с 1770 года рассматривает экономическую жизнь, которая в действительности представляет одну сторону исторического существования народов, с точки зрения английского торговца³. Тогда действительно английская нация сделала мировую торговлю своей монополией. Отсюда — и слух о нации лавочников, как о массе торговцев. Но продавец только посредник. Для

¹ И это идеал христианской теологии, которая к радостям рая относит возможность смотреть на проклятых мучеников: «Beati in regno coelesti videbunt poenas damnatorum, ut beatitudo illis magis complacet» (Фомма Аквинский).

² Politische Schriften. S. 77.

³ Untergang des Abendlandes II. S. 583, 602. Еще Зомбард (*Werner Sombard. Der moderne Kapitalismus I. 1919. S. 319*) отмечал, что смысл любой экономики состоит в создании транспортной организации.

него нужна развитая экономическая жизнь, где он ищет применение для своей деятельности и зависит от других людей, которые выступают в роли производителей и потребителей. Это положение описал Адам Смит. Это его «наука». Поэтому до сегодняшних дней политэкономия исходит из понятия цены и видит вместо экономической жизни и работающих людей только товары и рынки. Поэтому, начиная с этого времени, прежде всего в социалистических теориях работа рассматривается как товар, а зарплата – как ее цена. В этой системе работа руководителей и изобретателей, как и работа крестьян, не находит своего места. Видят только фабричные товары и овес или свиней. Недолго нужно было ждать, чтобы о крестьянах и ремесленниках полностью забыли и думали, как Маркс при разделении людей на классы, только о наемных рабочих и о других – «эксплуататорах».

Так возникает искусственное деление человечества на производителей и потребителей¹, которое в руках теоретиков классовой борьбы видоизменяется в неразрешимое противоречие между капиталистами и пролетариатом, между буржуазией и рабочим классом, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Торговцев же, собственно «капиталистов», при этом замалчивают. Фабрикант и фермер – видимый враг, потому что на него работают и он платит зарплату. Это бессмысленно, но действительно. Тупость теории никогда не была препятствием для ее действенности. У создателей системы речь идет о критике, у ее последователей – всегда о противоположном. «Капитализм» и «социализм» – одинакового возраста, внутренне родственны, появились из одного и того же способа видения и отягощены одними и теми же тенденциями. Социализм – это не что

¹ Зомбарт говорит в том же месте: «Капитализм является транспортной организацией, в которой, как правило, участвуют две группы населения: владельцы средств производства, которые одновременно осуществляют управление (субъекты экономики), и рабочие, у которых нет собственности (объекты экономики). Они связаны вместе через рынок». И хотя это «либеральная» мысль, но она уже является полумарксистской. Она не подходит ни крестьянам, ни ремесленникам.

другое, как капитализм низшего класса¹. Манчестерское учение Кобденса о свободной торговле и коммунистическая система Маркса возникли в 1840 году в Англии. Маркс даже приветствовал капитализм свободной торговли².

«Капитализм снизу» хочет продать продукт – свою работу – как можно дороже, без учета возможностей покупателя, а работать хочет как можно меньше. Отсюда – недовольство социалистических партий по поводу качественной и аккордной работы, их стремление, по возможности, устранить «аристократический» шпагат в заработной плате обученных и необученных рабочих. Он старается путем забастовки – первая всеобщая забастовка состоялась в 1841 году в Англии³ – поднимать цену за работу до самых высот и через национализацию фабрик и шахт государственной бюрократией добиться контроля над ними рабочих вождей. В этом состоит скрытый смысл национализации. «Капитализм снизу» рассматривает заработанное владение одаренными и превосходящими людьми как воровство, чтобы через большее количество кулаков суметь его забрать себе без работы. Так возникает теория классовой борьбы, которая хотя и выглядит как экономическая, на самом деле – политическая, рассчитанная на расположе-

¹ Что я описал в «Пруссачестве и социализме» и что постоянно остается непонятым, – так это трактовка социализма как моральной позиции, а не как экономического принципа.

² В 1847 году он сказал: «В целом сегодня система защитных таможенных сборов является консервативной, в то время как система свободной торговли оказывает разрушительное действие. Она разрушает прежние национальности и приводит к обострению противоречия между буржуазией и пролетариатом. Другими словами, система свободной торговли ускоряет социальную революцию. И только в этом революционном смысле я выступаю за свободную торговлю» (Приложение к «Ницше философии»).

³ То, что марксистская забастовка имеет не экономическую, а политическую цель, наиболее ярко проявляется во время всеобщей забастовки. Немецкие социалисты много раз говорили, что для партии большой интерес представляют не выигранные, а проигранные партии. Они вызывают ненависть и крепче сплачивают «класс».

ние рабочих и выгоды партийных руководителей. Это бесконечная цель. Низкие души не могут заглянуть за завтрашний день в даль времени и вести себя в соответствии с этим будущим. Классовая борьба должна принести разрушения – и больше ничего. Она должна устранить власть традиции, как политической, так и экономической, для того чтобы силам подземелья дать возможность к мести и господству. То, что будет после победы, когда классовая борьба закончится, – об этом эти круги никогда не задумывались.

Так, в 1840 году начинается уничтожающее нападение на действительную, бесконечно сложную экономическую жизнь белых народов с двух сторон: гильдия торговцев деньгами спекулянтов, крупных финансистов проникает с помощью акций, кредитов, наблюдательных советов и подчиняет своим интересам руководство предприятий, где находится много бывших рабочих, которые, благодаря своему старанию и уму, достигли руководящих должностей. Действительный руководитель экономики становится рабом финансиста. Он старательно работает на фабрике, в то время как они (финансисты) в один момент могут через спекуляцию на биржах, о которой он ничего не знает, сделать его банкротом¹. Снизу же профсоюз рабочих вождей разрушает медленно, но верно, организм экономики. Теоретическим оружием одних является ученая «либеральная» политэкономия, формирующая общественное мнение по экономическим вопросам и вмешивающаяся со своими советами и установками в законодательство. Теоретическим оружием других является Коммунистический манифест, на основе которого левые партии всех парламентов также нападают на законодательство. Обе представляют принцип «интернационала» – принцип совершенно нигилистический и негативный, направленный против исторических, определяющих границы форм (ибо всякая форма, всякий образ – это всегда ограничение), против нации, против государства, против национальной экономики, суммой которых

¹ Politische Schriften. S. 138, 305.

является «мировая экономика». Последние же мешают намерениям финансовых воротил и профессиональных революционеров. Поэтому они отрицаются и должны быть уничтожены.

Но оба вида теории сегодня устарели. Все, что можно было сказать, уже сказано, а после 1918 года они так развились в направлении Нью-Йорка и Москвы, что их только цитируют, не веря в них. Мировая революция начинает клониться к своему упадку. Сегодня она находится в апогее и еще долго не закончится, но примет свободные от теоретических разглагольствований формы.

ГЛАВА 15

Наконец-то стало возможным показать сегодняшние успехи мировой революции. Она достигла своей цели, она триумфирует, она победила. И даже если ее приверженцы это оспаривают, или находятся в полном сомнении относительно своих собственных убеждений, появилась вечная роковая история, какую увидел боец с ужасающей ясностью, что цель совершенно иная, чем он рассчитывал, и что она не стоила таких трудов.

Успех революции невероятен. Она означает для всех белых народов такой ужас, что никто не осмеливается ее увидеть, не замечает ее правления. Зачинателям ее не хватает смелости признаться в своей принадлежности к ней, а сохранившимся в буржуазии остаткам старого общества не хватает мужества кого-либо признать ее представителем. Путь от либерализма к большевизму проходил вначале через борьбу против политической власти. Сегодня она уничтожена, съедена, раздавлена. Снова, как в Риме времен Гракхов, стало видно, что все созданное в течение веков небольшим числом великих хищников, государственных людей и завоевателей, может за короткое время быть уничтожено большим количеством мелких человеческих паразитов. Старые, достойные уважения формы государства лежат в руинах. Они были заменены на бесформенный

парламентаризм, на груди бывших авторитетов государственной мудрости, в которой партии, эти орды профессиональных политиков, дерутся за добычу. Наследственная высота заменена на выборы, которые всегда вовлекают все новые толпы неполноценных.

Среди этих партий везде присутствуют рабочие партии и их профсоюзы, преследующие политические цели экономическими средствами, а экономические цели — политическими средствами. Они задают тон в вопросах формирования производства, в программах и методах агитации. Все они борются за столичную массу, хлещут ее бесконечными надеждами и горькими обвинениями. Никто уже не решается сказать, что он представляет другие части нации, а не «рабочих». Все они, почти без исключения, относятся к рабочим, как к привилегированному сословию, из-за страха или в надежде на победу на выборах. Почти во всех странах удалось деморализовать рабочего, сделать его претенциозным, недовольным и поэтому несчастным существом; духовно объединить его с чернью из переулков, отлить в «класс», вывести из него духовный тип пролетария, который через свое простое существование достоин революционного успеха, ненавидящего прилежание и успехи в труде как предательство «дела», и чье тщеславие состоит в том, чтобы сделаться вождем масс и носителем революции.

Неважно, приняли ли формы классовой борьбы облик бюрократических партий или профсоюзов, таких как марксистские, католические и национальные в Германии и Англии, или романскую форму клубов, анархистов и социалистов, или как когда-то в России, а сегодня в Америке, форму подпольного движения, которое проявляется только в момент своего действия, — но все они состоят из господствующих групп профессиональных революционеров и безвольной, управляемой массы приверженцев, которые должны служить не понятной для них идее и ради нее жертвовать собой. Правительства давно уже стали их исполнительными органами — или потому, что вожди масс сами обладают парламентской властью, или из-за того, что их противникам, находящимся под гипнозом рабочей

идеологии, не хватает смелости для самостоятельного мышления и поведения.

Они руководят экономикой с помощью политических средств, преследуя политическую цель. И эта цель никогда не была упущена из виду: борьба против организованных сил и форм экономической жизни, которые называли «капитализмом». Начиная с 1848 года, была поставлена цель их уничтожения, что и было, в конце концов, достигнуто. Столетие назад предсказанная экономическая катастрофа наступила. Кризис мировой экономики этих и последующих лет не является, как это думает весь мир, следствием войны, революции, инфляции и долгов. Он был специально создан. В своих основных чертах он является результатом целенаправленной работы пролетарских вождей. Его корни находятся гораздо глубже, чем это полагают, а его последствия состоят в длительной, беспощадной борьбе со всем, что еще имеет народный дух, и это в большей своей части уже нельзя исправить. Но чтобы понять это, надо иметь мужество видеть вещи такими, какие они есть, и я боюсь, что эта способность почти утеряна. Ни в какое другое время не было столько трусости парламентов, партий, ораторов и писателей перед общественным мнением. Все они лежат на коленях перед «народом», перед массой, пролетариатом и, как бы это еще ни называлось, перед тем, что слепо и безотчетно служит орудием вождей мировой революции. Упрек в «неприязни» к рабочим способен сегодня испортить карьеру любого политика.

Но кто же все-таки вышел победителем в мировой войне? Конечно, не государства – ни Франция, ни Англия, ни Америка. Также и не белые рабочие. Они, в большей своей части, заплатили за войну кровью на полях сражений и тяготами экономического кризиса. Они были важной жертвой их вождей. Они были уничтожены для их целей. Войну победил рабочий вождь. То, что во всех странах называется рабочей партией или профсоюзом, в действительности является профсоюзом партийных служащих, бюрократий революции, которая захватила власть и руководит сегодня европейской цивилизацией. Она вела «пролетариат» от за-

бастовки к забастовке, от восстания к восстанию, от одного парламентского закона к другому, обладая большой властью и страшая побежденной буржуазии. Все правительства мира с 1916 года быстро становятся зависимыми от нее и должны выполнять ее приказы, если не хотят быть свергнутыми. Они вынуждены допускать кровавые удары по структуре и смыслу экономической жизни или осуществлять их сами – реформы, направленные на привилегии простой ручной работы в форме безмерного повышения ее оплаты и сокращения рабочего времени, а также в форме налогов на управленческий труд, на старую семейную собственность, на производителей и крестьян. Было осуществлено разграбление общества. Это была оплата солдатам классовой борьбы. Естественный центр тяжести экономики, экономическое мышление знающих людей были заменены на искусственное, профанное, партийно-политическое. Равновесие было нарушено, и конструкция рухнула. Это была провозглашаемая в течение десятилетий цель европейского большевизма. Экономическая катастрофа была, таким образом, тактическим успехом, о котором рабочие не подозревали. Этот крах «капитализма», известный и восхваляемый Бебелем с 1848 года, новый суд над буржуазией должен привести к ожидаемой диктатуре пролетариата, то есть его творцов и вождей.

Но разве это уже не произошло? Не говоря о Москве, была ли иной ситуация в профсоюзной республике Германии? Не является ли у национальных рабочих партий Германии, Англии и даже Италии экономический, бюрократически управляемый социализм господствующим идеалом? Не лежат ли на развалинах мировой экономики творческие дарования, носители частных экономических инициатив, ставшие жертвой этой диктатуры? Знаток экономической жизни, руководитель экономики был вытеснен партийным лидером, который, ничего не понимая в политике, хорошо разбирается в демагогической пропаганде. Он правит как бюрократ в экономическом законодательстве, которое вытесняет свободное решение экономиста в качестве руководителя бесчисленных комитетов, арбитражных судов, кон-

ференций, министерских кабинетов и других форм своей диктатуры, как бы они ни назывались; даже в фашистском министерстве корпорации. Он хочет экономический государственный капитализм без частной инициативы, планового хозяйства, что, в принципе, означает одно и то же, а именно — коммунизм. Если даже вместе с предпринимателем жертвой становится сам рабочий, профессиональный «вождь рабочих» в любом случае получает в свои руки власть и может осуществить месть подполья над людьми, которые, благодаря своей судьбе, рождению, талантам и способностям, были призваны смотреть на вещи сверху и руководить.

Я прекрасно понимаю, что большинство людей с отворачиванием не согласится признать тот непоправимый крах, который готовился столетиями и является результатом целенаправленной работы. Но это так, и это можно доказать. Эта работа началась тогда, когда профессиональные революционеры поколения Маркса поняли, что в Северо-Западной Европе важнейшей частью экономической жизни становится связанная с углем индустрия. От нее зависело существование целых наций. В Англии это уже было; в Германии надеялись на то же самое, и доктринеры, видевшие мир через схему деления его на буржуазию и пролетариат, естественно, исходили из того, что так будет везде. Но каково было положение в Испании и Италии, где не было угля, или во Франции, не говоря уже о России?¹ Стоит только удивляться, как узок был и остается горизонт этих теологов классовой борьбы, и как это до сих пор оста-

¹ Во введении к русскому изданию Коммунистического манифеста (1882) Маркс и Энгельс излагают теорию эволюции, полностью противоречащую их теории в «Капитале». Здесь окончательный путь к коммунизму должен вести не через абсолютное господство буржуазии, а через общинную крестьянскую собственность — «мир». Здесь нет ни буржуазии, ни пролетариата в западноевропейском смысле, поэтому оба демагога изменяют свое «убеждение» в соответствии с той массой, которую они хотят мобилизовать против петровского государства. Но московские «рабочие вожди» решили следовать западной «истине» и начали борьбу против крестьян в пользу почти отсутствующего рабочего класса.

лось незамеченным. Находились ли в области их экономической критики и их предсказаний Африка, Азия, Латинская Америка? Была ли у них хотя бы одна мысль о цветных рабочих тропических колоний? Понимали ли они, почему это осталось внизу, и должно ли оно оставаться внизу? Они говорили о будущем «человечества», но, вместо того чтобы окинуть взглядом всю планету, ограничились несколькими европейскими странами, где хотели уничтожить государство и общество.

Здесь они поняли чего можно достигнуть, если уничтожить жизнеспособность промышленности, и тогда началось планомерное нападение на нее — началось с поиска возможностей устранения организаторской свободы. Это произошло, когда, в противоположность руководящей работе предпринимателей, изобретателей и инженеров¹, насильственно сократилась длительность времени работы наемных рабочих.

В начале XVIII века, в соответствии с общей привычкой работать у крестьян и ремесленников, рабочий день составлял более двенадцати часов. Около 1850 года, путем упорной борьбы рабочих², был принят закон, ограничивающий работу десятью часами в день. Когда этот закон вошел в силу, он был отпразднован в рабочих кругах как победа рабочего класса и, по праву, как «сковывание экономики». Полагали, что тем самым ей нанесен смертельный удар. С этого времени профсоюзы всех стран с растущим давлением борются за дальнейшее сокращение рабо-

¹ Эту интеллектуальную работу невозможно определить количеством часов. Она преследует и тиранизирует ее жертвы во время отдыха, во время поездок и в бессонные ночи; она делает невозможными расслабление и действительную свободу от мыслей и именно у выдающихся людей занимает все время. Ни один рабочий не погибает из-за перенапряжения и сумасшествия. Здесь же это происходит в бесчисленных случаях. (Это сказано в дополнение к демагогической картине кутящего и ничего не делающего буржуа.)

² Потому что они не хотели, чтобы им запрещали использовать свою силу в полном объеме, как это делает любой плотник и портной. Несмотря на агитацию, здоровое чувство постоянно пробивается в желании работать сверхурочно и на нескольких работах.

чего дня и распространение этого правила на всех получателей зарплаты. В конце века рабочий день составлял девять часов, а после окончания мировой войны – восемь. Сегодня, когда мы приближаемся к середине XX столетия, сорокачасовая рабочая неделя является минимумом революционных требований. Поскольку одновременно все строже осуществляется запрет на работу по воскресениям, то в результате каждый рабочий давал только половину своей «работы – товара» от изначального, возможного и естественного количества. Так «рабочий», который, согласно марксистской религии, работает один, в большей своей части против своей воли стал тем, кто работает меньше всех. Какая еще профессия связана с такой малой отдачей сил?

Это была скрытая, медленно действующая форма стачки. Она получила смысл только тогда, когда цена за этот «товар» – недельная зарплата – не только не сократилась, а, наоборот, стала постоянно увеличиваться. Но «ценность» действительного вклада простой работы не является самостоятельной величиной. Она является частью органического целого промышленности, где решающую роль играет не работа простых рабочих, а управление, регулирование производства, подвоз сырья, продажа продуктов, продумывание расходов и прибыли, необходимых помещений и оборудования. Общий доход зависит от ранга и способностей голов, а не рук. Если нет дохода, если продукт не продается, то работа была напрасной и вообще не может быть оплачена. Так дело обстоит у крестьянина и ремесленника. Но, благодаря деятельности профсоюзов, часовая зарплата была выделена из единства промышленного организма. Она определяется партийными лидерами, а не рассчитывается руководителями промышленности; и если она по каким-либо причинам не выплачивается, то путем забастовок, саботажа и давления парламентских правительств начинает выдавливаться. Сотни лет она соизмерялась с прибылью крестьянской и ремесленнической работы, которую сегодня превышает во много раз. Прибыль любого работающего зависит от ситуации в экономике, а не только от

рабочего. У него есть претензия на зарплату, установленную не органически и завоеванную партийно, даже если из-за этого произойдет разрушение сооружений, растрата продуктов, если производство станет не прибыльным, или предприятие закроется. И тогда слышится в рядах «рабочих вождей» триумфальный вой, радующийся от несчастий других. Они снова одержали победу на пути к «конечной цели».

Сегодня, когда после возникновения теорий классовой борьбы прошло уже более века, и никто в них по-настоящему не верит, сомнительно, чтобы эти вожди понимали еще ту цель, ради которой началась разрушительная работа. Но есть среди них уже ставшие старыми традиции и методы, с помощью которых они постоянно добиваются сокращения рабочего времени и роста зарплаты. Это является доказательством их успешной деятельности перед партией. И даже если сегодня первоначальный догматический смысл забыт и чистой совести у верующих нет, действие остается, и объясняется оно иными «причинами» — новыми средствами агитации, установлением новой вины перед рабочими, которую они приписывают капитализму.

Когда-то учение о «прибавочной стоимости» господствовало над неразвитым мышлением масс: общая прибыль промышленного производства приравнивалась цене рабочей силы и должна быть отдана рабочим. То, что из «прибавочной стоимости» руководитель производства тратил на ремонт, на оплату сырья, на оклады, на налоги, — то считалось воровством. Выходило, что руководители, изобретатели, инженеры вообще не работали; в любом случае, они выполняли интеллектуальную работу, которая является одним из видов безделья, не имеющего высокой цены. Это была та же самая «демократическая» тенденция, которая презирает качество работы, пытается его уничтожить и заботится только о количестве, в том числе и при оценке ручного труда: аристократическое различие в труде обученного и необученного рабочего должно быть устранено. Аккордная работа и высокие достижения в труде позорятся как предательство «дела». И это было осуществлено в Гер-

мании, начиная с 1918 года. Это исключило конкуренцию между рабочими, задушило стремление к усовершенствованию и понизило тем самым общие показатели. То, что все это было нигилизмом, волей к уничтожению, показывает сегодня практика Москвы, где во всех отношениях было восстановлено положение на 1840 год после того, как «цель» была достигнута: длительное рабочее время, мизерные зарплаты, самая большая в мире (больше чем в Америке) разница в оплате обученного и необученного труда, импорт инженеров вместо своих, которых уничтожили, поскольку, согласно Коммунистическому манифесту, они только эксплуатировали рабочих, сами ничего не давая, а их ценность поняли только потом.

Мнение о том, что рабочему положено платить «полную стоимость» его работы, равную прибыли всего предприятия, то есть остаток старой теории, оставался до конца прошлого столетия. Тем самым была признана, по меньшей мере, естественная граница в требовании повышенной зарплаты. Помимо этого с семидесятых годов развился совершенно нетеоретический метод повышения зарплаты путем политического давления рабочих организаций. Здесь уже речь идет не о границах, которые ставит экономическая жизнь этому грабежу в пользу одного класса, но о границах политической, парламентской, революционной власти. Почти во всех «белых» странах на рубеже столетий, особенно в Германии после 1918 года, наряду с конституционным правительством существовало второе правительство профсоюзов всех видов, важнейшей задачей которых было добывание зарплат для их избирателей, и это право они покупали у буржуазных властей тем, что давали им разрешение на управление. «Голос рабочих», которым оперировали партийные вожди, стал решающим для всех решений парламентского правительства. Так появился факт политических зарплат, у которых отсутствовали естественные, экономические границы. Это тарифные зарплаты, которые гарантировались государством и устанавливались партией, а не экономикой. Профсоюзные тарифы стали правом, и ни одна буржуазная партия или правительство не решались ни

трогать, ни сомневаться в нем. Политическая зарплата быстро превысила «полную стоимость работы». Она более, чем конкуренция и перепроизводство, вывела экономику «белых» стран из состояния самозащиты и самосохранения и привела к той катастрофе мировой экономики, которую мы сегодня наблюдаем. Этот большевизм заработной платы – вместе с забастовкой, саботажем, выборами, правительственными кризисами – забрал столько крови из экономической жизни наций, и не только Германии, что в срочном порядке стали пытаться восполнить эти потери каким-либо способом.

Необходимо знать все, что принадлежит к понятию политической зарплаты, чтобы измерить давление диктатуры зарплаты на экономическую жизнь народов. В нее входит не только выплата денег, но и забота о всем существовании «рабочего» за счет «других». «Рабочий» является пенсионером общества и нации. Каждый человек, как и любое животное, должен защищаться от превратностей судьбы. У каждого есть свои личные заботы, полная ответственность за себя, необходимость через принятие своих решений достигать цель, подвергаясь опасностям. Никто не думает о том, чтобы защитить за чужой счет крестьян от последствий неурожая, эпидемий животных, пожара и от необходимости продавать продукты, а также защитить ремесленников, врачей, инженеров, продавцов, ученых от опасности разорения, от профессиональной непригодности ввиду недостаточных способностей, болезни или несчастного случая. Каждый сам решает, как ему оплатить расходы, чтобы решить свои проблемы и отвечать за последствия: просить ли милостыню или выбрать другой способ погибнуть. Это жизнь. Поиск полной страховки от старости, от несчастного случая, от болезни, от безработицы – то есть от судьбы во всех ее формах проявления – является признаком упадка жизненных сил. Это возникло в Германии и как-то проникло в мышление всех белых народов. Кто, попав в беду, зовет других, не желая помочь самому себе? Существует различие, показывающее победу марксистского мышления над изначальным германским индиви-

дуалистическим стремлением к ответственности, к личной борьбе с судьбой, «amor fati». Каждый сам принимает решения и своими силами старается справиться с непредвиденным, и только «рабочему» не надо ни о чем думать. Он один может исходить из того, что другие будут за него думать и действовать. Разлагающее действие этой свободы от забот, которое заметно у детей из богатых семей¹, отравило весь рабочий класс в Германии: как только возникает нужда, зовется на помощь государство, партии, общество; в любом случае – «другие». Разучились принимать решения и жить под тяжестью забот.

Но это означает дальнейшее ухудшение положения высококвалифицированной работы в пользу низкоквалифицированной. И это – часть политической зарплаты: страховки всех видов от судьбы, строительство жилья для рабочих (хотя никому не приходится в голову строить его для крестьян), строительство игровых площадок, домов отдыха, библиотек, забота о специальных низких ценах на продукты питания, на железнодорожные билеты, на развлечения, непосредственно или через налоги оплаченные рабочему классу «другими». Это очень большая часть политической зарплаты, о которой редко думают. И все-таки национальное богатство, выраженное в числах определенной величины, является функцией национальной экономики. Оно в качестве «капитала» зависит от прибыли предприятий или курса акций, зависит от процентной ставки на прибыль и падает вместе с ними, когда ценность сделанных продуктов через высокие траты на зарплату ставится под вопрос. Фабрика, остановленная в результате этого, не имеет больше ценность, когда будет заплачено за издержки. Немецкая экономика во время диктатуры профсоюзов

¹ Отсюда затем маленькие, смешные, но становящиеся очень важными заботы в виде «проблем» моды, кухни, брачных и небрачных любовных связей и, прежде всего, скуки, которая ведет к пресыщению жизнью. Из вегетарианства, спорта, эротического вкуса делается «мировоззрение». Доходят до самоубийства, потому что не получают желаемое вечернее платье или любовника, или потому, что не находят общего мнения о растительной пище и поездках.

с 1 января 1925 года до начала 1929 года, то есть четыре года, ежегодно платила 18.225 миллионов марок¹ из-за повышения зарплат, налогов и социальных отчислений. Это одна треть общего дохода, которая была односторонне забрана. Год спустя, эта сумма выросла еще на 20 миллиардов. Что означает по сравнению с этим выплата двух миллиардов репараций! Они разрушили финансы государства и устойчивость валюты? Их влияние на экономику по сравнению с действием большевизма зарплат было ничтожным. Это была экспроприация целой экономики в пользу одного класса.

ГЛАВА 16

Работа бывает высокой и низкой, — это невозможно отрицать или изменить; это выражение того факта, что существует культура. Чем выше развивается культура, тем сильнее ее формообразующая сила, тем больше разница между определяющей и подчиненной деятельностью во всех ее видах: политической, экономической или художественной. Ибо культура есть оформленная, проникнутая духом жизнь, зрелая и законченная в себе форма, освоение которой всегда предполагает высокий ранг личности. Есть такая работа, к которой необходимо иметь призвание; а есть другая, которую делают, поскольку не могут больше ничего другого делать лучше; тем и живут. Есть работа, к которой способны только очень немногие люди с определенным рангом; а есть другая, чья ценность состоит в ее длительности и количестве. Люди рождаются как для первой, так и для второй. Это судьба, которую нельзя изменить ни рационалистическими, ни сентиментально-романтическими попытками уравниательства.

Общий объем работы, выполняемый европейской культурой, который с ней идентичен, с каждым столетием становится все больше. Он был во время Реформации в четыре раза больше, чем в эпоху крестовых походов и вырос

¹ Mitteilungen des Langnamvereins. 1929. S. 6.

в XVIII веке до огромных размеров в соответствии с динамикой творческой руководящей работы, требующей все большего объема простой массовой работы. Именно поэтому пролетарский революционер, который видит культуру снизу, поскольку у него ее нет, хочет ее уничтожить, чтобы качественная работа вообще не существовала. Не существуют больше люди культуры, которых он считает ненужной роскошью; существует только простая работа, которую сможет сделать каждый. В одной социалистической газете я однажды прочитал, что денежные и мозговые миллионеры должны быть уничтожены. Действительно, творческая работа раздражает, ее превосходство ненавидят, завидуют ее успехам, состоящим во власти и богатстве. Медсестра в больнице важнее главного врача; наемный сельскохозяйственный рабочий важнее агронома, выращивающего новые сорта пшеницы и расы коров; истопник важнее создателя машины. Говоря словами Ницше, произошла смена экономических ценностей; а поскольку любая ценность в глазах масс означает деньги и оплату, то простая работа должна лучше оплачиваться, чем работа ведущих личностей, что и было сделано.

Это имело последствия, которые еще никто до конца не осознал. Этот «белый» рабочий, избалованный вождями рабочих партий и трусостью буржуазии, становится роскошью. Можно оставить незамеченным нелепое сравнение с миллионерами, которые «больше имеют». Речь идет не о людях, которые живут во дворцах или пристройках при слуги. Сравним личные расходы современного индустриального рабочего с расходами мелкого крестьянина. Около 1840 года положение этих двух классов было примерно одинаковым. Сегодня один работает намного меньше, чем другой, но образ жизни крестьянина в Померании, Йоркшире или Канзасе, его жилье, еда, одежда сильно отличаются от промышленного рабочего Рурской области или Пенсильвании, и прежде всего тем, сколько он тратит на развлечения. Рабочий начал бы тут же бастовать, если бы ему предложили работать в два раза дольше, думать о неурожае, о сбыте и задолженности, предложили бы пони-

зить свой уровень жизни. То, что в северных городах считается минимумом существования, «бедностью», является в деревне, расположенной в часе езды от города, большими деньгами, не говоря уже о стиле жизни аграрного коммунизма европейского юга, где присутствует еще невзыскательность цветных народов. Но роскошное положение рабочих, являющееся следствием политических зарплат, налицо. Кто же их оплачивает? Это – не выполненный рабочими труд. Он не приносит столько прибыли. Это должны оплачивать другие, вся нация. Есть глупцы – если Форд серьезно так думал, то его следует отнести к ним, – которые полагают, что растущая «покупательная способность» рабочих служит оживлению промышленности. Но о чем думали массы бездельников в Риме, начиная со времени Гракхов? Говоря о внутреннем рынке, часто не думают о том, что это означает в действительности. Можно проверить эту новую догму «белых» профсоюзов и расплатиться с рабочими не деньгами, а продуктами их собственного труда – локомотивами, химическими продуктами, булыжниками, – чтобы они сами их продавали.

Они бы не знали, что с этим делать. Они бы ужаснулись, как мало эти вещи стоят. Они бы одновременно заметили, что расплата деньгами в больших количествах связана с соответствующим уровнем культуры, с просвещенным вкусом и способностью зарабатывать деньги за счет высоких достижений. Роскошь бывает солидная и пошлая, и это нельзя исправить. Это разница между оперой Моцарта и мыльной опереттой. Роскошным зарплатам не соответствует утонченный вкус к роскоши. Только покупательная сила высшего общества делает возможным качественное производство. Нижние слои сегодня кормят только индустрию развлечений, «цирки», как и в Древнем Риме. Но эта вульгарная роскошь больших городов – мало работы, много денег, еще больше удовольствий – оказывает разлагающее воздействие на тяжело работающих, без больших запросов, людей села. У них появляются новые потребности, о которых их отцы и не мечтали. Тяжело отказать себе в чем-либо, если перед глазами видишь противоположность. Так

началось бегство из деревни сначала рабов и батраков, затем сыновей крестьян, наконец целых семей, которые не знали, что делать с отцовским наследием в условиях искажения экономической жизни. Это же происходило на подобной ступени развития во всех культурах. Неверно полагать, что в Италии, начиная со времен Ганнибала, население сократилось из-за землевладельцев. Это сделали «хлеб и зрелища» столичного Рима, а обезлюженная и обесцеленная земля способствовала развитию латифундий с использованием рабов¹. Иначе она стала бы пустыней. Сокращение населения деревень началось в 1840 году в Англии, в 1880 году в Германии, в 1920 году на Среднем Западе Соединенных Штатов. Крестьянину надоело работать бесплатно, в то время как город обещал ему зарплату без работы. Так он уходил и становился «пролетарием».

Сам рабочий был в этом не виноват; он воспринимал свою жизнь не как полную комфорта, а, наоборот, он стал чувствовать себя жалким и недовольным, как и любой привилегированный без собственных заслуг. То, что раньше было объектом его страстных желаний, сегодня стало обыденным делом, а завтра будет восприниматься как бедствие, требующее помощи. Пролетарские вожди испортили рабочего, выбрав его преторианцем классовой борьбы. Ко времени коммунистического манифеста он должен был быть духовно переделан в пролетария, сегодня же для этой цели его пичкают надеждой, что однажды он им больше не будет. Но здесь и там незаслуженная высота политической зарплаты приводит к тому, что за необходимый минимум принимают все больше.

Но могла ли эта зарплата вообще выплачиваться, освободившись от экономики и став самостоятельной величиной? Откуда? Кем? При внимательном рассмотрении видно, что представление о прибыли экономики под влиянием борьбы за зарплату незаметно изменилось. Только здоровая экономика способна приносить плоды. Существует естественная, ненасильственная прибыль, пока оплата рабо-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 126.

ты зависит от нее в качестве функции. Как только зарплата становится независимой политической величиной, бесконечным кровопусканием, которого не переносит ни одно живое тело, так начинается искусственный, болезненный способ хозяйствования – соревнование между объемами продаж, которые должны оставаться высокими, чтобы все не развалилось и не обескровилось, и опережающими их зарплатами, налогами и социальными сборами, которые являются также косвенными зарплатами. Ускоренный темп роста производства происходит, по большей части, от этого тайного чуда экономической жизни. Создание новых потребностей с помощью всех средств рекламы способствует росту потребления среди цветных народов, и этот рост всеми мыслимыми средствами стремятся расширить и даже принудить к нему. Экономический империализм больших индустриальных государств, гарантирующий с помощью военных средств рынки сбыта, стремящийся их сохранить и закрепить, вызван инстинктом самосохранения руководителей экономики, которые стараются защититься от постоянного давления со стороны рабочих партий. Как только где-то в белом мире промышленность действительно или мнимо отдохнет, тотчас дают о себе знать профсоюзы, чтобы добыть своим приверженцам прибыль, которой на самом деле нет. Как только Германия перестала выплачивать репарации, тотчас же было заявлено, что «сбережения» от этого должны быть отданы рабочим. Естественным следствием комфортных зарплат является удорожание производства, то есть удешевление денег; но и здесь, благодаря политическому вмешательству, цены были занижены и закреплены законодательством, чтобы сохранить покупательную силу зарплат. Поэтому в 1850 году были введены пошлины на зерно, то есть произведено скрытое повышение зарплат, и тем самым крестьянами пожертвовали ради рабочих. Затем это попытались осуществить везде, отчасти с помощью абсурдного политэкономического обоснования банкиров и других «специалистов», которые предлагали разделить все страны на аграрные и промышленные для достижения целесообразной организации «ми-

ровой экономики». Что затем случилось с крестьянством индустриальных стран – об этом никто не спрашивал. Оно сделалось простым объектом рабочей политики, поскольку было врагом монополии рабочих интересов. Все организации рабочих враждебны крестьянам, независимо от того, соглашаются они с этим или нет. По этой же причине под парламентским давлением были установлены постоянные цены на уголь и сталь, сделав их независимыми от зарплаты. Таким же образом были насильственно установлены всевозможные выгодные для рабочих цены, которые должны были быть обеспечены «другими» путем увеличения нормальных цен. Пострадает ли от этого объем продаж, или они вообще прекратятся, – это стало личными проблемами предпринимателей, а чем больше подвергалось встряске их положение, тем больше чувствовали профсоюзы свою победу.

Следствием такого действия классовой борьбы стала растущая потребность производства в «кредитах» и «капитале», то есть в мнимых денежных ценностях, которые существуют до тех пор, пока в них верят, а малейшее сомнение в форме биржевого краха превращает их в ничто. Это была сомнительная попытка заменить уничтоженные настоящие ценности ценностями мнимыми. Начался расцвет новых хитрых банков, финансирующих предприятия и тем самым становящихся их господами. Они не только давали кредиты, но и создавали их на бумаге в качестве призрачного, безродного, блуждающего финансового капитала. За очень короткое время старые фамильные владения превращались в акционерные общества, делались подвижными, для того чтобы с помощью полученных таким образом денег заполнить бреши в кругообороте доходов и расходов. Задолженность производства – ибо вначале акции являются не чем иным как долгом – выросла до бесконечности, и как только проценты за нее, наряду с выплатами зарплаты, начали принимать значительную величину, появилось последнее слово классовой борьбы – требование национализации предприятий государством. Тем самым зарплаты, наконец-то, больше экономически не рассчиты-

вались и становились государственными окладами, которые свободно определялись правящими рабочими партиями, а налоговый большевизм стал средством борьбы с остальной частью нации.

Последнее, решающее последствие этого безумия роскошных зарплат быстро проявляется после 1910 года: растущее опустошение крестьянских земель уводило все большие массы людей в столичную сферу «хлеба и зрелищ», что соблазняло промышленность к большему расширению, а о сбыте товаров пока еще никто не думал. В Соединенные Штаты переселились с 1900-го по 1914 год пятьдесят миллионов сельского населения из южной и восточной Европы, в то время как сельское население в самой Америке уже начало сокращаться¹. В шахтерской области у Врийе работало в 1914 году больше поляков и итальянцев, чем французов. Благодаря такому развитию, судьба про rvalась с другой стороны, о которой вожди классовой борьбы не подозревали. Промышленное производство «белых» стран севера, как мастерский продукт буржуазии, восхищало и одновременно вызывало у Маркса ненависть. Он видел только его родину — Англию, Францию и Германию, — а для его последователей этот провинциальный горизонт остался верной предпосылкой всех тактических соображений. Но мир был больше; он был нечто большее и нечто другое, чем область, тупо и без сопротивления принимающая экспорт маленького европейского Севера. Белые массы рабочих вообще жили не за счет промышленности, а за счет промышленной монополии северных великих держав. Только по этой причине могли выплачиваться политические зарплаты, которые в другом случае сразу же привели бы к катастрофе. Но сейчас, помимо классовой борьбы между рабочим классом и обществом, внутри белых народов поднимается расовая борьба совершенно другого масштаба, о которой ни один рабочий вождь не дога-

¹ Сельское население прекратило рост в 1900 году; начиная с 1910 года оно ежегодно сокращалось на 100.000, с 1920-го — на полмиллиона, а с 1925-го — на миллион.

дывался, которую и сегодня никто не понимает во всей ее судьбоносной неизбежности и не осмеливается понять. Конкуренция белых рабочих между собой была устранена профсоюзными организациями и тарифными зарплатами. С 1840 года растущее различие в положении рабочего и крестьянина было закреплено, поскольку политэкономические решения – пошлины, налоги, законы – принимались рабочей стороной и были направлены против крестьянства. Но тут доходы «цветных» рабочих стали конкурировать с роскошными зарплатами белых.

Зарплаты у цветных являются величиной другого порядка и другого происхождения, чем у белых. Они диктовались сверху, а не требовались снизу, и сохранялись на низком уровне даже с помощью оружия. Это называлось не реакцией или лишением пролетариата прав, а колониальной политикой, и, по меньшей мере, английский рабочий, приученный думать империалистически, был с этим полностью согласен. Маркс в своем требовании «всей прибавочной стоимости» как зарплаты рабочих, попытался скрыть один факт, который при большей честности он заметил бы и должен был бы записать в счет: в прибыли промышленного Севера находится стоимость тропического сырья – хлопка, резины, металлов, – а в нем – низкая зарплата цветных рабочих. Завышение платы за труд белых основывалось и на занижении платы за труд цветных¹.

То, что прокламировала Советская Россия в качестве метода борьбы с «белой» экономикой, чтобы подорвать ее жизнеспособность, занижая цены (а именно перевод оплаты и времени труда рабочих на уровень 1840 года, используя голод и – как в 1923 году в Москве – артиллерию), уже давно само собой понято на всей Земле. И это направлено с ужасными последствиями не столько на уровень этой промышленности, сколько на подрыв существования белых

¹ Также растет покупательная сила белых зарплат, когда устраивают конкуренцию между продуктами питания, добытыми с помощью цветных зарплат, и продуктами крестьян собственной страны, также связанных с высокими тарифными зарплатами и отчислениями.

рабочих. Не поняли этого Советы вследствие их доктринерского ослепления, или это уже уничтожающая воля выросшего азиатского самосознания, желающая истребить народы европейской культуры.

В южно-африканских рудниках белые и кофейные работают вместе: белый – восемь часов с почасовой оплатой в два шиллинга, кофейный – двенадцать часов и получает в день один шиллинг. Это гротескное положение сохраняется белыми профсоюзами, которые запретили цветным создавать организации, и путем политического давления на партии предотвращают, чтобы белых рабочих увольняли, что было бы естественным в данной ситуации. Но это только один пример общего соотношения белого и цветного труда в мире. Японская промышленность со своими низкими зарплатами вытесняет повсюду в юго-восточной Азии белых конкурентов и уже заявила о себе на европейском и американских рынках¹. Изделия индийской легкой промышленности появились в Лондоне. А между тем происходит нечто ужасное. Еще в 1880 году угольные месторождения были только в северной Европе и в Северной Америке. Сейчас они известны и разрабатываются во всех частях света. Монополия белых рабочих на уголь кончилась. Кроме того, промышленность значительно освободилась от зависимости от угля за счет гидроэлектростанций, нефти и передачи электричества на расстояния. Она стала подвижной и перемещается везде из области диктатуры белых профсоюзов в страны с низкими зарплатами. Разложение европейской промышленности идет с 1990 года полным ходом. Индийские фермы по разведению шелкопрядных червей становятся филиалами английских фабрик, чтобы «быть ближе к потребителям». Так было вначале задумано, но роскошные зарплаты Западной Европы произвели совершенно иное действие. В Соединенных Штатах промышленность все больше перемещается из Чикаго и

¹ 60-часовая рабочая неделя в японской текстильной промышленности стоит 7 марок, 48-часовая рабочая неделя в Ланкашире оплачивается 35 марками.

Нью-Йорка в негритянские области на юге и не остановится на границе с Мексикой. Существуют промышленные районы в Китае, Йаве, Южной Африке, Южной Америке. Бегство высоких технологий к цветным народам продолжается, и роскошные зарплаты белых становятся теорией, ибо предлагаемая за них работа больше не нужна.

ГЛАВА 17

Уже в 1900 году опасность была велика. Строительство «белой» промышленности было уже подкопано. Ему грозило рухнуть при первом всемирно-историческом потрясении из-за давления политических зарплат, сокращения рабочего времени, насыщения рынков сбыта, возникновения новых промышленных районов, независимых от белых рабочих партий. Только невероятный мир с 1870 года из-за страха политиков перед непредсказуемыми решениями о «белом» мире сохранил всеобщее непонимание быстро надвигающейся катастрофы. Мрачные ее признаки оставались незамеченными. Роковой, плоский, почти преступный оптимизм – вера в бесконечный прогресс, выраженный в цифрах – завладел вождями рабочих и руководителями промышленности, не говоря уже о политиках. Он поддерживался болезненным раздутием фиктивного финансового капитала, считавшего весь мир действительным владением, реальными неуничтожимыми денежными ценностями. Но уже в 1910 году раздаются отдельные голоса, напомнившие, что мир переполнен промышленными продуктами, включая экономику больших индустриальных стран. Здесь и там предлагалось заключить соглашения о свободном ограничении производства. Но эти голоса не были услышаны. Никто не верил в серьезность опасности. Никто не хотел в это верить. Кроме того, существовало неверное обоснование, предложенное односторонними экономическими экспертами, видевшими только экономику независимой величиной и не замечавшими более могущественной политики, скрытой мировой революции, принимавшей

ложные формы и направления. Причина лежала глубже, в то время как они своими размышлениями о вопросах конъюнктуры ее лишь касались. И было уже поздно. Было предложено еще небольшое время для самообольщения: подготовка к мировой войне потребовала бесчисленное количество рук, способствовала развитию производства, понадобились солдаты для армии и рабочие для изготовления амуниции.

Тогда и пришла великая война, а вместе с ней – и независимый от нее и больше не сдерживаемый экономический крах белого мира. Он бы и так наступил, но медленнее, в менее ужасающих формах. Эта война велась Англией, родиной практического рабочего социализма, против Германии, новой державы, быстро развивающейся и с преобладающими формами развитой промышленности. Целью ее было экономическое уничтожение противника и длительное устранение его как конкурента с мирового рынка. Чем больше исчезало в хаосе событий государственное мышление, чем сильнее господствовали военные и грубо экономические тенденции, тем отчетливее выступала мрачная надежда на то, что на руинах сначала Германии, затем России, а позднее и отдельных стран Антанты, можно сохранить свои промышленные и финансовые позиции, а тем самым своего рабочего. Но это не было началом последующей катастрофы. Она развивалась из того факта, что с 1916 года во всех белых странах, независимо от того, участвовали они в войне или нет, рабочая диктатура победила государственное управление, явно или тайно, в самых различных формах и степенях, но с одной и той же революционной тенденцией. Она отправила в отставку или подчинила себе все правительства. Она руководила всеми армиями и флотами. Ее по праву больше боялись, чем саму войну. Она установила высокую плату за простой труд и провела восьмичасовой рабочий день. Когда рабочие возвращались с войны, то во всем мире, несмотря на огромные потери, возникла известная нехватка жилья, потому что победивший пролетариат хотел жить, как буржуазия, и этого добился. Это стало символом краха старой власти, основы-

вающейся на сословиях и рангах. В этом смысле всеобщая инфляция государственных финансов и промышленных кредитов была понята правильно: как действенная форма большевизма, призванная отобрать у высших слоев общества собственность, разорить и пролетаризировать их и тем самым исключить из политики. С этого времени в мире господствует низменное недальновидное мышление пошлого человека, который вдруг стал таким могущественным. Это была победа! Уничтожение осуществлено, будущее почти безнадежно, но месть на обществе удовлетворена. Между тем вещи стали видны такими, какие они есть. Не знающая сострадания логика истории мстит мстителям — низменному мышлению, завистникам, мечтателям, фанатикам, — которые были слепы по отношению к великим и жестоким фактам действительности.

Тридцать миллионов рабочих остались сегодня без работы, несмотря на большие потери в войне и не считая тех миллионов, которые работают лишь частично. Это не следствие войны, ибо половина из них живет в странах, которые не участвовали в войне. Это не следствие военных долгов или неудачных военных операций, как показывают другие страны. Безработица везде точно соотносится с величиной политических зарплат. В любой стране она находится в одинаковом соотношении к числу промышленных рабочих. В США — это, главным образом, англо-американцы; затем идут переселенцы из Восточной и Южной Европы, и в конце находятся негры, чей труд больше не нужен. Так же обстоят дела в Латинской Америке и Южной Африке. Во Франции число безработных мало, потому что социалистические депутаты, зная различие между теорией и практикой, продались как можно скорей управляющей финансовой верхушке, вместо того чтобы выдавливать зарплату для своих избирателей. Но в России, Японии, Китае, Индии не существует недостатка в работе, потому что нет роскошных зарплат. Промышленность убегает к цветным, а в белых странах оплачиваются только сберегающие ручную работу открытия и методы, поскольку они уменьшают давление от выплаты зарплат. Уже десятилетия рост

производства при одинаковом числе рабочих осуществлялся путем технических усовершенствований, которые были последним средством переносить это давление. Сейчас это давление стало невыносимым, так как нет сбыта. Когда-то зарплаты в Бирмингеме, Эссене и Питтсбурге были масштабом для всего мира; сегодня таким стандартом являются зарплаты цветных рабочих в Йаве, Родезии и Перу. К этому добавляются устранение высшего света у белых народов с их наследственным богатством, с их медленно выработанным вкусом, с их потребностью в настоящей, служащей примером роскоши. Большевизм продиктованных завистью налогов на наследство и доходы, который появился в Англии уже до войны¹, и инфляция, превратившая целые состояния в ничто, сделали свое дело. Но эта действительная роскошь создала качественную работу и породила целые отрасли промышленности. Она соблазняла и воспитывала средние слои, также имевшие свои претензии. Чем больше эта роскошь, тем сильнее расцветает экономика. Это понимал Наполеон, который не занимался политэкономическими теориями и поэтому хорошо понимал экономическую жизнь: из своего двора он оживил уничтоженную якобинцами экономику, потому что снова, по английскому образцу, возникло высшее общество, в то время как старый режим был истреблен, уничтожен, а остатки его отупели и опустились. Если богатство, собранное высшими слоями, уничтожено плебсом, если оно становится подозрительным, презираемым и опасным для владельцев, тогда нордическая воля к владению, к власти через владение прекращается. Экономическое, духовное тщеславие отмирает. Соревноваться уже не стоит. Сидят в углу, отказывают себе во всем и экономят. Экономия эта означает, что работают другие, и при такой «экономии» высокоразвитая экономика с необходимостью разрушается. Все это действует одновременно. Простой труд белых становится ненужным, масса рабочих в северных месторождениях угля становится безработными. Это было первое большое пора-

¹ Politische Schriften. S. 264, 307.

жение белых народов перед массой цветных народов, к которым принадлежат русские, южные испанцы и итальянцы, исламские народы, негры в английской и индейцы в испанской Америке. Это был первый угрожающий признак того, что белое мировое господство вследствие классовой борьбы может уступить место цветной власти.

И все равно никто не решается видеть действительные причины и опасности этой катастрофы. Белый мир управляется преимущественно дураками, и не известно, управляется ли вообще, в чем можно сомневаться. Вокруг большой койки белой промышленности стоят смешные авторитеты, не заглядывающие в будущее дальше одного года и, исходя из давно уже устаревших, «капиталистических» и «социалистических» взглядов, спорят о небольших суммах денег. И, наконец, трусость делает слепым. Никто не говорит о последствиях этой более века длящейся мировой революции, которая из глубины белых столиц уничтожила экономическую жизнь, и не только ее; никто не видит ее, никто не осмеливается видеть ее.

«Рабочий» по-прежнему является идолом всего мира, а «вождей рабочих» нельзя критиковать. Можно еще шумно ругать марксизм, но из каждого слова говорит сам марксизм. Его самые громкие враги являются марксистами, не замечая того. И почти каждый из нас в каком-нибудь уголке своего сердца является «социалистом» или «коммунистом». Отсюда — и общее стремление не замечать факта господствующей классовой борьбы и не думать о ее последствиях. Вместо того чтобы решительно бороться с причинами катастрофы, насколько это вообще еще возможно, пытаются устранить последствия и симптомы; и даже не устранить, а запрягать, замазать, отрицать. Вместо того чтобы признать революционную высоту зарплаты, сорокачасовую рабочую неделю как новое революционное требование, как следующий шаг на марксистском пути, дальнейшее сокращение вклада белых рабочих при сохранении доходов, то есть дальнейшее удорожание белой работы, ибо, конечно, предполагается, что политические зарплаты отменять нельзя. Никто не осмеливается сказать ра-

бочим массам, что их победа была тяжелым поражением, что их рабочие вожди и рабочие партии привели их к этому для того, чтобы утолить свой голод на популярность, на власть и на высокие посты, и что они не собираются выпускать свои жертвы из рук и уходить. Между тем цветные работают дешево и долго, доходя до границ своих возможностей; в России – «под кнутом», а где-то – уже со спокойным сознанием силы, которую они имеют над ненавистными белыми сегодняшними господами. Или вчерашними?

Здесь раздается лозунг «устранения» безработицы, «создания рабочих мест», – то есть излишней и бессмысленной работы, так как работы необходимой, прибыльной и осмысленной в этих условиях быть не может. И никто не скажет себе, что расходы на это производство без сбыта, на эти потёмкинские деревни в экономической пустыне, снова должны будут нести остатки здорового крестьянства и городского общества, гонимые налоговым большевизмом, включая создание фиктивных средств оплаты. Это – сдерживание путем планомерного обесценивания валюты, когда одна страна пытается сохранить продажи своих продуктов за счет других стран. В принципе, это ложный, дешевый перерасчет действительных затрат и производственных издержек путем обмана покупателя, за счет которого снова расходы несет остальная часть нации через обесценивание ценностей. Но обвал фунта, огромная жертва для английской чести, не уменьшил число безработных ни на одного человека. Существует только один вид демпинга, который в экономической жизни естествен и поэтому приносит успех, – это демпинг через дешевую зарплату и большие достижения. На этом основывается разрушительная тенденция русского экспорта, или действительного преобладания «цветных» областей промышленности, таких как Япония, чем бы они ни занимались – производством или сельским хозяйством, – и уничтожение белой промышленности через свой экспорт и через создание препятствий импорту путем малых расходов на собственное содержание.

И наконец, появляется последнее сомнительное средство смертельно больших национальных экономик: автаркия

(или какими еще великими словами можно назвать поведение умирающих животных), взаимное политическое отгораживание политическими средствами: пошлинами, запретами на ввоз, бойкотом, запрещением валют и другими уже известными и будущими способами для создания положения осажденной крепости, почти соответствующему настоящей войне, когда наиболее сильные, в военном отношении, государства могут заставлять открывать ворота и экономически капитулировать другие, угрожая своими танками и бомбардировщиками. Но экономика не является, и это необходимо всякий раз повторять, самодостаточной величиной, – она всегда связана с большой политикой; она невозможна без сильной внешней политики и, в конечном счете, зависит от военной силы страны, в которой она живет или умирает¹.

Но какой смысл имеет защита крепости, если враг находится внутри и способствует измене в виде классовой борьбы? Кого и что необходимо защищать? Здесь находятся действительно тяжелые проблемы этого времени – великие вопросы, которые должны решить самые значительные головы. Когда видишь, как везде в мире обсуждаются мелкие надуманные проблемы, чтобы мелкие люди с мелкими мыслями и небольшими средствами могли сделать что-нибудь важное; когда «вину» в экономической катастрофе ищут в войне и в военных долгах, в инфляции, в трудностях с валютой, а «возврат к благосостоянию» и «конец безработицы» являются словами, завершающими ужасную всемирно-историческую эпоху, словами, которых не стесняются, – то невольно сомневаешься в будущем. Мы живем в великую историческую эпоху, и никто не видит и не понимает этого. Мы переживаем невиданное извержение вулкана. Наступила ночь, земля трясется, и потоки лавы стекают на целые народы, – а люди вызывают пожарных. Но на этом узнается плебс, ставший господином, в отличие от редких людей, «имеющих расу». Историю делают великие одиночки. Что выступает в «массе», то может быть только их объектом.

¹ Politische Schriften. S. 325.

ГЛАВА 18

Эта мировая революция еще не закончилась. Она будет продолжаться до середины, может быть до конца, века. Она неумолимо движется вперед со всеми последними проявлениями, с исторической беспощадностью великой судьбы, которую не могла избежать ни одна из цивилизаций прошлого, и подчиняет своей необходимости все белые народы современности. Их ужасные десятилетия начинаются только сейчас. Любая крупная личность в эпоху революции Гракхов, Сципион как и его противник Ганнибал, Сулла не меньше чем Марий, любое важное событие, разрушение Карфагена, войны в Испании, восстание итальянских союзников, восстания рабов от Сицилии до Малой Азии – являются лишь формами проявления глубокого внутреннего кризиса общества, то есть органического строительства культурной нации, направленного против ее совершенства. Это было в Египте во время Гиксосов, в Китае «борющихся государств»¹ и везде в «одновременные» периоды истории, как бы мало мы об этом не знали. Здесь все мы, без исключения, являемся рабами «воли» истории, содействующие исполнительные органы органического процесса:

Und wer sich vermißt, es klüglich zu werden
Der muß es selber erbauend vollenden.

Schiller.

В этой ужасной борьбе двух великих тенденций, которые разыгрываются в белом мире в войнах, переворотах, в могучих творениях поверхностных состояний, осуществляется сегодня наступление снизу, которое ведет городская масса, а защита сверху еще слаба и без твердой уверенности в ее необходимости. Конец этому наступит, когда это соотношение изменится на противоположное, и ждать этого осталось совсем недолго.

В такие времена существуют две естественные партии, два фронта классовой борьбы, две внутренние власти и два

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 510, 518, 531.

направления, как бы они себя не называли; две – и неважно, сколько существует партийных организаций. Прогрессирующий большевизм масс в Соединенных Штатах доказывает это: чувствуется русский стиль в мышлении, в надеждах и желаниях. Это одна «партия». Еще нет центра сопротивления в этой стране, не имеющей вчерашнего дня и, может быть, не имеющей и завтрашнего. Блестящий эпизод господства доллара и его социальной структуры, начавшийся сецессионной войной 1865 года, кажется, заканчивается. Станет ли Чикаго Москвой Нового Света? В Англии Оксфордское союзное общество – самый большой студенческий клуб старейшего университета страны – принял подавляющим большинством решение: университет ни при каких обстоятельствах не будет бороться за короля и отечество. Это означает конец убеждения, которое господствовало до сих пор во всех партийных образованиях. Возможно, англо-саксонские государства отмирают. А западноевропейский континент? Наиболее свободна от этого белого большевизма Россия, где нет больше «партий», – под этим названием скрыта руководящая орда староазиатского типа. Здесь нет и веры в программу, – а только страх перед смертью из-за изъятия продуктовых карточек, паспорта, из-за посылки в рабочий лагерь, расстрела или повешения.

Напрасно трусость целых слоев пытается выступить за примирительную «середину» против «леворадикальных» и «праворадикальных» тенденций. Само время радикально. Оно не терпит компромиссов. Невозможно уничтожить или замолчать факт преобладания власти левых, растущую волю к правому движению, которое имеет свои опорные пункты только в узких кругах, в отдельных армиях (кроме прочего – в английской Палате Лордов). Поэтому исчезла либеральная партия в Англии, а ее наследница – рабочая партия – в сегодняшнем виде также исчезает. Поэтому без сопротивления исчезли партии центра в Германии. Воля к середине есть старческое желание покоя любой ценой после превращения наций в Швейцарии, после историче-

ского отречения, когда полагают, что так можно избежать ударов истории. Существует противоположность между ранговым общественным устройством и городской массой, между традицией и большевизмом, между преобладающим существованием немногих и простой массовой работой или как бы это ни называли. Третьего не дано.

Но иллюзией является и вера в одну партию. Партии являются либерально-демократическими формами оппозиции. Они предполагают наличие противоположной партии. Партия в государстве так же невозможна, как государство в безгосударственном мире. Политическая граница – государства или веры – всегда разделяет друг от друга две силы. Вера в побеждающее единство – это детская болезнь всех революций, когда само время, в котором они существуют, требует двойственности. Великие кризисы истории не разрешаются. Они хотят зреть, чтобы перейти в новые формы борьбы. «Тотальное государство» – итальянский лозунг, ставшийся интернациональным модным словом – было осуществлено уже якобинцами, а именно во время двух лет террора. Но как только разложившаяся власть старого режима была уничтожена и диктатура укрепились, они делятся на жирондистов и монтагнардов, и первые занимают пустующее место. Их вожди пали жертвой левых, но их последователи сделали с левыми то же самое. После термидора началось ожидание победоносного генерала. Партию можно уничтожить как организацию или бюрократию, устранить получателей окладов, но как движение, как духовную силу – никогда. Необходимая по природе вещей борьба перекладывается тогда на оставшихся. Ее можно отрицать или скрывать, но она остается.

Это же относится к фашизму и к многочисленным движениям, созданным на его примере, или, как в Америке, еще возникающим. Здесь каждый стоит перед неизбежным выбором. Необходимо знать, где ты стоишь – «слева» или «справа»; знать твердо, иначе за тебя решит ход истории, который сильнее, чем все теории и идеологические мечтания. Примирение сегодня так же невозможно, как и во времена Грахов.

Европейский большевизм живет везде, кроме России. Если уничтожить его организационные формы, он будет жить дальше в новых формах, в качестве левого крыла партии, которая полагает, что победила его; он будет жить в качестве убеждения, которого отдельные люди в своем мышлении не замечают, в качестве движения, которое однажды примет организационные формы.

Что же означает «левый»? Лозунги прошлого столетия – такие, как социализм, марксизм, коммунизм – устарились, они уже ни о чем не говорят. Их используют, чтобы не отдавать себе отчет, где они находятся. «Левое» означает партию¹ для тех, кто верит в партию, ибо она является либеральной формой борьбы против высшего общества, формой классовой борьбы с 1770 года; это тоска по большинству, по маршированию вместе со «всеми»; это количество вместо качества, это толпа вместо господ. Но настоящий цезаризм всех завершающихся культур опирается на небольшое сильное меньшинство. Левое – это то, что имеет программу, ибо она является интеллектуальной, рационально-романтической верой, заменяющей действительность абстракциями. Левое – это шумная агитация на улицах и собраниях народа, искусство опрокинуть городскую массу сильными словами и посредственными доводами. Во времена Гракхов латинская проза выработала риторический стиль, не пригодный ни для чего, кроме хитроумной риторики, которую мы находим у Цицерона. Левое – это восхищение массами как основой собственной власти; это воля уравнивать превосходное, приравнивать народ и ручную работу, с ненавистью косясь на крестьянство и буржуазию.

Партия – это не только устаревшая форма; она покоится на устаревшей уже массовой идеологии; она смотрит на вещи снизу, она следует за мышлением большинства. Наконец, «левое» означает, прежде всего, недостаток уважения к собственности, хотя никакая другая раса не имеет такого сильного инстинкта к владению, как германская, потому что она обладает самой сильной волей из всех ис-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 557.

торических рас. Воля к собственности является нордическим смыслом жизни. Она господствует и творит всю нашу историю — от завоевательных походов полумистических королей до современной формы семьи. Она умрет, когда исчезнет идея собственности. У кого нет такого инстинкта, у того нет «расы».

Великая опасность середины нашего века состоит в том, что продолжают делать то, с чем хотели бы бороться. Это эпоха полумер и переходов. Но пока это возможно, революция не закончится. Цезаризм будущего не будет убеждать, а победит с помощью оружия. Это произойдет, когда станет само собой разумеющимся, что большинство воспринимается как оговорка; что оно презирается, когда массу, партию в любом смысле, все программы и идеологии видят ниже себя; только тогда революция преодолена. И фашизм подвержен гракховскому факту двух фронтов — левому фронту низшей городской массы и правому фронту организованной нации от крестьян до высших слоев общества, — но он подавлен наполеоновской энергией одиночки. И эта противоположность остается, она не может исчезнуть¹ и в тяжелых диадочовых сражениях снова станет видимой, как только железная рука выпустит руль. И фашизм является переходом. Он развился в городской массе, как массовая партия с шумной агитацией и шумными речами; ему не чужды тенденции рабочего социализма. Но пока диктатура имеет «социальное» тщеславие, пока утверждает, что она хочет исполнить волю рабочих, агитирует в переулках и является популярной, — она остается промежуточной формой. Цезаризм будущего борется только за власть, за империю и против любой партии.

Всякое идеологическое движение верит в свою окончательную истинность. Оно отрицает мысль о том, что после него история пойдет дальше. Ему недостает скепсиса

¹ Кроме того, что южные страны имеют полутропический стиль жизни и соответствующую «расу», у них слабо развита промышленность, то есть не развит пролетариат, и потому отсутствует северная острота противоречий. В Англии такой вид фашизма не мог бы возникнуть и развиваться.

и презрения к людям, глубокого знания о подвижности явлений. Творческая мысль Муссолини велика и имела международное влияние: он увидел форму для борьбы с коммунизмом. Но эта форма возникла, как копия врага, и поэтому была полна опасностей: революция снизу отчасти осуществляется низкими людьми, вооруженной партийной милицией; в Риме Цезаря это были банды Клодия и Милона; склонность подчинить духовную экономическую управленческую работу работе исполнительной, поскольку содержания ее не понимают; недостаточное уважение к собственности других; смешивание нации и массы; словом – социалистическая идеология прошлого столетия.

Все это принадлежит прошлому. Будущему принадлежит существование фашизма не в качестве партии, а только в образе ее создателей. Муссолини не является партийным лидером – он господин своей страны, хотя был вождем рабочих. Вероятно, ему примером стал бы Ленин, если бы дольше жил. Преобладающая безапелляционность его партии и мужество избавиться от всякой идеологии показывают, что Муссолини является, прежде всего, государственным человеком, холодным и скептическим, реалистом и дипломатом. Он управляет самостоятельно. Он видит все – редкая способность абсолютного властелина. Даже Наполеон был изолирован от своего окружения. Труднейшие и необходимейшие победы, которых добивается политик, – это не победы над врагами, а победы над своими приверженцами, преторианцами, которых в Италии называют «расом». Через это доказывает себя прирожденный лидер. Кто этого не понимает, не может или не осмеливается, тот плывет как пробка по волнам: наверху, но без власти. Современный цезаризм является диктатурой, но не диктатурой одной партии, а диктатурой одного человека против всех партий, прежде всего – против своей партии. Любое революционное движение приходит к победе с авангардом преторианцев, который затем становится ненужным и даже опасным. Действительный лидер проявляет себя в манере избавиться от преторианцев: беспощадно, без благодарности, имея перед глазами только свою цель, для которой он

ищет и находит нужных людей. Противоположность этому имела место в начале Французской революции: власти не было ни у кого, но все желали ее иметь. Все приказывают, и никто не слушается.

Муссолини является человеком власти, имеющим в себе хитрость южной расы, каким был Кондоттиери во времена Ренессанса; отсюда и театральность его движения, соответствующая характеру Италии – родины оперы. Хотя он сам не находился под воздействием этого театра, от чего не был полностью свободен Наполеон и что, например, погубило Рейнци. Если Муссолини говорит, что ему примером была Пруссия, то он прав: он ближе к Фридриху Великому, даже к его отцу, чем Наполеон, чтобы не называть более мелких примеров.

Здесь необходимо сказать решающее слово о «пруссачестве» и «социализме». В 1919 году я сравнил их жизненные идеи и господствующий целое столетие лозунг¹ и был, мне хотелось бы сказать – естественно, не понят. Сегодня не умеют понимать прочитанное. Это большое искусство вымерло уже во времена Гёте. Напечатанное «в массе» просматривается, и, как правило, книга деморализует читателя. Я показал, что в рабочем классе, организованном Бебелем в огромную армию с ее дисциплиной и подчинением, с ее товариществом и с ее готовностью к жертвам, продолжает жить старый прусский стиль, который впервые показал себя в битвах Семилетней войны. Речь шла о «социалистах» по характеру, по моральным нормам, а не о стукачем в голове социализме, который был прусской смесью тупой идеологии и пошлой претенциозности. Я также показал, что этот тип является формой существования, приспособленной для задачи своей традиции, берущей начало у немецких рыцарских орденов, которые, как в века готики, и сегодня снова охраняют границы фаустовской культуры от Азии. Эта этическая установка, бессознательная, как любой настоящий стиль жизни, может пробудиться только через жизненный пример, а не путем речи и письма. Она

¹ Politische Schriften. S. 1.

проявилась с особой яркостью в августе 1914 года, когда армия воспитала Германию, а в 1918 году была предана партиями, когда государство прекратило свое существование. После этого дисциплинированная воля возродилась в национальном движении, но не в его программах и партиях, а в морально лучших людях¹, и стало возможным, что на этой основе немецкий народ медленно и упорно будет воспитан для своего тяжелого будущего, что очень важно, если в предстоящей борьбе мы не собираемся погибнуть.

Но плоские головы не могут выйти за рамки марксистского мышления прошлого века. Во всем мире они понимают социализм не как моральную жизненную форму, а как экономику, как рабочий социализм, как массовую идеологию с материалистическими целями. Программный социализм в любом виде является мышлением снизу, основанном на пошлых инстинктах; апофеозом стадного чувства, которое сегодня повсюду скрывается за лозунгом «преодоление индивидуализма»; противоположностью прусского восприятия, понимающего на примере лидера необходимость дисциплинированного самопожертвования и имеющего поэтому внутреннюю свободу выполненного долга, умение приказывать самому себе и умение владеть собой для достижения великой цели.

Рабочий социализм в любой форме, как я уже показал², — напротив, английского происхождения; возник около 1840 года вместе с господством акции как победоносной формы безродного капитала³. Оба они являются выражением манчестеризма свободной торговли: «белый» большевизм является капитализмом снизу, капитализмом заработной платы так же, как спекулятивный финансовый капитал по своим методам является социализмом сверху, социализмом биржи. Оба имеют одни и те же духовные корни, мышление деньгами⁴, действия деньгами на асфальте

¹ Этот тип я попытался изобразить в статье «Политические обязанности немецкой молодежи» (1924).

² Politische Schriften. S. 75.

³ Politische Schriften. S. 139, 269.

⁴ Untergang des Abendlandes II. S. 566.

больших городов; и неважно, идет ли речь о величине зарплаты или о прибыли за счет курса акций. Между экономическим либерализмом и социализмом не существует противоречия. Рынок труда является биржей организованного пролетариата. Профсоюзы являются трестами для выдвливания зарплаты с теми же тенденциями и методами, как и нефтяные, металлургические и банковские тресты англо-американского образца, чей финансовый социализм проникает в управляемые специалистами предприятия, подчиняет их себе, высасывает все из них и господствует вплоть до национализации их плановым хозяйством. Превозносимая, отобранная собственность пакетов акций и участие, отделение простого «имения» от ответственной руководящей работы предпринимателя, который уже не знает, кому, собственно, принадлежит фабрика, еще очень мало изучены. Таким образом, производство становится безвольным объектом биржевых махинаций. Только при господстве акций биржа, бывшая раньше простым вспомогательным средством экономики, стала принимать решения обо всей экономической жизни. Эти финансовые социалисты и руководители трестов, такие как Морган и Кройтер, полностью соответствуют вождям массовых рабочих партий и русским экономическим коммунистам: натурам торговцев с одинаковым вкусом. С обеих сторон сегодня, как и во времена Гракхов, консервативные силы государства, армии, собственности, крестьян и предпринимателей подвергаются нападению.

Но прусский стиль требует не только первенства большой политики над экономикой, ее дисциплинирования крепким государством, что предполагает свободную инициативу частного предпринимательского духа; он противится партийной программной организации и гиперорганизации, доходящей до устранения идеи собственности, которая именно у германских народов означает свободу экономической воли и господство над своим¹. «Дисциплини-

¹ Старое германское слово *eigen* означает господствовать, причем не только «иметь», но и неограниченно распоряжаться.

рование» – это обучение имеющей расу лошади опытным наездником, а не прессование живых экономических тел в один планово-экономический корсет, или преобразование в стучащую в едином такте машину. Прусский стиль означает аристократический жизненный порядок, основывающийся на ранге достижений. Прусский стиль – это, прежде всего, безусловный приоритет внешней политики, необходимое государственное управление над внутренней политикой, которая имеет задачей держать нацию в форме становится бессмыслицей и преступлением, когда она, независимо от внешней политики, начинает преследовать свои собственные идеологические цели. В этом состоит слабое место всех революций, чьи вожди пришли к власти путем демагогии и ничего другого не умеют делать, а потому и не знают, как найти дорогу от партийного мышления к государственному, как Дантон и Робеспьер. Мирабо и Ленин умерли слишком рано, Муссолини повезло. Но будущее принадлежит великим людям фактов, после того как, начиная с Руссо, улучшатели мира распылились на сцене мировой истории и бесследно исчезли.

Прусский стиль означает, наконец, сам себя дисциплинирующий характер, какой имел Фридрих Великий и который он обозначил как первый слуга своего государства. Такой слуга не является прислугой, но когда Бебель говорил о том, что немецкий народ имеет рабскую душу, то в целом он был прав. Его собственная партия доказала это в 1918 году. Лакеев успеха у нас больше, чем где бы то ни было, хотя они во все времена и у всех народов составляют человеческую толпу. Неважно, проводит ли византийство свои оргии для денежного мешка, для политического успеха, титула или только для шляпы Геслера. Когда Карл II причалил к Англии, все республиканцы исчезли. Слуга своего государства – это аристократическая добродетель, которую имеют лишь немногие. Если это «социалистично», то это гордый и исполнительный социализм для людей расы, для избранной жизни. Пруссачество – это нечто очень приличное, направленное против любого вида большинства и господства плебса. Молтке, великий воспита-

тель немецких офицеров, является большим примером истинного пруссачества XIX века. Граф Шлиффен характеризовал его личность следующими словами: мало говорить, много делать, быть больше, чем кажешься.

От этой идеи прусского существования произойдет окончательное преодоление всемирной революции. Других возможностей не существует. В 1919 году я уже говорил: не всякий, кто родился в Пруссии, является пруссаком; этот тип возможен везде в белом мире и действительно редок. Он составляет основу временных форм национальных движений, которые не являются завершающими; и следует задаться вопросом: в какой мере удастся отделить его от быстро устаревающих, популярных партийно-демократических элементов либерального и социалистического национализма, которые в нем вначале господствовали? Молчаливое национальное чувство англичан в 1900 году, которое сегодня стало таким неуверенным, бессодержательный шовинизм французов, который шумно проявился в афере Дрейе, относятся сюда же: в первом случае это связано с культом флота, во втором — с культом армии. В Америке этого нет — стопроцентный американизм является только фразой; да это и не нужно, поскольку непонятно: переживет ли грядущую катастрофу эта нация, стиснутая между ожидаемым коммунизмом и уже нарушенными финансами? Прусская идея направлена как против финансового либерализма, так и против рабочего социализма. Любой вид массы и большинства, все, что является «левым», для нее подозрительно. Прежде всего, она направлена против ослабления государства и его унижительного использования в экономических целях. Она консервативная и «правая» и происходит, пока существуют еще нордические народы, из первоначальных сил жизни: инстинкта власти и собственности, собственности как власти, наследства¹, плодovitости и семьи, из всего этого вместе, а также из

¹ Начиная от наследственного крестьянского двора, мастерской, фирмы со старым именем и до наследственной монархии, Республика с 1789 года является не чем иным, как оппозицией против идеи наследия.

различия в рангах и деления общества. Ее смертельным врагом был и остается рационализм от 1750-го до 1950 года. Современный национализм, вместе со скрытой в нем монархической установкой, является переходом. Он является стадией, предшествующей цезаризму, каким бы удаленным он ни казался. Здесь вызывают раздражение все либеральные и социалистические партии, все виды народностей, постоянно компрометирующих свой объект, все выступающие в массовом порядке и желающие сказать свое слово. Это движение, как бы оно ни было скрыто «современными» тенденциями, будет иметь будущее и своего вождя. Все действительно великие лидеры идут вправо, из какой бы глубины они ни поднимались: по этому узнают прирожденных руководителей и господ. Это относится к Кромвелю и Мирабо, как и к Наполеону. Чем более зрелым становится время, тем зримее становится этот путь. Старый Сципион поплатился карьерой и умер на чужбине из-за конфликта между традициями своего происхождения, запрещающими ему незаконную диктатуру, и тем историческим положением, которое он получил, сам того не желая, за защиту Рима от карфагенской опасности. В то время революционное движение только начинало подкапывать насыщенные традицией формы, так что юный Сципион по отношению к Гракхам имел слабое положение, а Сулла по отношению к Марию — очень сильное. Так продолжалось до Цезаря, начавшего свою карьеру как приверженец Катилины, когда партийного сопротивления уже не стало, ибо помпейцы были уже не партией, а лишь свитой одиночки. Мировая революция, начавшаяся так сильно, заканчивается не победой или поражением, а разочарованием толкаемых вперед масс. Ее идеал не отвергается — он становится скучным. В конце она не может уже больше никого увлечь за собой. Кто говорит о конце «буржуазии», тот показывает, что он пролетарий. Для будущего он не может сделать ничего. «Небуржуазное» общество может держаться только террором и только в течение нескольких лет, и тогда оно надоедает, не говоря уже о том, что тем временем рабочие

вожди становятся новой буржуазией. И это не во вкусе истинно властных натур.

Социализм в любом виде сегодня уже устарел, как и его первоначальные либеральные формы, как и все, что связано с партией и программой. Столетие культа рабочего – с 1840-го по 1940 год – безвозвратно заканчивается. Кто сегодня воспекает рабочего, тот не понял свое время. Черно-рабочий снова сливается с нацией, превращаясь из ее избалованного любимчика в низшую ступень городского общества. Выработанные классовый борьбой противоречия становятся снова различиями в высшем и низшем, и все остаются этим довольны. Это – разочарование времен римских царей, когда больше не существовало подобных экономических проблем. Но многое еще уничтожается и уравнивается в последний период социалистической мировой анархии! Так много, что у некоторых белых народов уже не будет материала, из которого цезарь мог бы создавать свое творение – армию, ибо в будущем армии будут вытеснены партиями.

Имеется ли в том, что во всех белых странах, участвовавших в войне, неопределенно зовется «молодежью», «фронтовым поколением»¹, – несущий фундамент для таких людей и задач будущего? Глубокое потрясение великой войной, которая вырвала весь мир из вялой иллюзии безопасности и прогресса как смысла истории, нигде не проявляется так ясно, как в оставшемся после нее духовном хаосе. Его наличие свидетельствует как нельзя лучше о том, что он ни в малейшей степени не был понят, и о том, что он не несет в себе нового порядка. Людям, родившимся около 1890 года, не хватало действительно великого лидера. Образы Бисмарка и Мольтке, не говоря о лидерах других стран, уже исчезли в тумане исторической литературы. Они могли бы быть масштабом настоящего величия, но без жизненной современности, в то время как война не показала на решающем месте ни одного значительного монарха,

¹ Это мужчины, которым в 1918 году было от 20 до 50 лет, или сегодня это мужчины от 20 до 30 лет.

ни выдающегося государственного деятеля, ни военного стратега. Все памятники и названия улиц не помогают в этом. Следствием этого было полное отсутствие чувства авторитета, с которым миллионы с обеих сторон вернулись из окопов домой. Это проявилось в беззастенчивой юношеской критике всего существующего, людей и вещей, без малейшего следа самокритики. Смеясь над прошлым, не понимали остающуюся его силу. Это проявилось, прежде всего, в той манере, с которой везде кричали о диктатурах по своему вкусу, не зная или не узнавая ни одного диктатора. Лидера сегодня выбирали, ему поклонялись, а завтра отвергали, — как Примо де Ривера, Даннунцио, Людендорфа. Лидерство обсуждали как проблему, вместо того чтобы быть готовым принять его как факт, если оно однажды появится. Политический дилетантизм господствовал, каждый диктовал своему будущему диктатору все, что он должен делать. Каждый требовал дисциплину от других, так как к самодисциплине не был способен. Поскольку было забыто, что такое государственный руководитель, то погрязли в истерии программ и идеалов, говоря и записывая, в пустых мечтах о том, что безоговорочно должно быть изменено, и при этом, конечно, предполагалось, что все это возможно реализовать. Отсутствие уважения к истории никогда не было таким, как в те годы. То, что история имеет свою собственную логику, от которой проваливаются все программы, не было известно, и это не желали воспринимать всерьез. Но Бисмарк потому добился своей цели, что он понял ход истории своего века и к нему приспособился. Это была великая политика, искусство возможного.

От этой «молодости» всех белых стран, которые хотели «закончить» двухвековую мировую революцию снизу в образе большевизма, от которого они сами многое переняли, в Германии, в Англии, в Испании — везде поднимаются типично революционные крики против «индивидуализма». Они сами были маленькими индивидуалистами — очень маленькими, без таланта, без глубины, и от этого, полные воинственной потребности, они быть правыми. Они презирали достоинства лучших, которым, по меньшей мере,

свойствен был след скепсиса относительно самих себя. Все революционеры не понимают юмора, поэтому все они обречены на неудачу. Мелкое упрямство и недостаток юмора – это определение фашизма. То, что лидерство, авторитет уважение и «социализм» несовместимы, – даже не приходит им в голову. Этот антииндивидуализм является в настоящий момент теоретической модой среди интеллектуалов белых стран, какой вчера была мода на индивидуализм, который не очень отличается от первого. Таким суетливым является этот духовный тип, и это все, что у них есть. Это литературная мода больших городов и ничего другого, – мода старая, поскольку уже якобинцы устали говорить об этом. Недостаток интеллигентности еще не означает преодоление рационализма.

В чем же состоит «социализм» этих героев, готовых идти на поле боя против свободы личности? Это не персональный азиатский коллективизм Востока, дух великой равнины¹ в сочетании с западным уровнем масс от 1792 года. Что там, собственно, выступает? Бездарности, чье число является их единственной силой. В этом скрыто очень много подпольно славянского, остатки доисторических рас, а также зависти к России, чья неразвитая воля свободна от мук неполноценных: чего-то хочешь, но не знаешь чего; чего-то желаешь, но не можешь решиться. Тот, у кого нет мужества быть молотком, должен смириться с ролью наковальни. Ее принимают с удовольствием. Стремление избавиться от собственной воли, спрятаться в ленивом человечестве – это счастье рабских душ, которые не имеют забот господина, и это все одето здесь в красивые слова. Романтика никчемности! Апофеоз чувств толпы! Последнее средство идеализировать свой страх перед ответственностью! Эта ненависть к индивидуализму из трусости и стыда является карикатурой на индивидуализм великих мистиков XIV и XV веков и их «оставления самости», как это называется в «Немецкой теологии»². Это бы-

¹ Untergang des Abendlandes II. S. 361.

² Untergang des Abendlandes II. S. 357.

ли сильные души, переживавшие тогда невероятное, истинно германское одиночество *Я*, в мире и в своем мучении испытывшие светлую тоску раствориться в том, что они называли Богом, бесконечностью или как-то иначе; но они оставались собою. Сильное, несгибаемое *Я* было их судьбой. Каждая попытка перейти границы учила тому, что границ нет. Сегодня узнают об этом проще: становятся «социалистами» и высказываются против *Я* других. С собственным *Я* у них нет проблем. Уравнивание мозгов произошло: собираются в массы, хотят массы, думают «в массе». Кто не соглашается и думает сам, воспринимается как враг. Масса является там, где вместо божественности «тонет» вялое, тупое, больное всевозможными торможениями *Я*: это тоже «спасение». Это почти мистика. Это уже было известно в 1792 году. Это потребность плебса идти за кем-то и повторять за кем-то. Но прусский стиль – это свободный отказ, это стремление поставить сильное *Я* на службу великим обязанностям и задачам, акт господства над собой, и потому это высший индивидуализм, какой только возможен сегодня.

Кельтско-германская раса обладает самой сильной волей. Но это «я хочу!», что наполняет фаустовскую душу до самых краев и составляет ее последний смысл, господствует в каждом выражении фаустовской культуры: в мышлении, в делах, в картинах и поведении, будит сознание полнейшего одиночества *Я* в бесконечном пространстве. Воля и одиночество в своих конечных причинах являются там одним и тем же. Отсюда молчаливый Мольке, и, с другой стороны, потребность мягкого, женственного Гёте в постоянном признании перед выбранными ими самим современниками, которое пронизывает все его произведения. Это была тоска по эху из бесконечности, страдание чуткой души от монолога ее существования. Одиночеством можно гордиться или страдать от него, но избавиться от него невозможно. Религиозный человек «вечных истин», такой как Лютер, тоскует по милости и прощению от этого рока, хочет бороться с ним. Но политический человек Севера выработал из этого германское упорство, направленное про-

тив действительности: «Ты доверяешь больше своему мечу», говорится в одной исландской былине. Если в мире и есть индивидуализм, так это упрямство против всего мира, понимание своей нестигаемой воли, радость от последних решений и любовь к судьбе даже в тот момент, когда об нее разбиваешься. Прусский стиль – это самоунижение по собственной воле. Ценность жертвы состоит в том, насколько она тяжела. Кто не может жертвовать собственным Я, тот не должен говорить о верности успеху. Он только бежит за кем-то, кому он передал ответственность. Если можно сегодня чему-то удивляться, так это мелочности социалистического идеала, которым хотят спасти мир. Это не освобождение от власти прошлого; это продолжение ее самых плохих наклонностей. Это трусость по отношению к жизни.

Действительная, истинно-прусская верность необходима больше всего миру в эпоху больших катастроф. Можно опираться только на то, что оказывает сопротивление. По этому взгляду проверяется истинный лидер. Тот, кто произошел из массы, должен хорошо знать, что массы, большинство, партии не являются свитами. Они хотят только привилегий. Они предают идущего впереди, как только он требует жертв. Кто думает и чувствует из массы, тот не оставит в истории ничего, кроме репутации демагога. Пусть пути расходятся налево и направо, но демагог всегда живет в массе таких же, как он. Рожденный для господства может использовать массу, но он презирает ее. Он ведет трудную борьбу не с врагом, а с толпой своих слишком преданных друзей.

Поэтому армии, а не партии, станут будущей формой власти, – армии самоотверженных преданных людей, каких Наполеон после Ваграма больше не имел: его старые солдаты были надежными людьми, а высшие офицеры – нет, в то время как ценность любого войска определяется, в конечном счете, ими. В нем видели не руководителя, а вечного давателя. Как только требуемая жертва превысила преимущества, великая армия прекратила свое существование.

Придет время, когда «белый» мир и Германия первыми вспомнят об этих фактах. Ибо после мировых войн и еще не закончившейся пролетарской мировой революции появится самая большая опасность – цветная мировая революция; и белым народам понадобится все, что у них осталось от «расы», чтобы справиться с нею. Германия не является островом, как это думают политические идеологи, желающие на ней, как на объекте, осуществлять свои программы. Она является маленьким пятнышком в большом бродящем мире, хотя и с решающим положением. Только она имеет в себе факт пруссачества. С этим богатством образцового существования она может стать воспитательницей «белого» мира, а может быть и его спасителем.

ГЛАВА 19

Западной цивилизации этого столетия будет угрожать не одна, а две всемирные революции огромного масштаба. Обе они еще не познаны в их истинном объеме, глубине и последствиях. Одна идет снизу, другая – извне: классовая борьба и расовая борьба. Она в своей большей части уже пройдена нами, даже если ее решающие удары – как в англо-американской зоне, – вероятно, еще предстоят. Вторая с решительностью началась только с мировой войны и получает сейчас очень быстро твердую тенденцию и образ. В следующие десятилетия обе будут рядом бороться, возможно, как союзники: будет тяжелейший кризис, через который белые народы – в единстве или разрозненно – должны пройти сообща, если они хотят иметь будущее.

«Революция извне» выступает также против любой прошлой культуры. Она выступает постоянно из лютой ненависти, которую везде вызывают недоступные возможности группы культурных наций, покоящихся на высоте достигнутых политических, военных, хозяйственных и духовных форм и методов; у безнадежных низших, «диких» или «варваров», окончательно эксплуатируемых. Этот колониальный стиль есть в любой высокой культуре. Но та-

кая ненависть не исключает и тайного презрения к чуждым формам жизни, которые постепенно узнаются, насмешливо обозреваются и, наконец, оцениваются относительно границ их действия. Было видно, что многому можно подражать, что другое можно безопасно сделать, или оно не имеет той силы, которая вначале приписывалась в немом ужасе¹. Наблюдались войны и революции внутри мира этих господствующих народов, через насильственное использование посвящались в тайны вооружений², промышленного производства и дипломатии. В конце концов, засомневались в действительном превосходстве чуждых, и как только почувствовали, что их решимость господствовать уменьшается, начали думать о возможном нападении и о победе. Так было в Китае за III века до нашей эры, где варварские народы были вовлечены в решающие сражения государств северо-западнее Хуанхэ и южнее Янцзы; так же было в арабском мире времен Аббасидов, где тюрко-монгольские племена выступали вначале как солдаты, а затем как господа; и так же было это прежде в античности, где мы можем точно проследить события, полностью равнозначные событиям, в которые мы необратимо вступаем.

Нападения варваров на античный мир начинаются с походов кельтов в 300 году, постоянно совершавшихся против Италии, где в решающем сражении у Сентиниума (в 295 году) племена галлов поддержали этрусков и самнитов против Рима, а также и Ганнибал использовал их с успехом. Около 280 года завоевывают другие кельты Македонию и северную Грецию, где из-за внутривосточной борьбы всякая государственная власть прекратила свое существование; они были остановлены только перед Дельфами. Во Фракии и Малой Азии основали они варварские государства из эллинизированного и отчасти эллинского населения. Несколько позже и на Востоке, в разва-

¹ Суждение Югуртаса о Риме.

² Ливийцы и «морской народ» — через египтян периода нового государства; германцы — через Рим; турки — через арабов, негры — через Францию.

лившемся государстве Александра Македонского, начинаются выступления варваров в бесчисленных восстаниях против эллинской культуры, которая шаг за шагом должна была отступить¹, так что с 100 года Митридат, надеясь на связи с южнорусскими «дикиими» (скифами и бастардами) и на все усиливающееся продвижение Партера с восточного Ирана на Сирию, надеялся уничтожить и находящееся в полном хаосе классовой борьбы Римское государство. Его смогли остановить только в Греции. Афины и другие города поддерживали его, как и кельтские племена, находившиеся в Македонии. В римских войсках господствовала открытая революция. Отдельные части боролись друг против друга, и вожди убивали друг друга даже перед врагом Фимбриа. Тогда римское войско перестало быть национальным войском и преобразовалось в личные дружины. Те, кого вел Ганнибал в 218 году против Рима, были, собственно, не карфагеняне, а в большинстве своем люди из диких племен Атласа и южной Испании, с которыми Рим со 146 года вел ужасную бесконечную борьбу; потери в этой войне привели к протесту римского крестьянства во время гракховских беспорядков, и с ними же римлянин Серторий позже пытался основать государство, направленное против Рима. Начиная со 113 года произошло кельто-германское нападение кимвров и тевтонов, которое было остановлено лишь после уничтожения всего римского войска при революционном вожде Марии, который вернулся после разгрома Югуртаса, восстановившего северную Африку против Рима, и через подкуп римских политиков в течение многих лет предотвращал всякое воздействие против него. Около 60 года началось новое кельто-германское движение (Суэвы, Хельветиры), которое остановил Цезарь захватом Галлии, в то время как Граций пал перед победившим Партером. Но на этом противостояние путем захвата и закончилось. План Цезаря нового захвата империи Александра, с тем чтобы устранить угрозу Партера, остался неосуществленным. Тиберий вынужден был придвинуть

¹ *Eduard Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. 1925.*

границу с Германией, после того как не удалось заменить войска, потерянные в битве у Варусса, и после смерти Августа произошло первое крупное восстание пограничных легионов. После этого господствовала система обороны. Но армия чувствовала себя все более с варварами. Она становилась независимой силой. Германцы, иллирийцы, африканцы, арабы становятся вождями, в то время как люди империи утопают в феллахстве (Fellachentums) «вечного мира»; и когда с севера и востока начались сильные нападения, мирное население заключало с нападающими не только договоры, но и добровольно переходило в подчинение к ним: таков поздний пацифизм усталой цивилизации.

Но все-таки было возможным в течение столетий планомерно защищать это положение, поскольку *Orbis terrarum* римского государства был закрытой областью, которая имела границы, позволяющие ее защищать. Намного сложнее положение у сегодняшней империи белых народов, которая охватывает всю поверхность Земли и включает в себя «цветных». Белое человечество в своем неудержимом стремлении к бесконечной дали распространилось везде – в Северной и Южной Америке, в Южной Африке, Австралии и в бесчисленных узловых местах между ними. Желтая, коричневая, черная и красная опасность поджидает внутри области влияния белых, вторгается в военную и революционную борьбу между белыми государствами, участвует в них и грозит, наконец, получить решающее значение.

Что же принадлежит к «цветному» миру? Не только Африка и индейцы (наряду с неграми и их смешениями) во всей Америке, исламские народы, Китай, Индия до Явы; но, прежде всего, Япония и Россия, которая вновь стала азиатской «монгольской» великой державой. Когда японцы победили Россию, зажглась надежда во всей Азии: молодое азиатское государство с помощью западных средств поставило на колени самую большую державу Запада, тем самым уничтожив нимб непобедимости «Европы». Это послужило сигналом для Индии и Турции, даже для Капландии и Сахары: оказалось возможным расплатиться с белы-

ми народами за века страданий и унижений. С этого момента глубокая хитрость азиатского человека ищет средства, превосходящие и недоступные западноевропейскому мышлению. И тут, потерпев в 1916 году второе решительное поражение от Запада не без издевательского удовлетворения союзной Англии, Россия срывает с себя «белую» маску и становится снова азиатской, всей душой и с ненавистью против Европы. Она, учитывая опыт своей внутренней слабости, выработала новые коварные методы борьбы, с помощью которых все цветное население Земли прониклось мыслью совместного противостояния. Это, наряду с победой рабочего социализма над обществом белых народов, явилось как второе действительное последствие мировой войны, которая не способствовала большему пониманию собственных проблем большой политики и ничего не решила. Эта война была падением белой расы, и мир 1918 года был первым большим триумфом цветного мира: символом того, что он в Женевской «Лиге Наций» – которая есть не что иное, как бедный символ позорных вещей – может обсуждать стратегические вопросы белых государств.

Тот факт, что над немцами, живущими за границей, цветные издевались по команде англичан и французов, не было событием неожиданной новизны. Этот метод начинается с либеральной революции XVIII века: в 1775 году англичане вербовали индейцев, которые нападали на республиканских американцев, сжигая и скальпируя их; и нельзя забывать, каким образом якобинцы заставляли негров из Гаити бороться за «права человека». Но то, что массы цветных со всего мира посылались на европейскую землю, причем белыми против белых, и знакомились с тайнами современного ведения войны и границами их действия, и возвращались домой с верой в победу над белыми державами, – все это в корне изменило их взгляды на соотношение сил на Земле. Они почувствовали свою совместную силу и слабость других; они начали презирать белых, как когда-то Югурта презирал сильный Рим. Не Германия, а весь Запад проиграл в мировой войне, когда он потерял уважение цветных.

Значение этого перемещения политического центра тяжести было понято сначала в Москве. В Западной Европе этого не поняли еще и сегодня. Белые господствующие народы лишились своего прежнего положения. Они советуются там, где вчера еще приказывали; они будут завтра льстить, чтобы им позволили советоваться. Они потеряли сознание самостоятельности своей силы и не замечают этого. В «революции извне» они отдали из своих рук выбор Америке и, прежде всего, Азии, чьи границы сегодня лежат у Карпат и у Вислы. Они впервые снова вынуждены защищаться после захвата Вены турками и должны будут отдавать большие силы, духовные и военные, в руки очень больших людей, если они хотят выстоять в первом могучем штурме, который не заставит себя долго ждать.

В России в 1917 году обе революции, белая и цветная, разразились одновременно. Одна — мелкая городская революция рабочего социализма с западной верой в партию и программу, революция литераторов, академических пролетариев и нигилистических подстрекателей типа Бакунина в единстве с дрожжами больших городов, насквозь риторичная и литературная; она покончила с петровским обществом большей частью западного происхождения и поставила на сцену буйный культ «рабочего». Машинная техника, которая так чужда и ненавистна русской душе, стала вдруг божеством и смыслом жизни. Однако снизу медленно, жестко, безмолвно, ориентируясь на будущее, началась другая революция — мужика, деревни, собственно азиатского большевизма. Ее первым выражением была вечно испытываемая крестьянами тяга к земле, которая тянула солдат с фронта, для того чтобы участвовать в ее разделе. Рабочий социализм очень скоро распознал эту опасность. Бывший вначале в союзе с крестьянством, он начал с ненавистью всех городских партий, как либеральных, так и социалистических, вести борьбу против консервативного элемента, который всегда переживал в истории все политические, социальные и хозяйственные образования городов. Он отнял у крестьян собственность, ввел фактически крепостное право и фронтовые работы, отмененные в 1862 году Алек-

сандром II, и установил в сельском хозяйстве злобное и бюрократическое управление (всякий социализм, который идет от теории к практике, превращается вскоре в бюрократию). Поэтому поля сегодня заросли, бывшее поголовье скота растеклось на части, и постоянным явлением стал голод азиатского стиля, который может перенести только слабовольная, рожденная для рабства раса.

Но «белый» большевизм здесь быстро исчез. Сохраналось лишь марксистское лицо вовне, чтобы в Южной Азии, Африке, Америке вызвать и управлять восстанием против белых держав. Новый азиатский слой управляющих вытеснил прежний полузападный. Он расположился снова в виллах и дворцах вокруг Москвы, держит прислугу и осмеливается уже развивать варварский люкс, как богатые наживой монгольские ханы XIV века. «Богатство» имеется в новой форме, которая описывается в пролетарских понятиях.

Вернуться к крестьянской собственности, к частной собственности, что не исключает факта крепостного права, — это возможно, так как власть имеет армия, а не гражданская «партия». Солдат — единственное существо в России, которое не голодает; и он знает, почему и как долго это продлится. Эта власть извне неуязвима из-за географической огромности государства, но она сама нападает. У нее наемники и союзники по всему миру, одетые, как она сама. Ее сильнейшее оружие — новая революционная, истинно азиатская дипломатия, которая торгуется, вместо того чтобы вести переговоры снизу и сзади, через пропаганду, через смерть и восстания. При этом высокая дипломатия белых народов, основывающаяся на старом аристократическом стиле, идущем от Эскориала, чей последний высокий мастер был Бисмарк, еще не совсем исчезла только благодаря политизированным адвокатам и журналистам.

Россия есть госпожа в Азии. Россия и есть Азия. Япония принадлежит к ней только географически. По своей «расе» она находится, без сомнения, ближе Восточным Малаям, Полинезии, некоторым индианским народам Западной стороны Америки. На море она то, что Россия на суше: господствует на большой территории, в которой за-

падные государства не имеют большого значения. Англия далека от того, чтобы в такой же мере быть господином в «своей» империи, не говоря уже о своих колониях. Япония далеко простирает свое влияние. Она имеет его в Перу и около Панамского канала. Мнимое родство крови между японцами и мексиканцами всячески подчеркивается и празднуется обеими сторонами¹. В Мексике в начале 1914 года в ведущих индианских кругах появился «план Сан Диего», согласно которому армия индейцев, негров и японцев должна напасть на Техас и Аризону. Белое население должно быть уничтожено, негритянские государства стать самостоятельными, и должен возникнуть огромный город Мехико как чисто индианский расовый город². Если бы этот план осуществился, мировая война началась бы совсем с другим разделением сил и на основе других проблем. Доктрина Монро в виде долларowego империализма, направленного против Латинской Америки, была бы уничтожена. Россия и Япония являются сегодня единственными активными державами мира. Благодаря им, Азия стала решающим элементом мировых событий. Державы белых вынуждены действовать согласно ее давлению и даже не замечают этого.

Это давление состоит в деятельности цветных расовых революций, которые используют классовую борьбу белых как средство давления. О внутренних причинах экономической катастрофы уже шла речь. После того как революция снизу в форме рабочего социализма с помощью политических зарплат создала брешь, ворвалась цветная экономика, ведомая Россией и Японией, использующих в качестве оружия низкие зарплаты с намерением завершить разрушение³. К этому еще добавляется политико-социальная

¹ Stoddard L. The rising tide of color. 1920. S. 131.

² В городе Мехико стоит статуя последнему королю ацтеков Гуатемозину. Никто бы не подумал поставить статую Фердинанду Кортесу.

³ Когда слышно, что Япония на Яве продает велосипеды за 12 марок и лампочки за 5 пфеннигов, в то время как страны белых вынуждены продавать в четыре раза дороже, для того чтобы покрыть свои расходы; когда маленький яванский крестьянин с женой и ребенком выращенный

пропаганда в невиданном размере, которая и есть, собственно, азиатская дипломатия наших дней. Она пронизывает всю Индию и Китай. В Яве и Суматре она ведет к созданию расового фронта против голландцев и к разложению армии и флота. В Восточной Азии она кружится вокруг очень одаренной индианской расы от Мексики до Чили, и она воспитала впервые у негров чувство общности, направленное против их господ – белых народов.

И здесь белая революция с 1770 года подготавливает почву цветной. Английская либеральная литература от Милля до Спенсера, чьи идеи доходят до XVIII века, составляет «мировоззрение» для высших школ Индии. Оттуда юные реформаторы самостоятельно находят путь к Марксу. Китайский революционер Сунь Ятсен нашел его в Америке. Из этого возникла собственная революционная литература, которая оставляет далеко позади себя радикализм Маркса и Бакунина.

Движение за независимость в испанской Америке со времен Боливара (1811 год) невозможно представить без английской и французской революционной литературы 1770 года, – и это пример для Наполеона; еще в большей степени это относится к американскому движению против Англии. Вначале это была война между белыми – между креольской и помещичьей аристократией, жившей в стране уже многие поколения, и испанскими чиновниками, стремящимися держаться колониальных отношений господства. Боливар, чистокровный белый, как Миранда и Сан-Мартин, имел план создания монархии, которая должна была бы основываться чисто на белой олигархии. Еще аргентинский диктатор Роса – мощный образ «прусского» стиля – представлял эту аристократию против якобинства, которое очень быстро распространилось от Мексики до самого юга, найдя поддержку во враждебных Церкви ма-

им мешок риса предлагает за полцены, которую вынуждены требовать при современных плантациях и белые чиновники, – тогда и становится видна основная причина этой борьбы. Поскольку западная техника не является больше тайной и полностью копируется, то и борьба идет больше не из-за методов изготовления, а только из-за расходов.

сонских ложах, требовавших всеобщего равенства, в том числе и расового; так началось движение чистых и полукровных индейцев не только против испанцев, но и вообще против белой расы. Оно беспрецедентно развивалось и уже недалеко от своих целей. А фон Гумбольдт уже замечал здесь гордость чисто иберийского происхождения, и сегодня еще у знатных родов Чили продолжает жить традиция вести свое происхождение от западных готов и басков¹. Но в анархии, которая господствует с середины XIX века, эта аристократия в большей своей части исчезла или вернулась в Европу. «Каудилы» – воинственные демагоги из цветного населения – завладели политикой. Среди них очень много чистокровных индейцев, таких как Юарес и Порфирио Диас. Сегодня белый, или считающий себя белым высший слой общества, за исключением Аргентины, составляет от одной четвертой до одной десятой населения. В некоторых государствах врачи, адвокаты, учителя, даже офицеры – почти исключительно индейцы и чувствуют себя близкими пролетарским метисам городов мехопелам в их ненависти к белым владельцам, будь то креолы, англичане или североамериканцы. В Перу, Боливии и Эквадоре аймара является вторым государственным языком. Пытаются подчеркнуть культ мнимого коммунизма инков и в этом поддерживаются Москвой. Расовый идеал индианского господства стоит, возможно, очень близко к своему осуществлению.

В Африке христианский миссионер, прежде всего английский методист, сам оставаясь невиновным, через свое учение о равенстве всех людей перед Богом и греховности богатства подготовил почву, на которой сеет и жнет большевистский посланец. Кроме того, с Севера и Востока, сегодня уже у Замбези (Ниясланд), наступает гораздо с большим успехом исламский миссионер. Где вчера стояла христианская школа, завтра будет стоять мечеть. Воинст-

¹ И от насильно обращенных арабов и евреев, мараннов, которых узнают по их строгим католическим именам: Санта Анна, Санта Мария, Сан Мартин.

венный мужской дух этой религии понятнее неграм, чем учение о сострадании, которое только отнимает у него уважение к белым; прежде всего, подозрения падают на христианского священника, поскольку он представляет белый господствующий народ, против которого с умной решительностью направлена исламская пропаганда – в большей мере политически, чем догматически¹.

Эта цветная общепланетарная революция проистекает в самых различных формах: национальных, экономических, социальных; она направится вскоре открыто против колониальных государств (Индия) или в своей стране (Капланд), против белого господствующего слоя (Чили), против власти фунта или доллара, против иностранной промышленности в целом, против своего собственного финансового мира, поскольку он связан со сделками белых (Китай), против собственной аристократии и монархии; к этому добавляются и религиозные моменты: ненависть к христианству и вообще к любой форме духовенства и ортодоксии, к нравам и обычаям, к мировоззрению и морали. Но в глубине этого, начиная с Тайпиньской революции в Китае, восстания Сепоя в Индии, мексиканцев против кайзера Максимилиана, – везде одно и то же: ненависть против белой расы и безусловная воля ее уничтожить. При этом все равно, способны ли старые усталые цивилизации, такие как индийская или китайская, поддерживать порядок без чужого господства; речь идет только о том, в состоянии ли они сбросить белое иго, и это как раз так. Кто среди цветных государств будет господствовать – Россия ли, Япония ли или великий аферист с военной толпой за собой, все равно какого происхождения, – это будет решено позже или никогда. Древнеиндийская цивилизация, начиная с 1000 года до рождения Христа, поменяла множество господ – ливийцев, ассирийцев, персов, греков, римлян; она была неспособна к самоуправлению, но постоянно бы-

¹ Имеется также эфиопская, антиевропейски направленная Церковь методистов, которая ведет свою миссионерскую деятельность из Соединенных Штатов и, например, в 1907 году в Натале и в 1915 году в Нисландии вызывала восстания.

ла готова к победоносному восстанию. И если из множества других целей только одна осуществится, — это совершенно не важно. Великий исторический вопрос состоит в том: рухнут государства белых или нет? И об этом имеется тяжеловесное единство решения, которое необходимо обдумать. Какими силами обладает белый мир для духовного и материального сопротивления против этой опасности?

ГЛАВА 20

Силами, значительно меньшими, чем это кажется на первый взгляд. Его народы устали быть культурными. В огне высших форм и в рамках внутреннего совершенствования духовная субстанция изнурилась. Может быть, остались только угли, часто только пепел, но это не везде. Чем меньше народ был втянут в вихри прошлой истории, тем больше хаоса, могущего стать формой, он сохранил. И если шторм великих событий начинает бушевать, как в 1914 году, то неожиданно вспыхивают затаившиеся искры пламенем вверх. Особенно в германской расе, наиболее волевой из бывших когда-либо, спят еще большие возможности.

Но если здесь речь идет о расе, то она понимается не в смысле, модном сегодня у антисемитов в Европе и Америке, то есть в дарвинистском и материалистическом. Чистота расы есть преувеличение перед фактом, что за тысячи лет все племена смешались, и именно воинственные, то есть здоровые, полные будущего роды с удовольствием включали в себя чужого, если он был «с расой», неважно к какой расе он принадлежал. Кто слишком много говорит о расе, у того ее уже нет. Речь идет не о чистой, а о сильной расе, которую имеет в себе народ.

Это проявляется, прежде всего, в самостоятельной, элементарной плодовитости, во множестве детей, которых может использовать историческая жизнь, не истощаясь при этом. Бог, по известному выражению Фридриха Великого, всегда на стороне сильных батальонов — это видно уже здесь сегодня. Миллионы павших в мировой войне были,

что касается их расы, лучшими, какие имели белые народы; но раса доказывает себя тем, как быстро она способна их заменить. Один русский говорил мне: что мы потеряли в революцию, русская женщина восстановит за 10 лет. Это здоровый инстинкт. Такие русские неотразимы. Тривиальное учение Мальтуса, которое восхваляет неплототворность как прогресс и которое сегодня распространилось во всех белых странах, доказывает только то, что эти интеллектуалы не имеют расы, независимо от распространенного впоследствии мнения, что экономические кризисы могут быть устранены через падение роста населения. Напротив, «сильные батальоны», без которых не бывает большой политики, дают также экономическую защиту, силу и внутреннее богатство.

Женщина сильной расы хочет быть не «возлюбленной» или «любовницей», но матерью; и не матерью одного ребенка, служащего игрушкой или для времяпровождения, но матерью многих: гордость за множество детей и чувство, что неплодовитость представляет собой сильнейшее предательство, которое может совершить женщина, а через нее и весь род, говорит об инстинкте сильной расы. Из него происходит древняя ревность, с которой женщина ищет мужчину, желающего быть отцом своих детей. Духовная ревность больших городов, которая немного больше, чем эротический аппетит, использующий другого как средство наслаждения, уже в простом обдумывании желаемого или опасного числа детей обнаруживает отсутствие стремления расы к длительности, которую невозможно возобновить через речь и письмо. Первоначальная честь – или то, что известно как старые народные нравы, или глубоко укоренившиеся обычаи, освящающие зачатие – совсем не сентиментальность. Мужчина хочет иметь способных сыновей, которые его имя, его дела продлили бы в будущее через его собственную смерть и оставили бы их расти, как и он чувствует себя наследником имени и дел своих предков. Это и есть нордическая идея бессмертия. Другую эти народы не знали и не хотели. На ней основывается мощная тоска по славе, желание свое дело продлить в последователях, ви-

деть свое имя увековеченным в памятниках, или, по меньшей мере, в уважительном воспоминании. Поэтому идею наследования нельзя отделить от германской семейной чести. Если идея собственности исчезнет, превратится в ничто и смысл семьи. Кто себя направляет против одной, нападает на другую. Мысль о наследовании определяла существование каждого крестьянского двора, каждой мастерской, каждой старой фирмы, наследственных профессий¹ и нашла свое высшее символическое выражение в наследственной монархии, свидетельствует о силе расового инстинкта. Социализм не только нападает на него, но само его существование есть уже признак упадка. Но упадок семьи, являющийся выражением жизни больших городов, сегодня усиливается и искажает «расу» наций. Смысл мужа и жены теряется, как и воля к длительности. Человек живет только для самого себя, а не для будущего рода. Нации, как обществу, первоначально представлявшему сплетение семей, угрожает участь стать посредством города суммой частных атомов, каждый из которых из своей и чужой жизни стремится получить как можно больше удовольствий – «хлеба и зрелищ». Женская эмансипация времен Ибсена хочет не свободы от мужчины, а свободы от детей, от обязанностей, связанных с воспитанием их; одновременная эмансипация мужчин означает устранение от обязанностей в семье, народе и государстве. Вся либерально-социалистическая литература сосредоточена на этом самоубийстве белой расы. То же самое было и в других цивилизациях².

Последствия хорошо видны. Цветных рас в мире раньше было в два раза больше, чем белых. Но после 1930 года в России ежегодный прирост населения составил – 4 миллиона, в Японии – 2; в Индии с 1921 по 1931 население выросло на 34 миллиона. В Африке негры с их немыслимой плодовитостью размножились еще больше после того, как европейская медицина «ворвалась» туда и предотвратила сильный отсев из-за болезней. Напротив, в Германии

¹ Поэтому есть офицерские, судейские, священнические династии. На этом основано дворянство, духовенство и цеха.

² Untergang des Abendlandes II. S. 123.

и Италии прирост населения составил меньше, чем пол-миллиона; в Англии, стране где официально рекомендуется ограничение рождаемости, — лишь половину этого; во Франции и среди старых поселенцев Америки не имеется прироста населения¹. Последняя, доселе господствующая «раса» германского образца быстро исчезает в последние десятилетия. Прирост населения образуется полностью за счет негров, и с 1900 года — за счет переехавших жителей восточной и южной Европы. Во Франции некоторые области за 50 лет потеряли одну треть своего населения. В некоторых из них число рожденных в два раза меньше числа умерших. Некоторые небольшие города и многие деревни стоят почти пустые. На юге каталонцы и итальянцы становятся крестьянами, поляки и негры везде входят даже в средний слой. Есть черные священники, офицеры и судьи. Эти приезжие, составляющие более чем десятую часть населения, имеют такую плодовитость, которая позволяет поддерживать число «французов» на одном уровне. Но истинные французы в ближайшее время не будут больше господами во Франции. Кажущийся рост белого населения земли, такой малый по сравнению с наплывом цветных, основан на временной иллюзии: число детей становится все меньше, а число взрослого населения растет не потому, что его больше, но потому, что оно дольше живет.

Но сильной расе присуще не только неисчерпаемое число новорожденных, но и жесткий отсев через препятствия жизни, несчастья, болезни и войну. Медицина XIX века, истинный продукт рационализма, является, с этой точки зрения, также проявлением старения. Она продлевает каждую жизнь, будь она ценная или нет. Она продлевает даже смерть. Она замещает число детей числом стариков. Она соответствует мировоззрению «хлеба и зрелищ», когда она судит ценность жизни не по содержанию, а по количеству прожитых дней. Она устраняет естественный отбор и способствует этим падению расы. Число неизлечимых душев-

¹ Так же, как и белые в Южной Африке и Австралии.

нобольных выросло в Англии и в Уэльсе за 20 лет с 4,6 тысяч до 8,6 тысяч. В Германии число душевнобольных составляет примерно полмиллиона, в Соединенных Штатах — более миллиона. Согласно сообщению бывшего президента Гувера, среди молодежи Америки 1.360.000 с отклонениями речи и слуха, 1.000.000 страдают сердечными болезнями, 875.000 трудновоспитуемых с преступными наклонностями, 450.000 умственно отсталых, 300.000 инвалидов, 60.000 слепых. К этому следует добавить великое множество умственно, душевно и телесно ненормальных всех видов, истериков, душевно и нервно больных, а также здоровых, но не способных родить детей. Их число невозможно сосчитать, но можно судить по числу врачей, которые этим живут, и по той массе книг, которые об этом написаны. Из такого подрастающего поколения развивается революционный пролетариат с постоянной ненавистью, как и салонный большевизм эстетов и литературных деятелей, которые смакуют и пропагандируют прелести такого душевного состояния.

Известен факт, что значительные люди редко, или почти никогда, не были единственными детьми. Семьи с малым количеством детей способствуют не только уменьшению количества, но и ухудшению качества расы. Народ нуждается не только в наличии здоровой расы в себе самом, но и в наличии отсева более сильных, который ведет к этому. Отсев, образовавшийся в английской колониальной службе и в прусском офицерском корпусе, как и в католической Церкви, когда в трудных ситуациях было важно моральное поведение и оценки, а не деньги и происхождение, — был бы невозможен, если бы имеющийся материал был средним. Отсев в жизни должен предшествовать, и только после этого возможен отсев в сословиях. Сильный род требует сильных родителей. В крови должно быть нечто от варварства начальных времен в строгой форме старой культуры, что позволяет в трудные времена выстоять, защититься и победить.

Это варварство есть то, что я называю сильной расой¹, – вечно воюющий тип человека-хищника. Кажется, что ее больше нет, но она в душе и готова к прыжку. Один сильный вызов – и враг уже побежден. Она только там умерла, где пацифизм поздних городов накатывает свою тину на поколения и проявляется в усталом желании покоя любой ценой за исключением своей собственной жизни. Это духовное саморазоружение после телесного саморазоружения через неплодовитость.

Почему же немецкий народ является самым неиспользованным в белом мире и потому подающим наибольшие надежды? Потому что его политическое прошлое не предоставило ему возможность израсходовать свою ценную кровь и свои большие дарования. Это единственная благодать в нашей бедной истории с 1500 года. Она нас сэкономила. Она делала нас мечтателями и теоретиками в области большой политики, чуждыми миру и слепыми, узко смотрящими, сварливыми и провинциальными, – но все это преодолимо. Не было органических ошибок, не было врожденного недостатка способностей, как это показало время кайзера. Сильная кровь, являющаяся основой любого духовного превосходства, была и остается. Великая история полна претензиями. Она изнуряет лучшие элементы расы. Она истощила Рим в течение нескольких столетий. С открытием Америки нордическое переселение народов, которое тысячу лет назад остановилось в южной Европе, началось вновь с большой силой и перенеслось через море; полные сил испанские династии, в основном нордического происхождения, шли туда, где они могли бороться, дерзать и господствовать. Ценная аристократия испанского образца переселилась туда в 1800 году, что привело к затуханию активной жизни в самой Испании. Точно так же истощился призванный к господству верхний слой Франции в большой политике, начиная с Людовика XIII; и не только в ней культурная высота стоит дорого, что особенно относится

¹ Я повторяю: раса, которую имеет человек, – не та, к которой он принадлежит. Первая – этнос, другая – зоология.

к англо-саксонской культуре английской мировой империи. То, что здесь имели преобладающие роды, не посылалось в конторы и в маленькие министерства родного острова. Мужчины следовали стремлению викингов к жизни в опасности и погибали везде в мире в бесчисленных приключениях и войнах, разлагались от климата или оставались вдалеке, где, например в Северной Америке, они составили основу нового господствующего слоя. Что оставалось – стало «консервативным», что означает здесь нетворческое, усталое, полное неплодотворной ненависти против всего нового и невиданного. Также и Германия потеряла очень много своей лучшей крови в чужих армиях и странах. Но провинциализму политических обстоятельств соответствовало падение честолюбия одаренных в службе на мелких дворах, в мелких армиях и в администрации¹. Они остались здесь как здоровый и средний слой. Дворянство оставалось в своей большей части крестьянством. Не было большого мира и богатой жизни. «Раса» народа спала и ждала пробуждения в великое время. Здесь лежит, несмотря на опустошения последних десятилетий, богатство активной крови, которого нет ни у какой другой страны. Его можно разбудить и нужно сделать одухотворенным, чтобы быть готовым к огромным задачам в будущем и быть действенным. Но эти задачи сегодня имеются. Борьба за планету началась. Пацифизм либеральных столетий должен быть преодолен, если мы хотим жить дальше. Насколько глубоко зашли в нем белые народы? Является ли галдеж против войны духовным жестом, или же серьезным отречением от истории за счет блага, чести и свободы? Но жизнь есть война. Можно ли отказаться от ее смысла, и в то же время, сохранить ее? Потребность в феллахском покое, в застрахованности от всего, что мешает обычному распорядку дня, от судьбы в любом ее виде – означает хотеть какой-то вид мимикрии на мировую историю, на замирание человеческих насекомых перед опасностью, на

¹ За исключением государства Габсбургов, которое тоже истощило в своих границах германство и исчезло.

«счастливый конец» бессодержательного существования, и на право через скуку джазовой музыки и танцы негров играть похоронный марш великой культуре.

Но этого не может и не должно быть. Заяц обманет, быть может, лису, но человек человека не обманет. Цветной разглядывает белого, когда тот говорит о «человечестве» и вечном мире. Он чувствует неспособность и отсутствие воли себя защитить. Здесь важно большое воспитание, которое я обозначил как прусское и которое, пожалуй, любят также называть «социалистическим»; но разве речь идет о словах? Воспитание, которое будит спящие силы через жизненный идеал не школы, знаний, образования, а духовной муштры, – такое воспитание мобилизует то, что имеется, укрепляет его и приводит к новой крови. Мы не можем себе позволить быть усталыми. Опасность стучит в двери. Цветные не пацифисты. Они не держатся за одну жизнь, длительность которой есть единственная ценность. Они поднимут меч, если мы его опустим. Они боялись однажды белого, сейчас они его презирают. В их глазах написано осуждение, если белые мужчины и женщины ведут себя так, как они это обычно делают дома или в самих цветных странах. Однажды их охватил ужас от нашей власти – как германцев перед первыми римскими легионами. Сегодня, когда они сами стали силой, раскрывается их таинственная душа, которую нам никогда не понять, и они смотрят на белых свысока, как на нечто вчерашнее.

Но наибольшая опасность еще не названа. Что будет, если однажды соединятся классовая и расовая борьба, для того чтобы покончить с белым миром? Это соответствует природе вещей, и никакая из обеих революций не будет пренебрегать помощью другой только потому, что ненавидит ее носителей. Общая ненависть гасит взаимное презрение. И что будет, если во главе их встанет белый авантюрист, каких мы уже знаем, – тот, чья дикая душа в теплице цивилизации не может дышать и пытается себя насытить опасностями в смелых колониальных аферах, у пиратов, в чужих легионах – до того момента, когда он неожиданно увидит перед собой большую цель? С такими натурами

подготавливает история свои большие неожиданности. Отвращение глубоких и сильных людей к нашему состоянию и ненависть глубоко разочарованных могут уже вырасти в возмущение, требующее уничтожения. То же было и во время Цезаря. Во всяком случае, если в Соединенных Штатах выступит белый пролетариат, негр будет тут как тут, а за ним будут ждать своего часа индейцы и японцы. Черная Франция, в таком случае, будет так же мало стесняться перешеголять Парижскую сцену 1792 и 1871 годов. И будут ли смущены вожди классовой борьбы, если беспорядки цветных откроют им путь? Они никогда не гнушались никакими методами. Ничего бы не изменилось, если бы Москва, как начальник, должна была бы замолчать. Она сделала свое дело. Дело развивается дальше само. Мы вели перед глазами цветных наши войны и классовую борьбу, себя унижая и предавая; мы требовали от них участия в этом. Стоит ли удивляться, что они это, наконец-то, так же делают для себя?

Здесь поднимается грядущая история выше экономической нужды и политических идеалов. Здесь вступают элементарные силы жизни сами в борьбу за все или за ничто. Начальная форма цезаризма скоро станет определеннее, более осознанной, более неприкрытой. Маски века парламентского переходного состояния полностью упадут. Все попытки улавливать содержание будущего в партиях будут быстро забыты. Фашистские образования этого десятилетия перейдут в новые непредвиденные формы, и национализм в его сегодняшнем виде исчезнет. Останется как формирующая сила только воинственный, «прусский» дух везде, не только в Германии. Судьба, раньше осуществлявшаяся в значимых формах и великих традициях, будет делать историю в образе бесформенных отдельных сил. Легионы Цезаря снова просыпаются.

Здесь, может быть уже в этом столетии, ждут последних решений своего человека. Перед ними в ничто утопают мелкие цели и понятия сегодняшней политики. Чей меч победит, тот и будет господином мира. Тут лежит жребий невиданной игры. Кто осмелится его бросить?

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. АФАНАСЬЕВ

**ЛИБЕРАЛЬНОЕ
И
КОНСЕРВАТИВНОЕ**

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	225
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	
ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА	236
1.1. Предшественники и современники Освальда Шпенг- лера	236
1.2. Шпенглер о политической эволюции «высоких культур» .	269
ГЛАВА ВТОРАЯ	
КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ	
ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА	312
2.1. Освальд Шпенглер как идеолог «консервативной рево- люции»	312
2.2. Понимание либерализма и консерватизма	333
2.3. Консервативная трактовка государства	342
2.4. Критика либеральной идеологии	354
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ...	364
3.1. Шпенглер о тенденциях развития мировой политики .	364
3.2. Шпенглер о проблеме наций и национальных госу- дарств	379
3.3. Мировая империя и будущее человечества.	389
3.4. Шпенглер о России и российской культуре.	406
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ИДЕИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА В ТРУДАХ	
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	418
4.1. Влияние идей Шпенглера на концепции А. Тойнби, П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилёва.	419
4.2. Гуманистическая футурология О. К. Флехтгейма. .	451
4.3. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона	476
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	503
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	513

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к наследию Освальда Шпенглера в нашей стране постоянно возрастает, о чем свидетельствуют не только новые публикации его работ, но и современные аналитические исследования его творчества. Причина такого интереса состоит в том, что его политические идеи в России остаются малоизвестными. В то же время следует отметить, что Шпенглер обращался к анализу проблем демократии, которые представляют особый интерес для современной России. Некоторые зарубежные и отечественные авторы проводят параллель между Веймарской Германией и современной Россией¹.

В своих работах Освальд Шпенглер уделяет большое внимание анализу либерализма, который стал в результате политических реформ девяностых годов государственной идеологией в России. Сегодня, когда в России происходит формирование нового партийно-политического спектра, большой интерес представляют трактовки понятий либерального и консервативного, содержащиеся в работах Шпенглера. Важное значение для современной политической мысли имеют и консервативные идеи Освальда Шпенглера, которого следует считать одним из видных представителей консервативной идеологии XX века².

В работах Шпенглера содержатся прогнозы мирового политического развития, которые выдержали проверку временем и в целом подтвердились последующим ходом истории. Кроме того, Шпенглеру принадлежит важная заслуга в разработке методологического аппарата современной политической науки. Значительный вклад немецкий философ внес в исследование таких важных политических

¹ См.: Янов А. Веймарская Россия // Нева. 1994. № 3–6.

² См.: Афанасьев В. В. Консервативная идеология Освальда Шпенглера // Политические исследования. 2005. № 5. С. 166–174.

проблем, как проблема устройства государства, проблема наций и национальных отношений, проблема войны и мира, проблемы экономической политики. В работах Шпенглера мы находим интересные подходы к анализу политических партий, к исследованию политической роли современных средств массовой информации, к решению проблемы соотношения политики и экономики. Особый интерес представляет анализ Шпенглером мировой политики и международных отношений.

Творчество Освальда Шпенглера приходится на начало XX века – на время мирового кризиса, ломки традиционных международных отношений, в результате которой Европа потеряла свое стратегическое положение в мировой политике. Именно в этот период начинается кризис национальных государств и переход к глобальной политике. Обладая обширной исторической эрудицией, Шпенглер смог взглянуть на современные ему события мировой политики с отдаленной перспективы. Используя аналогии с эпохой Римской империи, он сумел правильно выявить основные тенденции изменения системы международных отношений; поэтому его можно рассматривать как одного из основоположников новой науки о международных отношениях, которая возникает в это время и связана со становлением глобального мира. Особую роль идеи Освальда Шпенглера имели для формирования и развития школы реализма в международных отношениях, классиком которой он, безусловно, является. Борьба за выживание «мировых держав» должна, по его мнению, стать основным содержанием мировой политики. Отмеченные в работах Шпенглера современные тенденции развития международных отношений почти полностью воплотились в реальность.

Если причислять проблемы, которыми занимается такая современная наука, как глобалистика, то можно заметить, что многие из них также были затронуты Освальдом Шпенглером. Это проблема войны и мира, предотвращения опасности мировой войны и гонки вооружений; это проблемы демографического кризиса и ухудшения здоро-

вья людей, это проблемы безработицы и развития мировой экономики. Разработанная им концепция «высоких культур» позволила Шпенглеру подходить к анализу современных политических процессов с большой исторической перспективой. Об актуальности наследия Шпенглера для современной мировой политики свидетельствуют слова известного американского политолога Збигнева Бжезинского, который полагает, что «теория Шпенглера... имеет непосредственное отношение к внешней политике президента Буша»¹.

Все эти идеи еще малоизученны по сравнению с не вызывающим уже сомнений важным вкладом Шпенглера в мировую философскую, историческую и культурологическую мысль. Г. В. Драч, например, пишет: «Идеи Шпенглера указали пути философии многим выдающимся мыслителям XX века. Они нашли отражение в творчестве А. Тойнби, в философии Ортеги-и-Гассета, оказали влияние на А. Ф. Лосева и на культур-философскую прозу О. Э. Мандельштама. “Морфология культуры” Шпенглера сохраняет известную актуальность и для современной философской и культурологической мысли»².

В первом томе «Заката Европы» (1918) Шпенглер пишет о проблемах искусства и науки, во втором томе (1922) обращается к вопросам религии, политики и экономики. Здесь он развивает свои политические идеи, выстраивает их в систему. Проблемам политики посвящена отдельная глава. В промежутке между первым и вторым томами «Заката Европы» Шпенглер публикует работу «Пруссачество и социализм» (1920), где рассматривает актуальные политические проблемы, высказывает свое отношение к революции 1918 года в Германии. В этой работе Шпенглер выступает зрелым политическим мыслителем, который не

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 26.

² Драч Г. В. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 8.

только показывает свою эрудицию в вопросах европейской истории, но и формулирует свой взгляд на новейшую политическую историю Германии. Здесь Шпенглер излагает основные идеи консервативных революционеров, высказывает целый ряд оригинальных трактовок политических проблем, выступает с критикой марксизма. Интерес Шпенглера к анализу политики не исчезает до конца его жизни. Об этом свидетельствует изданная им незадолго до смерти книга «Годы решения» (1933), посвященная анализу современных ему политических событий.

Эти работы оказали большое влияние на политическую науку в Германии перед началом Второй мировой войны. Однако влияние политических идей Шпенглера не ограничилось Германией и приобрело международное звучание, о чем свидетельствуют исследования ученых из многих стран. В последнее время предметом многочисленных международных дискуссий стала концепция «столкновения цивилизаций» американского политолога С. Хантингтона, который не скрывает, что во многом опирался на политические идеи Шпенглера. Эти дискуссии возобновили интерес к его политической философии.

Анализу политических идей Освальда Шпенглера в советский период не уделялось должное внимание, а исследования носили, как правило, критический характер. Причиной этому было утвердившееся в научной литературе мнение, что идеи Шпенглера связаны с фашизмом. Некоторые авторы прямо считали его одним из теоретиков фашизма. Здесь определенную роль сыграло незнание конкретных фактов из биографии Шпенглера, которые ясно показывают не только отказ самого Шпенглера сотрудничать с фашистским режимом, но и достаточно резкую критику его нацистами. Исследователи, отождествляющие Шпенглера с фашизмом, правы лишь в том, что некоторые идеи Шпенглера вошли в арсенал идеологов фашизма; правда, в искаженном и упрощенном виде.

Другой причиной отсутствия внимания к политическим идеям Шпенглера в советский период была господствующая

шая тогда идеология. Вышедший после Октябрьской революции перевод первого тома «Заката Европы» сразу обратил на себя внимание большевиков. Особенно не понравился им тот интерес, который вызвала эта книга среди университетских профессоров. Сборник статей, «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в котором участвовали такие известные ученые, как Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, С. Л. Франк², послужил одной из причин их высылки за границу. Сами же работы Шпенглера находились в спецхранах вплоть до перестройки и гласности. Сегодня, несмотря на большую открытость в этом вопросе, некоторые его политические произведения остаются не переведенными на русский язык³.

Основной труд Освальда Шпенглера – «Закат Европы» – во многом определил интеллектуальные дискуссии в Веймарской Германии. Георг Зиммель оценивал эту книгу как «важнейшую философию истории после Гегеля»⁴. Дискуссия вокруг работы вызвала поток рецензий, газетных статей и книг⁵. Несмотря на преобладание критики, большинство авторов были едины в том, что эта книга необыч-

¹ Опубликованный в 1923 году перевод первого тома «Заката Европы» не переиздавался и стал библиографической редкостью. В 1993 году вышли одновременно три издания в издательствах «Мысль», «Искусство» и «Наука». Пять лет спустя, в 1998 году, в издательстве «Мысль» впервые печатается перевод второго тома «Заката Европы» (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998).

² *Свасьян К. А.* Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 6.

³ Отчасти восполняет этот пробел мой перевод книги «Годы решения» (Шпенглер О. Годы решений. М.: Скимень, 2006) и новое издание работы «Пруссачество и социализм» (Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002).

⁴ *Gassen K., Landman M.* (Hrsg.) Buch des Dankes an Georg Simmel. Berlin, 1958. S. 252.

⁵ С 1921 по 1925 год только в Германии вышло более тридцати работ.

ная¹. Особое внимание и интерес вызвала эта работа в России. Николай Бердяев писал: «...такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это книга нашего стиля»².

Первые публикации о Шпенглере в России были реакцией на выход в свет «Заката Европы»³. Основное внимание в этот период уделялось историко-философской концепции Шпенглера, которая поражала многих исследователей своей необычностью. Среди российской интеллигенции его концепция пользовалась особой популярностью, поскольку в ней не только содержался тезис о закате Запада, но и шла речь о будущей российской цивилизации. Свой интерес к Шпенглеру сохранили на протяжении всей жизни такие видные представители российской интеллигенции, как Николай Бердяев и Питирим Сорокин⁴. Начиная с 60-х годов, идеи Шпенглера переживают определенный ренессанс, вызванный ставшими популярными работами английского историка Арнольда Тойнби, открыто считавшего себя его последователем. С этого времени интерес к исследованию творчества Шпенглера постоянно нарастает, о чем свидетельствует рост количества публикаций, связанных с его творчеством в различных странах мира.

Сведения о Шпенглере в научной литературе советского периода были ограничены, а его наследие часто оцени-

¹ В ноябре 1919 года Шпенглер получает премию фонда Архива Ницше. Университет в Геттингене предложил ему место заведующего кафедрой философии, но он отказался.

² Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 392.

³ Преображенский П. Шпенглер и крушение истины // Печать и революция. 1922. № 1; Вульфийус А. Г. Освальд Шпенглер как историк // Анналы. Журнал всеобщей истории. 1922. № 2.

⁴ Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 376–392; Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und das Wesen ihrer Krisen. Stuttgart, 1953. S. 88–131.

валось как реакционная философия, несовместимая с марксизмом. Здесь следует отметить работы таких исследователей, как С. С. Аверинцев¹, Э. О. Маркарян², Ю. Н. Давыдов³, Ю. К. Мельвиль⁴, А. С. Богомолов⁵. В этих работах речь идет, главным образом, о философии истории Шпенглера, о его концепции «высоких культур». Многие исследователи отмечают не только оригинальность шпенглеровского подхода к истории, но и интересный культурологический анализ античной и европейской культуры.

В 80-е годы наследие Шпенглера исследуется более интенсивно. Так, Г. М. Тавризян⁶ подробно анализирует взгляды Шпенглера на проблему техники. К. А. Свасьян в своих работах делает акцент на социально-политические взгляды Шпенглера. Ему принадлежит одна из первых работ, посвященных анализу политического мировоззрения Шпенглера⁷. Здесь К. А. Свасьян отмечает недостаточность исследования политической доктрины Шпенглера в отечественной научной литературе, несмотря на то, что она, по его мнению, имеет первостепенную значимость среди профессиональных предпочтений Шпенглера⁸.

¹ Аверинцев С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 132–153.

² Маркарян Э. О. О концепции локальных цивилизаций: Критический очерк. Ереван, 1962.

³ Давыдов Ю. Н. Освальд Шпенглер и судьбы романтического мирозерцания // Проблемы романтизма. 1971. Т. 2. С. 229–301.

⁴ Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 413–459.

⁵ Богомолов А. С. Философия жизни в Германии // Современная буржуазная философия. М., 1972. С. 112–153.

⁶ Тавризян Г. М. Наука и миф в морфологии культуры Шпенглера // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 103–116; Она же. Техника, культура, человек: Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX века. М., 1986; Она же. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989.

⁷ Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 125–133.

⁸ Там же. С. 125.

Известный советский социолог Ю. Н. Давыдов опубликовал несколько критических работ о Шпенглере¹. Ему же принадлежит объемная работа «Шпенглер и война»² – одна из первых публикаций, посвященных анализу политических взглядов Шпенглера. Работы Ю. Н. Давыдова отличаются критика и неприятие основных идей Шпенглера, полное отождествление его с национал-социализмом.

Анализ философии Шпенглера велся в нашей стране, главным образом, на основе первого тома «Заката Европы», в то время как его основные политические идеи содержатся во втором томе и в поздних работах, которые не были переведены на русский язык и поэтому часто оставались без внимания. В этом смысле издание перевода второго тома «Заката Европы» в 1998 году создало почву для более широкого обсуждения политических взглядов Шпенглера; кроме того, сегодня появилась возможность более беспристрастной оценки его вклада в историю политических идей.

В связи с многочисленными переизданиями в 90-х годах «Заката Европы» наследие Шпенглера стало переосмысливаться. Кроме работы К. А. Свасьяна³, это статьи А. П. Дубнова⁴, Г. В. Драча⁵ и др. В отличие от советской литературы о Шпенглере, анализ его идей теперь ведется более свободно от влияния идеологических клише, и все чаще речь идет не только о философии истории Шпенглера, но и о его философии политики. Так, например,

¹ Давыдов Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики (О. Шпенглер) // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С. 228–271; Он же. Освальд Шпенглер: апофеоз кризисного сознания в европейской социальной философии и культурологии // История теоретической социологии. М., 1998. Т. 2. С. 81–109.

² Давыдов Ю. Н. Шпенглер и война // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 76–113.

³ Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 5–122.

⁴ Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 3–12.

⁵ Драч Г. В. «Морфология культур» Освальда Шпенглера // Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 3–35.

Б. Л. Губман, анализируя историософскую концепцию Шпенглера, затрагивает и некоторые его политические идеи¹.

Особо следует отметить работы, анализирующие политическую философию Шпенглера в исторической науке. Хотя их немного и написаны они, как правило, в рамках исследований Веймарского периода в истории Германии, но именно они внесли важный вклад в переоценку значения философии политики Шпенглера и способствовали смене критического отношения к ней на более беспристрастный научный поход. Историк А. И. Патрушев в своей статье «Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936)»² отмечает недостаточность исследования политических взглядов Шпенглера, обращает внимание на необходимость поиска положительных идей в его творчестве. А. И. Патрушеву удалось написать очерк политических идей Шпенглера на фоне анализа исторической ситуации в Веймарской Германии. В работах историка Л. Ю. Люкса³ речь идет о связи Освальда Шпенглера с представителями консервативной революции в Веймарской Германии. Аналогичные исследования мы находим и у А. М. Руткевича⁴.

Анализу консерватизма Освальда Шпенглера уделил большое внимание А. Н. Мочкин⁵, который в своих публикациях не только указывает на связь Шпенглера с представителями немецкой «философии жизни», но и считает его

¹ Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 76–91; Он же. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997. С. 26–42.

² Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 122–144.

³ Люкс Л. Ю. Евразийство и консервативная революция: Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57–69.

⁴ Руткевич А. М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 187–228.

⁵ Мочкин А. Н. «Кровь и почва» прусского социализма Шпенглера // Философские науки. 1995. № 5–6. С. 253–262.

важным представителем «неоконсерватизма»¹. А. Н. Мочкин называет концепцию Шпенглера «политической мифологией»². Как и многие другие исследователи, А. Н. Мочкин не ставит перед собой задачу проанализировать политическое мировоззрение Освальда Шпенглера и рассматривает его политические идеи лишь факультативно.

Большое внимание Освальду Шпенглеру уделяется как одному из основоположников культурно-цивилизационного подхода. В работах таких отечественных исследователей, как А. Н. Чумаков, К. С. Гаджиев, А. С. Панарин, С. Г. Киселев, И. А. Василенко³ и др., анализируются возможности использования предложенной Шпенглером и его последователями методологии исторического и политологического анализа для осмысления современных международных проблем.

Анализу политических идей Освальда Шпенглера в зарубежной литературе посвятили свои работы Антон Коктанек⁴, Эрнст Штуц⁵, Жилбер Мерлио⁶, Йоахим Петцольд⁷,

¹ Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999. С. 18–48.

² Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 41.

³ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005; Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный подход. М., 2006; Гаджиев К. С. Геополитика. М., 1997; Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003; Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003; Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002; Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2000; Василенко И. А. Геополитика. М., 2003.

⁴ Koktanek A. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968.

⁵ Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958.

⁶ Merlio G. Oswald Spengler: Temoin de son temps. Stuttgart, 1982.

⁷ Petzold J. Das politische Programm Oswald Spenglers im System der imperialistischen Ideologie // Jahrbuch für Geschichte. 1971. № 5. S. 175–207; Petzold J. Konservative Wegbereiter des Faschismus und ihre Rehabilitation in der Bundesrepublik // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1983. № 1. S. 80–93.

Джон Фарренкопф¹, Детлеф Фелкен², Михаэль Тхондль³, Фрэнсис Лантинк⁴ и др. Детлеф Фелкен отмечает, что в западных странах интерес к Шпенглеру концентрировался, главным образом, вокруг его философии культуры, в то время как его политические идеи практически не рассматривались⁵. Интерес к работам Шпенглера на Западе в 90-е годы возрос благодаря книге Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка» (1996)⁶.

¹ *Farrenkopf J.* Early phase in Spengler's political philosophy // *History of political thought.* 1992. № 13. P. 319–338.

² *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988.

³ *Thöndl M.* Das Politikbild von Oswald Spengler (1880-1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // *Zeitschrift für Politik.* 1993. № 4. S. 418–443.

⁴ *Lantink F.* Oswald Spengler oder „zweite Romantik“. Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991.

⁵ *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 243.

⁶ *Thöndl M.* «Der Untergang des Abendlandes» als «Kampf der Kulturen»? Spengler und Huntington im Vergleich // *Politische Vierteljahresschrift.* 1997. № 12. S. 824.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

1.1. Предшественники и современники Освальда Шпенглера

В качестве своих предшественников Шпенглер называет только двух: Гёте и Ницше. Он писал: «У Гёте я заимствовал метод, у Ницше – постановку вопроса... На основе его позиции я создал мировоззрение»¹. От Гёте Шпенглер воспринял понятие «морфологии» и подход к анализу общества как органического явления. У Ницше Шпенглер перенял провокационную манеру изложения, отчасти его нигилизм и эстетический подход. Шпенглер сохранил на протяжении всей своей жизни интерес к Ницше, что нашло свое выражение в его участии в деятельности Архива Ницше, в публичных выступлениях, посвященных философии Ницше.

В своих работах Шпенглер часто сравнивает Гёте и Ницше. Если Гёте для него являлся представителем эпохи расцвета европейской культуры, то Ницше – представитель конца XIX века – времени начинающегося заката европейской культуры. По мнению Шпенглера, Ницше первый почувствовал «темп» истории, отказался от понятия человечества, пытался понять чужие культуры², хотя и не понимал еще культурную морфологию во всей ее полноте. Ницше в свое время писал: «Оно не является единым, это человечество. Оно представляет собой множество растущих и распадающихся жизненных процессов. Оно не имеет

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. München, 1963. S. IX.*

² *Spengler O. Reden und Aufsätzen. München, 1933. S. 118.*

молодости, зрелости и старости... С другой стороны, разложение (*decadence*) присутствует во все эпохи человечества¹. Шпенглер считал, что Ницше не смог освободиться от исторического схематизма: «Взглянем на исторический горизонт Ницше. Его понятия декаданса, нигилизма и переоценки всех ценностей, воли к власти... Все вписывается в схему “древность – средневековье – новое время”»². Шпенглер даже называет исторические конструкции Ницше «провинциальными, совершенно произвольными и, наконец, комичными»³.

Х. С. Хьюз считает, что Ницше представляет собою связующее звено между Буркхардтом и Шпенглером⁴. По мнению Детлефа Фелкена, общим у Ницше и Шпенглера был анализ декаданса, историзированная «воля к власти», определение смысла античной культуры, амбивалентное понятие расы⁵, а также «моральное стремление к обожаемому им Ницше, который, в отличие от Гёте, присутствует почти на каждой странице Шпенглера»⁶. От Ницше Шпенглер перенимает аристократический дух, неприязнь к демократическим порядкам, которые рассматриваются как тираническое господство посредственности. Как и Ницше, Шпенглер принцип причинности в истории заменяет на принцип «исторической судьбы».

Однако существуют и различия между философией Ницше и исторической концепцией Шпенглера, на которые обращают внимание С. С. Аверинцев⁷ и Эрнст Штуц⁸.

¹ *Nietzsche F.* Kritische Gesammtausgabe. Berlin, 1967. Bd. VIII. S. 329.

² *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 32.

³ *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München, 1920. Bd. I. S. 32.

⁴ *Hughes H.* Oswald Spengler: A critical estimate. L., N. Y., 1952. P. 19.

⁵ *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 164.

⁶ *Ibid.* S. 164.

⁷ Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 137.

⁸ *Stutz E.* Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 14.

В работе «О пользе и вреде истории для жизни» Фридрих Ницше ставит проблему исторического прогресса, которая во многом напоминает подход Шпенглера. Избыток истории означает для Ницше, что «мы становимся старыми». Однако этот процесс старения Ницше не рассматривает органически, как естественный и необратимый процесс.

Ницше в интерпретации истории занимает более радикальную позицию, чем Шпенглер. Он считает, что история является исключительно субъективным восприятием людей и поэтому может быть при желании изменена. Понятие судьбы у Шпенглера не позволяет ему полностью разделить позицию Ницше. Различаются позиции Ницше и Шпенглера и в вопросе о будущем европейской культуры. Если Шпенглер не видит это будущее, то для Ницше это будущее вполне вероятно. Исторический деятель создает будущее, и из этого будущего он может выбрать свою новую историю. То есть, согласно Ницше, человек может освободиться от своей судьбы. Для Шпенглера же историческая судьба довлеет как над отдельным человеком, так и над целыми народами. Подход Шпенглера лишает человека свободы действий, подчиняет его судьбе. В этом смысле философия Ницше была для национал-социализма более удобной, чем философия Шпенглера. Не случайно ницшеанская идея о сверхчеловеке арийской расы, которому все позволено, вошла в нацистскую идеологию. В связи с этим интересно предложенное Эрнстом Трёльчем сравнение философии Ницше с крысиным ядом¹. Это негативное влияние нигилизма Ницше Шпенглер испытал в полной мере.

Большое значение для Шпенглера, как представителя немецкой «философии жизни»², имеют внутренние переживания людей. Особое место в концепции Шпенглера принадлежит чувству страха перед смертью, которое у не-

¹ *Meinecke F. Werke. Bd. VIII. Stuttgart, 1969. S. 105.*

² Этого мнения придерживаются А. С. Богомолов, Ю. Н. Давыдов, А. Н. Мочкин и другие отечественные исследователи.

го является двигателем в развитии культуры. Известный исследователь Ю. Н. Давыдов пишет: «Согласно Шпенглеру, без этого страха перед смертью, без сознания индивидуально определенной душой своей смертности и, следовательно, без самого этого факта *смертности, конечности* отдельной души и не было бы никакой культуры»¹. Представление о смертности культур играет важную роль в концепции Шпенглера, который считал, что только «слабейшие не могут примириться с мыслью, что культура угасает»².

Исследователи творчества Шпенглера указывают на других философов, взгляды которых были близки Шпенглеру. Так, идея цикличности исторического развития присутствует у Ибн Хальдуна, Фрэнсиса Бэкона, Блеза Паскаля³. Уже в античности Полибий предлагал теорию исторического круговорота. В наиболее развернутом виде эта точка зрения представлена у Дж. Вико, который в книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) говорит, что в истории народов повторяются три периода. Это периоды появления, развития и падения отдельных народов, или эпохи богов, героев и людей⁴.

Пессимистические идеи упадка культуры высказывались Кондорсе и Монтескье. Б. Л. Губман, говоря о предшественниках Шпенглера, отмечает близость его философии к взглядам Алексиса де Токвиля⁵. Монадология Лейбница, безусловно, оказала влияние на понимание Шпенглером исторических культур, что особенно заметно на при-

¹ Давыдов Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики // Идеалистическая диалектика в XX столетии (Критика мировоззренческих основ немарксистской диалектики). М., 1987. С. 240.

² Там же. С. 240.

³ Schoeps H. Vorläufer Spenglers: Studien zum Geschichtspessimismus im 19. Jahrhundert. Köln, 1953. S. 46.

⁴ Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994. С. 377.

⁵ Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 77.

мере его тезиса об абсолютной независимости «высоких культур».

Среди немецких историков XIX века в качестве предшественников Шпенглера можно выделить Карла Фольграффа и его ученика Эрнста фон Лазо¹, которые задолго до Шпенглера не только описали исторические циклы, но и высказали много других его идей². Эрнст фон Лазо опубликовал в 1856 году книгу «Новая попытка философии истории, основанной на истинных фактах». В работах Шпенглера встречаются такие идеи Лазо, как биологические метафоры, сравнение античной и западной культуры, представления о закате и гибели культур. Лазо рассматривает человечество как большой организм, который проходит в своем развитии стадии детства, юности, зрелости и старости. Идеи Фольграффа и Лазо впоследствии были воспроизведены немецким историком Генрихом Рюккертом в его «Учебнике всемирной истории в органическом представлении» (1857), который получил известность и в России³.

Шпенглер заимствовал многие идеи современных ему философов, однако основную роль для становления его мировоззрения сыграла традиция философии жизни, берущая свое начало у Шопенгауэра, Гартмана и Ницше. Что касается философии истории Шпенглера, то особое значение, как мне представляется, для него имела баденская школа неокантианства, в рамках которой развивалась идея принципиальной «непознаваемости» истории, своеобразный исторический агностицизм. Г. Ульмен, отмечая близость Шпенглера к неокантианству, считает, что он стоит в одном ряду с Вильгельмом Дильтеем и Георгом Зиммелем⁴.

¹ Schoeps H. Vorläufer Spenglers: Studien zum Geschichtspessimismus im 19. Jahrhundert. Köln, 1953. S. 2.

² Например, идея о росте влияния на историю человечества славянских народов.

³ Соловьёв В. С. Сочинения: В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 561.

⁴ Ulmen G. Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Russland // Spengler heute. München, 1980. S. 127.

Разочарование в гегелевской философии привело многих европейских мыслителей к отказу от рационального метода, идущего от Декарта и Бэкона. Вместо логики действительности на первое место стали выдвигаться субъективные переживания отдельного индивида, который пытался понять окружающий его мир через свои чувства и ощущения, причем основным его чувством становится чувство одиночества. Появление философии жизни в XIX веке является признаком духовного кризиса европейского общества. Не случайно именно идея кризиса европейской культуры становится у Шпенглера основной. А. Хюбшер пишет: «То, что было описано в критике культуры Ратенау, Гаммахера, Шпенглера, нашло себе подлинное соответствие в экзистенциальной философии... ее затерянности, ее безысходности и безнадежности»¹. А. Хюбшер считает, что Шпенглер обязан Шопенгауэру не только презрением к «профессорской философии профессоров философии», но и отказом от трактовки истории как планомерного процесса в духе Гегеля. С Шопенгауэра начинается, по мнению Шпенглера, «подлинная» философия XX века, темой которой является воля – как воля к жизни, жизненная сила, «практически-динамический принцип»².

Шпенглер тем не менее испытал влияние философии Гегеля, которую он высоко ценил. Г. Ульмен полагает, что влияние Гегеля на Шпенглера так же бесспорно, как и большое уважение Шпенглера к гегелевской философии³. Шпенглер использовал метод триад, несколько напоминающий логику Гегеля. Так, любое историческое явление имеет у него первоначальную, развитую и конечную форму. Например, правящее меньшинство «высокой культуры» имеет форму вначале сословия, затем партии и наконец свиты. Насколько ценил Шпенглер философию Гегеля,

¹ Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1994. С. 43.

² Там же. С. 57.

³ Ulmen G. Metaphysik des Morgenlandes // Spengler heute. München, 1980. S. 128.

настолько же он испытывал отвращение к марксистской философии, которую называл «экономическим дарвинизмом». Критикуя марксизм, Шпенглер указывал на его «негосударственный характер», на «критический» и «теологический» способ мышления. Он предлагает рассматривать марксизм в рамках английской традиции, которая, по его мнению, противостоит традиции немецкой.

Кроме немецких авторов, на мировоззрение Шпенглера оказали влияние и российские ученые. В научной литературе в этой связи часто обращают внимание на Николая Яковлевича Данилевского. Опирался ли Шпенглер на теорию культурно-исторических типов Данилевского – до конца не ясно, поскольку сам он об этом не пишет¹; но даже если не было непосредственного знакомства с работами Николая Данилевского, то было опосредованное влияние через работы Генриха Рюккерта, которые были известны Шпенглеру². Проблема состоит в том, что идеи Данилевского долгое время оставались неизвестными широкой публике. По мнению Ю. С. Пивоварова, интерес к Данилевскому вызвала широкая известность «Заката Европы». Он пишет: «...за Н. Я. Данилевским закрепились довольно прочная репутация предшественника О. Шпенглера, в западной науке началась дискуссия о том, в чем и насколько Н. Я. Данилевский предвосхитил (да и предвосхитил ли во-

¹ Питирим Сорокин, ссылаясь на Г. Шпета, отмечает факт наличия книги Данилевского «Россия и Европа» в библиотеке Шпенглера (*Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Stuttgart, 1953. S. 89*), в то время как сам Шпенглер не упоминает имя Данилевского на страницах своих работ (*Семёнова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М., 1990. С. 259.*) Встречается и заглавие книги Данилевского в статье Шпенглера «Двуличие России и немецкие восточные проблемы», где он пишет: «“Россия и Европа”, как очень правильно различают русские, есть два мира, которые далеко отстоят друг от друга» (*Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 109*).

² Владимир Соловьёв посвятил этому вопросу отдельное исследование «Немецкий подлинник и русский список», в котором он упрекает Данилевского чуть ли не в плагиате (См.: *Соловьёв В. С. Сочинения: В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 561*).

обще) О. Шпенглера... В 1954 г. Р. Мак-Мастер в статье «Данилевский и Шпенглер: новая интерпретация», как бы подводя итог более чем тридцатилетней полемике, заявил: «Сегодня главным в исторической репутации Данилевского является то, что его считают предшественником Освальда Шпенглера»¹. Фрэнсис Лантинк полагает, что «Данилевский был во многом русским Шпенглером»². А. П. Дубнов считает Данилевского «признанным предшественником» Шпенглера, Тойнби и Сорокина³. Остановимся несколько подробнее на сравнении концепций Данилевского и Шпенглера.

Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» (1869) предвосхищает многие идеи Шпенглера⁴. На этот факт указывает, например, М. Шварц в статье «Данилевский и Шпенглер (Два типа культурной морфологии)», где он пишет: «Историческая (культурная) морфология Шпенглера, возникшая из духа Гётевской интуитивной натурфилософии, уже свыше пятидесяти лет тому назад была предвосхищена почти во всех своих основных воззрениях русским естествоиспытателем-философом и теоретиком славянофильства Данилевским»⁵.

Такого же мнения придерживается и Артур Лютер в своей статье «Русский предтеча Освальда Шпенглера»⁶. Как Данилевский, так и Шпенглер пришли к своим по-

¹ Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 166.

² Lantink F. Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 249.

³ Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 29.

⁴ О близости идей Н. Я. Данилевского и Освальда Шпенглера писали А. Лютер, М. Шварц, Р. Мак-Мастер, Н. А. Бердяев, П. О. Лосский, П. А. Сорокин, Н. В. Тимашев, Х. Стюарт Хьюдж, Г. Мюллер и др.

⁵ Шварц М. Шпенглер и Данилевский (Два типа культурной морфологии) // Современные записки. Париж, 1926. С. 346.

⁶ Luter A. Ein russischer Vorläufer Oswald Spenglers // Alere Flammam. Leipzig, 1921. S. 51.

строениям от точных наук. Роберт Мак-Мастер отмечает общий интерес обоих мыслителей к математике: Данилевский был кандидатом математических наук, а Шпенглер – преподавателем математики¹. Оба удивляют богатством и разносторонностью знаний. Мировоззрение Данилевского настолько близко основным идеям Шпенглера, что так и хочется предположить знакомство Шпенглера с книгой Данилевского; однако английский исследователь Стюарт Хьюдж приходит к выводу, что Шпенглер хотя и изучал русский язык, но его знания не позволяли ему прочитать книгу Данилевского².

Морфология как наука об органических формах составляет основу мировоззрения Освальда Шпенглера, но морфологический подход к анализу исторических явлений использовал и Николай Данилевский, который писал: «Формы исторической жизни человечества, как формы растительного и животного мира, как формы человеческого искусства, как формы языков, как проявление самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины и красоты, не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам»³. Как и Шпенглер, Данилевский отрицает возможность полного копирования культурных типов: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁴.

Центральные понятия обеих историко-философских концепций очень похожи: у Шпенглера – это «высокая культура», у Данилевского – «культурно-исторический тип». Каждый культурно-исторический тип, по Данилев-

¹ *MacMaster R. Danilevsky and Spengler: A new Interpretation // The Journal of Modern History. 1954. Vol. XXVI. P. 156.*

² *Hughes S. Oswald Spengler: A critical estimate. New York, 1952. P. 53.*

³ *Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 85.*

⁴ Там же. С. 91.

скому, вносит свой самобытный, неповторимый вклад в сокровищницу человечества. Римская цивилизация развивала идеи права и политической организации общества; греческая – идеи прекрасного и искусства; романо-германская – «идеи единого истинного Бога». Особая миссия, по Данилевскому, у славянской цивилизации, которая только еще разворачивается на исторической арене. Ее будущая цель состоит в создании справедливого общественно-экономического устройства¹.

Данилевский и Шпенглер едины не только в том, что европейская цивилизация приближается к своему концу, но и в том, что следующей культурой, которая вступит на историческую сцену, будет славянская культура, или, как ее еще называет Шпенглер, «русско-сибирская». «Россия, – пишет он, – есть обещание грядущей культуры, в то время как тень от Запада будет становиться все длиннее и длиннее»². У Данилевского тезис о будущем России и славянства является центральным. А. П. Дубнов, сравнивая Шпенглера и Данилевского, отмечает, что «как пессимистичен один – европеец, как оптимистичен другой – славянин»³. Данный анализ показывает поразительную схожесть основных идей Николая Данилевского и Освальда Шпенглера. Мне представляется, это объясняется как тем, что Данилевский использовал идеи Генриха Рюккерта, так и непосредственным знакомством Шпенглера с книгой Данилевского «Россия и Европа», перевод которой был издан в Германии в 1920 году.

Другим российским предшественником Шпенглера⁴ можно назвать Константина Леонтьева. Он, как и Данилевский, написал свои работы несколькими десятилетиями

¹ Там же. С. 508.

² *Spengler O. Preussentum und Sozialismus. München, 1920. S. 92.*

³ Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 31.

⁴ А. П. Дубнов также говорит о К. Н. Леонтьеве как о предшественнике Шпенглера (Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 32–33).

раньше Шпенглера. Будучи учеником Данилевского, Леонтьев попытался внести определенные коррективы в учение своего учителя, прежде всего освободив его от некоторых либеральных иллюзий. Антилиберальный пафос приблизил идеи Леонтьева к мировоззрению Шпенглера. В случае Леонтьева, совпадений и сходства формулировок со Шпенглером еще больше, чем с Данилевским¹. Сближает философию Леонтьева и Шпенглера эстетический аристократизм, анализ культурно-исторических форм, морфология, аналогии растительных и животных форм с формами общественными, консерватизм и критика демократии. С. С. Аверинцев одним из первых обратил в своих работах внимание на сходство взглядов Шпенглера и Леонтьева. В своей статье «“Морфология культуры“ Освальда Шпенглера» он пишет: «Описание распада социальной формы (Шпенглером. – В. А.) поразительно родственно некоторым пассажам К. Леонтьева...»². «Любопытное совпадение» отмечает С. С. Аверинцев и в вопросе о продолжительности жизни культуры, когда Шпенглер, как и Леонтьев, говорит о тысячелетии. Другое «совпадение» представляет собой морфология, о которой говорят оба автора как о научной основе своего мировоззрения. Леонтьев иногда формулирует свою мысль точнее, чем Шпенглер; например, когда дает определение понятия формы. «Форма, – пишет он, – есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет... Растительная и животная морфология есть также нечто иное, как наука о том, как олипка не смеет стать дубом, как дуб не смеет стать пальмой и т. д.»³. В данном случае, чтобы полнее понять Шпенглера, следует

¹ Некоторые исследователи сравнивают К. Н. Леонтьева и Ницше, как, например, А. Н. Мочкин (*Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма*. М., 1999. С. 19).

² *Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 150.*

³ *Леонтьев К. Н. Избранное*. М., 1993. С. 75.

ознакомиться с точкой зрения Леонтьева, стиль которого отличается большей ясностью формулировок.

В своей политической философии Шпенглер опирается на понятийный инструментарий морфологии мировой истории. В описании современных ему политических процессов Шпенглер часто указывает на тот факт, что причиной современного кризиса является потеря государствами своей старой «формы». Положив в основу сравнительную морфологию «высоких культур», Шпенглер считает богатство форм признаком общественного развития, что сближает его позицию со взглядами Константина Леонтьева. Сближает позицию Шпенглера и Леонтьева и то обстоятельство, что государство они понимают как живой организм¹, который, как и все организмы, проходит периоды роста и распада. Государства, по мнению Шпенглера, как и все явления органического мира, рождаются, расцветают, зреют и гибнут. Такое же понимание государства можно найти и у Константина Леонтьева, который задолго до Шпенглера писал: «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях, от начала до конца. Вырабатывается она не вдруг и не сознательно сначала; не вдруг понятна; она выясняется лишь хорошо в ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства, за которой постоянно следует, рано или поздно, частная порча этой формы и затем разложение и смерть»²

Как Шпенглер, так и Леонтьев постоянно подчеркивают, что они стремятся быть реалистами, считая идеалистами всех, кто поддается влиянию абстрактных идей и лозунгов. Вот как формулирует Леонтьев свою позицию: «Тот, кто хочет быть истинным реалистом именно там, где нуж-

¹ Эрнст Штуц пишет: «Государство для Шпенглера – это органический индивидуум» (*Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 141*).

² Леонтьев К. Н. Избранное М., 1993. С. 80.

но, тот должен бы рассматривать и общества человеческие с подобной точки зрения (морфологии. – В. А.). Но обыкновенно делается не так. Свобода, равенство и благоденствие (особенно это благоденствие!) принимаются какими-то догматами веры, и уверяют, что это очень рационально и научно!»¹.

Большое место в творчестве Леонтьева занимали проблемы будущего славянства и России. В отличие от Данилевского, он пессимистически смотрел на будущее России, предлагая свои поправки к учению Данилевского: «И много, очень много с этой точки зрения фальшивого и необдуманного можно найти, к сожалению, в книге Данилевского. Сюда еще относится его доверчивое славянолюбие, в тесном смысле, его вера в само племя славянское; тогда как нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того получужого, преимущественно восточного (а кое в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (Восточного) христианства (православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в православное принятие властной и твердой немецкой крови и т. д.»². Шпенглер хотя и не поддерживал открыто славян, но прогнозировал, как и Леонтьев, будущее возрождение христианства в России.

По характеру своих мыслей и по окончательным выводам Шпенглер находится ближе к Леонтьеву, чем к Данилевскому, несмотря на то что никаких данных о его знакомстве с работами Леонтьева не имеется. Особую роль играет консервативная направленность философии Константина Леонтьева, его антилиберальный пафос, которые свойственны для Освальда Шпенглера и отличают его от Николая Данилевского. В этом смысле Шпенглера можно назвать немецким Леонтьевым, а Леонтьева – русским Шпенглером.

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 224.

На политические взгляды Освальда Шпенглера повлияли идеи так называемой «консервативной революции» в Германии, одним из видных представителей которой является сам Шпенглер. Консервативная революция является заметным идеологическим течением в Германии в период между двумя мировыми войнами. Здесь мы встречаем, кроме Шпенглера, такие имена, как Артур Мёллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер, Карл Шмитт и другие. Отвергая порядки Веймарской республики, консервативные революционеры предлагали вернуться не к Вильгельмовской эпохе, а к более ранним этапам истории Германии, которые они во многом идеализировали. Они считали Веймарскую республику явлением временным. По мнению Карла Шмитта, она вообще не была государством, так как отдельные партии и группы захватили власть и используют ее в своих частных интересах. Многие представители консервативных революционеров надеялись на появление нового харизматического вождя, который бы стал гарантом выполнения законов.

Макс Вебер, бесспорно, принадлежит к наиболее заметным представителям политической науки Германии того времени. Обладая большим научным авторитетом, он несколько свысока относился к идеям Освальда Шпенглера. Имели место их публичные дискуссии и частные беседы. Однако они обнаружили мало общих идей, поэтому их контакты остались незначительными. На одной из встреч на семинаре в Мюнхене в 1920 году Веберу удалось подвергнуть критике основные положения шпенглеровской концепции. Хотя он в целом высоко оценил инновационные идеи Шпенглера, однако называл его «поэтом».

В своем выступлении «Политика как профессия» Макс Вебер заочно спорит со Шпенглером, не называя его имени. Он скептически оценивает попытки некоторых авторов играть роль пророков. Нет ссылок на работы Вебера и у Шпенглера. Общим моментом обоих авторов является установка на то, что отдельная личность практически не может повлиять на ход истории, понять и изменить судьбу

народа. Это своего рода исторический агностицизм, который делает абсурдной всякую попытку найти в истории какой-то смысл.

Важным отличием Шпенглера от Вебера было отношение к бюрократическому государству. Если Шпенглер выступал идеологом бюрократической модели государства, то Вебер обратил внимание на недостатки бюрократии и попытался их всячески разоблачать. По мнению Вебера, бюрократизированное общество теряет всякое чувство ответственности, поэтому каждый гражданин должен иметь это чувство. Если Вебер говорит о бюрократическом обществе абстрактно, то Шпенглер всегда имеет в виду немецкое общество; и задачи, необходимые для исторического существования, формулирует он также исключительно для немецкого общества. Немецкий исследователь Колльройтер полагает, что политические воззрения Макса Вебера и Освальда Шпенглера идентичны¹.

Карл Шмитт в своем творчестве занимался не только юридическими вопросами, но внес большой вклад в развитие политической философии в Германии². Так, ему принадлежит известная работа «Понятие политического» (1928), где он определяет сущность политических отношений через дихотомию «друг – враг». Хотя Шпенглер не использовал такое понимание политики в своих работах, однако антидемократическая идея Карла Шмитта о необходимости тоталитарного государства близка мировоззрению Шпенглера. Значительный вклад внес Карл Шмитт и в развитие популярного тогда в Германии геополитического подхода. Его трактовка противостояния суши и моря почти целиком вписывается в схему противостояния интересов Англии и Германии, пропагандировавшуюся консервативными революционерами. По сути дела, Шмитт дает

¹ Käsler D. (Hrsg.) Max Weber: Sein Werk und seine Wirkung. München, 1972. S. 222.

² См.: Филиппов А. Карл Шмитт: Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 259–314.

более глубокую историко-философскую трактовку этой позиции. Хотя Шпенглер непосредственно не занимался проблемами геополитики, однако использование геополитической аргументации заметно в его последних работах, посвященных анализу мировой политики, например в работе «Годы решения».

Известный писатель Томас Манн длительное время находился в оппозиции к Веймарской республике и разделял взгляды консервативных революционеров¹. В своей работе «Наблюдения не политика» (1918) он, как и Шпенглер, противопоставляет культуру и цивилизацию: «Отличие духа и политики содержит отличие культуры и цивилизации... и германство является культурой, душой, свободой и искусством, а не цивилизацией, обществом, избирательным правом, литературой»². Манн рассматривает дореволюционную Германию как период «высокой культуры», а демократию Веймарской республики считал причиной излишней политизации всего общества, приведшей к утере иерархического порядка. Он писал: «Я не хочу парламентского и партийного господства, ведущего к политизации национальной жизни... Я не хочу политики. Я хочу деловитости, порядка и дистанции»³. Многие консервативные революционеры опасались, что новые демократические порядки Веймарской Германии принесут с собой разрушение прежней культуры, основанной на сословном неравенстве и традициях.

Шпенглеровское деление на периоды культуры и цивилизации восходит к работе Фердинанда Тённиса «Общинность и общество» (1887), где он писал: «Общинность – это длительное и истинное совместное существование, общество – временное и кажущееся. Общинность – живой орга-

¹ *Ottmann H. Oswald Spengler und Thomas Mann // Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. Köln, 1994. S. 153.*

² *Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt am Main, 1956. S. 23.*

³ *Ibid. S. 253.*

низм, общество – механический агрегат...»¹. У Шпенглера мы находим, что культура – это «вырастающий из ландшафта организм», а цивилизация – «появившийся вследствие окоченения механизм»². У Тённиса ясно сформулирована и идея разложения общества, нашедшая свое развитие в трудах Шпенглера. Тённис писал: «Классовая борьба губит общество и государство... в результате культура приходит к своему концу»³. В данной ситуации, по мнению Тённиса, государство должно «уничтожить общество»⁴. На общие моменты у Тённиса и Шпенглера указывает в своем исследовании Жильбер Мерлио⁵.

Некоторые исследователи обращают внимание на сходство политической философии Шпенглера с работами Эрнста Юнгера, также заметной фигуры среди немецких консервативных революционеров⁶. Как и Шпенглер, Юнгер в своей книге «Рабочий» (1932), указывая на исторические немецкие традиции, пытается освободить рабочее движение в Германии от марксизма. Критикуя буржуазию, он считал, что буржуазия, по своему духу, женственна⁷. Полностью в духе Шпенглера Эрнст Юнгер, по аналогии с солдатом, рисует героический образ немецкого рабочего со своим строгим кодексом чести, дисциплиной, чувством ранга⁸. Юнгер призывает не смешивать рабочий класс с так называемым «четвертым сословием» – городской массой люмпенов и безработных. Эти идеи отчасти были воспроизведены Шпенглером в его работе «Годы решения» (1933).

¹ Tönnis F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1922. S. 5.

² Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997. S. 450.

³ Ibid. S. 246.

⁴ Ibid. S. 245.

⁵ Merlio G. Oswald Spengler: Témoin de son temps. Stuttgart, 1982. P. 434.

⁶ Lübke H. Oswald Spenglers «Preussentum und Sozialismus» und Ernst Jungers «Arbeiter» // Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. 1994. S. 129.

⁷ Ibid. S. 141.

⁸ Jünger E. Der Arbeiter: Herrschaft und Gestalt. Stuttgart, 1982. S. 19.

Консервативные революционеры считали, что Германия призвана сыграть важную историческую роль в борьбе за мировое господство, оправдывая тем самым ее империалистические, захватнические устремления. Мёллер писал: «Владычество над землей – таково средство сохранить жизнь... народу перенаселенной страны. Вопреки всем противоречиям, устремления людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство»¹. Известно, что Гитлер впоследствии также оправдывал свое нападение на Советский Союз нехваткой для немцев жизненного пространства. Не только эта идея, нашедшая свое развитие в немецкой школе геополитики, но и целый ряд других идей консервативных революционеров были использованы нацистским режимом.

Идея избранности немецкого народа, его духовного превосходства, была близка многим консервативным революционерам, к числу которых можно отнести и известного социолога Вернера Зомбарта. «Самая лучезарная особенность нашего мышления, – пишет Зомбарт, – состоит в том, что мы уже на этой грешной земле воссоединяемся с Божественным... Мы – божий народ. Как немецкая птица – орел – летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех окружающих его народов»². Героический характер немецкого народа, важность его исторической миссии давали, по мнению Зомбарта, немецким политикам право встать выше существующих этических и правовых норм и навязать миру «новый порядок»³. Здесь немецкий национализм переходит в шовинизм, когда отдельная нация ставится над всеми другими⁴. Опираясь на идейное наследие Ницше, Вернер Зомбарт, как и Освальд Шпенглер, выступает апологетом вой-

¹ Цит. по: Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 61.

² *Sombart W. Händler und Helden: Patriotische Besinnungen.* München, 1915. S. 63, 143.

³ *Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2.* СПб., 2005. С. 67.

⁴ *Lübke H. Politische Philosophie in Deutschland.* Basel, 1963. S. 214.

ны. Он оправдывает фанатизм как решимость к действию и варварство – как примитивную силу молодых народов¹.

Хотя Шпенглер не доводил до абсурда идею немецкой национальной исключительности, однако он выступал апологетом агрессивной наступательной войны, которую, по его мнению, диктуют законы выживания в эпоху империализма. К. А. Свасьян так характеризует место Шпенглера в консервативной революции: «Воззрения Шпенглера не поддаются в этом пункте строгой дифференциации, так что приходится говорить о консервативной революции вообще, идеи которой нашли у него если не оригинальное, то, во всяком случае, едва ли не самое яркое выражение»².

Историософская концепция Освальда Шпенглера

Американский исследователь Джон Фарренкопф отмечает фундаментальное значение для политической концепции Шпенглера его философии истории³. С этим вполне можно согласиться, причем главным моментом ее является идея цикличности исторического развития, а в качестве исторического цикла выступают так называемые «высокие культуры».

Шпенглер отказывается от общепринятого деления истории: «Древний мир – Средние века – Новое время: вот невероятно скудная и бессмысленная схема»⁴. По правильному замечанию Шпенглера, эта схема европоцентрична⁵ и отражает «не обузданное никаким скепсисом тщеславие

¹ Ibid. S. 215.

² Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 105.

³ Farrenkopf J. Early phase in Spengler's Political philosophy // History of political thought. 1992. № 2. P. 321.

⁴ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997. S. 22.

⁵ Сам Шпенглер до конца не смог освободиться от европоцентричности, о чем свидетельствует его философия техники. На этот факт указывает и Г. М. Тавризян (Тавризян Г. М. Техника, культура, человек: Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX века. М., 1986. С. 47.)

западноевропейского человека. Этому тщеславию и обязаны мы с давних пор вошедшим в привычку чудовищным оптическим обманом, силою которого история тысячелетий, скажем китайская и индийская, сморщивается на расстоянии до эпизодических случаев, тогда как приближенные к нам десятилетия, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, принимают призрачно-раздутый вид»¹. Обозначив эту позицию как «птоломеевскую систему», Шпенглер предлагает «коперниканский переворот» в исторической науке, согласно которому «высокие культуры»,двигающиеся по своим историческим траекториям, следует рассматривать независимо от истории Европы.

Важную роль при этом занимает отрицание Шпенглером применимости категории человечества к анализу истории. Вместо бесед о человечестве Шпенглер предлагает говорить о локальных, отличных друг от друга индивидуальных культурах, не связанных преемственностью в своем развитии². «Культуры суть организмы³, – пишет Шпенглер, – а всемирная история – их общая биография»⁴. Шпенглер решительно выступает против «птоломеевской системы», согласно которой все культуры мира «вертятся» вокруг одного центра – культуры Европы. Для него не существует единая история человечества, – существуют лишь отдельные «высокие культуры». Они вырастают из лона земли, расцветают, как цветы в поле, а потом погибают, как и все живое.

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997. S. 24.*

² Аналогичная критика применения категории человечества в исторических исследованиях встречается и у Данилевского, причем он допускает связи между культурно-историческими типами в форме колонизации, прививки или удобрения (*Данилевский Н. Я. Россия Европа. М., 1991. С. 98–100*).

³ К. А. Свасьян отмечает: «Сам тип культуры мыслится как организм и, следовательно, проходит стадии рождения, детства, возмужания, зрелости, старости и смерти» (*Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его рекем по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 89*).

⁴ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997. S. 141.*

По аналогии с морфологией растительных и животных организмов, Шпенглер говорит и о морфологии истории, изучающей развитие культурных организмов. Эта морфология истории устанавливает для каждого культурного организма определенные этапы, фазы. Всякая «высокая культура» переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость¹. Автор «Заката Европы» выступил против понимания истории как поступательного, прогрессивного процесса. Для него неприемлема сама идея единства человеческой истории. В полемике не только с классической западноевропейской философией, наследием европейского Просвещения, но и с марксистским пониманием истории, Шпенглер заявил, что «пульсация жизни» приводит к появлению отдельных локальных замкнутых культур, претерпевающих стадии зарождения, развития и падения. Единство истории на основе данного подхода становится невозможным.

Таким образом, видно, что в основе шпенглеровского подхода к анализу всемирной истории лежит циклический подход, причем сам исторический цикл Шпенглер заимствует из биологии, изучающей жизненные циклы отдельных организмов. Уже Данилевский предложил делить историю не по степеням развития, но по типам развития. Его понятие «культурно-исторический тип» соответствует понятию «высокой культуры» у Шпенглера. «Рассматривая историю отдельного культурного типа, если цикл его развития вполне принадлежит прошедшему, – пишет Данилевский, – мы точно и безошибочно можем определить возможность этого развития; можем сказать: здесь оканчивается его детство, его юность, его зрелый возраст, здесь начинается его старость, здесь его дряхлость.... Мы можем сделать это с некоторым вероятием, при помощи аналогий,

¹ Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX веков. М., 1988. С. 430.

даже и для таких культурных типов, которые еще не окончили свое поприще»¹. Здесь мы находим не только представление Шпенглера о возрастах культур, но и упоминание основного для Шпенглера метода исторического исследования – аналогии.

Шпенглер выделяет во всемирной истории следующие культуры: 1) египетскую, 2) индийскую, 3) китайскую, 4) античную (аполлоновскую), 5) мексиканскую, 6) вавилонскую, 7) арабскую (магическую), 8) европейскую (фаустовскую)². Список культурно-исторических типов Данилевского напоминает шпенглеровский: «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или аравийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, – погибших насильственной смертью и не успевших совершить свое развитие»³. Единственное отличие этого деления у Шпенглера состоит в том, что он древнесемитический и новосемитический культурно-исторический тип объединяет в арабскую культуру, а греческий и римский – в античную культуру.

Важным моментом в философии истории Шпенглера является то, что он развел культуры географически, а не только хронологически. Если бы он основывался только на

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 87.

² Б. Л. Губман пишет: «Шпенглер провозгласил, что истории известны восемь в полной мере развитых культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская) и майя. Ожидается им и развитие русско-сибирской культуры». (Губман Б. Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 82).

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

хронологическом подходе (т. е. исходил бы из тысячелетнего срока жизни одной культуры), то он никогда бы не пришел к тому, что арабская культура у него существовала бы более двух тысячелетий и включала бы в себя часть истории античной культуры вместе с арабской и византийскими культурами. В данном случае видно, что Шпенглер исходит из географического единства регионов Малой Азии¹, а не из хронологии.

В научной литературе утвердилось мнение, что «высокие культуры» у Шпенглера изолированы друг от друга². Ю. К. Мельвиль отмечает по этому поводу следующее: «У Шпенглера каждая душа, следовательно каждая культура, замкнута в себе. Она ничего общего не имеет с другими культурами. Каждый культурно-исторический тип существует обособленно, замкнуто, изолированно. Каждая культура живет своей собственной, особой жизнью. Она создает свои политические, научные, культурные ценности. Она ничего не может воспринять у других культур. Человек, принадлежащий к одной культуре, не только не может воспринять что-либо из культурных ценностей других культур, но он и не в силах их понять»³. Несмотря на распространенность такой интерпретации, некоторые высказывания Шпенглера допускают наличие связей между «высокими культурами». Так, например, он пишет: «Связи культур чрезвычайно разнообразны, и, прежде всего, вследствие их пространственного и временного отстояния»⁴. Здесь необходимо раз-

¹ Любая «высокая культура» у Шпенглера всегда прикреплена к определенному ландшафту. У каждой культуры есть свои формы. Каждой из них присуще свое мироощущение. История любой культуры представляется аналогичной судьбе отдельного человека. До конца понять и почувствовать культуру может лишь тот, кто принадлежит к ней душой.

² Об этом, например, пишет Стюарт Хэрес (*Hughes S. Oswald Spengler: A critical estimate*. New York, 1952. P. 72).

³ Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 432–433.

⁴ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*. München, 1963. S. 599.

личать проблему связей «высоких культур» с проблемой их взаимопонимания. Шпенглер утверждает, что невозможно понять чужую культуру, не принадлежа ей; использование же достижения чужой культуры в качестве строительного материала для своей культуры, наоборот, явление достаточно распространенное. Для него целостность, уникальность и самобытность великих культур были вескими аргументами при обосновании их замкнутости и слабой коммуникабельности. Шпенглер писал о том, что каждой из великих культур присущ «тайный язык мироощущения», вполне понятный только тому, чья душа принадлежит этой культуре. Шпенглер был убежден, что если кому-то кажется, что он познает душевный склад чужих культур, то он приписывает этому взгляду собственную картину.

Эта непонятность культур определяется, по мнению Шпенглера, прежде всего уникальностью души культуры¹. Душа культуры проявляется в так называемом «прасимволе». Шпенглер считает, что прасимволом фаустовской (европейской) культуры является стремление к бесконечности; аполлоновской (античной) – тело; магической (арабской) – пещера; русско-сибирской (славянской) – равнина. Прасимвол накладывает отпечаток на всю культуру, так как он находится в глубине сознания людей, принадлежащих данной культуре, составляет основу их мироощущения и мировосприятия.

Завершение и окостенение культуры происходит, по мнению Шпенглера, в период «цивилизации»: «Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, отмирает; ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией»². Вот как ха-

¹ Ю. К. Мельвиль считает, что идею души культуры Шпенглер заимствовал у Гегеля (См.: Мельвиль Ю. К. *Философия истории* О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. *Буржуазная философия середины XIX – начала XX века*. М., 1988. С. 432).

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Frankfurt am Main, 1997. S. 144.

рактизует шпенглеровские понятия культуры и цивилизации Николай Бердяев: «Культура – религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна. Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к мировому господству, к устроению поверхности земли. Культура – национальна. Цивилизация – интернациональна. Цивилизация есть мировой город. Империализм и социализм, одинаково, – цивилизация, а не культура. Философия и искусство существуют лишь в культуре, в цивилизации они невозможны и не нужны. В цивилизации возможно и нужно лишь инженерное искусство... Культура – органична. Цивилизация – механистична. Культура основана на неравенстве, на качествах. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она хочет обосноваться на количествах. Культура – аристократична. Цивилизация – демократична»¹.

Переход от культуры к цивилизации – это судьба любой «высокой культуры». Используя идею судьбы, Шпенглер стремится выйти за пределы причинности, на которой основывался европейский рационализм. Здесь Шпенглер говорит о фатальности истории, которую нельзя понять, но можно лишь ощутить, будучи слитым с судьбой своей культуры. Такая трактовка сближает Шпенглера с неокантианцами². Здесь налицо некоторый иррационализм шпенглеровской философии, на который указывают многие исследователи его творчества. Именно этот иррационализм затрудняет анализ идейного наследия Шпенглера; однако это иррационализм является данью той эпохе, в которой жил Шпенглер, эпохе, когда европейцы устали от стройных логических систем XIX века и искали другие пути познания мира. В нашем анализе мы будем умышленно

¹ Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 385.

² Богомолов А. С. Философия жизни в Германии // Современная буржуазная философия. М., 1972. С. 144.

упускать те моменты в философии Шпенглера, которые далеки от логики, и постараемся сконцентрировать внимание на положительном и рациональном содержании его работ.

В качестве основного метода исследования истории Шпенглер предлагает метод аналогии. В исторической науке используются различные аналогии, но они, по мнению Шпенглера, часто неудачны, потому что отсутствует научная методология для их использования. Сравнения важны для истории, поскольку они позволяют обнаружить «органическую структуру истории»¹. Шпенглер противопоставляет исторический способ рассмотрения действительности естественно-научному и вслед за неокантианцами отвергает применимость естественно-научных методов для анализа исторических явлений. Он отождествляет науку с естествознанием, которое ограничивается принципом причинности. Вне этого принципа остается «физиогномика» исторического мира. Первооткрывателем физиогномического метода Шпенглер считает Гёте, который, по его мнению, впервые «миру как механизму» противопоставил «мир как организм».

Для Шпенглера существует «мир как история» и «мир как природа». Если явления *мира-как-природы*, в основе которых лежит принцип причинно-следственных связей, изучаются естественными науками, то *мир-как-история* имеет иные закономерности и изучается морфологией; то есть природные явления объясняются математическими законами, а исторические могут быть поняты только через сравнительную морфологию истории: «Математика и принцип каузальности ведут к естественному упорядочению явлений, хронология и идея судьбы – к историческому»². В соответствии с этим Шпенглер различает два способа отношения к окружающему миру: *механическое и ор-*

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997. S. 9.*

² *Ibid. S. 13.*

ганическое. Первый использует законы, формулы, системы, второй – образы, картины, символы.

Задачей исторического знания, по Шпенглеру, является выяснение «морфологии высоких культур» на основе интуитивного физиогномического и морфологического метода. Морфологию Шпенглер делит на систематику и физиогномику: «Морфология механического и протяженного, наука, открывающая и систематизирующая законы природы и каузальные отношения, называется систематикой. Морфология органического, истории и жизни, всего того, что несет в себе направление и судьбу, называется физиогномикой»¹. История, согласно мнению Шпенглера, должна стремиться быть похожей на сравнительную морфологию растений и животных.

В основе исторической концепции Освальда Шпенглера лежит идея циклического развития «высоких культур». Он критикует линейные теории общественного прогресса, основанные на идее прогрессивного развития человечества. Как и все организмы, культуры у Шпенглера рождаются, растут и умирают: «Культура рождается в тот миг, когда... пробуждается и отслаивается великая душа... Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук...»².

В эволюции культуры Шпенглер выделяет в каждой культуре четыре периода³:

Весна:

Ландшафтно-интуитивная стихия. Сверхличностное единство и полнота.

Лето:

Созревающая сознательность. Первые ростки гражданского-городского и критического движения.

¹ Ibid. S. 136.

² Ibid. S. 144.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 71.*

Осень:

Интеллигенция больших городов. Кульминация строгого умственного творчества.

Зима:

Начало космополитической цивилизации. Угасание душевной творческой силы.

Большая заслуга Освальда Шпенглера состоит том, что он сумел наполнить периодизацию развития «высоких культур» конкретным историческим содержанием. Между тем на этот момент в исторической концепции Шпенглера в отечественной научной литературе не обращали должного внимания. Шпенглеровская схема духовных эпох позволяет по произведениям искусства, литературы и философии определить возраст любой «высокой культуры» и, тем самым, в общих чертах говорить о ее будущем.

Освальд Шпенглер уделяет больше внимания проблемам разложения культуры. Однако метафора «заката» культуры часто неправильно трактуется как «исчезновение», что приводит к неверной трактовке его прогнозов. Гибель Запада произойдет не мгновенно, а растянется на несколько столетий. Правильнее было бы «закат» трактовать как понижение культурного уровня. А понижение этого уровня европейской культуры для Шпенглера очевидно. Шпенглеру удалось выделить несколько периодов понижения уровня европейской культуры. Эти периоды можно назвать этапами распада, деградации европейской культуры. Процесс этот проходит, по Шпенглеру, четыре стадии, которые он выделяет на основе анализа, главным образом, немецкой истории.

Первый этап – это эпоха Реформации в Европе. В этот период католическая Церковь входит в полосу кризиса, что позволяет возникнуть и укрепиться протестантизму. В Германии для данного периода символичной выступает фигура Мартина Лютера. Процесс культурно-исторической дезинтеграции европейского общества начинается после раскола католической Церкви, которая была для Европы не только основой ее духовной традиции, но и политически

объединяла какое-то время все европейские страны. Нарушение общего строя европейских стран привело к потере внутреннего единства, чем и воспользовался протестантизм. Со временем протестантизм создал почву для политического либерализма, выступившего под национальными лозунгами. В данном случае под флагом национализма выступили силы, направленные против космополитического в тот период католицизма. Особенно ярко этот процесс выразился в движении немецких христиан, предложивших отказаться от понятия греха. Протестантизм, допуская религиозный индивидуализм среди своих верующих, способствовал распространению индивидуализма в обществе. В искусстве этот период соответствует эпохе Барокко.

Вторым этапом падения культуры Европы является, по Шпенглеру, эпоха Просвещения. С просветительскими идеями выступила на политическую арену еще неокрепшая буржуазия, желавшая достичь «царства разума». Этот просветительский проект буржуазии был направлен на борьбу с феодальными устоями тогдашнего общества. Если протестантизм еще говорил о религии и Боге, то в эпоху Просвещения речь идет о безрелигиозном человеке. Религия и Церковь объявляются пережитками прошлого, реакционными препятствиями на пути просвещения и прогресса. В Германии в эту эпоху появляется движение «Бури и натиска», в котором принял участие Гёте. Его история доктора Фауста открыто пропагандирует необходимость продажи души дьяволу. Не случайно Шпенглер называет душу европейского человека «фаустовской душой», так как в его глазах образ Фауста является типичным не только для немцев, но и для всех европейцев. Этому периоду в искусстве соответствует классицизм.

Третьим периодом духовного понижения европейской культуры, по Шпенглеру, явилась эпоха революций, начавшаяся революцией во Франции. В это время происходит разорение крестьян и превращение их в наемных рабочих. Продажа помещиками своих имений создала денежные средства на развитие городской промышленности. Дворян-

ство и крестьянство практически исчезают, а город начинает доминировать над деревней. В искусстве этому периоду соответствует эпохи романтизма. Романтизм призывает к безграничной свободе, жажде совершенства и постоянного обновления, гражданской и личной независимости. В Германии символом для данной эпохи служит творчество Рихарда Вагнера.

Последним, завершающим периодом европейской культуры выступает период империализма. Важной фигурой для Германии этого периода является Фридрих Ницше, объявивший, что Бог умер. По его мнению, христианская мораль препятствует полному самовыражению человека. Аморализм Ницше утверждает, что сильный человек не связан ни с какими моральными нормами. Его двойная мораль «сверхчеловека» проповедовала терпимость к «своим» и ненависть к «чужим». Откровенный расизм и национализм становятся символами данной эпохи, где в искусстве господствует модернизм. «Для Шпенглера же цивилизация, — пишет А. П. Дубнов, — это завершение, исход культуры... Поэтому-то в “Закате Европы” и западная цивилизация предстает как неизбежная судьба западной культуры, как ее декаданс. Понять цивилизацию как декаданс данной культуры легче всего на примерах вырождения иных культур»¹. Кризис культурного развития Запада проявился и в новых направлениях в искусстве. Мюнхен, где жил Шпенглер с 1912 года, был одним из культурных европейских центров. По уровню культурного развития того времени Мюнхен конкурировал с Парижем. Шпенглер мог своими глазами наблюдать расцвет модернизма в искусстве, но, будучи в душе консерватором, он предпочитал новым веяниям классическое искусство.

Занимаясь на первых этапах своей литературной деятельности вопросами искусства², Шпенглер был хорошо

¹ Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 16.

² Большая часть первого тома «Заката Европы» посвящается проблемам живописи, скульптуры, музыки.

знаком с современными ему модными направлениями. Новые явления в искусстве Шпенглер сопоставлял с изменениями в политике и оценивал их как полнейшую вульгаризацию и падение общего культурного уровня. Модернизм в искусстве, по его мнению, отражал надвигающуюся «белую революцию» – победоносную борьбу низших классов европейского общества¹. Он является выражением интересов и инстинктов низших слоев общества, желающих уничтожить сложившиеся общественные устои, реформировать общество с целью устранения межклассовых границ, сословной морали и нравов.

Модернизм для Шпенглера является признаком декадентства европейского общества. Причиной этого явления он считал излишнее стремление к свободе². Декаданс Шпенглер понимает как демократический процесс, начавшийся после революции во Франции 1794 года, для которого характерны «плохие манеры всех парламентов, общая склонность участвовать в грязных делах, если они обещают деньги без работы; джаз и негритянские танцы как душевное выражение всех кругов; проститутское подкрашивание женщин; попытки литераторов в романах и пьесах сделать строгие взгляды приличного общества под всеобщие аплодисменты смешными; плохой вкус, доходящий до высшего дворянства... Это доказывает, что во всем тон задает плебс»³. Негативную оценку дает Шпенглер и новой пролетарской культуре, поставившей в центр своего творчества фигуру рабочего: «Именно тогда в либеральных

¹ Кроме «белой революции», под которой он понимал внутреннюю революцию со стороны низших слоев европейского общества, Шпенглер говорит о «цветной революции» – национально-освободительном движении внутри бывших европейских колоний. Обе революции действуют на европейское общество разлагающе. Одна изнутри, другая извне.

² Излишнее стремление к свободе является особенностью демократии и у Платона (Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 381).

³ *Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 68.*

кругах Западной Европы, а не в России 1918 года. возник “пролеткульт”. Тяжелая, по своим последствиям, смесь полувранья, полутупости начинает занимать головы образованных и полуобразованных»¹.

Основная проблема культурного творчества в эпоху перехода к цивилизации состоит, по мнению Шпенглера, в том, что люди перестают стремиться достичь высших идеалов красоты, а стараются сделать искусство понятным для самых широких масс населения. Это означает понижение общего уровня. В данном случае ситуация в сфере культурного творчества является лишь примером демократизации общественной жизни. «Это и есть тенденция нигилизма: не думают о том, чтобы воспитать массы до высоты настоящей культуры; это тяжело и неудобно, и могут отсутствовать предпосылки. Напротив: здание общества должно быть выровнено до уровня плебеев. Должно господствовать всеобщее равенство: все должны стать одинаково пошлыми. Одинаковыми способами добывать деньги и одинаково отдавать их на развлечения... Превосходство, манеры, вкус, любой внутренний ранг являются преступлениями. Нравственные, религиозные, национальные идеи, брак ради детей, семья, государственное величие – старомодны и реакционны»², – так описывает Шпенглер ситуацию в современном ему обществе.

Хотя Шпенглер в своем анализе декаданса европейской культуры исходит из философии Ницше, он отрицает оптимистическое мнение Ницше, о том, что она еще сможет возродиться. В этом пункте Шпенглер рассуждает более реалистично. Люди могут только какое-то время сдерживать процессы культурного распада, но не способны возродить культурную высоту. Европейскому человеку ничего другого не остается, как участвовать в развитии технического прогресса и в глобальной империалистической политике стран Запада.

¹ Ibid. S. 87.

² Ibid. S. 69.

Закат культуры современного Запада был для Шпенглера неоспоримым фактом¹. Однако, дискуссии о «закате» Европы, которые не прекращаются до сегодняшних дней, часто упускают из виду тот факт, что Шпенглер понимает этот «закат» как переход от этапа «культуры» к этапу «цивилизации», а не как окончательное разрушение фаустовской культуры. Именно такое неточное определение понятия «заката» и породило споры по вопросу: когда же наступит «закат Европы» и наступит ли он вообще? Вместе с тем у Шпенглера мы находим недвусмысленный ответ на эти вопросы. Так, закат европейской культуры и переход ее в цивилизацию происходит в XIX веке. Это становится особенно ясным после Первой мировой войны, когда начинает складываться мировая империя. У Шпенглера указана и продолжительность жизни западной цивилизации – примерно до 2300 года, – как это указано в его таблицах политических эпох². Он отмечал, что многие сравнивают закат с катастрофой «Титаника»; на самом же деле речь идет о процессе «завершения», который может растянуться на столетия.

Подводя итог анализа исторической концепции Освальда Шпенглера, следует отметить, что она выглядела в начале века достаточно оригинальной, хотя аналогичные идеи высказывались и ранее. На основе своей философии истории, используя аналогии с исчезнувшими уже культурами, Шпенглер пытается заглянуть в будущее. При этом основной идеей у него остается идея культурной деградации, которую не может избежать ни одна из «высоких культур». Еще больший интерес, однако, для нас представляет анализ Шпенглером политической деградации «высоких культур», представленный во втором томе «Заката Европы». Здесь мы встречаем периоды распада, которые во многом напоминают периоды разложения государственной формы у Платона.

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 7.*

² *Ibid. S. 71.*

1.2. Шпенглер о политической эволюции «высоких культур»

Анализ Шпенглером политической эволюции «высоких культур» во многом совпадает со схемой, предложенной в свое время Платоном. Идеальной формой государства Шпенглер, как и Платон, считает аристократическую монархию. Большое сходство между двумя мыслителями имеется и в характеристике ими периодов политического правления, следующих за аристократической монархией. У Платона – это тимократия, олигархия, демократия и тирания¹. У Шпенглера им соответствуют наполеонизм, капитализм, демократия и цезаризм. Как и у Платона, у Шпенглера центральную роль в государстве играют два сословия. «Философам» и «стражам» Платона соответствуют у Шпенглера духовенство и дворянство. В отличие от Платона, у Шпенглера основную роль в государстве играет не духовенство (философы), а дворянство (стражи). Как и Платон, Шпенглер абсолютизирует роль этих двух сословий не только для развития государства, но и для развития культуры. Как только они сходят с исторической арены, уступая место буржуазии, культура входит в полосу кризиса, которая заканчивается крушением национального государства и переходом к цивилизации.

В таблицах «одновременных» политических эпох мы находим следующие основные периоды в политической эволюции «высоких культур».

КУЛЬТУРА

Ранняя эпоха. Органическое членение политического бытия. Два ранних сословия: дворянство и духовенство. Феодалное хозяйство чистых меновых стоимостей земли. Феодализм. Дух крестьянской страны. «Город» как рынок или крепость. Кризис и распад патриархальных форм: от феодального союза к сословному государству.

¹ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 358, 363, 372, 379.

Поздняя эпоха. Осуществление созревшей государственной идеи. Город против деревни: возникновение третьего сословия (буржуазии). Победа денег над имуществом. Образование мира государств строгой формы. Фронда. Высшее завершение государственной формы («абсолютизм»). Единство города и деревни («государство и общество», «три сословия»). Крушение государственной формы (революция и наполеонизм). Победа города над деревней («народа» – над привилегированными, интеллигенции – над традицией, денег – над политикой).

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. Господство денег («демократия»). Хозяйственные силы, пронизывающие политические формы и структуры власти.

2. Восхождение *цезаризма*. Победа политики силы над деньгами. Внутренний распад наций и превращение их в бесформенное население. Обобщение последнего в империю.

3. Созревание окончательной формы: частная и семейная политика отдельных правителей. Внеисторическое окончание и бессилие имперского механизма. Медленное возвращение первобытных состояний в цивилизованных жизненных условиях¹.

В данных таблицах нашло отражение традиционное для Шпенглера деление «высокой культуры» на период собственно культуры и на период цивилизации². Раннюю эпоху культуры характеризует становление аристократического сословного государства. Основную роль здесь играет дворянство и духовенство. В поздней эпохе культуры проис-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 71.*

² Это деление восходит к делению, предложенному и описанному Фердинандом Теннисом в его работе «Общинность и общество», а также к делению Гербертом Спенсером всех обществ на так называемые «традиционные» и «промышленные». В современной западной литературе существует также аналогичное деление обществ на «аграрные» и «индустриальные» (Даниэл Белл, Алвин Тоффлер).

ходит разрушение государственных форм, которое связано с приходом к власти буржуазии.

Таким образом, политическую жизнь периода культуры можно условно разделить на три этапа: период аристократической монархии, когда государство, находится «в форме»; период наполеонизма, когда происходит отказ от традиционной формы; и, наконец, период демократии, когда политическая жизнь становится бесформенной, вновь напоминая природную борьбу за существование¹.

Для цивилизации, когда господствует так называемый «цезаризм», по мнению Шпенглера, характерно появление на политической арене «четвертого» сословия – городского люмпена. Здесь происходит превращение народных организмов в аморфную массу и объединение их в деспотическую империю. В конце периода цивилизации имперская форма окостеневает и распадается, что приводит к возврату к доисторическому состоянию. Такова политическая эволюция любой «высокой культуры», ее жизненный цикл.

Сословное государство как идеал

Как и Платон, Шпенглер большое внимание уделяет идеальному государству, но, в отличие от Платона, для которого характерен антропологический подход, Шпенглер пишет об идеальном государстве исторически, т. е. он стремится выяснить, из какой политической формы вырастает идеальное государство и в какую форму перерастает. Платон в своем трактате о государстве рассуждает о том, какие сословия должны существовать в идеальном государстве и каковы условия их жизни. Речь идет прежде всего об описании им быта двух основных сословий – «философов» и «стражей». Схоже построена и философия политики Шпенглера, где при выяснении особенностей исторического быта духовенства и дворянства проглядывает

¹ Здесь прослеживается аналогия с тремя периодами эволюции государственных форм, которые предлагает Константин Леонтьев (Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 75).

структура идеального аристократического государства. Не исключено, что Шпенглер опирался на идеи Платона при создании своей концепции государства¹.

Сословное аристократическое государство² возникает, по Шпенглеру, когда распадается «феодальный союз», характерный для ранней культуры. Это время огромных империй, таких как империя Карла Великого³, которые связаны с господствующей в данной культуре религией и создаются под эгидой Церкви⁴. Шпенглер пишет: «Здесь, как и повсюду, имеет место период, когда феодализм уже пребывает в состоянии распада, нарождающееся же государство еще не вызрело, а нация еще не “в форме”. Это время ужасающего кризиса, который повсюду проявляется как междуцарствие и образует границу между феодальным союзом и сословным государством»⁵. Этот период лучше было бы назвать периодом распада «религиозных империй», ибо отличительной особенностью этих империй является то, что государство целиком находится под влиянием Церкви. Постепенно государство становится все более самостоятельным. Для этого периода характерна победа «государства над сословием». В этот период возникают города, появляются придворные должности, а дворянство вырастает уже не в своих графствах, а в городе. Центром

¹ На сходство обеих концепций указывает и Детлеф Фелкен (*Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 124*).

² Монархические сословные государства средневековой Европы составили основу современных европейских наций. Сословное государство становится нацией, когда монархический принцип заменяется республиканским.

³ Для российской культуры аналогичную роль сыграла империя Петра Великого (*Афанасьев В. В. Национальное государство как центральная категория этнополитологии // Политическая культура. Научные труды МНЭПУ. Вып. 6. М., 1999. С. 219*).

⁴ Для европейской культуры – это католическая Церковь, для российской культуры – это православная Церковь.

⁵ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1024.*

политической жизни вместо крепости становится резиденция. В ходе политической эволюции старые сословия теряют свое значение. Государство становится самостоятельной силой, от которой зависят сами сословия. Сословное государство перерождается в абсолютное государство¹.

Если сословное государство сложилось органически, то абсолютное государство стало возможным благодаря идее. В эту эпоху государство достигает полноты возможного развития, расцвета, высоты «политической оформленности»². Это своеобразный пик в историческом развитии культуры. В Европе этому периоду соответствует эпоха Барокко. В этот период происходит гармоничное сосуществование всех слоев общества, что способствует взлету культуры. Однако эта эпоха не вечна, и заканчивается она очередным кризисом.

Таким образом, абсолютное государство является у Шпенглера завершающей стадией сословного государства. Несмотря на свой внешний блеск, абсолютное государство оказывается непрочным. Основной причиной этого является персонализация политической жизни, явившаяся результатом эпохи Возрождения и новой просветительско-гуманистической идеологии. Старые сословия теряют свое значение, а отдельные личности начинают являться во всем своем блеске. Первыми такими личностями были монархи, которые, как Людовик XIV во Франции, могли позволить себе сказать: «Государство – это Я». Шпенглер считает, что сословное государство возникает из феодального союза и заканчивается в абсолютном государстве.

Остановимся подробнее на роли дворянства и духовенства в сословном государстве и сравним шпенглеровское

¹ Крах абсолютного государства в период наполеонизма является не чем иным, как переходом государства под власть экономики, рынка. Эта форма правления соответствует понятию демократии, во время которой политическая власть принадлежит буржуазии.

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1046.*

описание этих сословий с платоновскими «философами» и «стражами».

Сословия дворянства и духовенства являются для Шпенглера не только главными актерами в политической жизни общества, но и единственными носителями культуры. «“Вечная элита“ каждой локальной культуры, – пишет Б. Л. Губман, – дворянство и духовенство – выглядят у Шпенглера производными от космической стихии „жизни“, в которой им фиксируется поляризация мужского и женского начал... Если дворянство, происходящее, по Шпенглеру, от крестьянства, есть средоточие женского начала жизни, то духовенство – мужского»¹. Шпенглер считает, что дворянство и духовенство являются единственными творцами культуры. Именно эти сословия представляют собой творческую силу культуры, в них концентрируется смысл исторического процесса. Творческая сила дворянства вытекает из его кровной связи с землей – основой всего человеческого бытия.

Образование этих двух сословий в начале культуры соответствует природным процессам «существования» и «бодрствования», что соответствует у Шпенглера растительному и животному началу. Шпенглер пишет: «Дворянство и крестьянство совершенно растительны и импульсивны; они глубоко коренятся в земле предков и размножаются по генеалогическому древу, муштруя других и сами подвергаясь муштре. Рядом с этим духовенство оказывается противосословием в собственном смысле, сословием отрицания, нерасовости, независимости от почвы, свободным, вневременным, внеисторическим бодрствованием»². Здесь хорошо виден биологизм шпенглеровского подхода, который состоит в отождествлении понятий жиз-

¹ Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997. С. 37.

² Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1046.

ни и политики¹. Развивая традицию «философии жизни», Шпенглер использует понятие «жизнь» достаточно широко. «Мертвой» неорганической природе противостоит органическая жизнь. Рождение, рост, старение и гибель – вот удел, который уготован не только растениям и животным, но и человеку. Растение, по Шпенглеру, включено в поток жизни с его временным измерением, а животное обнаруживает себя в пространстве. Растение всецело подчиненно космическому началу, а животное есть микрокосмос. Животные и человек, по Шпенглеру, едины в состоянии «бодрствования», а растение отличается непосредственным бытием. В результате Шпенглер приходит к утверждению, что человек есть не более чем «хищное животное»².

Деление всех живых существ на микрокосмические и макрокосмические, в соответствии с делением на растения и животные, экстраполируется Шпенглером на жизнь общества. В результате, в качестве основного структурирующего элемента общества у Шпенглера выступает дворянство (растения), которое вырастает на почве крестьянства. Дворянству противостоит сословие духовенства (животные), оторванное от жизни и ориентированное на духовное. Борьба между этими сословиями приводит к традиционному противостоянию государства и Церкви.

Дворянство и духовенство, по выражению Шпенглера, являются «вечными», «всемирно-историческими» сословиями. С их появлением в недрах культуры начинается ее историческая жизнь. Шпенглер отмечает важность прасловий для развития культуры; более того, с уходом их с исторической арены культура, по его мнению, завершает свое развитие. Каждое сословие имеет свою мораль: свя-

¹ Он пишет: «Политика в высшем смысле – это жизнь, и жизнь – это политика» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 977*).

² Любому животному, рассуждает Шпенглер, свойственна специфическая техника приспособления к обстоятельствам внешнего мира. Человек же овладел особой техникой приспособления к окружающей среде, делающей его «культуросозидающим хищником».

щенство – так называемую «мораль рабов» (жертва), направленную к умерщвлению жизни, дворянство – мораль жизни и истории (честь). Шпенглер пишет: «Любое дворянство – это живой символ времени, всякое духовенство – символ пространства... Дворянин живет в мире фактов, священник – в мире истин; первый – знаток, второй – познаватель, один – деятель, другой – мыслитель»¹. Детлеф Фелкен пишет: «Сословия являются не только элементарным шагом вперед от неисторического крестьянства, но и одновременно являются органическим выражением живущей определенным тактом культуры»².

Крестьянство является «кормящим сословием», «корнем растения культуры». Роль крестьянства в истории культуры огромна, хотя само оно непосредственно не выступает в роли активного деятеля. Его влияние пассивно и сохраняется на протяжении жизни всей культуры. Вот что пишет Шпенглер по этому поводу: «Крестьянское сословие служит большой жизни, не только давая ей питание, добываемое им из земли, но также и иным приношением матери-земли – своей собственной кровью, которая на протяжении веков струится из деревень в высшие сословия, принимает там их форму и поддерживает их жизнь. Соответствующее сословное выражение для этого – крепостная зависимость (какими бы ни были поводы для нее, коренящиеся в поверхностном слое истории), развивающаяся в Западной Европе в 1000–1400 гг. и «одновременно» во всех прочих культурах»³. Крестьянство формируется в самом начале культуры и остается до ее конца, хотя все время остается незамеченным⁴. Крестьянство представляет исто-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 971.*

² *Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 124.*

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 991.*

⁴ Это же подчеркивает Шпенглер, указывая на уникальную форму крестьянского дома как символа расы, который сохраняется до конца жизни культуры.

рический фон любой культуры, который, по мере развития города, постоянно ослабляется, но до конца культуры полностью не исчезает.

Сословием в собственном смысле слова является только дворянство, понимаемое как высшее крестьянство. Оно оформляется полностью, когда принадлежность к этому сословию становится наследственной, и дворянство, как и крестьянство, прикрепляется к земле¹. Возникая в самом начале культуры, дворянство несет в себе идею государства. Обладая сильной расой, то есть верным политическим инстинктом, дворянство воспитывается путем муштры — стремлением следовать раз принятым традициям, нормам и церемониям. Здесь хорошо видно, что Шпенглер, в отличие от Платона, основную роль в государстве отводит дворянству, а не духовенству, в то время как для Платона лишь «философы», то есть духовенство, способны правильно править государством.

Существование дворянства как сословия у Шпенглера тесно связано с понятием чести: «Честь — это всегда сословная честь: чести сразу у всего человечества в природе нет. Кто не свободен, не может участвовать в поединке. Всякий человек, будь он бедуин, самурай или корсиканец, крестьянин, рабочий, судья или грабитель, имеет свои собственные, обязывающие его понятия чести, верности, храбрости, мести, которые неприменимы ни к какой иной разновидности жизни. У всякой жизни есть свои нравы...»². В связи с рассуждениями о чести, Шпенглер разделяет мораль и нравы, причем нравы для него есть нечто органически сложившееся, в то время как мораль есть теория. Он пишет: «Нравы — это не то, что истинно, но то, что просто

¹ Шпенглер отмечает, что и Церковь начинает подчиняться мирским законам, как только римские папы становятся землевладельцами и наравне с другими феодалами участвуют в политической жизни европейских стран.

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 981.*

есть. Они выращены, прирождены, прочувствованы, происходят из органической логики. В противоположность им, мораль никогда не является действительностью, но является вечным требованием, нависающим над сознанием...»¹.

В связи с таким пониманием нравов и морали, Шпенглер дает следующее определение чести: «Фундаментальное понятие всяких живых нравов – честь. Все остальное – верность, покорность, храбрость, рыцарственность, владение собой, решимость – собрано в ней. И честь – вопрос крови, а не рассудка. Здесь не раздумывают: ибо кто раздумывает, уже бесчестен. Потерять честь – значит, быть уничтоженным для жизни, времени, истории. Честь сословия, семьи, мужчины и женщины, народа и отчизны, честь крестьянина, солдата, даже бандита: честь означает, что жизнь в данной личности чего-то стоит, что она обладает историческим рангом, выделенностью, знатностью. Она так же принадлежит к направленному времени, как грех – к вневременному пространству. Наличие чести в крови – все равно, что обладание расой»². Наличие у дворянства расовых признаков является функцией времени; как только понятие чести забыто, дворянство вырождается, а его представители пополняют ряды люмпенов и деклассированных слоев.

Важным признаком, который выделяет дворянство из других сословий, является наличие у него земельной собственности. Используя сравнение дворянства с растением, Шпенглер считает собственность прачувством, которое принадлежит времени, истории и судьбе, а не пространству и причинности. «"Имение", – пишет он, – начинается с растения и продолжается в истории высшего человека до тех пор, пока в нем есть растительное, есть раса. Поэтому собственность в наиболее непосредственном ее значении – это земельная собственность; и стремление к тому, чтобы

¹ Ibid. S. 982.

² Ibid. S. 982.

превратить нажитое в землю и почву, всегда есть свидетельство человека доброй породы»¹. Неуважительное отношение к собственности, которое наблюдается на поздних этапах развития культуры, является, для Шпенглера, признаком потери расы. Особенно наглядно это видно на примере продажи представителями дворянства своих родовых имений, превращения земельной собственности в деньги.

В поздний период культуры в низших слоях общества возникает движение за передел собственности. Шпенглер отмечает, что низы, захватив чужую собственность, не способны, однако, ею пользоваться, поэтому просто разграбляют и уничтожают ее. Он считает, что любая «высокая культура» не может возникнуть без развитого чувства собственности, и культура исчезает, когда это чувство искажается. Отношение к земельной собственности является для Шпенглера важным признаком всякого сословия и косвенно указывает на его место в политической истории культуры.

Наблюдая вышеизложенную идеализацию дворянства, можно сделать вывод, что Шпенглер является идеологом дворянства, однако дальнейший анализ взглядов Шпенглера покажет ложность этого предположения. Как справедливо отмечает Ю. К. Мельвиль, идеализация дворянства является у Шпенглера лишь неким «налетом романтизма», за которым скрывается его апология империализма².

Традиции дворянства, по мнению Шпенглера, трансформируются сегодня в «императив завоевания» и «императив торговли». Сословия офицеров и предпринимателей становятся наследниками дворянства и ведут между собой борьбу за власть, определяя, тем самым, основные течения современного империализма (социализм и капитализм),

¹ Ibid. S. 983.

² Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX веков. М., 1988. С. 447–448.

причем Шпенглер отождествляет эти направления с Германией и Англией. Духовенство также не исчезает бесследно с исторической арены, его наследником в современных условиях является сословие ученых¹. Шпенглер приводит факты, которые говорят об общности Церкви и современной науки: «Ученый мир на Западе, особенно в протестантских областях, устроен всецело по образу и подобию католической Церкви... Во всех специальных научных дисциплинах, включая сюда также и медицину и катедер-философию, существует развитая иерархия со своими школьными папами, степенями и достоинствами... таинствами и соборами»².

История сословий – это и есть для Шпенглера история культуры, причем вторую невозможно отделить от первой. Он подводит такой итог своему анализу политических сословий: «Дворянство всех ранних времен было сословием в изначальном смысле, воплощенной историей, расой в высшей ее потенции. Духовенство выступало рядом с ней как антисословие, говорящее “нет” во всех тех случаях, когда дворянство говорило “да”, и тем самым посредством великого символа оно выявляло иную сторону жизни. Третье сословие, как мы видели, не обладающее никаким внутренним единством, было несословием, чистым протестом против сословности в сословной форме, причем не против той или иной формы, но против символической формы жизни вообще»³.

¹ Если дворянство и духовенство происходили из сельской местности, то предприниматели и ученые – это городские сословия. Шпенглер показывает общую тенденцию развития любой культуры, когда город постепенно вытесняет деревню из общественной жизни и на завершающей стадии цивилизации полностью господствует над последней. В начале культуры городские жители смотрят на мир, как крестьяне; в конце цивилизации многие сельские жители чувствуют себя горожанами.

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 987.*

³ *Ibid. S. 1003.*

Кроме исторически пассивного крестьянства и активно-го дворянства, которое выступает вместе с духовенством, существуют еще и так называемые «профессиональные классы» ремесленников, чиновников, творческих работников и рабочих¹. Профессиональные классы не несут в себе исторические судьбы культуры. Они обособляются от общества и ищут покровительства у других сословий. Если сословия несут в себе определенную символику, то профессиональные классы лишены ее; их традиции связаны лишь с профессиональной техникой, что ведет их порой к антисоциальным наклонностям².

Сословное устройство общества является, для Шпенглера, условием существования любой культуры. Разложение европейского сословного порядка в XX веке приводит к господству демократии и, в конечном счете, к концу европейской культуры. Не случайно Детлеф Фелкен называет концепцию Шпенглера «сословно-универсалистской утопией»³.

Таким образом, в философии политики Шпенглера присутствует представление о социально-классовой структуре общества, которая состоит из следующих классов: духовенство, дворянство, буржуазия и профессиональные классы. Каждый из этих классов играет определенную роль в исторической жизни государства, причем именно дворянство, в силу своего особого положения в обществе и своей связи с землей, наиболее адекватно способно понять государственные и общественные интересы.

¹ Ibid. S. 989.

² «Истории сословий, — пишет Шпенглер, — нет до профессиональных классов решительно никакого дела; она является отображением метафизического момента в высшем человечестве» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 990*).

³ *Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 127.*

Наполеонизм как милитаризм в политике

Первым, кто осмелился отбросить сложившиеся в Европе политические устои, был Наполеон, символизирующий собой начало новой эпохи в истории европейских государств, которую Шпенглер называет эпохой «наполеонизма»¹. В эту эпоху появляются отдельные личности, которые сумели подчинить своей воле огромные массы людей. Они не считали нужным ограничивать свою власть старыми традициями и условностями. Это развязывало им руки и позволяло высвободить огромную энергию для завоевательной политики. Успехи Наполеона служат этому хорошей иллюстрацией. Сломав старые устои², политики эпохи наполеонизма не сумели вовремя остановиться, и процесс отказа от старых политических форм, развив собственную динамику, превратился в череду революций и потрясений по всей Европе.

В это время общество раздирается постоянными конфликтами и войнами: «Тем самым произошло вступление в эпоху колоссальных конфликтов, в которой мы теперь и пребываем. Это есть переход от наполеонизма к цезаризму, всеобщая стадия³ развития продолжительностью, по меньшей мере, приблизительно в два столетия... Китайцы называют ее Чжаньго – эпоха борющихся государств (480–230), в античности приблизительно 300–50»⁴. В европейской культуре эта стадия, по мнению Шпенглера, продлится до 2000 года. Исторические события XIX века в Европе Шпенглер сравнивает с «одновременными» события-

¹ В некоторых переводах на русский язык используется термин «бонапартизм», например у И. И. Маханькова (*Шпенглер О. Закат Европы*. М.: Мысль. Т. 2. 1998).

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*. München, 1963. S. 1065.

³ Эрнст Штруц считает, что эта стадия у Шпенглера является последней (*Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers*. Zürich, 1958. S. 122).

⁴ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*. München, 1963. S. 1081.

ми V века до н. э. в Греции, когда пришедшие к власти тираны казнили в массовом порядке образованных людей, конфисковывали их имущество, распределяя его между своими приверженцами. Одновременно много бывших рабов получили права граждан.

В истории египетской культуры наполеонизму соответствует «период гиксосов» – два столетия между XII и XVIII династиями. Приблизительно с 1680 года до н. э. произошла эпоха революций, когда высшие должности в государстве были упразднены: «Управление прекратилось, акты уничтожены, все социальные различия сметены, суды попали в руки черни. Благородные люди голодают и ходят в лохмотьях; их детей расшибают о стены и вышвыривают мумии из гробниц. Немногие становятся богатыми и кичатся во дворцах своими стадами и кораблями, которые они забрали у законных владельцев; бывшие рабыни произносят громкие речи, и чужеземцы чувствуют себя вольготно. Грабеж и убийства правят бал, города опустошаются, общественные здания сжигаются. Урожаи падают, никто больше не думает о чистоплотности, рождения становятся редки»¹.

В это время на первый план выдвигается армия, которая начинает ощущать себя самостоятельной политической силой, когда к власти приходят «честолюбивые генералы». Армия стремится подчинить себе государство. Здесь налицо параллели с платоновской тимократией. Тимократия у Платона, как строй, следующий непосредственно за идеальным сословным государством, характеризуется тем, что к власти приходят военные.

Используя свойственные ему антропологические аллегории, Платон так описывает строй, при котором у власти находятся стражи: «Применяя силу и соперничая друг с другом, они пришли, наконец, к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и до-

¹ Ibid. S. 1096.

ма, распределив их между собою, а тех, кого они до той поры охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов... Значит, такой государственный строй – нечто среднее между аристократией и олигархией... Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей... там будут в чести военные уловки и ухищрения: ведь это государство будет вечно воевать»¹.

Само существо этого политического строя, по Платону, связано с военной аристократией, которая раньше находилась в подчинении философов, а теперь получает возможность пользоваться государственной властью безгранично, преследуя свои узкосословные интересы. Природу тимократии следует искать в самой психологии стражников, в душе которых господствует не разумное начало, как это было у философов, а страсть к соперничеству. Именно это качество честолюбивых генералов, наряду со стремлением к богатству, которое начинает у них проявляться в старости, приводит все общество не только к бесконечным конфликтам, но и к перманентному переделу собственности. Именно стражи, согласно Платону, способствуют разграблению общественной собственности и создают первые значительные частные накопления, усиливая тем самым сферу частных интересов в ущерб жизни общественной.

Знаковой фигурой подобного периода в античном мире является Александр Македонский, которого Шпенглер сравнивает с Наполеоном². Рост рядов армии за счет всеобщей воинской повинности позволил сконцентрировать в руках как Наполеона, так и Македонского невиданную

¹ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 360.

² Фрэнсис Лантинк пишет: «Наполеон и Александр представляют уже первые попытки разложения политических форм культуры» (*Lantink F. Oswald Spengler oder «zweite Romantik»*. Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 240).

доселе власть, которую они поспешили использовать для захватнических войн. Особенностью наполеонизма Шпенглер считает распространение личного господства на регионы, которые «ни национальным, ни правовым единством не обладают»¹. Великие личности периода наполеонизма, по мнению Шпенглера, способствуют не только разрушению государственной традиции, но и являются провозвестниками эпохи полной исторической бесформенности. Свобода этого периода означает не что иное, как освобождение от форм культуры. Происходит переход от соблюдения старых традиций к «необузданному персональному произволу». Внутренние революции, потрясающие государства изнутри, и внешние войны служат частным интересам: «Великие межгосударственные сражения повсюду перемежаются схватками внутригосударственными, чудовищными по своему течению революциями, которые, однако, все без исключения служат... персональным вопросам о власти»².

Таким образом, основной чертой наполеонизма, по Шпенглеру, является отказ от старой государственной традиции, которая на протяжении веков подвергала муштре высшие сословия, способствуя тому, что государство оставалось «в форме». Однако эта нагрузка на сословия становится невыносимой, и сословия отказываются от прежних традиций, считая их устаревшими. Именно этот исторический шаг отделяет период наполеонизма от периода сословного государства. Старинные государственные традиции предполагали, прежде всего, привилегированное положение дворянства, поэтому само дворянство было заинтересовано в их сохранении; однако рост экономического влияния средних слоев населения перевесил чашу весов в сторону противников сохранения старого слоя. Этим социальным дисбалансом воспользовались военные, вытес-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1068.*

² *Ibid. S. 1085.*

нившие дворянство и духовенство из государственной элиты и установившие свое политическое господство. Шпенглер считает, что как только нации перестают находиться «в форме», в политике растут возможности отдельных личностей: «На место надежной традиции, вполне способной обойтись без гения... становятся теперь случаи появления великих людей факта»¹. Если раньше задачей политической элиты было усвоение традиций, норм поведения и нравов своего сословия, и каждая личность стремилась подчинить себя этим традициям и нормам поведения, то сейчас личности пытаются сделаться влиятельными помимо сословной морали и этикета и часто вопреки им. Это открывает большие возможности для личного произвола, что, в свою очередь, способствует созданию новых социальных противоречий внутри общества и падению его внешнеполитического авторитета.

В этот период армия становится наемной. Методы ведения войны принимают ужасающие формы. Это уже не регламентированные дуэли, а борьба людей, пускающих в ход все средства. Используется тактика не считающейся с потерями массовой атаки. Всеобщая воинская повинность позволяла использовать такие методы ведения боя. Для ведения войны применяются новейшие технические достижения, концентрируются огромные денежные средства, а армия победителя стремится достичь полного уничтожения побежденного. В этот период войн и революций лидеры ведут между собой войну за власть, не стесняя себя в выборе средств и методов.

Шпенглер негативно относится к эпохе наполеонизма и связывает с ней разрушение традиционной государственности, которое происходит параллельно с приходом к власти буржуазии. Несмотря на некоторое сходство в характеристике наполеонизма и цезаризма, не следует путать эти два периода в эволюции государственной формы, как это

¹ Ibid. S. 1083.

делает, например, А. Н. Мочкин, когда пишет: «О. Шпенглер называет этот период появлением “великой динамической формы” – период частной активности человека – “бонапартизмом” или “цезаризмом”. Этот период характеризуется распадом, разложением государственной формы, государства и переходом самого государства... к первичному хаотическому состоянию, брожению, когда как бы сброшены все традиционных устои, до сих пор скрепляющие общество»¹. В конце этого периода распада, прогнозирует Шпенглер, из хаоса появляются отдельные личности и подчиняют себе государство².

Шпенглер связывает с периодом наполеонизма начало распада, разложения культуры. Это объясняется, прежде всего, падением авторитета государства и перемещением центра тяжести общественной жизни в частную сферу. При этом Шпенглер упускает из виду тот исторический факт, что кризис государства был запрограммирован, когда оно отделилось от Церкви и потеряло тем самым религиозный авторитет. Это приводит к тому, что в период наполеонизма государство само теряет авторитет и подпадает под влияние экономики³. Шпенглер, вслед за Платоном, говорит о том, что общество в этот период распадается на богатых и бедных, а власть концентрируется в руках финансовой элиты. Наполеонизм, с отказом от старых традиций и законов, с подчинением органически сложившегося государства абстрактной идее свободы, расчищает почву для политического господства буржуазии, которое наступает в период демократии.

Из описания Шпенглером периода наполеонизма ясно, что у власти в это время находятся военные. Это позволя-

¹ Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 44.

² Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 128.

³ Много черт шпенглеровского «наполеонизма» можно заметить в советский период российской истории.

ет сравнивать этот период с платоновской тимократией. Согласно платоновской философии за тимократией должна следовать олигархия (власть богатых) и демократия (власть бедных). У Шпенглера эти два периода объединены в один – в период «демократии», где основную политическую роль играет буржуазия. Это имеет смысл только в том случае, если исходить из того, что правление крупной и мелкой буржуазии, в принципе, не отличается друг от друга. Правда, такая точка зрения игнорирует демократическую революцию, когда богатые насильственно лишаются своей собственности, и к власти приходит мелкая буржуазия. Для Платона эта революция означает переход от олигархии к демократии¹.

Демократия как господство буржуазии

Одновременно с ростом городов в обществе становится привлекательной идея свободы, с которой выступает на историческую арену буржуазия. Она, по мнению Шпенглера, уже покидает область культуры, которая всегда связана с землей, с деревней, с дворянством и духовенством. Буржуазия не имеет однородной структуры, в ее состав входят различные профессиональные группы. Концентрация экономики и денег в крупных городах приводит к тому, что появляется новая духовная и финансовая знать, которая проникает в среду старой знати и разрушает ее изнутри. Шпенглер пишет: «С окончанием позднего времени всякой культуры к своему более или менее насильственному завершению приходит и история сословий... Победой над символическими порядками является отчасти и освобождение крестьян: с крестьянина снимается гнет крепостной зависимости, однако он оказывается отданным на откуп власти денег², которые превращают теперь землю в дви-

¹ Мыслители Греции: От мифа к логике. М., 1998. С. 352.

² Здесь вновь можно видеть параллели между трактовкой периода олигархии у Платона и шпенглеровской критикой периода господства буржуазии. По Платону, в период олигархии добродетели начинают презираться, а погоня за богатством становится основным мотивом поведения людей (Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 1. Ч. 1. С. 364).

жимый товар»¹. Немецкий исследователь Отто Кёллерройтер отмечает: «По Шпенглеру, из прасословий развиваются, через победу города над деревней и через переход от символов богатой культуры к сухой цивилизации, силы, господствующие в нашей сегодняшней цивилизации: экономика (деньги) и наука»².

Приход в большую политику буржуазии связан с кризисом «высокой культуры», переходом ее в цивилизацию. «Благородные устремления “первосословий”, – отмечает Б. Л. Губман, – история “большого стиля”, встречаются, по Шпенглеру, противодействие со стороны именно этого “третьего сословия”»³. Буржуазия же способна лишь к критике существующих культурных форм, а не к их творчеству. Это творчество основывалось на сохранении традиций, против которых с самого начала выступила буржуазия. Не являясь с точки зрения Шпенглера сословием⁴, буржуазия основывает свою политическую тактику на критике традиционных устоев и порядков: «...когда культура находится в стадии перехода в цивилизацию, несословие решительным образом вмешивается в события, причем впервые в качестве самостоятельной силы... Теперь оно использует эту свою силу уже для себя, причем как сословие свободы – против всех остальных, усматривая в абсолютном государстве, в короне, в сильных учреждениях естественных союзников прасословий, а также подлинных и последних представителей символической традиции»⁵.

Центр исторического развития перемещается в город, и городское население все больше начинает влиять на ис-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1002.*

² *Koellreutter O. Die Staatslehre Oswald Spenglers. Jena, 1924. S. 9.*

³ *Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997. С. 39.*

⁴ Буржуазию Шпенглер часто называет «третьим сословием» или «несословием» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1000*).

⁵ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1056.*

торию. Шпенглер замечает: «Столицы сделались так велики, а городской человек обладает таким превосходством в своем влиянии на бодрствование всей культуры в целом (влияние это зовется общественным мнением), что прежде абсолютно неприкосновенные силы крови и заложенной в крови традиции оказываются теперь подорванными»¹. В связи с ростом городов увеличивается и городское население². Свойственный для городской жизни рационализм все более начинает пронизывать общественную жизнь. Шпенглер вводит в научный оборот понятие города и деревни как специфических, исторически обусловленных сред существования человека. Специфика городской и сельской жизни не только отражается во внешнем облике человека, но и определяет его внутренние устои, формирует его мировоззрение. То, что буржуазия является сословием городским, отмечалось и ранее, но взглянуть на этот факт в историко-культурной перспективе удалось только Шпенглеру.

Для понимания сущности этого исторического периода вновь следует обратиться к политической философии Платона. Платон называет власть буржуазии олигархией. Этот политический строй появляется после тимократии и связан с приходом к власти в государстве богатых людей. К этому времени частные богатства настолько выросли, а общественные настолько оскудели, что богатым без особого труда удастся вырвать власть из рук обедневшей военной аристократии. Стражи, несмотря на всю свою ярость, «грешили» стремлением к накоплению богатств. Непокойные времена и сила оружия позволили им собрать достаточные средства, которые делали бессмысленной дальнейшую борьбу и связанный с ней риск. Необходимо было сохра-

¹ Ibid. S. 1059.

² Рост городского населения является отличительной чертой развития России в XX веке. Это косвенно может служить подтверждением актуальности шпенглеровского анализа для исследования современного российского общества.

нить богатства для будущих поколений и тратить их, всячески удовлетворяя свои вожеления.

Антропологический подход Платона говорит о том, что тщеславные люди эпохи тимократии сменяются олигархическими людьми, главной движущей силой которых является удовлетворение своих вожелений. Основной чертой этих людей, по мнению Платона, является их внутреннее презрение к добродетелям, которое они, однако, скрывают, стараясь показать себя добродетельными. Платон говорит о преступных, антисоциальных наклонностях этих людей, которые всегда готовы пожить за чужой счет. Отличительной особенностью олигархического человека является также его работоспособность, бережливость и стремление к наживе любыми способами. Ясно, что такие люди, оказавшись у власти, начали использовать ресурсы государства в своих частных целях, не считаясь ни с писаными, ни с неписаными законами. Они определяют и государственную политику этого периода, когда войны сменяются мирной торговлей.

В каком виде эта платоновская интерпретация олигархии присутствует у Шпенглера? Исторический метод Шпенглера позволяет несколько иначе осветить этот политический строй, однако основные моменты его присутствуют. Особенность политического поведения буржуазии Шпенглер видит в том, что она мало заботится о внешнеполитическом имидже государства, целиком отдаваясь внутренним проблемам. Это приводит, в конце концов, к неустойчивости государства. Буржуазия, выдвигая исключительно либеральные лозунги, с самого начала показала, что ее единство носит отрицательный характер, и оно исчезает, когда нет общего врага. Буржуазия по природе своей склонна к оппозиции. Эта разрозненность буржуазных рядов объясняется еще и тем, что составляют их городские круги с различными интересами. Акцент на правах человека и свободе критики господствующей религии, свойственный буржуазии, объяснялся еще и экономическими интересами составляющих ее слоев, которые стремятся

устранить все препятствия для того чтобы делать деньги. Эти требования находят свою поддержку и в других слоях общества, в том числе и у некоторых представителей старой аристократии.

Буржуазия, которую Шпенглер называет «городским сословием духа и денег», приходит к власти во время «второй тирании». Если «первая тирания» (Кромвель) расчищала почву для абсолютного государства, то «вторая тирания» (Робеспьер) стремится государственную власть передать в руки буржуазии. Развитые традиционные формы государства начинают восприниматься как обуза, происходит отказ от них. «Идея “пребывания в форме для чего-то”, – пишет Шпенглер, – становится невыносимой сразу для всей нации, потому что “в форме” больше не находится ни один индивидуум. Это относится к нравам, это относится к искусствам и мыслительным построениям, но в первую очередь это относится к политике. Отличительный признак всякой буржуазной революции, местом действия которой оказывается исключительно большой город, – отсутствие понимания древних символов, на место которых теперь заступают вполне очевидные интересы...»¹

Если раньше государственные формы появлялись естественным путем в борьбе за существование, то теперь государство стремится подчинить себя идее, найти смысл своего существования. Получает распространение рационализм, критика. Книги и теории начинают влиять на политику, а «общественное мнение как политическая величина совершенно нового рода встает на пути у дипломатии»². Наряду с распространением общественных теорий и научных открытий эпоха господства буржуазии характеризуется особой ролью денег как специфической формы мышления. Шпенглер считает демократию формой правления, при которой реальная власть принадлежит финансо-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1056.*

² *Ibid. S. 1059.*

вой элите. Он пишет: «Если понимать под демократией форму, которую третье сословие как таковое желает придать всей вообще общественной жизни, то следует прибавить, что по значению демократия и плутократия равны меж собой»¹.

Здесь видно, что платоновское деление на олигархию и демократию² для Шпенглера не имеет смысла. Олигархии, или, как ее называет Шпенглер, плутократии, при этом придается значение демократии. Такая позиция Шпенглера не позволяет ему увидеть в истории «демократический переворот», имеющий для Платона большое значение, который означает изгнание богатых олигархов и приход к власти широких народных масс³. В целом же, характеристика Платоном олигархии во многом совпадает со шпенглеровским описанием демократического правления буржуазии. Как и у Платона, у него основную политическую роль в государстве играют богатые, которые вводят имущественный ценз и переделывают законы в своих интересах. Платон, как и Шпенглер, отрицательно относится к олигархии, считая этот строй не только вредным для государства, но и пагубным для морали⁴.

С приходом к власти буржуазии государственная форма нарушается, появляются «лишенные формы силы», которые Шпенглер сравнивает с войском со слабой дисципли-

¹ Ibid. S. 1061.

² Это деление, которое встречается в философии политики Платона и у некоторых других авторов, имеет значение только в смысле разделения политического господства крупной и мелкой буржуазии (Мыслители Греции: От мифа к логике. М., 1998. С. 352, 360).

³ Количественный критерий, отделяющий олигархию (власть крупного капитала) от демократии (власти мелкого капитала), приобретает качественное значение, если олигархию рассматривать как власть зарубежного капитала, а демократию – как власть внутреннего капитала. В таком случае можно говорить о том, что на каком-то этапе политического развития имеет место переворот, который можно было бы, соглашаясь с Платоном, назвать переходом от олигархии к демократии.

⁴ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 364.

ной, которое «предоставляет случайным, подвернувшимся вдруг вождям такие полномочия, которые и по объему их, и по сути были недоступны законному командованию»¹. Буржуазия, по мнению Шпенглера, придя к власти, стремится подчинить себе государство; при этом идеальным государственным устройством объявляется «конституционная монархия», крайним вариантом которой является республика². Конституции призваны заменить органически сложившийся династический принцип на чисто рациональный конституционный принцип: «Между тем как династия и внутренне близкая ей дипломатия сохраняют древнюю традицию и такт, в конституциях преобладание сохраняется за системами, книгами и понятиями...»³. Поэтому само существо конституционной монархии оказывается двойственным. «Для абсолютного государства барокко имелась отчетливая форма, — пишет Шпенглер, — для конституционной монархии имеются лишь ковыляющие компромиссы, и консервативная и либеральная партии отличаются друг от друга... редакциями, которыми они желают изменить конституцию, а именно, с ориентацией на традицию или же на теорию»⁴.

Политической формой господства денег является парламентаризм, исторической родиной которого является Англия. Парламентаризм, по мнению Шпенглера, — это инструмент буржуазии в борьбе за власть, это «продолжение буржуазной революции иными методами»⁵, а избирательная кампания — это гражданская война. Для Шпенглера правление буржуазии — это «непрекращающийся конфликт

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1065.*

² Республику Шпенглер называет «немонархией в формах, заимствованных у монархии» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1076*).

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1076–1077.*

⁴ *Ibid. S. 1078.*

⁵ *Ibid. S. 1079.*

между волей, которая с необходимостью выходит за рамки партийной политики, а тем самым и всякой конституции (и то и другое исключительно либерально), и это, говоря по чести, может быть названо лишь гражданской войной»¹. Парламентаризм содержит в себе внутреннее противоречие, так как буржуазия по своему составу очень неоднородна. Шпенглер отмечает следующую трансформацию государства, которая имеет место в связи с господством парламентаризма: «Прогрессирующее разложение государства через парламентаризм давало возможность использовать государственные органы в этом направлении. Прежде всего, это происходило в Англии, которая в середине XIX века стала “нацией лавочников”: враждебное государство должно быть не побеждено, а устранено как экономический конкурент, в то же время оставаясь потребителем английских товаров. Это было целью “либерального” империализма свободной торговли...”².

Как только сопротивление старого режима сломлено и начинает господствовать парламент, растет значение внепарламентских средств — денег, экономического принуждения, забастовки. К парламенту нет того уважения, какое раньше было к монархической власти; поэтому реальная власть постепенно ускользает от него и переходит в руки частных лиц, влиятельных семейств и преступных кланов. «С началом XX века парламентаризм, в том числе и английский, — пишет Шпенглер, — скорым шагом приближается к той роли, которую он сам готовил королевской власти... Центр тяжести большой политики, хотя от короны он юридически сместился к народному представительству, перераспределяется с последнего на частные круги и волю отдельных личностей»³. Поскольку участие в политиче-

¹ Ibid. S. 1124.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1933. S. 39.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte.* München, 1963. S. 1080–1081.

ских делах посредством выборов не дает им реальную возможность влиять на решение политических вопросов, происходит рост пассивности граждан, игнорирования ими политики, что, в свою очередь, позволяет прийти к власти нечистоплотным людям, которые используют ее лишь для личного обогащения.

Элитаризм и антидемократизм Шпенглера проявляются в его оценке исторической роли «третьего сословия». Оно мыслилось им как «отрицательное сословие», лишенное внутреннего духовного единства. Эти недостатки проявляются сразу же после прихода буржуазии к власти. В результате резко падает авторитет государства, который так уже и не восстановится до конца исторической жизни «высокой культуры». С победой «третьего сословия» кончается эпоха ее расцвета. Шпенглер, несмотря на такую нелестную характеристику «третьего сословия», оставался идеологом крупной буржуазии и, идеализируя феодальное прошлое, все же делал ставку на крупную буржуазию¹.

Согласно Шпенглеру, демократическое правление не соответствует в полном смысле значению слова «демократия», то есть власти народа. Всеобщие выборы приводят к тому, что масса избирателей оказывается игрушкой в руках партийных верхушек, которые навязывают ей свою волю и мнение, ведут между собой войну невидимыми, не понятными для простой массы методами. Основную роль при этом играет пресса, способная сформировать общественное мнение: «...европейско-американская политика с помощью прессы создала простирающееся на всю Землю силовое поле духовных и денежных напряжений, включенным в которое, да так, что он это не осознает, оказывается всякий отдельный человек, обязанный отныне думать, желать и действовать так, как полагает целесообразным некая личность... пресса и связанные с ней электрослужбы новостей

¹ Губман Б. Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 87.

держат бодрствование целых народов и континентов под отупляющим ураганным огнем фраз, лозунгов, воззрений, сцен, чувств день за днем, год за годом...»¹.

Буржуазия провозгласила основной ценностью свободу общественного мнения, свободу печати и благоговение перед мнением большинства. Но в реальности, отмечает Шпенглер, эти ценности зависят от денег, от того, кто владеет печатным станком и может организовать обработку общественного мнения. Как в эпоху схоластики существовала жесткая церковная цензура, так в эпоху демократии, благодаря прессе, существует тирания инспирированного общественного мнения. Пресса способна влиять на мнение людей, создавать, преобразовывать и подменять истину. Она способна в угоду своим хозяевам формировать любую истину, если на нее есть политический или финансовый заказ. Благодаря возможности действовать долго-временно и постоянно повторять, пресса может внушать любую истину, пока имеются деньги ее финансировать. Она является мощным оружием формирования общественного мнения. Шпенглер подчеркивает зависимость прессы от денег: аргументы прессы опровергаются, как только у контраргументов отыскивается большая денежная сила.

Шпенглер критикует процессы формирования общественного мнения в условиях господства буржуазии. Пресса служит, по его мнению, не для информирования граждан, а для дезориентации и манипуляции ими. Она не распространяет, а формирует «свободное мнение»². В руках своих хозяев она становится инструментом организованной манипуляции массами, так что «демократ старого стиля выступал бы сегодня не за свободу для прессы, а за свободу от прессы»³. Дело доходит до тотального контроля за мышлением, как это изображено в известной антиутопии

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1137.*

² *Ibid. S. 1063.*

³ *Ibid. S. 1140.*

Джорджа Оруэлла. Народ в качестве массы читателей могут вывести на улицу, направить на заданную цель, и по команде прессы он вновь становится спокойным и расходится по домам.

Пресса, по Шпенглеру, создана, чтобы действовать на расстоянии, влиять на сознание людей посредством книг, газет и радио. Шпенглер сравнивает кампанию в прессе с боевыми действиями: «Кампания в прессе возникает как продолжение войны иными средствами, и... война может быть проиграна еще до того, как раздался первый выстрел, потому что ее к этому времени выиграла пресса»¹. Даже необходимость всеобщего школьного образования Шпенглер видел в подготовке граждан к восприятию газетной информации. Ибо тот, кто умеет читать, неизбежно попадает под власть прессы. Поэтому для Шпенглера проблема состояла не в свободе прессы, а в том, в чьих руках она находится.

Средства массовой информации в современном обществе способны вывести людей на улицы, направить их на цель или, наоборот, утихомирить толпу. «Пресса сегодня – это армия, – пишет Шпенглер, – тщательно организованная по родам войск, с журналистами-офицерами и читателями-солдатами. Однако здесь то же, что и во всякой армии: солдат слепо повинуется и цели войны и план операции меняются без его ведома»². Несмотря на формальную свободу слова, СМИ могут замалчивать любую тему, любую «истину», причем это замалчивание зрители, как правило, не замечают.

Критика Шпенглером мнимой буржуазной свободы слова базировалась на убеждении, что за кулисами парламентаризма скрывается диктатура денег, которая постепенно и методически уничтожает все традиционные ценности. Такое негативное отношение к власти богатых мы встречаем и у Платона, по мнению которого стремление

¹ Ibid. S. 1138.

² Ibid. S. 1140.

людей к богатству губит все добродетели и расчищает дорогу для господства преступников. По мнению Шпенглера, эпоха правления буржуазии является не только эпохой разложения старых государственных форм, но и эпохой подготовки цезаризма, сущность которого состоит в политическом господстве выдающихся личностей, которые в борьбе за свои частные интересы не заботятся ни о благе народа, ни об авторитете государства.

Проведя анализ эпохи буржуазии, Шпенглер резюмирует его следующим образом в свойственной ему образной манере: «Западноевропейская цивилизация вступает в свою последнюю фазу, в которой цивилизация получит свою завершающую форму борьбы между деньгами и кровью. Появление цезаризма сломит диктатуру денег и их политического оружия, демократии. Меч победит деньги...»¹.

Цезаризм как политическая форма цивилизации

Цивилизация, по Шпенглеру, наступает тогда, когда люди ценят исключительно материальное, когда жизнь перемещается в «мировой город», когда холодный практический интеллект замещает благородную духовность, когда атеизм вытесняет религию, а деньги становятся универсальной ценностью, лишенной «жизненной связи с плодородием земли, талантом и трудолюбием»². Цивилизация является пострелигиозной, неметафизической эпохой, которая представляет собой «климакс» предшествующей культуры³.

Внешним проявлением цивилизации являются крупные города – мировые столицы, где концентрируется вся политическая и культурная жизнь. В европейской культуре такими столицами являются Рим, Париж, Лондон, Берлин,

¹ Шпенглер О. Деньги и машина. Петроград, 1922. С. 73.

² Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 16.

³ Lantink L. Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 193.

Нью-Йорк. Если раньше местоположение культуры, ее ландшафт и природные условия определяли жизнь людей, то в период цивилизации городские условия делаются некой унифицированной средой, которая почти не зависит от характера окружающих территорий. Мировой город и провинция – вот тот антагонизм, который выдвигается в период цивилизации на передний план.

Исследование политической сферы Шпенглер ведет с точки зрения противостояния культуры и цивилизации, при этом политическое устройство культуры аристократично, а цивилизации – демократично. Культура тесно связана с сословным порядком, а цивилизация – с его разложением. К. Бергманн называет теорию Шпенглера «социально-биологическим пессимизмом роста городов», а ее предшественником считает Вильгельма Рилля¹. Дело в том, что Шпенглер большое значение придавал тому факту, что крестьяне прикреплены к земле и поэтому могут выполнять функцию корней культуры, что является «предпосылкой любой культуры»². В отличие от «бесплодного человека цивилизации», крестьянин несколько идеализируется. Наступление эпохи цивилизации и рост больших городов приводит к тому, что деревня приходит в упадок, в результате чего гибнет в конечном счете и сам город. В городе получает развитие новый тип человека – «интеллектуальный кочевник».

Безусловное господство города над деревней приводит к тому, что люди стремятся поселиться в городах, городское население значительно превышает сельское. Шпенглер так описывает этот процесс: «Вначале там, где цивилизация движется к полному расцвету – т. е. сегодня, – высятся чудо мировой столицы, этот великий каменный символ всего бесформенного, чудовищного, великолепно-

¹ *Bergmann K. Agrarromantik und Großstadtfeindschaft. Meisenheim am Glan, 1970. S. 189.*

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 660.*

го, надменно распространяющегося вдаль. Оно всасывает в себя потоки существования бессильной деревни... Дух и деньги празднуют здесь свою величайшую и последнюю победу»¹. Шпенглер повествует о тяжелых последствиях господства «мировых городов», подавляющих провинцию, учреждающих культ денег и пренебрежение к традициям². Сущность цивилизации Шпенглер вслед за Ницше видит в «переоценке всех ценностей»: «Когда Ницше впервые написал о “переоценке всех ценностей”, он наконец-то дал формулировку для духовного движения этого века, в середине которого мы живем. Переоценка всех ценностей – это внутренний характер *любой* цивилизации. Она начинается с того, что все формулы прежней культуры перетолковывает, начинает понимать совершенно иначе. Она ничего не создает, а только придает другой смысл»³. В период цивилизации, по мнению Шпенглера, начинает цениться голая сила, а идеалы и теории уходят на второй план. Даже старые идеалы свободы и демократии теряют свою привлекательность. Многие люди начинают избегать участия в политике и занимаются только своими частными делами, что позволяет отдельным личностям формировать политику целых государств в соответствии со своими частными семейными интересами. Политики же становятся все более расчетливыми и практичными.

Для анализа политических процессов периода цивилизации Шпенглер использует понятие «цезаризм», которому он дает следующее определение: «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все госу-

¹ Ibid. S. 1101–1102.

² Применительно к «фаустовской» культуре цивилизационная стадия запечатлевается во всеобщей технизации мира, губящей все творческое и живое. Шпенглер винит технику во всех бедах человечества в современную эпоху, поскольку, по его мнению, техника разрушает культуру и порождает человека массы, ненавидящего все «благородное», присущее прошлой истории.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 448.*

дарственно-правовые формулировки, вновь совершенно бесформен по своему внутреннему существу... Дух всех этих форм умер. И потому все учреждения, с какой бы тщательностью ни поддерживались они в правильном состоянии, начиная с этого момента не имеют ни смысла, ни веса. Значима лишь всецело персональная власть...»¹ В истории европейской культуры цезаризм начинается в XX веке: «Чем глубже мы вступаем в эпоху цезаризма фаустовского мира, тем становится яснее, кто нравственно определен стать субъектом, а кто – объектом исторических событий. Печальное шествие улучшателей мира, которое, начиная с Руссо, неуклюже проходит через эти столетия, закончилось, оставив после себя в качестве единственного памятника своего существования горы печатной бумаги. На их место приходят цезари. Большая политика, как искусство возможного, далекое от всех систем и теорий, как умение знающе использовать факты, управлять миром...»²

Для того чтобы увидеть, насколько Шпенглер опирался на Платона в таком понимании цезаризма, вспомним некоторые идеи платоновской философии. Согласно Платону, демократия как анархическая власть массы сменяется тиранией – властью преступников, людей, движимых самыми низменными страстями. Греческий философ подробно описывает обстоятельства господства тиранов. Основная масса населения в своем стремлении к свободе отучается подчиняться властям и государству. Законы перестают соблюдаться. Каждый живет лишь своими частными интересами. Эти последствия демократического правления позволяют наиболее циничным демагогам захватить власть в государстве. Постоянно находясь под властью низменных вожделений, они начинают беззастенчиво грабить и убивать, используя иностранцев в качестве охраны. В результате такой политики тираны не только уничтожают

¹ Ibid. S. 1101.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1933. S. 14.

всех благородных, богатых и образованных граждан, но и само существование государства делают бессмысленным, ибо большинство граждан становятся жертвами произвола и лишаются основ их существования – чести, собственности и жизни. В конце тираны начинают вести кровопролитные войны между собой, что приводит государства к их полному краху.

Как и у Платона, у Шпенглера в политике эпохи цезаризма преобладают семейные интересы правителей. Люди замыкаются в себе, что позволяет тем, кто встал на путь вооруженного насилия, безнаказанно грабить и убивать. Все это означает для Шпенглера не что иное, как конец истории, возврат к внеисторическому бытию, к первобытной природе. Этому состоянию общества Шпенглер дает следующую характеристику: «Человек снова делается растением, прикрепленным к своей полоске... На первый план выходят вневременная деревня, вечный крестьянин, зачинающий детей и бросающий зерно в мать-землю, – прилежное, самодостаточное копошение»¹. Давая такое описание эпохи цезаризма, Шпенглер имел перед глазами эпоху разложения Римской империи. Именно тогда появились в политике такие фигуры, как Юлий Цезарь, которые, опираясь на силу своих войск, вели войны для сбора огромных богатств. На фоне могущества Рима все другие политические образования потеряли свое значение и превратились в огромные провинции, политический порядок в которых поддерживался исключительно грубой силой пребывающих там римских войск.

В эпоху цезаризма на политику все больше начинает влиять городская масса, или так называемое «четвертое сословие». Эта масса состоит из отбросов всех слоев, неудачников и авантюристов, которые не хотят, или не могут, организовать свою жизнь, как все нормальные люди. Они ищут альтернативные формы жизни и готовы пара-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1107.*

зитировать на теле общества. Эта городская масса становится решающей во всякого рода бунтах, грабежах, других преступлениях. Она способна полностью парализовать общественную жизнь. Описание Шпенглером городской массы во многом совпадает с платоновским описанием «трутней», которые паразитируют на теле общества и приводят его в конечном счете к гибели¹. Для Шпенглера масса – это «нечто абсолютно бесформенное, с ненавистью преследующее любого рода форму, все различия в ранге, всякое упорядоченное владение, упорядоченное знание... Масса – это конец, радикальное ничто»². Масса – «кочевники мировых столиц», полностью утратившие свои корни. Она не признает своего прошлого и не обладает будущим. Эта масса путем перманентных революций снижает уровень культуры до этнографического, что означает конец истории «высокой культуры»³.

Для обозначения массы Шпенглер использует различные термины⁴, но роль ее в развитии «высокой культуры» однозначно негативная. Целью массы является разрушение культуры и возвращение общества в хаос внеисторического, биологического существования. Неслучайно приход массы к власти в период цивилизации приводит к окончательному разрушению государственных и культурных форм: «В больших городах... собираются отряды населения, утратившего почву, находящегося вне каких-либо общественных связей. Они не ощущают свою принадлежность ни к какому бы то ни было сословию, ни к какому бы то ни было профессиональному классу; в глубине души

¹ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 383.

² Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1004.

³ Критика Шпенглером современного общества строится главным образом на негативных последствиях политического господства массы.

⁴ «Пролетариат» (не следует смешивать с рабочими, которые относятся, по Шпенглеру, к «профессиональным классам»), «сброд», «подонки», «чернь» (Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1058).

даже к рабочему классу они не принадлежат, хотя оказываются вынужденными работать; по своему инстинкту сюда могут относиться члены всех сословий и классов – стронутые с земли крестьяне, литераторы, разорившиеся деловые люди, но прежде всего – сбившаяся с пути аристократия»¹. Эти слои, чуждые всякой истинной культуре, потрясают культурное здание до основания и объявляют войну всем остаткам культурного общества. Они принципиально отвергают зрелые формы культуры, ненавидят все духовные и культурные ценности.

Это люди с низменной моралью, которые злы на окружающее их общество. Шпенглер пишет: «Из любого общества постоянно падают вниз опустившиеся элементы: использованные семьи, павшие члены высших родов, неудачники, больные духовно и телесно, – они собираются, сидят в пивных, помогают при переездах, участвуют в драках. Они все так или иначе вырожда, люди, у которых в теле отсутствует активная раса, а голова их наполнена требованиями своих прав и мезтью за свою неудачную жизнь; их главной частью тела является рот. Это дрожжи больших городов, собственно плебс, подземелье в любом смысле, которое организуется по принципу умышленного противостояния во всем большому и порядочному миру, объединяясь в ненависти к нему; здесь можно встретить представителей политической и литературной богемы, выродившихся дворян... несостоявшихся ученых, искателей приключений и спекулянтов, преступников и проституток, воров, сумасшедших вперемешку с несколькими грустными мечтателями о каких-нибудь абстрактных идеалах»². Всех их связывает неясное чувство мести, отсутствие чести и долга, а также не знающая преград жажда денег без работы и прав без обязанностей. Шпенглер противопоставляет этим людям качества культурного человека: «В гордости и спо-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1058.*

² *Ibid. S. 66.*

койствии переносимая нищета, молчаливое выполнение обязанностей, отречение для службы задаче или убеждению, величие в несении судьбы, верность, честь, ответственность, деловитость – все это постоянно осуждается как “унижение и оскорбление”»¹.

Благодаря своей мобильности, масса городских низов использовалась финансовыми кругами для давления на правительство, но, заметив свою силу, стала все настойчивее требовать для себя «хлеба и зрелищ». Несмотря на то что буржуазия и масса оказываются во время революции едины в своей борьбе со старыми порядками, «третье сословие» постоянно стремится отмежеваться от «четвертого». Шпенглер пишет: «Буржуазия с неподдельным страхом уклоняется от этой толпы, более всего желая, чтобы ее с ней не путали... однако под напором событий провести границу оказывается невозможно... Толпа эта пробивается в ее ряды и на самую верхушку, в преобладающем большинстве случаев только и решая успех дела и очень часто оказываясь способной утвердиться в достигнутом положении»². Являясь движущей силой всевозможных революций и беспорядков, городская масса способна активно вмешиваться в ход политических событий, и не только во время выборов, но и путем проведения демонстраций и всякого рода провокаций. Правительство, чтобы хоть как-то угодить этой толпе, вынуждено тратить большие средства на бесплатные раздачи и индустрию развлечений. Находимые для этого огромные финансовые средства берутся за счет безжалостной эксплуатации слабых в военном отношении стран. Империализм становится нормой международных отношений.

Если для культуры, по Шпенглеру, характерна интенсивная внутренняя работа духа, то для цивилизации типичной является внешняя экспансивная деятельность, которая в политической сфере проявляется во всевозможных фор-

¹ Ibid. S. 67.

² Ibid. S. 1058.

мах империализма. «Империализм, — пишет Шпенглер, — это чистая цивилизация. В его проявлении лежит неотвратимая судьба Запада. Энергия культурного человека устремлена вовнутрь, энергия цивилизованного — на внешнее. Поэтому в Сесиле Родсе я вижу первого человека новой эпохи... Он являет собой политический стиль дальнейшего западного, германского, особенно немецкого, будущего. Его слова “Расширение — это все” содержат в своей наполеоновской формулировке подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации»¹. Шпенглер восхищается и прославляет не только Сесилия Родса, но и сам дух империализма, жаждущий власти над всем миром².

Предвестниками эпохи цезаризма Шпенглер считал таких политических деятелей, как Ленин, Муссолини, Гитлер. Особенностью политических партий, которые они возглавляли, является то, что задачей партии являлась поддержка своего лидера любыми средствами для захвата власти и дальнейшего использования ее в своих частных интересах. Шпенглер упорно не хотел признавать Гитлера в качестве нового немецкого Цезаря³, ибо представлял его себе как фигуру более величественную, чем Гитлер⁴.

¹ Ibid. S. 51.

² Во взглядах Шпенглера заметны империалистические устремления, а сам он часто выступает в роли защитника немецкого империализма. Так, Первая мировая война была для него борьбой Германии за полное господство в Европе. В результате военных действий на двух фронтах она, казалось, была близка к успеху, особенно на восточном фронте, где был подписан с Советской Россией мир в Брест-Литовске, который Шпенглер расценивал как колонизацию России. Шпенглер всячески оправдывает агрессивные настроения Германии в Европе, считая их законными.

³ Клаус Фишер считает, что Шпенглер был одержим идеей великого лидера, нового Цезаря, которого должна представить миру Германия (*Fischer K. History and prophecy: Oswald Spengler and the decline of the west. Durharn, 1977. P. 224*).

⁴ Шпенглер восхищался итальянским диктатором Бенито Муссолини и видел в нем черты Цезаря. Муссолини, будучи одним из теоретиков фашизма, в свою очередь был знаком с книгой Шпенглера «Годы решения» и способствовал переводу этой книги на итальянский язык.

Перманентная революционная ситуация в Европе будет, по мнению Шпенглера, продолжаться до полной победы цезаризма, когда власть в государствах станет принадлежать частным лицам и их свитам. К. Н. Леонтьев писал в прошлом веке: «Быть просто консерватором в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя верить в его даже приблизительное возрождение»¹. Шпенглер приходит к такому же выводу и решает перейти от ностальгии по забытому почти европейскому абсолютизму к пропаганде тоталитарного цезаризма². В последних своих работах он часто говорит о грядущем правлении сильных личностей – современных ему цезарей, – которые покончат с либеральной демократией. Он изображает тип цезаря как индивидуалистичный, авторитарный, циничный, ориентированный на применение насилия, прежде всего по отношению к своим приверженцам. Особую роль при этом должны сыграть моральные принципы служения, которые Шпенглер связывает с пруссачеством.

Отношение Шпенглера к цезаризму было амбивалентным. Он связывал его наступление с определенными политическими надеждами и в то же время понимал, что речь идет об упадке культуры и возврате к природной борьбе за существование. Детлеф Фелкен пишет: «Шпенглер воспринимал эпоху цезаризма и позднего империализма как трагическое падение... Часто этого не замечают, что объясняется амбивалентным, противоречивым описанием, которое дает Шпенглер цезаризму»³.

Шпенглер соглашается с Платоном в том, что цезаризм вырастает на почве демократии⁴; но, в отличие от гре-

¹ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 179.

² К. Н. Леонтьев также отмечал в свое время, что за эпохой либерализма наступит эпоха «нового рабства» (Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 179).

³ Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 129.

⁴ Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 166.

ческого философа, однозначно осуждающего тиранию, Шпенглер восхищается цезаризмом, который напоминает ему черты идеализируемого им абсолютного государства. Цезаризму, по мнению Шпенглера, свойственна «забота», идея «служения», высокий уровень моральных требований. Однако он неправильно отождествляет так называемый «пруссский стиль» с цезаризмом. Как показывает история Рима, идея служения была свойственна лишь солдатам и генералам римской армии; сами же цезари, как правило, были движимы только своими корыстными целями. Так же было и в Германии, где во время войны отдельные генералы показали высокий моральный дух, чего нельзя сказать о самом Гитлере, который хотел только «жизненного пространства» и ресурсов славянских народов.

А. Н. Мочкин считает, что представление о цезарях Шпенглер заимствовал у Фридриха Ницше: «Тем самым появляется господство немногих, либо одного человека» – диктатура, феномен которой был еще задолго до О. Шпенглера описан Ф. Ницше, только у него он носит название не «одиначки», но «тирана»: «Когда “падают нравы”, начинают всплывать существа, которых называют тиранами... Когда упадок и равным образом усобицы между разного рода тиранами достигают своей вершины, тогда непременно приходит цезарь, тиран, подводящий итоги...»¹.

Таким образом, видно, что цезаризм у Шпенглера соответствует платоновской тирании и является последним государственным устройством, завершающим политический цикл «высокой культуры»². Указывая на позитивные сто-

¹ Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 64.

² В. Л. Цымбурский заметил, что характеристика Шпенглером цезаризма как последнего политического устройства «высокой культуры» не разделяется Арнольдом Тойнби: «Для Шпенглера по ту сторону каждой мировой империи попросту конец “высокой культуры”... Для него “высокая культура” как “судьба”, как жесткий алгоритм заканчивается вместе с Империей, с ее Мировым Городом... Напротив, Тойнби склонен

роны цезаризма, Шпенглер забывает, что цезаризм представляет собой тиранию, то есть худший вид правления, который, по Платону, приводит государство к полнейшему упадку. Будущие цезари у Шпенглера – это выдающиеся личности, которые, опираясь на свои частные армии, борются между собой за власть и богатство. Поскольку старые сословные нравы уже не существуют, то эта борьба ведется без правил, со всей жестокостью и даже дикостью. В этой жестокой борьбе уничтожаются остатки прежней культуры. Тем не менее в цезарях Шпенглеру нравится их сила, их готовность бороться и рисковать, их амбиции и высокий моральный уровень. В восхвалении Шпенглером цезаризма больше заметна его неприязнь к демократии, чем действительные достоинства новой политики; кроме того, свойственный Шпенглеру фатализм не оставляет ему места для другой альтернативы.

Как бы ни восхвалял Шпенглер будущих тиранов, от этого сущность их политического правления не меняется, а состоит она, прежде всего, в единоличном правлении, когда к власти приходят не по наследству или по установленной законом процедуре, а опираясь на вооруженную армию своих рабов. Именно поэтому тиран, как только он достигает власти, начинает беззастенчиво расходовать ресурсы государства на свои личные цели, чем подрывает основы политического правления. Кроме того, обладая неограниченной властью, он методически уничтожает всех честных и добродетельных людей, отдает их и весь народ на растерзание своим преступным приверженцам. Шпенглер отмечает, что чем циничнее эти цезари, чем сильнее они хотят власти ради власти, тем больше у них шансов на успех. Ясно, что, основываясь на таких моральных уста-

в смерти универсального государства... оптимистически усматривать муки рождения дочерней цивилизации» (Цымбурский В. Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et Contra. 2000. № 3. С. 179).

новках, цезари не могут создать ничего позитивного, а только израсходовать, растратить богатства прежней культуры.

Подводя итог шпенглеровскому анализу эпохи цезаризма, следует отметить, что характеристика Шпенглером цезаризма как формы политического правления в целом совпадает с описанием Платоном периода тирании. Как и для Шпенглера, для Платона этот период является завершающим, приводящим к краху государства¹. В отличие от Платона, Шпенглер в целом позитивно относится к цезаризму, который должен сменить ненавистную ему демократию. При этом сам факт конца государственности, к которому ведет цезаризм, не смущает Шпенглера, поскольку общая пессимистическая установка его философии все равно не позволяет ожидать в будущем чего-то хорошего.

Предложенная Шпенглером схема политической эволюции «высоких культур» еще недостаточно проанализирована в отечественной научной литературе, однако именно в ней содержится ядро шпенглеровской политической концепции и тот научный инструментарий, который Шпенглер применяет для анализа не только европейской политики, но и для оценки политической ситуации во всем мире. В последующих главах будут проанализированы идеи Освальда Шпенглера, которые представляют интерес для анализа современной мировой политики.

¹ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 382.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

2.1. Освальд Шпенглер как идеолог «консервативной революции»

Важным отличием консервативных революционеров от либералов и коммунистов было то, что их идеология носила не интернациональный, а национальный, и даже националистический, характер. Под свой национализм они подвели глубокий философский фундамент. Консервативные революционеры выдвигали националистические идеи, поскольку в Германии после поражения в Первой мировой войне вновь остро встал вопрос о создании единого немецкого государства. Не случайно в это время большую популярность приобретают идеи «Третьего рейха». После прихода нацистов к власти часть консервативных революционеров перешла на сторону Гитлера, как, например, Карл Шмит; другие же не только отказались сотрудничать с новой властью, но и подвергли критике национал-социализм. В числе последних был и Освальд Шпенглер¹.

¹ Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер родился 29 мая 1880 года в местечке Бланкенбург. В 1886 семья почтового служащего Бернхарда Шпенглера переезжает в Созтс, а в 1891 – в Галле, где Освальд посещает гимназию. В гимназии Шпенглер, как тогда было принято, изучал древние языки и уже в шестнадцать лет читает Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше. После выпускных экзаменов в 1899 году Шпенглер поступает на факультет математики и естественных наук университета Галле и в 1904 году со второй попытки защищает диссертацию о Гераклите. По настоянию матери, он работает учителем вначале в Саабрюкене, затем в Дюссельдорфе и после соответствующего экзамена получает в 1908 году постоянное место учителя математики в Гамбурге. После смерти матери в 1910 году он получает небольшое наследство, решает полностью посвятить себя литературному труду, для чего переезжает в 1911 году в Мюнхен, где и остается до конца своей жизни, то есть до 7 мая 1936 года.

Одним из идейных вождей консервативной революции был Мёллер ван ден Брук. Он, как и Шпенглер, находился под влиянием философии Фридриха Ницше, и в первый период своей литературной деятельности занимался проблемами искусства. Активно участвуя в работе «Июньского клуба» в Берлине¹, он стал одним из видных теоретиков консервативного направления. Ему принадлежит идея «прусского стиля», которую активно использовал Шпенглер в своей политической философии. А. Н. Мочкин считает Мёллера ван ден Брука и Шпенглера ключевыми фигурами консервативной революции в Веймарской Германии². Для Мёллера была свойственна склонность к мифологизации, идущая от Ницше, которая активно использовалась затем в нацистской пропаганде. Он писал: «Мир становится все мистичнее... Алхимия истиннее химии. Метафизика истиннее физики»³. Мистицизм незаметно для себя Мёллер переносит из сферы искусства и литературы в сферу политической жизни. Как и в случае с другими представителями консервативной революции, мировоззрение Мёллера полно внутренних противоречий. Не найдя выхода из своих внутренних противоречий, Мёллер кончает жизнь самоубийством.

Немецкий исследователь Ханс-Йоахим Швирскотт справедливо использует для характеристики взглядов Мёллера термин «революционный национализм». Мёллер принадлежал к так называемым «младоконсерваторам», чьи консервативные убеждения отличались от традиционного консерватизма XIX века. Это отличие состояло в попытке примирить консерватизм с революцией, что делало их мировоззрение непоследовательным. В отличие от представителей традиционного консерватизма, Меле, как пред-

¹ В этом клубе объединились представители немецкой интеллигенции, придерживающиеся консервативных убеждений.

² Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999. С. 151.

³ Möller van den Bruck A. Theodor Däubler und die Idee des Nordlichtes // Deutsche Rundschau. 1921. № 4. S. 2.

ставитель консерватизма начала XX века, вслед за Ницше считал процессы секуляризации необратимыми. Христианство, по его мнению, «уничтожено раз и навсегда, стало непонятным, превратилось в сказку»¹. Он доказывал несовместимость консервативной революции с христианством, Христа называл «мечтателем» и вообще отрицал все мысли о потустороннем мире. Он предлагал создать новую «религию действительности», которая должна основываться на идее «германства», на новых мифах, и включить в себя протестантизм, полностью исключая католичество. Основной упрек Мёллера к христианству состоит в том, что оно было «антинациональным» и «космополитическим»². Если для представителей традиционного консерватизма христианство было основой их мировоззрения, то для Мёллера и других консервативных революционеров такой основой является национальная идея и само христианство подстраивается под миф о национальной исключительности немцев.

Критикуя либералов и коммунистов³, младоконсерваторы сформулировали основные идеи политического консерватизма XX века. Они объявляли идеологическую войну либерализму, упрекая его в игнорировании естественных фактов социальной жизни, в стремлении насильственно изменить общество для достижения своих абстрактных идеалов, не останавливаясь даже перед нарушением традиций и законов. Мёллер отрицательно относился как к расовому, так и к геополитическому подходу в политической науке.

¹ Möller van den Bruck A. Die Zeitgenossen. Minden, 1906. S. 21.

² Möller van den Bruck A. Die Deutschen: Unsere Menschengeschichte. Minden, 1910. Bd. 4. S. 234.

³ Эта критика ассоциируется с теорией так называемого «третьего пути» для Европы, предложенного некоторыми западногерманскими теоретиками после войны, которые предлагали некий альтернативный путь развития, отличный от либерализма (капиталистическая Америка) и коммунизма (социалистическая Россия). Этой теории придерживался, например, Осип Флехтгейм (*Flechtheim O. K. Eine Welt oder keine. Frankfurt am Main, 1954. S. 90–100*).

В своей книге «Третий рейх» (1922) Мёллер выделяет «консервативный» тип человека¹, особенностью которого является отсутствие веры в прогресс, опора на легитимность² и традиции³. По мнению Мёллера, консерватизм отличается как от либеральной, так и от революционной идеологии, основывающихся на утопизме и игнорирующих ценность традиций. Среди политических пристрастий младоконсерваторов следует отметить неприятие демократии и приверженность монархии⁴, хотя многие из них понимали невозможность ее реставрации. По мнению Мёллера, революция в Германии способствовала возрождению консерватизма. В полемике с революционерами младоконсерваторы утверждали, что история не может начинаться с нуля, а должна основываться на предыдущем опыте и традиции. Мёллер считает, что консерватизм всегда связан с пессимизмом, с неверием в возможность достичь счастья на земле. Консерватор не верит в природную доброту людей, не верит в бесконечный прогресс, а исходит из признания слабости человеческой природы и неотвратимости исторической судьбы⁵.

Интерес к России был характерен для многих консервативных революционеров. Мёллер ван ден Брук был одним из первых, кто обратил внимание на политические работы Федора Достоевского, «Дневник писателя» которого был переведен на немецкий язык. С определенной натяжкой, консервативных революционеров можно назвать «русской партией» в Германии, поскольку для многих из них было характерно восхищение русской культурой. Отдавая дань

¹ Moehler van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. S. 188.

² Особое место легитимности уделял в своих работах Карл Шмитт, которого тогда называли «придворным юристом Третьего рейха» (Hofmann H. Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts. Berlin, 1964. S. 8).

³ См.: Schwierskott. H.-J. Arthur Moehler van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 94.

⁴ Ibid. S. 91.

⁵ Ibid. S. 94.

уважения произведениям русской культуры, они, однако, считали Россию варварской страной, отсталой в политическом смысле, не имеющей традиции демократической культуры. Это двойственное отношение к России и к ее культуре характерно и для Шпенглера. Мёллер считал русских, как и немцев, «молодыми» народами, которым принадлежит будущее. По отношению к России позиция консервативных революционеров существенно отличалась от нацистской, которая видела в русских только низшую расу, подлежащую порабощению. Таким образом, у Мёллера ван ден Брука мы находим целый спектр политических идей и оценок, которые вошли в политическое мировоззрение Шпенглера. Речь идет, прежде всего, об общей консервативной установке, о критике либерализма, учении о «молодых» народах, о восхищении перед российской духовной культурой.

Роль Шпенглера как одного из ведущих представителей консервативных революционеров особенно заметна, если рассмотреть его работу «Пруссачество и социализм» (1920), которая не только находится полностью в русле идей консервативных революционеров, но и сама является важным теоретическим вкладом в развитие этого направления в послереволюционной Германии. Шпенглер указывает, что именно эта его работа является основополагающей для всей его политической философии, которая сформировалась под впечатлением событий развернувшейся на его глазах революции 1918 года. По мнению Шпенглера, именно «с этой книги берет свое начало национальное движение»¹.

Шпенглер считал себя одним из основателей немецкого национального движения. Сочувствуя во время Первой мировой войны империалистическим планам германского правительства, Шпенглер надеялся на благополучный исход войны. Однако капитуляция Германии и революция полностью похоронили его надежды. А. Н. Мочкин пишет:

¹ *Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. VII.*

«Выход в свет в 1919 году работы О. Шпенглера “Пруссачество и социализм” явился весьма значительным событием. Впервые немецкая неоконсервативная “философия жизни”, восходящая к бравирующим своей аполитичностью А. Шопенгауэру и Ф. Ницше¹, заявила о себе как своего рода не только онтолого-метафизическое, но, главным образом, политическое направление»².

Основной идеей работы «Пруссачество и социализм» явилось для Шпенглера противопоставление немецкого и английского варианта империализма³. Эта идея является сквозной для всех консервативных революционеров, которые видели Первую мировую войну, прежде всего, как борьбу Англии и Германии за мировое господство. После победы на Францией Германия фактически становится гегемоном на европейском континенте, однако огромное влияние Англии в колониальных странах явилось препятствием для все более расширяющихся империалистических планов Германии. Консервативные революционеры выступают за признание Германии как мировой державы. Этому высокому статусу не соответствовали те унижительные условия, которые были сформулированы в Версальском мирном договоре. Необходимо отметить тот факт, что эта точка зрения нашла широкий отклик во всех слоях тогдашнего общества Германии и породила целый спектр политических движений, выступавших под националистическими лозунгами.

¹ Этой же точки зрения придерживается и Ю. Н. Давыдов, который пишет: «Немецкий философ Освальд Шпенглер (1880–1936) является наиболее крупным в XX столетии представителем философии жизни» (Давыдов Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики (О. Шпенглер) // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1983. С. 12).

² Мочкин А. Н. «Кровь и почва» прусского социализма О. Шпенглера // Философские науки. 1995. № 5–6. С. 253.

³ Эта идея была в то время популярна. О ней писал, например, Вернер Зомбарт, когда противопоставлял тип героя и тип торговца (Sombart W. Händler und Helden: Patriotische Besinnungen. München, 1915. S. 63, 143).

То, что Германия после поражения в войне стала либерально-демократической страной, является, по мнению консервативных революционеров, результатом интриг Англии. Сами англичане привыкли к яду либерализма, так как не воспринимают его всерьез; в Германии же в эти идеалы верят вполне, поэтому они так опасны. Либерализм является исключительно английской формой, которая пагубна не только для немцев, но и для всех других народов. Мёллер называл либерализм «моральным недугом народа». Леонид Люкс отмечает: «Что касается консервативных революционеров, то их отношение к собственному государству было непримиримым. Заимствованный у Запада либерализм был объявлен врагом немцев – да и для всего человечества»¹. Альтернативой либеральному, по мнению консервативных революционеров, является общество, облагороженное военным энтузиазмом, какое было в 1914 году, когда немцы, охваченные единым благородным порывом, забыли все свои раздоры. Только обращение к военным доблестям, так свойственное немцам, по мнению консервативных революционеров, способно привести общество в порядок. Эрнст Юнгер считал, что «немец в гражданской одежде выглядит смехотворно. Существует только одна масса, которая не вызывает смех – это армия»².

Особенность островного существования Англии привела, по мнению Шпенглера, к тому, что буржуазия здесь относительно рано пришла к власти, унаследовав сложившиеся традиционные государственные формы. В Англии буржуазия заимствовала аристократические формы правления и впервые использовала современные формы политической борьбы, – такие как подкуп государственных чиновников, организация с помощью денег выборов, проведение массовых кампаний в прессе. Шпенглер подчерки-

¹ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 61.

² Jünger E. Der Arbeiter: Herrschaft und Gestalt. Stuttgart, 1982. S. 15.

вает уникальность английского парламентаризма как истинно демократической формы правления: «Только в Англии... фронда в открытой борьбе разоружила не только государство, но и – в силу внутреннего превосходства – третье сословие, а потому достигла единственного в своем роде демократического пребывания “в форме”, которое не было спроектировано или скопировано, но вызрело, является выражением древней расы и непрерывного и надежного такта»¹.

С точки зрения немецких националистов, Англия является источником зла – либерализма, торгашества и хитрости. Немцы предлагают вести открытую борьбу на поле боя и поэтому представляют себя героями. Англичане пытаются достичь свои цели окольными путями – с помощью денег и тайной политики. Здесь невольно вспоминается учение Вильфредо Парето о так называемых «львах» и «лисах» как двух типах политических элит. Шпенглер развил эту мысль через противопоставление таких широко распространенных понятий, как капитализм и социализм, причем капитализм ассоциировался у него с Англией, а социализм, понимаемый им как прусский идеал власти², – с Германией.

Пытаясь взглянуть на понятия капитализма и социализма по-новому, Шпенглер утверждает, что эти два вида современного империализма уходят своими корнями глубоко в саму идею собственности³, которая лежит в основа-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1064.*

² Для такой трактовки социализма Шпенглер вводит понятие «прусского социализма».

³ Шпенглер пишет: «Любой высокой культуре принадлежит... собственность в ее первоначальном смысле как старое длительное владение, унаследованное от отцов или выросшее в процессе десятилетий напряженного и самоотверженного труда, за которым следят и которое увеличивают ради сыновей и внуков. Богатство является не только предпосылкой, но и, прежде всего, следствием и выражением превосходства... Владение – это не обуза, а дар, к которому способны немногие. Он является результатом длительной тренировки из поколения в поколение...» (*Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 70*).

нии любой политики. Собственность, владение может выступать в качестве власти или в качестве добычи. Шпенглер пишет: «Из ощущения власти происходят завоевания, политика и право; из ощущения добычи – торговля, экономика и деньги. Право – собственность имеющего власть... Деньги – сильнейшее оружие приобретателя. С его помощью он покоряет мир. Экономике желательно государство, которое было бы слабым и служило бы ей; политика требует включения экономической жизни в сферу власти государства: Адам Смит и Фридрих Лист, капитализм и социализм. В начале всех культур имеется военная и купеческая знать, далее – земельная и денежная знать, и в результате – военное и экономическое ведение войны и непрерывная борьба денег с правом»¹. Таким образом, Шпенглер увязывает с понятием собственности многие категории политики. Он указывает на единство политики и экономики, понимая их как две стороны одной медали.

Исторические истоки капитализма и социализма Шпенглер видит соответственно у викингов и у рыцарских орденов. От последних идет так называемый «пруссский стиль», который означает уважение к рангу, восприятие жизни как службы, стремление к самовыражению в своем труде, подчинение личной воли общим обязанностям². Этому стилю противостоит идущее от викингов английское стремление к успеху, богатству, конкурентная борьба за свои личные интересы, индивидуальная свобода и инициатива. В силу этого англичанам ближе демократические ценности, а немцам – ценности социального государства и подчинение интересов личности интересам государства.

Как и другие консервативные революционеры, Шпенглер не призывал к реставрации старых порядков, а предлагал так изменить государственное устройство Германии, чтобы она способна была бороться за мировое господство. Он стремится занять срединную позицию между консерва-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 986.*

² *Spengler O. Preussentum und Sozialismus. München, 1920. S. 31.*

торами и радикалами, считая первых представителями ушедшего с исторической арены дворянства, а последних – представителями грядущей диктатуры низших слоев. Пруссия выступает для Шпенглера как прообраз будущего государственного устройства, прежде всего, потому, что для него «государство будущего – это чиновничье государство»¹. «Пруссия, – пишет Шпенглер, – была настоящим государством в самом глубоком смысле этого слова. Тут, строго говоря, вовсе не существовало частных лиц. Каждый, живший в этом организме, функционировавшем с точностью хорошей машины, принадлежал к нему как его член. Управление было службой, а ответственный политик был чиновником, слугой целого»². Государственное устройство Пруссии является для Шпенглера идеалом социалистического общественного устройства.

По мнению Шпенглера, для этического понимания социализма свойственно от имени всех насаждать свое мнение, а «все реформаторы мира суть социалисты»³. Социализм является тем «последним мировоззрением», которое зиждется на социальной критике и является выражением нигилизма – «жизненной формой», соответствующей упадку культуры⁴. В европейской культуре социалисты, по мнению Шпенглера, руководствуются принципом «Ты должен». Аналогичным европейскому социализму является греческий *стоицизм*, а в индийской культуре ему соответствует *буддизм*.

Идеи этического социализма появились в середине XIX века и получили наибольшее развитие в рамках философии неокантианства, особенно представителей марбург-

¹ Ibid. S. 90.

² Ibid. S. 60.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 435.*

⁴ Людвиг Энглерт пишет: «Социализм, согласно Шпенглеру, – состояние души постепенно умирающей культуры, то есть состояние апатии» (*Englert L. Eduard Spranger und Spengler O. // Spengler-Studien. München, 1965. S. 40.*)

ской школы. Основной чертой этого идейного течения является социальный критицизм. Этические социалисты пытались сделать в обществе то, что в свое время сделал И. Кант в области мысли, разрабатывая свою критическую философию. Первые социалисты и революционеры выступили критиками вековых общественных устоев и традиций – монархии, аристократии, религии. Они попытались переустроить существующее общество в соответствии с новыми принципами и ценностями.

Неокантианцы стремились доказать, что идеи социализма присущи всем людям, независимо от их классового положения. Поэтому нужна не революция, а нравственная эволюция. Основоположником этического социализма представители неокантианства считали И. Канта и полагали, что Карл Маркс в первоначальный период своего творчества также высказывал идеи этического социализма. В своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс, по их мнению, выступает с позиций гуманиста и мечтает осуществить социалистический идеал путем снятия отчуждения человека в сфере сознания и этики. И. Т. Фролов отмечает: «Неокантианцы выдвинули положение о том, что марксизм – якобы чисто этическое учение. Неокантианская трактовка марксизма была воспринята рядом деятелей германской социал-демократии и положила начало так называемому “этическому социализму” правых социал-демократов в Австрии, а затем ФРГ»¹. По Шпенглеру, этическое понимание социализма больше соответствует истине, чем марксистское экономическое понимание. Для этического социализма характерно чувство заботы о потомках, стремление к переоценке, к осознанию новых ценностей, к реформированию общества. Социалистами в этом случае должны считаться все, кто выступает за реформы общества, за социальное переустройство.

Так же как англичане придумали либерализм, французы – демократию, немцы, по мнению Шпенглера, являются

¹ Фролов И. Т., Белкина Г. Л. Марксизм и гуманизм. М., 1984. С. 6.

создателями «истинного социализма»¹. В основе его лежит так называемый «пруссский инстинкт». «Немецкий, точнее прусский, инстинкт таков: власть принадлежит целому, — пишет Шпенглер. — Отдельное лицо служит ему. Целое суверенно. Всякий занимает свое место. Ему приказывают, и он подчиняется. Таков с XVIII века авторитарный социализм, нелиберальный, антидемократический по своей сущности, поскольку речь идет об английском либерализме и французской демократии»². Шпенглер понимает социализм как «систему воли к власти», имеющую империалистическую цель — «свободу действия вопреки сопротивлению собственности, рождения и традиции»³.

Считая Англию родиной рабочего движения, Шпенглер полагал, что в Англии господствует тип торговца, который мыслит деньгами. Этот тип развился в двух направлениях. С одной стороны, это биржевые спекулянты, которые, основываясь на фиктивном капитале, стараются подчинить себе предприятия; с другой стороны, рабочие, которые через свои профсоюзные организации и партии оказывают на руководство предприятий давление снизу, главным образом через требование повышения зарплаты.

Таким образом, как рыночный капитализм, так и рабочий социализм являются для Шпенглера двумя сторонами одной и той же английской модели, которая стремится подчинить себе и разрушить европейскую промышленность⁴. Только немцы, со своими расовыми качествами и «пруссским инстинктом», способны противостоять английскому либерализму и французской демократии, которая является не чем иным, как легализованной анархией,

¹ А. Н. Мочкин говорит о сходстве «пруссского социализма» Шпенглера с «товарищеским социализмом» А. А. Богданова (Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 92).

² *Spengler O. Preussentum und Sozialismus. München, 1920. S. 15.*

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 476.*

⁴ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 101.*

«Прусским стилем»¹, означающим для Шпенглера служение своему государственному долгу, доходящему до самопожертвования.

Шпенглер высказывается за тотальное вмешательство государства в экономику² и превращение всех рабочих в государственных служащих. Немецкий исследователь Отто Кёллерройттер отмечает: «Цель практической политики в Германии, по Шпенглеру, состоит в установлении “авторитарного социализма”... Подчинение промышленности и включение ее в государство, борьба против плутократической демократии и ее парламентаризма»³. А. Н. Мочкин также называет социализм Шпенглера «авторитарным»: «По сути дела, в самом социализме, как его препарировал О. Шпенглер, скрывается, по мнению философа, все та же “фаустовская душа”, ее стремление к росту, расширению, постоянному движению во вне себя, – это “авторитарный социализм”»⁴.

Фактически Шпенглер говорит о национальном социализме, о социализме немецкой нации, поскольку, по его мнению, только немцы являются истинными социалистами: «Нужно освободить немецкий социализм от Маркса... Мы, немцы, – социалисты, и были бы ими даже в том случае, если бы о социализме никогда ничего не говорилось. Другие народы не могут быть социалистами»⁵. Свою критику марксизма Шпенглер строит на оценке его как английской теории: «Итак, Маркс мыслит по-английски. Его система двух классов выведена из уклада жизни народа

¹ Этот стиль, по мнению Шпенглера, становится самым востребованным в современную эпоху мировых войн и локальных катаклизмов, поскольку он основан на воинских доблестях, на понятиях чести и верности, на морали самоотречения для служения общему делу.

² Благодаря прусскому духу, капитализм в Германии, по мнению Шпенглера, развивается по социалистическому пути.

³ Koellreutter O. Die Staatslehre Oswald Spenglers. Jena, 1924. S. 21.

⁴ Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма М., 1999. С. 144.

⁵ Шпенглер О. Пессимизм ли это? М., 1922. С. 91.

купцов, который принес в жертву свое сельское хозяйство торговле и никогда не обладал государственным чиновничеством с ярко выраженным – прусским – сословным сознанием. Здесь существуют только “буржуа” и “пролетарий”, субъект и объект предприятия, грабитель и ограбленный, совершенно в духе викингов»¹.

Значение книги Шпенглера «Пруссачество и социализм» состояло не только в своеобразных теоретических выкладках, но и в подъеме национального духа немцев, подорванного поражением в Первой мировой войне. «Популярность книги Шпенглера объяснялась ее оптимистическим духом, – отмечает А. И. Патрушев. – В обескровленной, поверженной Германии она пробуждала чувство национальной гордости. Коль скоро революция с целью достижения прусского социализма не закончена, утверждал автор, то для Германии не закрыт путь в будущее, к рангу мировой державы»². Таким образом, Шпенглер выступил не только как один из крупных теоретиков консервативной революции, но и повлиял через свои работы на политические настроения Веймарской Германии, подготовил почву для прихода к власти национал-социализма.

Шпенглер пытался создать центр консервативных изданий в Германии, для чего он использовал свои связи с крупными промышленниками. Йоахим Петцольд так описывает эти усилия Шпенглера в 20-е годы: «Особенно большое значение придавал Шпенглер вопросу координации политической пропаганды и влиянию на газеты. Его целью было создание большого концерна средств массовой информации по подобию американского концерна “Херст”. Чтобы продвинуть этот проект, он призывал знакомых ему руководителей промышленности поддержать важные газеты и связанное с ними бюро прессы под руководст-

¹ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 114.

² Патрушев А.И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880-1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 138.

вом баварского руководителя Штальхельма – майора Вэннингера».

В одном из своих писем Шпенглер писал: «Ситуация в прессе не выходит у меня из головы. Несмотря на другие заботы, сегодня не существует более важной проблемы»². Он составляет секретные планы тайного центра консервативной прессы, согласно которым путем создания «колец» должна координироваться работа отдельных редакций. При этом Шпенглер надеялся, что его поддержат крупные промышленники. Однако этим планам Шпенглера не суждено было осуществиться из-за отсутствия необходимых средств. Пауль Хозер, подробно проанализировавший деятельность Шпенглера по организации бюро, пишет: «Начиная с 1924 года, роль Шпенглера ограничивается собственной публицистической деятельностью... Его гигантские планы полностью провалились. То, что идея центрального руководства и наблюдения (за прессой. – В. А.) была фантастической мелкобуржуазной мечтой, поняли и все остальные, кто имел планы, подобные планам Шпенглера»³.

Успех «Заката Европы» сделал культурно-цивилизационный подход популярным, несмотря на определенное сопротивление академической среды. Особое неприятие в академических кругах вызывала философия политики Шпенглера, которая в силу распространившегося мнения часто ассоциируется с нацистской. Насколько справедливо отождествление шпенглеровской философии с идеологией фашизма? Хотя Шпенглер отверг сотрудничество с нацистским режимом, остается вопрос: в какой мере его можно назвать идеологическим предшественником национал-социализма? Как пишет Йоханн фон Леерс: «Отрицание

¹ *Petzold J.* Das politische Programm Oswald Spenglers im System der imperialistischen Ideologie // *Jahrbuch der Geschichte*. Berlin. 1971. Bd. 5. S. 192.

² Цит. по: *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 140.

³ *Hoser P.* Ein Philosoph im Irrgarten der Politik: Oswald Spenglers Pläne für eine geheime Lenkung der nationalen Presse // *Vierteljahrsheft für Zeitgeschichte*. 1990. № 3. S. 455.

и борьба с Веймарской республикой только внешне объединяли его (Шпенглера. — В. А.) с национал-социализмом»¹. Можно считать Шпенглера одним из идеологов национально-ориентированного движения в Германии, но полностью отождествлять его с нацизмом было бы несправедливо, поскольку он не только отказался сотрудничать с новой властью, но и публично критиковал нацистский режим.

Это стало ясно после выхода в свет работы Шпенглера «Годы решения»², появившейся после прихода национал-социалистов к власти в 1933 году. Книга разошлась огромными тиражами³. Шпенглер критически отзывался здесь о новой власти, но большая популярность Шпенглера не позволяла нацистам сразу подвергнуть его преследованиям. Геббельс вначале надеялся использовать Шпенглера в своих целях, ибо общие антилиберальные идеи сближали его с национал-социалистами; но когда Шпенглер отказался сотрудничать с режимом, имя его предают анафеме, а наследие начинает всячески третироваться.

Шпенглер критикует захват власти нацистами: «События 1933 года были насилием и останутся таковыми в глазах будущих поколений... Они не были победой, поскольку не было соперника... Горе тем, кто путает объявление мобилизации с победой!»⁴ Национал-социалисты отмечали свой приход к власти как победу Германии, но, исходя из анализа внешнеполитической ситуации, Шпенглер склонен был пессимистически оценивать положение, и поэтому успех национал-социалистов казался ему недостаточным поводом для оптимизма: «Национал-социалисты надеют-

¹ *Leers J. Spenglers weltpolitisches System und der Nationalsozialismus.* Berlin, 1934. S. 5.

² Первоначально название книги было «Германия в опасности» (*Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1933. S. XI).

³ К ноябрю 1934 года тираж составил сто тысяч экземпляров.

⁴ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1933. S. VIII.

ся все сделать сами и вопреки всем строят воздушные замки»¹.

Важным недостатком национал-социализма Шпенглер считал его ориентацию на массы, его преклонение перед рабочими и стремление вести активную агитацию. Все это претило Шпенглеру-консерватору, для которого заигрывание с массами, борьба за парламентские места означали такую ненавистную ему «мировую революцию». В фашизме Шпенглер ценил лишь то, что он нашел новые методы борьбы с коммунизмом². Во время Веймарской республики Шпенглер в рядах консервативных революционеров выступал как против коммунистов, так и против либералов, и был в одном лагере с нацистами, но после прихода Гитлера к власти его позиция меняется.

Шпенглер всегда относился с настороженностью и иронией к национал-социалистам³, позицию которых он оценивал как упрощенчество и профанацию важных для него идей, а самого Гитлера считал недостойным роли первого лица в Германии. «Шпенглер считал Гитлера, – пишет Джон Фарренкофф, – демонической движущей силой нацистского движения, плебейской фигурой, неспособной руководить Германией... В работе “Годы решения” Шпенглер критикует мысль о необходимости нападения на Советский Союз. Операция “Барбаросса” оказалась самым роковым решением Гитлера во время второй мировой войны. Кроме того, Шпенглер сомневался в необходимости для Германии “жизненного пространства” перед лицом

¹ Ibid. S. IX.

² Ibid. S. 134.

³ К. А. Свасьян перечисляет следующие эпитеты, которые использовал Шпенглер для характеристики национал-социалистов: «бездарные, неотесанные, грубые, болтливые, неполноценные, суеверные, продажные, нечистоплотные, черномазые, профессиональные преступники, психопаты, идиоты, партийная шайка, не немцы, душевнобольные, доносчики, воры, убийцы, лежебоки, извращенцы, пьянчуги, тупорылые калеки» (Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 113).

очевидной необратимой стагнации и сокращения населения. Основные столпы гитлеровской идеологической программы – уничтожение европейского еврейства и захват Советского Союза – противоречили пониманию Шпенглера, который выступал за усиление стратегического положения Германии за счет элитарных и консервативных сил, а не за счет популизма»¹.

Шпенглер, однако, до определенного времени надеялся, что фашизм может трансформироваться из партии в свиту нового немецкого лидера; но массовые акции национал-социалистов и преследование ими отдельных консервативно настроенных представителей интеллигенции ясно показывали, что это движение не способно сыграть консолидирующую роль. Шпенглер оценивает фашизм как промежуточное явление, связанное с переходом от демократии к цезаризму, которое развилось в городской среде, как массовая партия с шумной агитацией².

После прихода фашистского режима к власти, Шпенглер нашел в себе достаточно мужества, чтобы ясно выразить свое несогласие с позицией национал-социалистов. Так, например, он упрекает представителей нового режима в том, что для них власть является самоцелью. Раз достигнув власти, они хотят закрепить свое положение любыми средствами, игнорируя потребности народа, ход его исторических судеб. А. И. Патрушев так комментирует отношения Шпенглера с новым режимом: «Шпенглер не был принципиальным противником национал-социализма, т. е. считать его антифашистом было бы явным преувеличением. На выборах в Рейхстаг 31 июля 1932 г. и 5 марта 1933 г. он голосовал за НСДАП. И на президентских выборах в марте 1932 г. Шпенглер отдал свой голос за кандида-

¹ *Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskuns // Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. Köln, 1994. S. 69.

² *Spengler O.* Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 134.

туру Гитлера... Но его удручало отсутствие подлинного вождя, ясной политической концепции и примитивность лозунгов национал-социалистов, с которыми его связывала только враждебность к республике. Поэтому первые законы “карнавального министерства”, как он называл правительство Гитлера, направленные на свертывание демократических реформ и ликвидацию конституционно-парламентарной системы, не вызывали у него протест... Если многих видных интеллектуалов охватила в те дни национал-социалистическая эйфория и они наперебой приветствовали возрождение новой Германии, то Шпенглер ни разу не высказывался публично в поддержку нового режима».

С. С. Аверинцев полагает, что проблемы в отношениях Шпенглера с нацистами начались после выхода в свет его работы «Годы решения»: «Шпенглер сближается с правыми деятелями типа Р. Шлубаха, председателя “Общества патриотов”. Накануне краха Веймарской республики позиция философа представляется, в общем, пронацистской (хотя “расовую теорию” и антисемитизм Шпенглер всегда зло высмеивал)... Все же 1933 год привел Шпенглера к острому конфликту с победившим гитлеризмом. Последняя из публицистических книг Шпенглера “Годы решения: Германия в рамках всемирно исторического развития” была написана при Веймарской республике, но печаталась уже после гитлеровского переворота... В тексте самой книги неоднократно повторяются насмешки над “расовой теорией” и над “тевтонскими” мечтаниями нацистской молодежи, хотя само слово “национал-социализм” и имена его вождей старательно избегаются. Через три месяца вышло распоряжение об изъятии книги и о запрещении упоминать имя Шпенглера в печати... К 1935 году этот бойкот приобретает официальный и всеобщий характер»².

¹ Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 139.

² Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 136–137.

Можно выделить следующие важные моменты, отличающие философию политики Шпенглера от идеологии национал-социализма: культурный пессимизм, отсутствие принципа «народности», небиологическое понимание расы. Особую неприязнь у Шпенглера вызывал расизм национал-социалистов¹. Кроме теоретических разногласий имела место и личная неприязнь между Шпенглером и Гитлером. Ю. К. Мельвиль так описывает их отношения: «Шпенглер питал личную антипатию к Гитлеру, он не считал его пригодным для роли Цезаря. Накануне прихода Гитлера к власти он писал, что германскому народу нужен “герой”, а не “героический тенор”, прямо намекая на Гитлера. Неудивительно, что когда позже Шпенглер послал свою книгу “фюреру”, тот отказался ее принять. Книги Шпенглера вскоре были изъяты из продажи, и имя его было запрещено упоминать в печати»².

Гитлер критиковал Шпенглера за консерватизм и недооценку расового вопроса. Он говорил: «Я не последователь Освальда Шпенглера! Я не верю в закат Европы»³. На что Шпенглер отвечал, что «“Закат Европы” – это книга, прочитанная фюрером в объеме всего титульного листа»⁴. Последствия таких отношений не заставили себя долго ждать и обернулись преследованием Шпенглера и запретом его произведений. А. И. Патрушев так описывает преследования Шпенглера идеологами фашизма: «Атаку начал главный нацистский философ, профессор А. Боймлер... В официальной газете он заявил, что Шпенглер настолько “наглый и бесстыдный” автор, что ни разу не упомянул в кни-

¹ Fischer K. History and prophecy: Oswald Spengler and the decline of the west. Durham, 1977. P. 75.

² Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 457.

³ Цит. по: Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. Т. 1. С. 112.

⁴ Kocktanek A. Oswald Spengler in seiner Zeit, München 1968. S. 458.

ге “ни имя Гитлера, ни слово национал-социализм”. В ноябре того же года Боймлер, выступая с докладом в берлинской Высшей школе политики, вновь обрушился на Шпенглера, назвав его “врагом рабочего и вообще всякого национал-социалистически мыслящего немца”, пропагандистом “фаталистической рабской морали”. В хор обвинителей включились писатель А. Цвайнигер и экономист К. Мукс, приписавшие Шпенглеру критиканство, некомпетентность и безответственность суждений¹.

Однако, несмотря на преследования, Шпенглера сближала с национал-социалистами его трактовка социализма, которую он дает работе «Пруссачество и социализм». Под многими теоретическими положениями этой работы могли бы подписаться представители национал-социализма. Понимание Шпенглером социализма отличается от марксистского. Социализм для него не социально-экономическая формация, а мировоззрение, которое получает широкое распространение в конце развития любой культуры. Для характеристики социализма Шпенглер использует понятие «этический социализм», т. е. морально-этическое учение о необходимости изменения общественного устройства. Этой моральной установке соответствует бюрократическая государственная машина, образец которой Шпенглер видел в прусском государстве.

Кроме общего понимания социализма, существовали и другие моменты, объединяющие концепцию Шпенглера с нацистской идеологией. Джон Фарренкопф указывает с этой связи на общую ненависть к Версальскому мирному договору, на нападки на политический режим Веймарской республики, восхваление войны². Детлеф Фелкен общим моментом для Гитлера и Шпенглера считает необходи-

¹ Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 141.

² Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz. Köln, 1994. S. 69.

мость стремления Германии к статусу мировой державы путем применения насилия¹.

Таким образом, видно, что отношение Шпенглера к национал-социализму было амбивалентным. Шпенглер по отношению к близким ему национальным идеям был максималистом, и поэтому, когда под национальными лозунгами к власти пришли национал-социалисты, он ясно увидел в них ненавистных ему представителей низших городских слоев, далеких от подлинной культуры. Как высокоинтеллигентному человеку, очень тонко чувствующему все культурно возвышенное, как утонченному эстету и в душе аристократу, ему трудно было свыкнуться с простыми хамоватыми манерами нацистов, а главное – с их ненавистью к культуре. Не нравилась ему и фигура нового фюрера, который представлялся Шпенглеру слишком комичным для роли немецкого цезаря. Все это и привело, в конечном счете, к разрыву с верхушкой НСДАП, к уходу от реальной политики, а возможно, послужило причиной преждевременной смерти Освальда Шпенглера.

2.2. Понимание либерализма и консерватизма

Шпенглер дает свое понимание понятий либерального и консервативного, выступая с критикой либерализма и обосновывая историческую актуальность консервативной политики. Общество в любой «высокой культуре», по мнению Шпенглера, при переходе к цивилизации начинает делиться на две части. Одни стремятся разрушить выработанные веками культурные формы, другие – сохранить их. Так появляются два лагеря: либеральный и консервативный, которые ведут между собой непримиримую борьбу. «Необходимо вновь и вновь констатировать, – пишет Шпенглер, – что общество, в котором сейчас происходит переход от культуры к цивилизации является больным

¹ *Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 229.*

в своих инстинктах и поэтому и в своем духе. Оно не защищает себя. Оно смакует издевательство над собой и свое разложение. Начиная с середины XVIII века оно распадается на два лагеря: либеральный и, противостоящий ему, неуверенно защищающийся, консервативный»¹.

В консервативный лагерь входят, по Шпенглеру, небольшое количество людей, которые на основе уверенного инстинкта правильно видят политическую действительность, пытаются предотвратить падение. Представителями этого лагеря являются Берк, Питт, Веллингтон, Дизраэли – в Англии; Меттерних, Гегель и Бисмарк – в Германии; Токвиль во Франции². «Они пытались защитить, – пишет Шпенглер, – силы старой культуры: государство, монархию, армию, сословное сознание, собственность, крестьянство. Это вызвало возражения, и они были заклеены как “реакционеры” – слово, которое придумали либералы»³.

Консерваторам противостоят либералы, которым Шпенглер дает такую характеристику: «В либеральный лагерь входят все, кто имеет городскую интеллигентность или, по крайней мере, восхищается ею... Здесь журнализм превозносится до господствующего выражения времени. Это критический разум XVIII века, разбавленный и упрощенный для потребления духовными посредственностями. Нельзя забывать, что греческое слово *ktinein* означает “рвать”, “разбирать”, “разлагать”. Драма, лирика, философия, даже естественные науки и историография становятся статьями и фельетонами, с явной тенденцией против всего, что консервативно... Партии становятся либеральной заменой сословий и государства. Революция в форме периодической массовой предвыборной борьбы всеми средствами денег и “духа”, даже насилие... становятся конституционными. Управление как смысл и задача государственного

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 84–85.*

² *Ibid. S. 84–85.*

³ *Ibid. S. 84–85.*

существования подвергается нападкам, над ним издеваются и опускают до уровня партийных сделок»¹.

Истоки либерализма Шпенглер видит в стремлении к свободе, которое является признаком разложения органически сложившегося общества. Эту идею Шпенглер, вероятно, воспринял у Платона, который считал, что стремление к свободе является основным признаком демократического правления. Оно способствует утрате привычки подчиняться властям и падению авторитета государства. В результате расчищается почва для тиранического правления. Как говорит Платон, люди, отказавшись подчиняться законным правителям, попадают под власть преступников². Негативные социальные последствия идеи свободы отмечали многие консервативно настроенные мыслители. Константин Леонтьев даже считал, что свобода неизбежно приводит к рабству: «...слишком подвижный строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и... должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно – в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству»³.

По мнению Шпенглера, либеральная идея зародилась в Европе вместе с философией Просвещения и прошла в своей эволюции несколько стадий, преследуя, однако, всегда одну и ту же цель – мировую революцию. «Активный либерализм начинается якобинством и заканчивается большевизмом, – пишет Шпенглер. – Это ранняя и поздняя

¹ Ibid. S. 85–86.

² Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 358.

³ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 179.

форма, начало и конец одного единого движения»¹. Идею свободы, по мнению Шпенглера, специально распространяли так называемые «профессиональные демагоги»² – особая группа людей, стремящаяся разрушить здание европейской культуры. Путем методической агитации они стремились вызвать у крестьян, а затем у и рабочих, недовольство своим положением, чтобы спровоцировать их на революционные выступления, в результате которых старые, органически сложившиеся политические формы были утрачены, а вместе с ними и старая культура. Шпенглер критикует как либерализм, так и коммунизм, которые для него являются началом и концом идеологии революции. Один является идеологией буржуазии, другой – низших классов общества; но оба имеют общую цель борьбы с остатками сословного общества и прежней культуры.

Шпенглер выступает против либерального тезиса о первенстве экономики над политикой. Для него такая установка является только признаком слабости современной политики: «В действительности нельзя отделить в жизни народов политику от экономики. Они являются двумя сторонами одной и той же жизни, как я всегда повторяю, но они относятся друг к другу как управление кораблем к назначению его груза. На борту первым человеком является капитан, а не торговец, которому принадлежит груз»³. Когда не стало в Европе крупных государственных деятелей, на первый план выступили руководители промышлен-

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 88.*

² По Шпенглеру, эти антисоциальные элементы появляются из городской полубразованной среды – неудачники академических профессий, представители искусства и иностранцы. Для своей борьбы с социальным порядком демагоги используют различные слои общества: обедневших крестьян, малооплачиваемых рабочих, безработный сброд больших городов. Эти слои настраиваются на восстания, результатами которых профессиональные демагоги пользуются в личных целях, присваивая себе чужую собственность и славу.

³ *Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 28.*

ности и бизнеса, но не потому, что они лучше политиков, а потому что нечем их больше заменить. Усиленное внимание к экономике в ущерб политике является для Шпенглера следствием старения европейских народов, которые хотят устроить свою жизнь как можно спокойнее и комфортабельнее, о чем косвенно свидетельствует и распространение пацифизма¹.

Шпенглер считает, что господство экономических интересов, экономики над политикой, является предпосылкой для различных кризисов. Причиной современных экономических трудностей является процесс падения авторитета государства. По мнению Шпенглера, чем крепче государство, тем лучшие условия существуют и для ведения экономической деятельности; и наоборот: ослабление государства приводит всегда и к краху экономики.

Понятия либерального и консервативного Шпенглер углубляет дальше через дихотомию «левое» – «правое». Он пишет: «"Левое" означает партию, кто верит в партию, ибо она является либеральной формой борьбы против высшего общества, формой классовой борьбы с 1770 года. Левое – это тоска по большинству, по маршированию со "всеми", количество вместо качества, толпа вместо господ... Левое – это то, что имеет программу, ибо она является интеллектуальной, рационально-романтической верой, заменяющей действительность абстракциями. Левое – это шумная агитация на улицах и собраниях народа, искусство опрокинуть городскую массу сильными словами... Левое – это восхищение массами как основой собственной власти, воля уравнивать превосходное, приравнивать народ и ручную работу, с ненавистью косясь на крестьянство и буржуазию»².

¹ *Lantink F.* Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 241.

² *Spengler O.* Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 132.

«Правым» для Шпенглера является все консервативное и аристократическое, противостоящее либеральным тенденциям. «Правое» он связывает с наличием расы, что означает сохранение первоначальных инстинктов, и с так называемым «прусским стилем»¹, то есть с моральным кодексом самопожертвования ради государства. Примирение между «правыми» и «левыми» невозможно. Все, кто стремится занять промежуточную позицию, обречены на неудачу, ибо воля к середине является «старческим желанием покоя любой ценой»². Невозможно, по мнению Шпенглера, достичь единства даже внутри одной партии. Рано или поздно любая партия придет к расколу, ибо «партия не только является устаревшей формой, — она еще основывается на устаревшей массовой идеологии»³. При этом немецкий философ пытается занять позицию вне партийной политики, критикуя как либеральные партии, так и консервативные. Недостаток консервативных партий Шпенглер видит в том, что они копируют либеральные партии, прибегают к их средствам и методам. Консервативная партия противопоставляет себя либеральной партии и прибегает к крайним методам, что вызывает опустошение во внутренней политике государств, делает их беззащитными перед лицом внешнего врага⁴.

Освальд Шпенглер, безусловно, являлся представителем политического консерватизма в Германии⁵. Однако его неоднозначное отношение к консервативной партии вызвано тем, что он, выдавая себя за аристократа, по своему происхождению не был таковым⁶. Шпенглер понимал, что

¹ Ibid. S. 138.

² Ibid. S. 132.

³ Ibid. S. 176.

⁴ Косвенным подтверждением правоты шпенглеровского суждения о негативной роли консервативной партии для внутренней политики могут служить результаты правления Гитлера.

⁵ На этот факт указывают многие зарубежные и отечественные исследователи, например Детлеф Фелкен (*Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988*).

⁶ Родившись в семье почтового служащего и имея дедушку еврея (Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 115), он вряд ли мог претендовать на принадлежность к дворянству.

прежняя аристократия в эпоху господства буржуазии вынуждена становиться в ряды консервативной партии. Тот факт, что Шпенглер стал критиковать гитлеровский режим, за который вначале голосовал на выборах¹, говорит о том, что он принадлежал не к левому, «националистическому», а к правому, «аристократическому», крылу немецкой консервативной партии. Основные политические идеалы этого крыла мы также находим у Шпенглера.

А. Н. Мочкин считает Шпенглера представителем «неоконсерватизма»². Этот термин понимается не исторически, то есть не имеется в виду консерватизм XX века³. Основными его представителями, по мнению А. Н. Мочкина, являются Фридрих Ницше и Константин Леонтьев. Неоконсерваторы, в отличие от обычных «консерваторов status quo» (Г. В. Ф. Гегель, Н. М. Катков и др.), не хотят сохранять существующий порядок, а стремятся вернуть общество в прошлое (Ницше – в Спарту, Леонтьев – в Византию). Подобная интерпретация вызывает целый ряд вопросов.

Во-первых, это неоправданное отождествление автором позиции Ницше и Леонтьева⁴. Правильно отмечая общий для них эстетизм, автор использует для обоих мыслителей термин «сатанист»⁵, хотя и считает эту оценку неверной. В данном случае, открытый «сатанист» Ницше, известный своей апологией аморальности, приравнивается к Леонтьеву, выступавшему за поддержание общественной морали через укрепление авторитета Церкви и государства.

Спорен и тезис А. Н. Мочкина о том, что неоконсерваторы стремятся вернуть общество в прошлое⁶. У Леонтьева

¹ Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 132.

² Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999. С. 5.

³ Как, например, гуманизм XX века часто называют неогуманизмом (См.: Афанасьев В. В. Современная негуманистическая футурология. Барнаул, 1995).

⁴ Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма М., 1999. С. 19.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 4.

мы находим об этом недвусмысленное высказывание: «Можно любить прошлое, но нельзя верить в его даже приблизительное возрождение»¹. Николай Бердяев, высказывая свое отношение к консерватизму, правильно указывает на то, что консерватизм не абсолютизирует прошлое, не стремится вернуть его, а хочет сохранить связь времен: «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым... Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины... Без консервативной среды невозможно появление великих творческих индивидуальностей... Эта консервативная глубина есть у самых больших людей XIX века; она есть у Гёте, у Шеллинга и Гегеля, у Шопенгауэра и Р. Вагнера, Карлейля и Рескина, у Ж. де Местра, у Вилье де Лиль Адана и Гюисманса, у Пушкина и Достоевского, у К. Леонтьева и Вл. Соловьева»².

Бердяев также верно указывает на тот интересный факт, что консерватизм привлекает прошлое не само по себе, а то, что прошло проверку временем. Он пишет: «В чем притягивающая нас тайна красоты развалин? В победе вечности над временем... Разрушающим потоком времени сносится все слишком временное, все устроенное для земного благополучия и сохраняется нетленная красота вечности. В этом тайна красоты и обаяния памятников прошлого и памяти о прошлом, магия прошлого. Не только развалины дают нам это чувство победы вечности над временем, но и сохранившиеся старые храмы, старые дома, старые одежды, старые портреты, старые книги, старые мемуары. На всем этом лежит печать великой и прекрасной борьбы вечности с временем... Все новое, сегодняшнее, недавно созданное и построенное не знает еще этой великой борь-

¹ Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 179.

² Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 109–110.

бы нетленного с тлением, вечности мира иного с потоком времени этого мира; на нем нет еще этой печати приобщения к высшему бытию, и потому нет в нем еще такого образа красоты»¹. Как мне представляется, сущность консерватизма следует искать не по отношению к настоящему, а по отношению к традициям. Традиции – это то, что существовало в прошлом, существует в настоящем и, возможно, будет существовать в будущем. Они являются неким связующим звеном между прошлым и будущим, передающимися из поколения в поколение правилами игры. Консерватором всегда будет тот, кто стремится сохранить старые традиции. Если исходить из такого подхода, то между немецкими и российскими консерваторами имеются существенные отличия. Если для Ницше был характерен отказ от старых духовных традиций и «переоценка ценностей», то Леонтьев призывал не только сохранить традиции, но и изучать их корни.

Освальд Шпенглер, безусловно, был консерватором² и выступал за сохранение традиций, но его консерватизм оказывается непоследовательным, поскольку старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены и связь поколений нарушена. Традиции со временем уступают место индивидуализму классов, слоев, отдельных личностей. Как и традиционный консерватизм XIX века, Шпенглер рассматривал общество как органическое явление, однако существенным отличием от традиционного консерватизма является отсутствие у него опоры на религию. Здесь вновь Шпенглер является последователем Ницше, заявившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицает влияние Церкви на процесс формирования государственной политики, что указывает на макиавеллизм его политической философии. По его мнению, государство основывает-

¹ Там же. С. 110.

² *Афанасьев В. В.* Особенности политического консерватизма Освальда Шпенглера // *Будущее России. Стратегии развития: Сборник научных докладов.* М., 2005. С. 27.

ся на голой «воле к власти» и не нуждается ни в какой божественной санкции. Шпенглер не заметил, что Церковь через сохранение своих традиций подвергает внутренний мир человека духовной «муштре» и тем самым воспитывает его, наполняет его высшим смыслом, что, собственно, и отличает его от животного. У Шпенглера же внутренний мир безрелигиозного политического человека пуст, поэтому ему не остается ничего другого, как стать «хищником» и, не обращая никакого внимания на культурные нормы, вновь вернуться к животной борьбе за существование, к бесконечной борьбе за «свои» интересы.

2.3. Консервативная трактовка государства

Государство является, по мнению Шпенглера, формой, которая определяет внешнее положение народа – его исторические связи с другими народами; поэтому он различает *политическую* (горизонтальную) и *социальную* (вертикальную) историю¹, что соответствует делению политики на внешнюю и внутреннюю. В социальной истории сословия и классы борются за право влиять на государство, в политической истории государство взаимодействует с другими государствами, как правило, в форме войны.

Особенностью консервативного понимания государства у Шпенглера является морфологический подход, как и стремление рассматривать государство в исторической динамике. Государство, для Шпенглера, является естественной формой исторического существования народа, – такой, как для отдельного рода является семья. Народ и род выступают, у Шпенглера, «единицами» в истории, причем род – это наименьшая, народ – наибольшая единица в потоке истории². Шпенглер утверждает, что род – это историческое поприще женщины, а народ – мужчины; то есть

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1013.*

² *Ibid. S. 1005.*

для женщины основной сферой деятельности выступает семья, а для мужчины – государство. «Женщина – это всемирная история. Через зачатие и рождение она печется о длительности крови. Мать с ребенком, прижатым к груди, является величайшим символом космической жизни... Однако мужчина творит историю, которая является никогда не прекращающейся борьбой за поддержание той, другой жизни. К материнскому попечению присоединяется еще и отцовское. Мужчина с оружием в руках – это другой великий символ воли к длительности... Государство – мужское дело, что значит печься о сохранении целого и о том душевном самосохранении, которое обыкновенно обозначают как честь и самоуважение, предотвращать нападения, предвидеть опасности»¹. Швейцарский исследователь Эрнст Штуц отмечает общее в понимании государства у Шпенглера и Макса Шелера: «Для понятия государства у Шпенглера справедливо определение, данное Максом Шелером в его ранней работе “Гений войны и немецкая война”: “Государство – это волевая личность, построенная на живом организме народа...”»².

Особое значение Шпенглер придает династическому принципу. По его мнению, только этот принцип соответствует естественному понятию господства. Особую роль династический принцип, по мнению Шпенглера, играет в европейской истории. Династии возникают в период распада феодального союза и формирования сословного государства. Они создают основу для будущих наций, формируют дворянское сословие, которое видит свое предназначение в государственной службе. Иерархический принцип и военная служба давали дворянству особые привилегии и права. Так возникает первая политическая элита.

Главным условием существования государства, по Шпенглеру, является обладание им определенной формой: «Народ находится в “форме” как государство, род – как

¹ Ibid. S. 1006.

² Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 141.

семья»¹. Задача любого государства всегда быть «в форме», что может осуществляться лишь в виде «муштры». При этом важную роль играет дворянство. Если духовенство целиком поглощено познанием абстрактных истин, то дворянство способно выполнять свои функции, лишь постоянно воюя и получая при этом необходимую муштровку. «Высшей целью реальной политики, – пишет К. А. Свасьян, – Шпенглер провозглашает создание государства, способного держать нацию “в форме”»².

В основе любого государства, по мнению Шпенглера, лежит войско, поэтому государство для него лишь тогда «в форме», когда его армия «в форме», когда она находится в состоянии боевой готовности. Воинские доблести являются, для Шпенглера, единственно государственными³. В восхвалении воинских доблестей Шпенглер доходит до абсолютизации войны⁴. «Мировая история, – пишет он, – есть история государств. История государств – есть история войн»⁵. Даже мир он считает продолжением войны мирными средствами. Все мирные договоры между государствами, по его мнению, призваны обессилить противника, сделать неспособным организовать сопротивление⁶.

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1006.*

² *Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 128–129.*

³ Воинская поэтика свойственна не только работам Шпенглера, но и для других «консервативных революционеров», но Шпенглер выделяется тем, что открыто высказывается за захватническую войну, подчеркивая ее естественный характер (См.: *Давыдов Ю. Н. Шпенглер и война // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 76–113.*)

⁴ Он пишет: «Война – творец всего великого. Все значительное в потоке жизни возникло как следствие победы или поражения» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1007*).

⁵ Цит. по: *Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 128.*

⁶ Эти мысли Шпенглера были связаны с Версальским мирным договором, который не только ограничивал вооруженные силы Германии, но и налагал контрибуцию, призванную экономически ослабить это государство.

Дипломатия как ведение войны духовными методами для Шпенглера также является временной заменой войны¹. Шпенглер считал военную стихию² истинно политической сферой деятельности. Он смотрит на войну как на естественное, историческое занятие, а народы, не способные вести войну, он считает слабыми³, недостойными существования⁴. Поскольку сущность политики Шпенглер видит в войне, то для него укрепление государства означает, прежде всего укрепление армии и дипломатического корпуса.

Всякое сословие, которое приходит к власти в государстве, использует ее, как правило, для себя, для своих корпоративных целей, и только дворянство способно заботиться обо всех сословиях. Каждое сословие вырабатывает свой идеал государства, однако эти идеалы часто бывают утопичны, ибо в реальном мире нет «построенных в соответствии с идеалами государств, но есть лишь государства, органически произросшие, являющиеся не чем иным, как живыми народами, находящимися «в форме»⁵.

Шпенглер отмечает много общих моментов между дворянством, наследником военных традиций, и государством как основным политическим институтом общества. Эта

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1103.*

² Уделяя большое внимание проблемам армии, Шпенглер отмечает современную тенденцию к отмиранию всеобщей воинской повинности, на смену которой придет наемное войско. Здесь он вновь проводит параллель с Римской империей, где основную часть войск составляли наемные солдаты.

³ Эта слабость проявляется, по мнению Шпенглера, в пацифизме, который «набрасывает свою тину на поколения и проявляется в усталом желании покоя любой ценой, за исключением своей собственной жизни. Это — духовное саморазоружение после телесного саморазоружения через неплодовитость» (*Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 161–162*).

⁴ Здесь заметно влияние на Освальда Шпенглера идей Фридриха Ницше о сверхчеловеке с сильной волей, о высшей расе, призванной господствовать.

⁵ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1015.*

общность, по его мнению, состоит в «органическом единстве такта и устремления, в дипломатии и знании людей, в искусстве приказывать, в человеческой воле к поддержанию и расширению власти, – второй воле, что в изначальные времена из воинской сходки произвела на свет дворянство и народ, – и, наконец, в чувстве чести и храбрости, так что вплоть до самых последних времен прочнее всего оказывается государство, в котором дворянство и созданная им традиция всецело ставится на службу общему делу»¹.

Если на начальных этапах развития «высокой культуры» государство существует в единстве с остальным обществом, то, по мере исторической эволюции, оно все больше обособляется в самостоятельный институт со своими собственными интересами. В определенный момент интересы государства и гражданского общества расходятся, и начинается борьба между ними. По мнению Шпенглера, единственное отличие Англии от Германии состоит в том, что в Англии сложилась система, где доминирует гражданское общество, то есть совокупность частных интересов, что нашло свое выражение в парламентской системе. В Германии же, и особенно в Пруссии, государство традиционно доминировало над гражданским обществом, общественные интересы доминировали над частными, парламент был подчинен исполнительной власти.

Шпенглер противопоставляет себя либеральным теоретикам, которые, говоря о государстве, опираются на абстрактные понятия свободы, счастья и всеобщей пользы. Считая государство органическим телом, Шпенглер полагает, что для исторического существования государства важным является не выяснение его идеальных задач, а внутренний авторитет, который должен поддерживаться, главным образом, верой в его реальную мощь, причем этой верой должны проникнуться даже его противники.

Согласно Шпенглеру, самым важным в государстве является организация работы правительства, а не распреде-

¹ Ibid. S. 1014.

ление политических прав. При этом надо использовать одаренных людей, заботиться о постоянстве, твердости и превосходстве политического руководства. Отрицательно относится Шпенглер и к излишнему вниманию к вопросам, связанным с конституцией, которая может повредить здоровью государственного организма: «По этой причине во всяком здоровом государстве буква писаной конституции имеет меньшее значение в сравнении с использованием живой “формы” в спортивном смысле, которую нация исподволь, совершенно сама собой, черпает из времени, из собственного положения, но в первую очередь – из своих расовых свойств. Чем крепче скроенной оказывается эта естественная форма государственного организма, тем с большей надежностью он функционирует во всякой непредусмотренной ситуации»¹.

Государства, по мнению Шпенглера, возникают в истории лишь раз и в определенных условиях. При этом немецкий философ обращается к идее судьбы, чтобы показать уникальность исторической жизни государств: «Не существует никакого лучшего, истинного, справедливого государства, которое было бы спроектировано и когда-либо осуществлено. Всякое возникающее в истории государство может существовать лишь раз, и оно незаметно каждую минуту меняется... Поэтому такие слова, как „республика“, „абсолютизм“, „демократия“, означают в каждом случае нечто иное и делаются фразой, стоит только, как это чаще всего у философов с идеологами и бывает, попытаться их применять как понятия, установленные раз и навсегда»².

Таким образом, Шпенглер, оставаясь верным своей морфологии истории, рассматривает государство как органическое явление, подчиненное определенным законам и имеющее свою форму. Эта форма в процессе исторической эволюции претерпевает некоторые изменения, но в целом остается постоянной. Лишь на завершающей стадии разви-

¹ Ibid. S. 1016.

² Ibid. S. 1017.

тия культуры государственная форма начинает разрушаться. Выясняя причины этого процесса, Шпенглер создает целую теорию революции, которую он излагает в своей работе «Годы решения».

Государство для Шпенглера – это, прежде всего, правящее меньшинство, которое обладает инстинктом государственного деятеля. Как правило, это одно сословие. Внутри этого меньшинства-сословия существует другое меньшинство, которое непосредственно держит бразды правления в своих руках. Политическими талантами больше других сословий богато дворянство, иногда они присущи и духовному сословию, реже всех встречаются у представителей «третьего сословия». Шпенглер так резюмирует свои мысли: «Меньшинство внутри какого-то сословия правит на основе традиции... так, *gentry* формирует парламентский стиль Англии, *нобилитет* – римскую политику в эпоху Пунических войн, купеческая аристократия – дипломатию Венеции, получившая иезуитскую выучку барочная знать – дипломатию римской курии»¹.

В раннюю эпоху «высокой культуры», по Шпенглеру, правящее меньшинство существуют в форме *фракций* – «групп, в которых играют роль родственные связи домов, честь, верность, союзы, обладающие почти мистической задушевностью»². С приходом к власти буржуазии фракции уступают место партиям: «Против крови и традиции восстают силы духа и денег. На место органического приходит организованное, на место сословия – *партия*. Партия – не отпрыск расы, но сборище умов, и потому она настолько же превосходит старинные сословия духом, насколько беднее их инстинктом»³.

Партия, по Шпенглеру, является врагом всякого органически сложившегося сословного членения, уже одно существование которого противоречит ее сущности. Именно

¹ Ibid. S. 1017.

² Ibid. S. 1121.

³ Ibid. S. 1121.

поэтому понятие партии неизменно связано с нивелирующим общество понятием равенства. Признаются не словесные идеалы, но исключительно профессиональные интересы. Партии Шпенглер считает чисто городским явлением, основанным на отрицательном понимании свободы; поэтому все партии несут на себе либеральный оттенок, а либеральная партия является партией партий. Шпенглер очень негативно характеризует смысл современной ему партийной политики: «Партия – это когда безработные организуются бездельниками... Партия по самой своей сущности есть коррупция. Дело еще ладится, покуда различные партии не спускают друг с друга глаз. Одна партия, лишенная контроля, – это коррупция, распушенность, и ничего больше»¹.

Однако партия как форма правящего меньшинства, по мнению Шпенглера, является временной и в эпоху цезаризма вытесняется *свитой*. Шпенглер приходит к выводу, что правящее меньшинство по мере эволюции культуры приобретает вначале форму фракции, затем форму партии и наконец форму свиты. Переход к цезаризму во время цивилизации означает не только конец демократии и либерализма, но и партии как формы правящего меньшинства. Место партий в современной политике постепенно занимает «частная политика людей расы»². Шпенглер так описывает эту историческую метаморфозу: «Умонастроение, популярные цели, абстрактные идеалы всякой подлинной партийной политики уходят, и на их место заступает частная политика, ничем не скованная воля к власти немногих людей расы. У сословия имеются инстинкты, у партии – программа, у свиты – хозяин... Эпоха подлинного господства партий охватывает только два столетия»³. А. Н. Моч-

¹ Цит. по: Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 113.

² Koellreutter O. Die Staatslehre Oswald Spenglers. Jena, 1924. S. 17.

³ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1125.

кин считает, что здесь речь идет не об уничтожении партий как таковых, а о возникновении «партий тоталитарного типа». Он пишет: «Стремление партий тоталитарного типа к поглощению государства, общества, личности несет в себе и как бы свое собственное отрицание – партия перестает выполнять функцию единомышленников... Партия уже не часть общества и государства, а, скорее, некое условное образование, метка об идеологической чистоте и сопричастности конкретного индивида движению, только „по старинке“ называющая себя „партия“»¹.

Какая же новая элита должна заменить разложившиеся буржуазные партии? Здесь Шпенглер вновь демонстрирует поверхностный характер своего аристократизма. Он не просто предлагает вернуться старой дворянской элите к власти, а пытается сформулировать теоретические принципы формирования новой элиты. Вместо старого принципа кровного родства он предлагает создать новую аристократию на основе аристократических убеждений. Детлеф Фелкен пишет: «Хотя Шпенглер надеялся, что представители старого дворянства по-прежнему будут занимать руководящие посты в государстве... он предпочитал секуляризованную консервацию додемократических форм правления, легитимность которых основывается только на моральном и практическом превосходстве. Несмотря на частое использование слов «кровь» и «раса», в центре понимания государства находилась не зависящая от парламента элита, сформированная на принципе единых убеждений и высоких достижений»².

Политику Шпенглер трактует как практическое ремесло со своей техникой и приемами. В зависимости от того, как правящее меньшинство владеет этой техникой, оно может удержаться у власти и стабилизировать политиче-

¹ Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 63.

² Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 125.

скую ситуацию. По мнению Шпенглера, распространение в XIX веке социальных теорий и всеобщая грамотность привели к тому, что политику стали смешивать с политическими теориями. Против такого взгляда на политику протестует Шпенглер в своих работах. Он стремится показать, что реальная политика мало связана с какими бы то ни было идеями и теориями, а тем более с такими ценностями, как «справедливость», «свобода», «счастье»¹. Истинные политики для него – это не знатоки теорий, а знатоки фактов, и действуют они в мире фактов, руководствуясь внутренним чутьем.

Правящее меньшинство только тогда может выполнить свою политическую функцию, когда оно состоит из людей, которые по своим качествам отвечают определенным требованиям. Шпенглер пытается сформулировать эти требования и описать качества, которыми должен обладать идеальный политик. Он создает идеал политика – человека, который по своему внутреннему призванию способен решать государственные задачи. Прирожденный политик, по его мнению, чувствует движение эпохи, в которой он живет, ощущает ее внутренние силы. Выдающийся политик не только создается своей эпохой, но и сам творит эту эпоху. Кроме умения глубоко прочувствовать современную ему действительность², природенный политик должен обладать умением воспитывать людей, показывая во всем пример. Одним из таких политиков Шпенглер считал не-

¹ Константин Леонтьев также выступал против применимости категории «счастья» для политического анализа общества (*Леонтьев К. Н. Избранное*. М., 1993. С. 97).

² К. А. Свасьян, излагая позицию Шпенглера, отмечает: «Действительная политика есть политика, имеющая дело только с фактами и инстинктивно чурающаяся понятий, теорий и программ. Величайшей опасностью, подстерегающей государственного мужа, является подмена реальных фактов факторами культурного образования и мышления, когда он перестает понимать реальность факта “государство”...» (*Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования*. 1987. № 6. С. 128).

мецкого кайзера Фридриха Вильгельма I: «Честолюбие, чувство долга, дисциплина, решимость – этому из книг не научишься. Это пробуждается в текучем существовании с помощью живого примера. Потому Фридрих Вильгельм I и был одним из величайших воспитателей всех времен: его личностная расообразующая повадка более уже не исчезает из последовательности поколений. От политика, игрока ради удовольствия, от ловца счастья на вершинах истории, корыстного и тщеславного, как и от педантичного ревнителя идеала, подлинный государственный деятель отличается тем, что он может требовать жертв и их получает...»¹.

Другим важным качеством истинного политика является умение повелевать, причем повелевать так, чтобы превратить подчинение в «свободную и благородную привычку»². Этим качеством обладают далеко не все известные политики; так, например, Шпенглер отрицает наличие этого качества у Наполеона, но считает, что им обладал Цезарь. Еще более редким качеством политика является способность создать традицию, чтобы после его смерти его дело продолжили другие. Истинный политик способен установить в элите дух, который остается после его смерти. Этот дух муштрует высший класс общества, делает его устойчивым. «Традиция муштрует высокий средний уровень... – пишет Шпенглер. – Крепкая традиция притягивает к себе таланты со всех сторон и с небольшими дарованиями добивается больших успехов. Итальянские и голландские живописные школы доказывают это не в меньшей степени, чем прусская армия и дипломатия римской курии. То был великий недостаток Бисмарка в сравнении с Фридрихом Вильгельмом I, что он умел действовать, однако не сумел выстроить никакой традиции...»³. В результате такой

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1114.*

² Это же качество настоящего политика отмечал и Константин Леонтьев.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1115–1116.*

традиции высший слой отождествляет себя с государством, делает его единым, способным действовать сообща.

Существо политической деятельности Шпенглер сравнивает с деятельностью садовника: «Садовник может вырастить растение из семени или его привить. Он может дать развиваться скрытым в нем возможностям, его мощи и убранству, его цветам и плодам, или же дать им захиреть. От его чутья на возможное, а значит и необходимое, зависит совершенство растения, его сила, вся его судьба. Однако фундаментальная форма его существования, его этапы, скорость и длительность... не в его власти... Великий государственный деятель – это садовник своего народа»¹. Задача политика состоит в том, чтобы использовать ситуацию, обстоятельства в своих целях, хотя возможности всегда ограничены объективными условиями². Что касается методов политики, то они, по мнению Шпенглера, остаются неизменными. Основным требованием к политику является умение пользоваться современными политическими средствами. Среди таких средств Шпенглер выделяет выборы и прессу. Как музыкант владеет своими инструментами, так и всякий политик должен научиться владеть политическими средствами. Чем виртуознее владеет он этими средствами, тем эффективнее его политика. Пользуясь политическими средствами, политик должен уметь вызывать в людях чувство доверия и уважения к руководству, сознание собственной силы, удовлетворенности и воодушевления.

Трактовка Шпенглером государства ясно показывает, что он является идеологом немецкой государственной бюрократии. Военное состояние общества всегда ведет к укреплению бюрократии, к усилению ее политического влияния в обществе. Диктатура Гитлера является в этом смысле наглядным примером того, что может произойти, если власть военной и промышленной бюрократии становится абсолютной.

¹ Ibid. S. 1116.

² Ibid. S. 1116.

Выступая за освобождение политики от экономики, борясь со всеми проявлениями либерализма и демократии, Шпенглер остался приверженцем «чистой политики», то есть придерживался тезиса о независимости государства как от Церкви, так и от экономики. По его мнению, будущими политиками будет двигать не страх Божий и не стремление к обогащению, а желание власти как таковой, желание власти ради власти, и на пути к власти их не остановят ни моральные запреты Церкви, ни экономические потери.

Хотя сам Шпенглер и понимал пагубность такого пути и его катастрофические последствия для культуры, но ничего другого, как предаться безумию современной ему эпохи и тем самым приблизить роковой конец, он не смог предложить. В этом состоит пессимизм консервативной трактовки политики у Шпенглера и неконструктивность многих его политических проектов¹.

2.4. Критика либеральной идеологии

Одним из важных достижений Шпенглера является исследование механизма социального регресса. Он вычленил и описал те социальные силы, которые подкапывают здание культуры и в конечном счете приводят ее к гибели. Шпенглер использует понятие «мировой революции», указывая на тот факт, что деструктивные политические силы, враждебно настроенные к любой культуре, авторитету и порядку, осознанно ведут общество на край гибели². Они выдвигают и преследуют цели, которые позволят им, от природы обделенным и ущербным людям, достичь богат-

¹ Хотя некоторые исследователи не считают шпенглеровский пессимизм фатальным, полагая, что Шпенглер пришел к нему, объективно анализируя действительность. (См.: *Lehnert E. Imperialismus und Welt-einheit: Globalisierungsvorstellungen bei Spengler und Jaspers // Utopiekreativ. 2002. № 12. S. 1029.*

² Ibid. S. 104.

ства и высокого положения в обществе. Это возможно только в том случае, если жизнь общества неупорядоченна, подвержена резким изменениям и кризисам. «Необходимо вновь и вновь констатировать, — пишет Шпенглер, — что это общество, в котором сейчас происходит переход от культуры к цивилизации является больным... Оно не защищает себя. Оно смакует издевательство над собой и свое разложение»¹.

Начиная с XVIII века либерализм в Европе стремится разрушить сословное устройство общества и призывает «вернуться к природе». Именно либерализм, по мнению Шпенглера, приводит к «диктатуре столичного пролетариата», когда все буржуазные свободы полностью отменяются и государство становится тоталитарным². Шпенглер находит аналогичные процессы в античном обществе, когда к власти пришли демагоги, которые вначале опирались на крестьян, а затем — на безработные слои плебса, требовавшего «хлеба и зрелищ». «Чем низменнее такие люди, — пишет Шпенглер, — тем более удобно их использовать; поэтому большевизм, начиная с Парижской коммуны 1871 года, пытается воздействовать не на обученных прилежных рабочих... а на сброд больших городов, который готов в любой момент грабить и убивать»³. Тем самым либерализм приводит, по Шпенглеру, к так называемому «восстанию масс», а свобода прессы способствует разрушению старой культуры. Один из последователей Освальда Шпенглера испанский философ Ортега-и-Гассет пишет в своей книге «Восстание масс» следующее: «Европейская цивилизация, я повторяю это снова и снова, неизбежно привела к восста-

¹ Ibid. S. 84.

² В отличие от других европейских авторов, видевших причину революционных потрясений в русском нигилизме и большевизме, Шпенглер считал, что большевизм является последней фазой европейского либерализма (Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Frankfurt am Main, 1997. S. 795).

³ Spengler O. *Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung*. München, 1961. S. 119.

нию масс. Восстание масс имеет важную положительную сторону, оно связано с невиданным ростом, который имеет жизнь в наши дни. Но обратной стороной этого является снижение морального уровня человечества»¹. Шпенглер критикует связанное с революцией и «восстанием масс» падение культуры на примитивный уровень. Культура означает для него традицию, воспитание и нравы. Либерализм же есть стремление освободиться от культурных норм и традиций, поэтому он способствует падению культурного уровня общества.

Шпенглер, однако, говорит о конце эпохи либерализма в Европе, что проявляется в кризисе самой либеральной партии. По мере политического развития, левые и правые партии все больше радикализируются, в них получают развитие тоталитарные тенденции. На этом фоне влияние либеральной партии постоянно уменьшается. Эту тенденцию Шпенглер связывает с изменением сущности политики, когда в политику идут люди, не стремящиеся к деньгам, а желающие власти как таковой. На этом фоне политическая инициатива все чаще переходит в руки отдельных личностей, стремящихся к достижению своих частных интересов.

Либерализм, по Шпенглеру, выступает против самих основ сословного общества², поэтому буржуазия, исповедующая либерализм, по своей природе антисословна. Сословия дворянства и духовенства являются, с точки зрения буржуазии, «врагами народа», сама же она считает себя «гласом народа». Шпенглер полагает, что роль аристократии остается важной и в современную эпоху. Она является средоточием политических талантов, которыми может гордиться любая нация. С потерей аристократии, по его мнению, народ теряет «прирожденных руководителей бы-

¹ *Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1947. S. 83.*

² Эрнст Штуц правильно отмечает, что для Шпенглера либерализм означает «революцию снизу» (*Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 132.*)

тия и хранителей вызревших и постепенно развившихся инстинктов и качеств, которым нельзя научиться из книг»¹. Именно такие люди и их качества становятся очень востребованны, по мнению Шпенглера, в современную эпоху.

Критика Шпенглером либерализма во многом напоминает антилиберализм Константина Леонтьева, о котором А. С. Панарин пишет: «Задумаемся, почему он (К. Н. Леонтьев. – В. А.) так боялся “либеральной заразы” для России. “Однако мы видим, – писал Леонтьев, – что нигде люди на этих мягких учреждениях остановиться не могут, и все цивилизованное человечество теперь несметной толпой стремится в какую-то темную бездну будущего”. Многие, даже пронизательный Н. Бердяев, видели в этом лишь жестоко-сердный эстетизм Леонтьева. Нет, в этих словах слышится нечто большее, чем скука пресыщенного эстета, защищающего культурное разнообразие мира. Леонтьев полагал, что либералы и прогрессисты, провоцируя эмансипаторские импульсы современного безрелигиозного человека, не ведают, какого джина они готовы выпустить из бутылки»².

А. Н. Мочкин указывает на то, что в своей критике либерализма Шпенглер уходит слишком далеко, способствуя тем самым созданию тоталитарного государства: «И если либерализм, подобно кислоте, разъедая все связи индивида с почвой, традицией, государством, превращая индивида в существо экономическое, по преимуществу, подготавливал формирование массового человека, то и социализм, и неоконсерватизм, в свою очередь, заполняли образовавшиеся лакуны своей социальной мифологией, собственно, и ставили “печать зверя” на руку индивида, делая его “кирпичиком”, “винтиком” в огромной новой мегамашине нового государства»³.

¹ Spengler O. Politischen Schriften. München, 1933. S. 142.

² Панарин А. С. Между атлантизмом и евразийством: Цивилизационный процесс и вызов Запада // Вестник Московского университета. Серия 12. 1993. № 4. С. 28.

³ Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002. С. 49.

Скептически оценивая действительные возможности для участия широких масс **населения** в решении политических вопросов в условиях **демократии**¹, Шпенглер отмечает следующую закономерность: **любое общественное движение подавляется постепенно его организацией, а организация, в свою очередь, — лидером**. Вначале руководство и аппарат возникают ради **программы**; затем те, кто пробился в руководство, начинают **цепляться за свои места ради власти и денег**; и, наконец, **программа забывается, а организация начинает работать только ради самой себя**. Шпенглер говорит о неизбежной концентрации власти в руках немногих: «Чтобы **вся в целом масса избирателей**, как об этом вполне наивно **говорится** во всех конституциях, руководясь общими **побуждениями**, делегировала людей, которые должны **будут вести ее дела**, — такое возможно лишь на первых порах. **Однако** стоит возникнуть собранию, как в нем тут же **начинают** формироваться тактические единицы, чья **спасительность** основывается на воле закреплиться на однажды **завоеванной** господствующей позиции, так что они ни в **малейшей** степени не рассматривают себя в качестве рупора **своих избирателей**, но, напротив, всеми агитационными **средствами** заставляют их себе подчиниться, чтобы **использовать в своих целях**»².

Шпенглер разводит **мир истории** и **мир истин**, и если первое, по его мнению, **соответствует** политике, то второе — религии (**Пилат и Христос**). В своих размышлениях о политике Шпенглер **постоянно** развивает эту мысль, которая приводит его в **конце концов** к выводу, что идеалами, идеями и теориями **занимается** религия и наука, а не реальная политика. **Громкие слова**, высокие идеалы, общественное мнение — все это **лежит** на поверхности политики,

¹ По мнению Эрнста **Штуца**, реальная демократия для Шпенглера возможна только на очень **небольшом** пространстве (*Stutz E. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958. S. 122*).

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1126.*

и не нужно их путать с ее существом, с ее внутренней природой. Политическая элита не должна идти на поводу у политических теорий, идей справедливости, всеобщего блага и других абстрактных идеалов, а должна концентрировать свое внимание на конкретных фактах, на укреплении авторитета государства. Шпенглер верно указывает на прагматизм практической политики, на опасность увлечения политиков абстрактными теориями и модными идеями; однако рассуждения Шпенглера не предостерегают от другой крайности – абсолютизации государства и корпоративных интересов его представителей, – которая привела многие страны в XX веке к тоталитаризму.

К многочисленным социальным теориям, получившим широкое распространение в эпоху демократии, Шпенглер относится скептически. Подобную теоретическую активность в сфере социальных преобразований отмечает Шпенглер не только в европейской, но и в других культурах: «Политико-социальная теория представляет собой лишь одно, однако необходимое, основание партийной политики. Гордой плеяде от Руссо до Маркса находится соответствие в античности – от софистов до Платона и Зенона. В Китае основные черты соответствующих учений еще необходимо извлечь из конфуцианской и даосской литературы; достаточно будет назвать имя социалиста Мо-цзы. В византийской и арабской литературе эпохи Аббасидов, где радикализм неизменно выступает в строгом вероисповедном обличье, такие учения занимают обширное место и действуют как движущая сила во всех кризисах IX века. В Египте и Индии их наличие доказывается духом событий времени Будды и периода гиксосов»¹. Появление таких теорий говорит о распространении в эти эпохи рационализма, или, как его называет Шпенглер, «религии образованных».

Теоретические выкладки различных учений, по мнению Шпенглера, совершенно не влияют на политический про-

¹ Ibid. S. 1127.

цесс, как и вопрос об их истинности или ложности. Для политики важны лишь лозунги, которые вытекают из теорий, ибо эти лозунги обладают мобилизующей силой и способны воздействовать на массы. Особое значение имеют такие слова, как «свобода», «право», «человечество», «прогресс», которые несут в себе некий священный оттенок. Шпенглер подчеркивает, что под власть теорий попадает только часть городского населения, и примерно на два столетия, потом эти теории «прискучивают». Шпенглер так описывает влияние теорий на городского человека: «Люди обращаются, они с жаром впитывают слова, прилепляются к их провозвестникам; люди становятся мучениками – на баррикадах, на полях битвы, на эшафотах... а трезвая критика представляется низкой и профанной и достойной смерти»¹.

Подобного рода идеализм, по мнению Шпенглера, всегда пагубно сказывается на жизни общества. Об этом говорит и пример провалившейся попытки Платона устроить жизнь в Сиракузах согласно своему учению. В древнем Китае философские теории полностью ослабили южные государства и сделали их легкой добычей соседей. Якобинские учения о свободе и равенстве постепенно ослабили некогда сильную Францию. Особую опасность, по мнению Шпенглера, имеют два вида идеализма, которые очень часто встречаются в современном мире. В одном случае, люди верят в возрождение прошлого, в другом – в теории и идеи современности. И тот и другой ведут власть к неминуемому крушению, когда она становится жертвой воспоминания или понятия. Излишнее внимание к теории политики, по мнению Шпенглера, имеет место и в самой Германии, что пагубно сказывается на ее реальной политике: «О понятии политики мы думали слишком много, и это навредило нам. Мы стали меньше понимать реальную политику»².

¹ Ibid. S. 1128.

² Ibid. S. 1107.

Однако эпоха господства политических теорий и социальных реформ в Европе, по Шпенглеру, приходит к своему завершению: «Никто не должен обманываться насчет того, что эпоха теории подходит к своему концу также и для нас. Все великие системы либерализма и социализма возникли в период между 1750 и 1850 гг. Марксовой теперь уже почти сто лет, и она осталась последней... Однако как вера в руссоистские права человека утратила свою силу что-то около 1848 г., так и вера в Маркса потускнела с мировой войной»¹. Конец демократии, по Шпенглеру, означает кризис тех идей и теорий, которые на протяжении двух столетий господствовали в европейской политике. Парламент становится «пышным и пустым спектаклем», власть перемещается в частные руки, и выборы «вырождаются в комедию». Демократия «уничтожает саму себя», на ее почве растет цезаризм, опирающийся не на деньги, а на грубую физическую силу.

Шпенглер хотел бы освободить политику не только от абстрактных идей и теорий, но и от морали вообще. Настоящий политик, по его мнению, хорошо знает факты жизни и скептически относится к программам и теоретическим истинам. Шпенглер считает, что настоящий государственный деятель «находится по другую сторону истины и лжи... Несомненно, у него имеются убеждения, которые ему дороги, однако, как частному человеку; никакой политик с положением никогда не ощущал себя связанным ими в своих действиях: "Деятель всегда бессовестен; совесть есть лишь у одного наблюдателя" (Гёте)»². В этом высказывании проявляется макиавеллизм философии политики Шпенглера. К. А. Свасьян так характеризует некоторые моральные установки Шпенглера: «Общие философские рассуждения Шпенглера на эту тему оставляют довольно тягостное впечатление; по циничности и бесцеремонности

¹ Ibid. S. 1129–1130.

² Ibid. S. 1112.

они соперничают с самыми скандальными страницами Макиавелли»¹. Сам Шпенглер позитивно отзываясь о философии Макиавелли: «Макиавелли показывает вещи такими, какие они есть, какими они были и какими они будут»². Шпенглер во многом разделял взгляды Макиавелли на природу государства, на роль насилия в международной политике. Как итальянский философ, он стремится применить сведения античной истории для объяснения современных политических событий.

Шпенглер хочет освободить политика от морали. Здесь заметны отголоски ницшеанских идей, стремящихся освободить поступки людей от моральных запретов. Однако очевидно, что лишение людей моральных ограничений приведет любое общество к хаосу и гибели. Чтобы избежать двойственности данного положения, необходим институт государственной Церкви, дающей моральную санкцию действиям политиков. К сожалению, в XX веке влияние Церкви на жизнь европейского общества настолько ослабло, что немецким философам не могло прийти в голову, что политики, помимо несоблюдения государственных интересов, должны действовать в соответствии с моральными устоями и получать санкцию Церкви.

Если признаком консервативного подхода в политике считать подчинение государства церкви, то либеральный подход будет означать подчинение государства экономике. Исходя из такого определения, Шпенглер не был последовательным консерватором³: он лишь предлагал освободить

¹ Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 105.

² Цит. по: *Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // *Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz.* Köln, 1994. S. 47.

³ Фрэнсис Лантинк называет консерватизм Шпенглера «современным» (*Lantink F.* Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 314).

государство от влияния экономики. Ему не позволяло признать за католической Церковью определяющее значение для европейской политики то, что он вырос в традиции немецкого протестантизма. В его политических проектах большое значение имеют великие личности, а не церковная организация. В любом случае, консерватизм Шпенглера непоследователен. Он не смог, подобно Гегелю, однозначно признать за Церковью силу, способную не только давать моральную санкцию для государства, но и быть ограничителем государства во всех его сферах деятельности.

Таким образом, выступая лишь за освобождение государства от господства экономики, Шпенглер является «негативным» консерватором, а не «позитивным» консерватором, поскольку он не призывал подчинить государство Церкви. В XX веке европейское общество уже настолько модернизировалось, что представить себе возврат к феодальной политике, когда Церковь была ведущей политической силой, стало уже невозможным. Тем не менее именно подчинение государства Церкви является основным признаком последовательного консервативного подхода в политике, и это подсознательно чувствовал Шпенглер, о чем свидетельствует детальное изучение им мировых религий, содержащееся во втором томе «Заката Европы».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

3.1. Шпенглер о тенденциях развития мировой политики

Джон Фарренкопф, отмечая важность философии Шпенглера для интерпретации и формирования современной ему международной политики, пишет: «“Закат Европы”... является не только трудом, ломающим традиционные представления в философии истории. Шпенглер видел в нем нетрадиционный учебник международной политики. Эта книга должна была воодушевить немецкую политическую элиту, сформулировать для нее жизненно важные политические задачи в эпоху глобальных войн и привести ее к экономической гегемонии»¹. Особенно второй том «Заката Европы» дает интерпретацию новых внешнеполитических задач немецкой политической элите.

По мнению Шпенглера, международная политика должна основываться на универсальной философии истории и соответствовать империалистическому духу времени. Являясь видным представителем школы реализма в международных отношениях², Шпенглер не только внес важный вклад в развитие этого направления в рамках немецкой традиции, но и оказал влияние на формирование новой науки о международных отношениях. Какие идеи Шпенглера лежат в основе его подхода к анализу между-

¹ *Farrenkopf J. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskunst // Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. Köln, 1994. S. 45–46.*

² См.: *Международные отношения: теории, конфликты, организации / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 2004. С. 21.*

народных отношений? Что сформировало его представление о современной мировой политике?

Политику Шпенглер делит на «первоначальную политику» (Urpolitik) и политику времен «высоких культур» (Diplomatie)¹. Первоначальная политика — это борьба за существование, происходящая в живой природе. В эпоху «высоких культур» она переходит в «высокую политику», которая «желает являться замещением меча более духовным оружием, и предмет тщеславия всякого политика на высоте всех культур состоит в том, чтобы в войне больше почти не возникало нужды»². Таким образом, «высокая политика» означает для Шпенглера, прежде всего, дипломатию, которая способна, не прибегая к непосредственному применению насилия, разрешать кризисные ситуации. Немецкий исследователь Михаэль Тхондль полагает, что дипломатия является у Шпенглера основным методом преодоления конфликтов³. Особое внимание Шпенглер уделяет кабинетной дипломатии XVIII века, ставшей своеобразной вершиной развития европейского политического искусства.

Государства эпохи «высоких культур» должны, по мнению Шпенглера, постоянно вести между собой скрытую или открытую войну, чтобы оставаться «в форме». При этом внутренняя политика должна целиком служить целям внешнеполитической борьбы, а война — стать основным содержанием политики. К. А. Свасьян пишет: «Шпенглер провозглашает войну абсолютной формой человеческой истории. Мирные промежутки этой истории, по его мнению, составляют чистейшую иллюзию... Война, таким об-

¹ У Л. Н. Гумилёва существует аналогичное деление по уровням развития народов на так называемый «этнографический» и «исторический» уровни.

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1109.*

³ *Thöndl M. Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // Zeitschrift für Politik. 1993. № 4. S. 419.*

разом, оказывается тотальной войной, охватывающей все фазы истории и проявляющейся либо в непосредственной, «экологической», форме, либо через опосредованные духовные формы (дипломатия и т. д.)»¹.

Вся политика для Шпенглера, в конечном счете, – война. «Политика, – пишет он, – есть лишь временный эрзац войны в форме борьбы, осуществляемой более духовным оружием»². Шпенглер не замечает, как, выступая апологетом природных процессов, он оправдывает империализм во всех его формах и проявлениях. Эгоизм наций является для него лишенным всякого морального начала незыблемым принципом, который не оставляет государствам ничего другого, как постоянно оскаливать зубы и хватать жертву при малейшей возможности. Этот своеобразный натурализм в интерпретации политики Шпенглер полностью оправдывает.

Считая современную эпоху переходом от демократии к цезаризму, Шпенглер был уверен в том, что эпоха демократии, основанная на английских либеральных ценностях, неуклонно движется к своему концу и будущее будет определять цезаризм, а немцы со своими политическими инстинктами смогут внести значительную лепту в развитие мировой политики. Эти надежды не были чужды и Гитлеру, когда он начинал войну с Советским Союзом. Но исход этой войны ясно показал, что надежды Германии на роль мировой державы неосновательны, и будущего Цезаря нужно ждать не в Германии, а в Америке.

Шпенглер отмечает, что для демократии характерно исключительное внимание к внутренней политике в ущерб внешней. Любой внутренний раскол ослабляет единство нации и тем самым приводит к слабой внешней политике, а в условиях парламентаризма всегда имеются возможно-

¹ *Свасьян К. А.* Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 128.

² *Spengler O.* Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 9.

сти внести раскол в общество при решении любой политической проблемы. Важным моментом в подходе Шпенглера к анализу политических проблем является его тезис о необходимости доминирования внешней политики над внутренней. «Высказывания Шпенглера о высокой политике показывают, – констатирует Михаэль Тхондль, – что внешняя политика для него обладает особой важностью... Внутренняя политика по отношению к примату внешней политики имеет подчиненное значение»¹. Решение внутренних политических проблем должно служить, по мнению Шпенглера, исключительно разрешению внешнеполитических задач, а не наоборот: «Прусский стиль – это, прежде всего, безусловный приоритет внешней политики, необходимое государственное управление над внутренней политикой, имеющей задачу держать нацию в форме и становящейся бессмыслицей и преступлением, когда она, независимо от внешней политики, начинает преследовать свои собственные идеологические цели»².

Особую значимость примат внешней политики приобретает в эпоху цивилизации, характеризующуюся империалистическими устремлениями стран. Шпенглер говорит о начавшейся эпохе мировых войн. Борьба за мировое лидерство ведущих европейских держав проявилась уже в Первой мировой войне. Увлечёлся внутренними проблемами в данной обстановке означало бы потерять влияние на международные дела и сделаться жертвой внешнего агрессора. В эпоху цивилизации, по мнению Шпенглера, остро встает вопрос о выживании наций, поскольку войны проходят в очень агрессивных формах и могут привести к полному их уничтожению. Нации в данных условиях должны быть постоянно готовы отразить внешнюю агрес-

¹ Thöndl M. Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // Zeitschrift für Politik. 1993. № 4. S. 419.

² Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 138.

сию, и любые внутренние раздоры и неустройства могут послужить лишь поводом для подобной агрессии. «Народ не пребывает в мире в одиночестве, – пишет Шпенглер, – и вопрос о его будущем решается соотношением его сил с другими народами и силами, а не просто на основе внутренней упорядоченности»¹.

Шпенглер анализирует международное положение, рассматривая его, главным образом, через призму противостояния «белых» и «цветных» народов. Он считает, что Франция навсегда утратила свою стратегическую роль в мире. К самим французам Шпенглер относится с явным презрением, считая этот народ анархичным по своей природе. Последнюю черту отмечает он и у итальянцев. В Англии и англичанах Шпенглер видит главных врагов Германии. Особое международное положение имеет, по мнению Шпенглера, Япония, которая хорошо защищена морями и является конкурентом Америки. В своем анализе Шпенглер основывается на сопоставлении географических факторов, обращается к данным истории развития вооружения. Так, по его мнению, смена определенных видов вооружения всегда ведет к выигрышу одних стран и к потери былого стратегического положения других.

В своих работах Шпенглер уделяет особое внимание анализу стратегического положения Германии. Как консервативно настроенный патриот и националист, он во многом абсолютизирует Германию, считая ее роль в современном мире очень важной. К. А. Свасьян пишет: «За философией политики следовала конкретная политическая концепция, отразившая в себе, по существу, все общие места националистических настроений эпохи, а именно: наряду с названной англофобией пангерманизм... и мессианские упования»². Фрэнсис Лантинк отмечает, что, по мне-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1120.*

² *Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 105.*

нию Шпенглера, именно Германия должна определить будущую форму европейской цивилизации¹.

По мнению Шпенглера, Германия не остров и, в отличие от Англии, в ней неприемлем либерализм, поскольку всегда остро стоит вопрос об обороне. Германия была полем битвы для столкновений как внутри Европы, так и с восточными соседями. «Срединное» положение Германии между Европой и Россией дает ей и немало выгод. Основным упрек Шпенглера немцам состоит в том, что они привыкли мыслить узкими категориями; их кругозор очень органичен, они провинциальны, тогда как в современных условиях борьбы за мировое господство необходимо мыслить шире, в глобальном масштабе.

Шпенглер не придавал большого значения Америке как прямой наследнице Англии в борьбе за мировое господство. Для него в качестве основного было противостояние Англии и Германии, причем Англия в своем могуществе опиралась на островные колонии, а Германия – на ресурсы Восточной Европы. В этом противостоянии перевес сил находился на стороне Германии, которая, после ухода с исторической арены Франции, стала представительницей всех континентальных государств Европы. Шпенглеру казалось, что если Англия и США не выступят единым фронтом, то материковые государства Европы будут не в состоянии выдержать напор Германии. Ошибка Шпенглера состояла в том, что он считал не Америку, а Германию, наследницей Рима. Крах надежд Шпенглера на мировое господство Германии² замечен уже в его пессимистических оценках, касающихся некоторых тенденций во внутриполитическом развитии страны³.

¹ *Lantink F.* Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 220.

² Эрнст Нольте называет позицию Шпенглера «германоцентризмом» (Nolte E. *Geschichtsdnken im 20. Jahrhundert.* Frankfurt am Main, 1992. S. 226).

³ Такими негативными тенденциями, по мнению Шпенглера, являются: кризис рождаемости, распространение либерализма и расовых теорий, популизм правящих элит и т. д.

По мнению Антона Коктанека, Шпенглер следующим образом интерпретировал современную ему эпоху: «Берлин является новым Римом, Пруссия является зародышем мировой империи, Германия соответствует античной Италии... Римской империи в конце XX века должна соответствовать Германская империя (*Imperium Germanicum*)»¹. Если согласиться с такой интерпретацией идей Шпенглера, то ясно видно, что Шпенглер не смог последовательно применить свой исторический метод для оценки современного ему исторического момента. Сегодня, в начале XXI века, события политической истории показывают, что Пруссия соответствует в античном мире не Риму, а Спарте. Аналогичной с Римом может быть только Америка, которая, по своему политическому влиянию в современном мире сопоставима с Римом. Именно Америка стремится сегодня так выстроить свою внешнюю и внутреннюю политику, что со стороны начинает напоминать мировую империю («одинокую сверхдержаву»).

Шпенглер ошибался, полагая, что немцы, а не американцы, создадут будущую окончательную империалистическую форму Европы. Завышенная оценка Шпенглером стратегического положения Германии объяснялась недооценкой огромного стратегического потенциала США. Джон Фарренкопф отмечает три причины для такой позиции Шпенглера: «Во-первых, он разделял распространенное в Европе мнение о культурной отсталости США. Европа является для него великолепным источником культурной энергии, создавшей основу для глобальной цивилизации и мирового господства. Общественные ценности США – эгалитарная демократия, индивидуализм и подчеркивание частной собственности – претили ему. Они были противоположностью идеализированным им прусским ценностям – иерархическому порядку и чувству сопричастности, примату социальных обязанностей и отказ от ма-

¹ *Koktanek A. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968. S. 144.*

териализма. И, наконец, у него отсутствовали знания из первых рук об обстоятельствах жизни в Америке»¹. Макс Вебер придерживался другого мнения относительно роли США в мировой политике. Он писал: «Мировое господство Америки так же неизбежно, как господство Рима в античном мире после Пунической войны»². Другой современник Шпенглера, известный немецкий историк Эдуард Майер, также сравнивал положение США после Первой мировой войны с положением Рима в античном мире³.

Видно, что Шпенглер в вопросе о будущем Германии был по отношению к своим современникам большим оптимистом. Говоря о господстве прусских ценностей в будущем, может быть, он имел в виду то, что и в Америке, в конечном счете, победят «цезаристские» ценности, а демократические идеи уйдут в прошлое. Поражение Германии в Первой мировой войне, крах монархии и разочарование Шпенглера в возможной глобальной гегемонии Германии показали неприемлемость модели «культура – цивилизация» для объяснения сложных процессов современной мировой политики. Его теория не могла объяснить формирование коалиций, не учитывала специфику отдельных регионов мира. Тем не менее идеи Шпенглера повлияли на мировоззрение известных ученых и политиков⁴.

В своих работах Шпенглер предсказывает феномен холодной войны, с особой полнотой развернувшейся после Второй мировой войны. Он сформулировал основные черты гонки вооружений, определившей политические судьбы

¹ *Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz. Köln, 1994. S. 65.

² *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. München, 1921. S. 483.

³ *Meyer E.* Leben und Leistungen eines Universalhistorikers. Leiden, 1990. S. 166.

⁴ Например, идеи Шпенглера повлияли на Ханса Моргентау (См.: *Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskunst // Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. 1994. S. 51).

XX века: «Со времени Наполеона сотни тысяч, а под конец и миллионы солдат постоянно готовы к выступлению, на рейдах стоят колоссальные флоты, обновляющиеся каждые десять лет. Это война без войны, война-аукцион по количеству вооружений и по боевой готовности, война чисел, скорости, техники; и дипломаты ведут переговоры не между дворами, но между ставками верховных главнокомандующих. Чем дольше отсрочка разрядки, тем чудовищнее средства, тем нестерпимее напряжение»¹.

Вот еще одно из предсказаний Шпенглера, которое было оправдано последующими событиями: «Постоянные армии будут впредь постепенно сменяться профессиональными армиями добровольных и бредящих войной солдат... В эти войны за наследство целого мира будут вовлечены континенты, мобилизованы Индия, Китай, Южная Африка, Россия, ислам. В дело будут введены новые и сверхновые техника и тактика. Великие центры мировых столиц будут по собственному произволению распоряжаться меньшими государствами, их регионами, их экономикой и людьми»². Здесь Шпенглер косвенно указывает не только на грядущую мировую войну, но и предсказывает события послевоенной истории, вплоть до наших дней³.

Шпенглер предсказал и холодную войну как противостояние Запада и России. Джон Фарренкопф пишет: «Холодная война, господствовавшая на международной политической сцене с 1947 по 1989 год, показала, насколько правильным был его тезис об огромном историческом значении борьбы между Западом и Советским Союзом. Борьба между Россией и Западом могла бы вновь возобновиться во всей своей трагичности, если бы провалились амби-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1098.*

² *Ibid. S. 1098.*

³ Так, реформы 90-х годов России во многом были инспирированы из-за рубежа, в ходе которых экономика страны отчасти была разрушена, отчасти интегрирована в мировую экономику.

циозные планы Ельцина ввести в России рыночную экономику и демократическую систему»¹.

Важную роль в современной европейской цивилизации играет, по мнению Шпенглера, техника². Технику Шпенглер понимает очень широко, как «тактику жизни»³, как средство борьбы с природой. Особую роль техника играет в фаустовской культуре, поскольку фаустовский человек стремится подчинить себе природу, и машины выступают при этом главным его орудием. На поприще техники европейская культура, по мнению Шпенглера, не исчерпала еще все свои потенциальные возможности, поэтому в ближайшем будущем ей предстоит дальнейшее развитие. Шпенглер выстраивает сценарий грядущего кризиса технического развития на Западе. С одной стороны, он обращает внимание на недостатки излишней технизации жизни⁴, когда «творение восстает против своего творца... Властелин мира становится рабом машины»⁵. С другой стороны, Шпенглер говорит об опасности того, что с тайнами европейской техники знакомятся представители не-

¹ *Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste de Staatskunst // *Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz.* Köln, 1994. S. 68.

² Анализ этой проблемы уже встречается на страницах «Заката Европы», но ей посвящена и отдельная работа под названием «Человек и техника» (1931). Исследование взглядов Шпенглера на проблему техники содержится в работах Г. М. Тавризян (*Тавризян Г. М.* Техника, культура, человек: Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX века. М., 1986; *Тавризян Г. М.* О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989).

³ *Spengler O.* Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München, 1931. S. 2.

⁴ «Не только побежденная Германия, – пишет Б. Л. Губман, – но и державы-победительницы в Первой мировой войне оказываются, по Шпенглеру, проигравшими в свете общего кризиса “фаустовской” культуры. Машиноподобная цивилизация перемалывает людские судьбы во всем западном мире» (*Губман Б. Л.* Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997. С. 41).

⁵ *Spengler O.* Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München, 1931. S. 75.

европейских народов¹; они начинают вытеснять европейцев из процесса создания и производства машин и своим дешевым трудом провоцируют в Европе безработицу².

Различая «технику руководства» и «технику исполнения»³, Шпенглер приходит к мысли о естественном характере социального неравенства: «Общество покоится на неравенстве людей. Это естественный факт. Есть сильные и слабые, призванные руководить и неспособные к руководству, творческие и неодаренные, честные, ленивые, жаждущие почестей и спокойные натуры. Каждый занимает свое место в порядке целого»⁴. Идеи о неравенстве людей перерастают у Шпенглера в представления о неравенстве народов, когда европейские народы рассматриваются как представители высшей, «белой», расы⁵, которая создала фаустовскую культуру.

Сущность современного кризиса западной цивилизации состоит, по мнению Шпенглера, в том, что западный человек пресытился техникой; началось «бегство от машины». Результатом этого стал процесс овладения неевропейскими, или, как говорит Шпенглер, «цветными», народами машинной техникой, «белый» же рабочий становится на производстве лишним. Такова основная причина безработицы в европейских странах, которая есть «не кризис, но начало катастрофы»⁶. Предотвратить эту катастрофу мож-

¹ Здесь замечен своеобразный европейский шовинизм Шпенглера, который с презрением относится к неевропейцам. Этот шовинизм сближает философию политики Шпенглера с расовым учением идеологов нацизма.

² *Spengler O. Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens.* München, 1931. S. 87.

³ *Ibid.* S. 49.

⁴ *Spengler O. Gedanken.* München, 1941. S. 95.

⁵ От европоцентричности своей концепции Шпенглер до конца так и не смог полностью избавиться.

⁶ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1961. S. 161.

но только остановив «цветную революцию» — борьбу колониальных народов за свою независимость¹.

Эта позиция привела Шпенглера, как и других представителей националистически настроенной немецкой интеллигенции, к культурному расизму, когда критерием оценки выступает не уровень развития народов, а факт их принадлежности к западно-европейской культуре². В политической философии Шпенглера пессимизм в отношении к западной культуре переплетается с техническим оптимизмом и надеждами на то, что именно за счет развития новой техники европейским народам удастся удержать свое господствующее положение в мире.

Шпенглер уделяет внимание проблеме ислама в мировой политике. Он пишет: «Там, где раньше стояла христианская школа, сегодня появляется мечеть. Воинственный, мужественный дух этой религии для негров понятнее, чем учение о сострадании, которое лишь ведет к презрению белых»³. Все это способствует распространению ислама во всем мире. После теракта 11 сентября 2001 года в Америке, проблематика политической роли ислама в современной мировой политике стала одной из основных. Ислам проявляет большую активность не только в арабских странах, но и на Западе, где находит много своих сторонников. По мнению Шпенглера, росту влияния ислама способствовала Первая мировая война⁴.

В конце холодной войны политическая наука встала перед проблемой новой трансформации всей системы международных отношений. Дебаты о будущем мировой политики велись вокруг статей Фрэнсиса Фукуямы «Конец

¹ *Pabst M. Oswald Spengler und die «farbige Weltrevolution» // Jahrbuch zur Konservativen Revolution. Köln, 1994. S. 274.*

² Уже само деление всех народов на «белые» и «цветные» показывает шовинизм шпенглеровской позиции, враждебность ко всем неевропейским народам.

³ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 156.*

⁴ *Spengler O. Politische Schriften. München, 1932. S. 293.*

истории» (1989) и Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993). Эйфория по поводу распада Советского Союза привела Фукуяму к тезису о победе либеральной демократии в мировом масштабе. Во всем мире стала возможна победа демократических режимов, основанных на либеральных ценностях. Фукуяма делает вывод о «конце истории», ибо, достигнув либеральной демократии, человечество достигло последней цели своего развития.

Самуэль Хантингтон ответил на концепцию Фукуямы своей теорией «столкновения цивилизаций». По его мнению, могущество Запада и его привлекательность в остальном мире будет постоянно падать. Подобные пессимистические сценарии будущего подтолкнули некоторых исследователей говорить о том, что Хантингтон во многом воспроизводит взгляды Шпенглера на мировую политику¹. Хантингтон заменяет парадигму противостояния супердержав, характерную для холодной войны, на новую модель мира, состоящего из враждебных друг другу цивилизаций. Он не отождествляет модернизацию с усвоением западных ценностей², а рассматривает соотношение сил между цивилизациями и прогнозирует возможные сценарии будущего. На границах между цивилизациями возможно возникновение локальных кризисов, способных перерасти в войны большего масштаба. Важную роль в концепции Хантингтона играет понятие «центральных государств», которые призваны дисциплинировать более мелкие государства в рамках одной цивилизации. Этим государствам отводится основная роль в формировании отношений с центральными государствами других цивилизаций. От центральных государств, по мнению Хантингтона, будет зависеть мир в XXI веке.

¹ *Holmes S.* In Search of New Enemies. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order by Samuel Huntigton, in: London Review of Books. 1997. № 8. P. 3–10; *Ritter H.* Amerikas Spengler? // Frankfurter Allgemeine Zeitung von 18.4.1997. S. 41.

² *Huntington S.* Der Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21 Jahrhundert. München, 1996. S. 114.

Збигнев Бжезинский следующим образом характеризует взгляды Освальда Шпенглера на мировую политику: «Шпенглер видел будущее Запада как кульминацию процесса политического распада, в результате которого жизнеспособная национальная культура перерождается в сверхамбициозную и все более автократическую цивилизацию. Здесь правят бал деньги; они создают условия, когда население, являющееся объектом манипуляций, “требуется оружия и втягивает своих лидеров в конфликт, в который те хотят быть втянутыми”. В таких конфликтах “...за наследие всего мира на карту будут поставлены целые континенты, в них примут участие Индия, Китай, Южная Африка, Россия и исламские государства”. В результате “все человечество может оказаться под игмом режима, насажденного несколькими сильными личностями, рвущимися к власти”»¹. При этом Бжезинский очень озабочен тем, чтобы эти, во многом неутешительные для Запада, прогнозы Шпенглера не осуществились бы на практике, хотя часть из них уже была реализована в XX веке.

Известно, что министр иностранных дел США Генри Киссинджер находился под влиянием идей Шпенглера и даже подарил экземпляр «Заката Европы» президенту Никсону². Все эти факты говорят об актуальности прогнозов Шпенглера для современной международной политики; однако, несмотря на множество интересных идей, Шпенглер не смог увидеть основную тенденцию мировой политики XX века – становление мировой империи с центром в Америке. Противостоять этой тенденции не смогли не только национальные государства Европы, но и Россия в лице Советского Союза, о чем свидетельствует распад Советского Союза и установление американской гегемонии во всем мире.

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 25.

² Ulmen G. Metaphysik des Morgenlandes // Spengler heute. München, 1980. S. 124.

Шпенглер заметил, что некоторые современные тенденции развития мировой экономики способствуют уменьшению внимания к политической сфере, что приводит к снижению обороноспособности государств. Подобная пацифистская трактовка мировой политики характерна для многих современных либеральных теорий, которые полагают, что мировая политика должна уступить место мировой экономике. Шпенглер указывал на опасности этих иллюзий. Критикуя либеральный подход в международных отношениях, он отмечал, что невнимание к обороноспособности может привести любую нацию к гибели, поскольку империалистический характер современной эпохи для него был очевиден. Будущее цезаристское правление, по мнению Шпенглера, будет не только не пацифистским, но и даже не либеральным, поскольку политическая инициатива перейдет в руки частных лиц, отдельных выдающихся личностей, которые будут свирепо бороться друг с другом, удовлетворяя свои личные амбиции.

Таким образом, можно констатировать, что Шпенглер не только повлиял на политические дискуссии своего времени, но и стал одним из классиков реалистической школы в международных отношениях. Его можно считать одним из основоположников современной науки о международных отношениях. Несмотря на ряд неправильных прогнозов внешнеполитического развития (особенно это относится к непризнанию роли США как центра мировой империи), Шпенглер верно охарактеризовал основные черты современной эпохи – эпохи империалистической борьбы государств за мировое господство. Ему удалось сформулировать основные особенности развития международной политики XX века, – такие как холодная война и гонка вооружений, развитие научно-технических достижений, повышение роли ислама и России в будущем мировом устройстве.

3.2. Шпенглер о проблеме наций и национальных государств

Проблема наций и национализма является одной из важных проблем немецкой политической философии. Дело в том, что в силу исторических обстоятельств Германия — одна из последних европейских стран, которая встала перед вопросом создания единого национального государства. Так называемый «немецкий вопрос» всегда состоял в невозможности объединить традиционно очень разрозненные в политическом отношении области под единой государственной крышей. Впервые это стало возможным в XIX веке за счет расширения Пруссии, которая включила в себя после победы над Наполеоном почти все немецкие земли, за исключением Австрии. Бисмарку удалось создать первое немецкое национальное государство, однако, вследствие поражения в Первой мировой войне, этот процесс вновь затормозился. Высокие контрибуции и оккупация Рурской области нанесли серьезное оскорбление национальной гордости немцев. Старый «немецкий вопрос» вновь встал с особой остротой.

Не случайно многие популистские политические движения Веймарской Германии использовали это ущемленное чувство национальной гордости в своей пропаганде и агитации. Проблема наций традиционно связывалась в Германии с расовым вопросом, поскольку для немецкой аристократии всегда было свойственно обращать особое внимание на происхождение. Развитие этнографии и антропологии позволяло подвести под многие расовые идеи солидный научный базис. Как один из основателей национально ориентированного движения в Германии, Шпенглер не мог оставить без внимания расовую проблему, которую активно пропагандировали национал-социалисты. Однако в понятие «раса» Шпенглер вложил совсем другой смысл.

Прежде чем анализировать трактовку Шпенглером понятия нации, рассмотрим некоторые определения нации

в немецкой научной литературе. Понятие «нация» занимает в политической науке Германии одно из центральных мест. Она трактуется как социально-политическая, экономическая и культурная форма организации совместной жизни людей. Как и семья, нация является естественной формой человеческого общежития. Обычно под нацией понимают национальность или национальное государство. Карл Дойч в своей статье «Нация и мир» пишет: «Если значительная часть народа стремится получить политическую власть для своей этнической или языковой группы, то речь идет о нации как национальности. Если таковая власть получена (обычно при этом происходит овладение государственным аппаратом), то речь идет о нации как национальном государстве»¹.

Согласно этому определению, нация есть государственно организованный, самоопределяющийся народ со своими культурными специфическими чертами. Аналогичное определение нации дает и Фридрих Гекманн: «Нация есть этнический коллектив, осознающий свою общность и организованный в форме национального государства. Национальное государство – это такая форма политической организации, в которой совпадает принадлежность к государству с принадлежностью к определенной этнической группе».² Другими словами, в нации этническая и государственная принадлежность совпадают.

Таким образом, идеальной нацией должно быть такое государство, все граждане которого являются представителями одной национальности. Нация есть гомогенное, в этническом отношении, государство. Такое государство можно назвать «идеальным типом» нации, т. е. таким, каким оно существует в теории, а на практике, как правило, в чистом виде отсутствует. В действительности, все государства имеют национальные меньшинства, включают

¹ *Deutsch K.* Nation und Welt // Nationalismus. Athenäum, 1985. S. 51.

² *Heckmann F.* Ethnische Minderheiten, Volk und Nation: Soziologie interethnischer Beziehungen. Stuttgart, 1992. S. 53.

представителей других национальностей. Такое понимание идеальной нации соответствует английскому употреблению слова «nation», что означает и «национальность», и «государство». В русском же языке это понятие означает только «национальность», «народность», а не «государство».

Национальное государство является воплощением идеи государства как организационной формы исторического существования конкретного народа, всеобщей формой совместной жизни людей, формой существования общества, которая у каждого народа своя и не меняется на всем протяжении его исторического бытия. Национальное государство возникает на определенной ступени исторического развития народа, когда он достигает высокого уровня самосознания и начинает отличать себя от других народов.

Важной проблемой теории национального государства является проблема выделения признаков нации. В качестве таковых в литературе приводятся: общий язык, происхождение, религия, единство исторической судьбы и т. д. Так, известный французский исследователь Эрнст Ренан определяет нацию как народ, обладающий «единством воли», готовый всегда высказать свое отношение к тому или иному актуальному политическому вопросу. Он пишет: «Нация есть сообщество солидарных людей, имеющих общее чувство принесенных жертв. Существование нации означает ежедневный плебисцит»¹.

Связь нации и национальной культуры является характерной для немецкой традиции, согласно которой в качестве основных элементов национального государства обычно считают народ, государство и культуру. Национальная культура состоит из религии, языка и искусства. Культура отражает национальные особенности, формирует специфические черты характера данного народа, его нравы и обычаи. Оригинальная культура не может развиваться без го-

¹ Renan E. Was ist eine Nation? // Granzgalle. Über neuen und alten Nationalismus. Leipzig, 1993. S. 309.

сударства и политической независимости, в ней отражается психология данного народа. Именно культурные черты нации отражаются в получившем распространение понятии «национальный менталитет».

Особую роль в развитии национальной культуры играет религия. Якоб Буркхарт считал, что религия является предпосылкой любой культуры; она проникает во все ее уголки и окрашивает все явления, все элементы культуры¹. Важным элементом национальной культуры является язык, который выступает и как средство коммуникации², и как вид искусства – в поэзии и литературе. Без общего языка невозможно было бы создание национального государства и развитие культуры. Язык является предпосылкой для дальнейшего развития национального государства, для развития его внутренних и внешних связей.

Таким образом, нация в немецкой традиции трактуется как государственно организованный народ со своей особой культурой. Каждая нация есть явление органическое, имеющее свою историческую судьбу. В национальном государстве народ получает возможность наиболее адекватным образом развиваться, отстаивать свои интересы и развивать свою собственную культуру. Национальные государства можно признать, в некотором смысле, идеальными формами организации человечества. Они, и только они, имеют возможность развиваться органически, потому что, как пишет Хаген Шульце, именно «в национальном государстве народ свободен от всякого чужого господства»³.

Шпенглер делит все народы на первоначальные, культурные и феллахские⁴. Первые живут до появления «высо-

¹ *Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Krefeld, 1948. S. 106.*

² Карл Дойч в качестве основного признака нации называет коммуникацию. Именно средства коммуникации, и прежде всего язык, делают возможным появление и развитие нации.

³ *Schulze H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994. S. 209.*

⁴ *Ibid. S. 759.* Это деление соответствует у Л. Н. Гумилёва доисторическому, историческому и послеисторическому уровням существования этносов.

ких культур», последние появляются в эпоху цивилизации. Народы, по Шпенглеру, являются духовными единствами¹. В отличие от распространенного мнения, Шпенглер считает, что не народы создают культуру, а, наоборот, культура создает народы. В рамках одной «высокой культуры» возникают народы «одного культурного стиля». Народы, которые живут во время «высокой культуры», Шпенглер называет нациями. В отличие от первоначальных народов, культурные народы, или нации, имеют правящее меньшинство². Это меньшинство действует от имени всего народа, но полностью не отождествляет себя с ним. Та высокая историческая роль, которую Шпенглер отводит правящему меньшинству, говорит об элитарности политической концепции. Как только на последних стадиях эволюции «высокой культуры» меньшинство теряет свое значение, а массы начинают влиять на политику, — культура постепенно приходит в упадок.

Историческое существование, по Шпенглеру, это «потoki жизни», а политика — это способ утвердиться в этих потоках. «Высокая культура» возможна лишь там, где присутствуют несколько народов, взаимодействующих между собой. Как в природе освободившееся место занимается другими видами животных и растений, так и в политике, по мнению Шпенглера, тот, кто перестает бороться за свой «поток существования», тотчас же теряет его. Этот биологизм Шпенглера в интерпретации политики сближает его с Чарльзом Дарвином и его последователями, социалдарвинистами, которые говорили о политике как о вечной борьбе за существование. Такого же мнения придерживается и К. А. Свасьян, когда пишет: «Шпенглер, находящий множество высокомерных слов в отношении Дарвина и английского миропонимания вообще, открыто исповедует наиболее крайние возможности этого миропонимания. По-

¹ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 759.*

² *Ibid. S. 764.*

литика для него прямой аналог “борьбы за существование”»¹. Борьба между народами и постоянные войны способствуют, по мнению Шпенглера, тому, что народы находятся в «форме», и это, в свою очередь, является важным условием развития их духовной и материальной культуры.

Шпенглер подвергает критике «романтическое» понятие «народ»², которое после Великой французской революции стало господствующим. Между тем, по его мнению, например, для греческой и китайской культуры это было не свойственно³. Кроме того, понятие «народ» очень часто используется в научной литературе в самых различных смыслах. Поэтому Шпенглер в качестве исходного понятия предлагает рассматривать понятие расы. Он переносит национальные проблемы на антропологический уровень и превращает проблему наций в расовую проблему. Вместо понятия «народ» он говорит о племенах с кровно-родственными связями, живущих в определенном ландшафте и имеющих общий язык⁴. Тем не менее Шпенглеру не удалось полностью отказаться от использования понятия «народ». Народами у него становятся племена, у которых появляется сознание собственного духовного единства, а если они еще и поднимаются на уровень «высокой культуры», то из народов формируются нации: «Народы — это образования не языковые, не политические, не зооло-

¹ Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 127.

² Здесь Шпенглер во многом вторит Константину Леонтьеву, критиковавшему, как известно, национализм во всех современных проявлениях. С другой стороны, Николай Данилевский, напротив, был идеологом наций и предлагал создать новые славянские нации. В литературе, однако, отмечается влияние на него немецкого романтизма: именно романтизм, по мнению Шпенглера, как первое городское духовное движение, способствовал наделению понятий «народ» и «нация» особым сакральным смыслом.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 688.*

⁴ *Ibid. S. 689.*

гические, а духовные. Культурные народы являются нациями. Нации – это строящие города народы»¹.

Понятие расы Шпенглер трактует как некое духовное качество, свидетельствующее о правильных инстинктах людей. Расу он понимает не как это принято, например, в нацистских теориях, не как изначально данный факт, связанный с происхождением человека. Раса у Шпенглера тесно переплетается с понятием чести, и ее, как и честь, можно потерять. «Наличие чести в крови, – пишет Шпенглер, – все равно что обладание расой»². Понятие расы Шпенглер использует для обозначения естественных влечений к утверждению жизни; это здоровые инстинкты, преодолевающие сопротивление среды. Народы обладают расой, как правило, в начале своего исторического существования. По мере их развития расовые признаки постепенно теряются.³ Расовые признаки в наибольшей степени свойственны военным, а в наименьшей степени – ученым⁴.

Понимание Шпенглером расы отличается от распространенного тогда мнения, что раса – это навсегда приданная народу совокупность признаков, выделяющих его среди других. По Шпенглеру, расой обладают в той или иной степени все народы. В одном и том же народе могут быть индивиды, обладающие расой (они обладают честью) и не имеющие ее (низменные, падшие натуры)⁵. Б. Л. Губман отметит: «Хотя Шпенглер и всемерно превозносил значимость расового единства, но трактовал он ее иначе, нежели

¹ Ibid. S. 255.

² Ibid. S. 982.

³ Понятие расы у Шпенглера аналогично понятию «пассионарности» Л. Н. Гумилёва, когда последний пишет: «Любой этногенез – это более или менее интенсивная утрата пассионарности системой» (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 280).

⁴ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 755.*

⁵ Здесь вновь бросается в глаза сходство с пониманием Л. Н. Гумилёвым «пассионариев» и «субпассионариев» (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 263–268, 284).

идеологи фашизма. Расовое единство, для него, производно от национально-культурной схожести народов»¹. Ю. К. Мельвиль полагает, что именно расовое учение является одним из важных моментов, отличающих философию политики Шпенглера от идеологии национал-социализма, поскольку, по его мнению, «Шпенглер считал, например, что высшую расу отличают вовсе не биологические признаки, не цвет волос, рост, величина лицевого угла и т. д. – всему этому он не придавал значения, – но лишь духовные качества. Речь у него, следовательно, не о биологической, а о духовной аристократии»².

По Шпенглеру, раса присутствует у представителей дворянства, которые обладают политическим чутьем и жертвенностью. Эти качества вырабатываются в процессе сохранения старых традиций, путем муштры и благодаря высокому уровню моральных требований. Он пишет: «Традиции старинной монархии... поскольку в них наличествуют честь, самоотверженность, дисциплина, подлинное ощущение великой миссии, т. е. расовые качества, вымуштрованность, чутье на долг и жертву, – эти традиции способны сплотить вокруг себя поток существования целого народа»³. При этом Шпенглер ясно дает понять, что эти качества представителями элиты могут быть потеряны.

По Шпенглеру, расой могут обладать и представители низших слоев общества, которые отличаются беспрекословным подчинением властям. Шпенглер считает, что есть народы, которые хорошо управляемы и легко подчиняются своей власти, и те, которые плохо управляемы. Хорошо управляемый народ доверяет своему руководству, считает, что это подчинение выгодно ему самому. В поли-

¹ Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 84.

² Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 456–457.

³ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 1101.

тике народ тем более политически одарен, чем больше он доверяет своему руководству. Это доверие элите надо оправдать, иначе у народа возникает ощущение недостаточной безопасности, которое в виде докучливой критики приводит, в конечном счете, к падению государства.

Свое расовое учение Шпенглер связывает с проблемами народонаселения¹, которые обострились в Европе и Америке в XX столетии. Раса, для Шпенглера, всегда связана с естественной плодovitостью и наличием множества детей. Это позволяет путем естественного отбора выработать тип людей «высокой культуры». Кризис современной европейской культуры вызван сокращением прироста населения во многих европейских странах. Сокращение населения «белой» расы произошло, по мнению Шпенглера, из-за нежелания городских женщин рожать детей: «Женщина сильной расы не хочет быть “возлюбленной” или “любовницей”, но мать; и мать не одного ребенка, служащего игрушкой для времяпровождения, но многих: гордость за множество детей и чувство, что неплодovitость представляет собой сильнейшее предательство, которое может совершить женщина, а через нее и весь род, говорит об инстинкте сильной расы... Уже в простом обдумывании желаемого или опасного числа детей обнаруживается отсутствие стремления расы к длительности, которую невозможно возобновить через речь и письмо»². С другой стороны, «цветные народы»³ благодаря успехам европейской медицины снизили детскую смертность, что привело к росту народонаселения в странах третьего мира. Недостаток роста населения в европейских странах ком-

¹ Интерес к проблемам народонаселения был, как известно, важным моментом в политике национал-социализма. Мероприятия, которые проводили нацисты для искусственной поддержки рождаемости среди немцев и попытки «оздоровить» арийскую расу путем уничтожения душевнобольных, были полностью в духе Шпенглера.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 158.*

³ К ним относит Шпенглер и русских.

пенсировался притоком «цветного» населения. Шпенглер пишет: «Цветные расы в мире раньше были в два раза больше белых. Но после 1930 года в России ежегодный прирост населения составил 4 миллиона, в Японии – 2 миллиона, в Индии с 1921 по 1931 население выросло на 34 миллиона... Напротив, в Германии и Италии прирост населения составил меньше, чем полмиллиона, в Англии... лишь половину этого, во Франции и среди старых поселенцев Америки не имеется прироста населения»¹.

Шпенглер связывает понятие расы с физическим здоровьем и плодovitостью, поэтому сокращение рождаемости и рост нетрудоспособного населения свидетельствовал, для Шпенглера, о снижении качества «белой» расы. Для доказательства этого Шпенглер приводит следующие статистические данные: «Число неизлечимых душевнобольных выросло в Англии и в Уэльсе за 20 лет с 4,6 до 8,6 тысяч. В Германии число душевнобольных составляет примерно полмиллиона, в Соединенных Штатах – более миллиона... К этому следует добавить великое множество умственно, душевно и телесно ненормальных всех видов, истериков, душевно- и нервнобольных здоровых, но не способных родить детей»².

Все вышеуказанные моменты в изменении народонаселения европейских стран вполне справедливо вызывают озабоченность Шпенглера, искренне переживающего за духовное и телесное здоровье «белой» расы. Однако было бы наивным надеяться на возможность искусственного сдерживания этих процессов, как это делали национал-социалисты, проводя всевозможные насильственные мероприятия для сохранения и оздоровления «расы господ». Неясно, надеялся ли сам Шпенглер, что эти проблемы можно решить такими методами, какие использовал Гитлер, но как настоящий консервативный философ он хочет

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung.* München, 1933. S. 159.

² *Ibid.* S. 160.

указаниями на эти опасности по возможности затормозить процесс исторического развития.

Для того чтобы раса была сильной, необходимы, по мнению Шпенглера, два условия: большое количество детей в семье и естественный отсев: «Семьи с малым количеством детей способствуют не только уменьшению численности, но и ухудшению качества расы. Народ нуждается не только в наличии здоровой расы в себе самом, но и в наличии отсева более сильных, который ведет к этому... В крови должно быть нечто от варварства начальных времен в строгой форме старой культуры, что позволяет в трудные времена выстоять, защититься и победить. Это варварство есть то, что я называю сильной расой»¹. Но Шпенглер, правильно указывая на условия формирования здоровой расы, трактует человека здоровой расы «человеком-хищником»², что позволило идеологам национал-социализма использовать его теорию в своих целях.

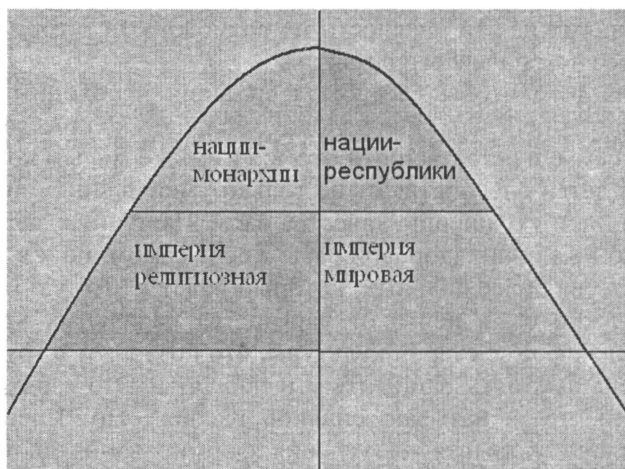
Определение наций как народов, «строящих города», безусловно, представляет интерес для современной науки. Но еще большее значение имеет трактовка им нации как некоего духовного единства, которое имеет государственную «форму». Немаловажное значение сегодня приобретает и анализ Шпенглером расовой проблемы, который в корне отличался от трактовки расы идеологами нацизма.

3.3. Мировая империя и будущее человечества

Прежде чем перейти к анализу Шпенглером мировой политики начала XX века, рассмотрим схему, которая позволяет правильно понять его интерпретацию мировых событий. Эта схема может быть изображена в виде графика:

¹ Ibid. S. 193.

² Ibid. S. 194.

Подобный график мы встречаем у Л. Н. Гумилёва, когда он описывает стадии процесса этногенеза. На графике, типичном для изображения циклических процессов, видна восходящая и нисходящая части в развитии любой «высокой культуры». На восходящей части находятся два периода: период религиозной империи и период наций (монархий). На нисходящей части кривой также видны два периода: период наций (республик) и период мировой империи. Из данного графика видно, что основным параметром для исторического анализа у Шпенглера является время. В этом состоит недостаток многих концепций, традиционно относимых к культурно-цивилизационному подходу, которые делают временной срез истории, но игнорируют пространственный анализ исторического развития. Этот недостаток можно исправить, рассмотрев пространственную динамику «высоких культур».

Из приведенной выше схемы видно, что период наций должен смениться созданием «мировой империи». В целом правильно уловив основные тенденции современной мировой политики, Шпенглер, однако, не заметил, что центром будущей империи будут США. И если в начале XX века по этому поводу могли быть какие-то сомнения, то сегодня,

в начале XXI века, ситуация достаточно однозначна. Если не концентрировать свое внимание именно на этом факте, то следует признать, что Шпенглеру в целом удалось заметить процессы глобализации в мировой политике, а также определить их влияние на международную жизнь.

Шпенглер постоянно подчеркивает, что политика в эпоху цивилизации принимает глобальный масштаб. В период цезаризма политическая жизнь приобретает форму мировой империи. Старые нации изменятся, на их место придут нации нового типа – «суммы равноправных индивидов, говорящих на одном языке... Фаустовские нации конца XX века будут родственными объединениями выборщиков с одинаковым ощущением жизни, с одинаковыми императивами сильной воли...»¹

Вместо старых наций появляются «мировые державы». Шпенглер дает им следующее определение: «Это государственное, или подобное государству, образование с руководством, имеющим всемирно-политические цели и возможностью их достигать; неважно, на какие средства оно опирается: на армию, флот, на политические организации, на кредиты, на мощные банковские или промышленные группы с едиными интересами или, наконец, на сильное стратегическое положение на планете. Можно все державы обозначить названиями миллионных городов, в которых концентрируется власть и дух власти. По сравнению с ними, все остальные страны и их народы являются только «провинцией»»².

Для современной политики, по мнению Шпенглера, характерен рост персональной власти, отказ от старых теорий и идей, кризис демократических институтов; но главный удар приходится на национальные государства³, кото-

¹ Ibid. S. 41.

² Ibid. S. 42.

³ *Афанасьев В. В.* Национальное государство как центральная категория этнополитологии // Политическая культура. Научные труды МНЭПУ. Вып. 6. М., 1999. С. 219.

рые, вследствие череды страшных войн, теряют свою политическую самостоятельность и становятся частью единой мировой империи¹. Шпенглер так пишет о наступлении периода цивилизации в европейской культуре: «Мы вступили в эпоху мировых войн. Она начинается в XIX столетии и будет продолжаться в нашем и, вероятно, в следующем веке. Она означает переход от системы государств XVIII века к мировой империи (*Imperium mundi*)»². Империализм трактуется немецким философом как непреходящий продукт цивилизации, в центре которого находятся так называемые «мировые города», которые рассматривают весь остальной мир как свою провинцию³. Николай Бердяев во многом соглашается с трактовкой Шпенглером современной эпохи как эпохи империализма. Как и Шпенглер, он оправдывает его: «Империализм разделяет и порождает мировую войну. Но он же объединяет человечество, приводит его к единству. Образование больших империалистических тел совершенно неизбежно, через него должно пройти человечество. Это одна из неотвратимых тенденций исторического процесса»⁴.

Освальд Шпенглер говорит о двух формах империализма в современную эпоху. Одна форма империализма делает упор на экономическую силу, другая – на военную. Если первый тип империализма характерен для Англии, то второй – для Германии. Шпенглер говорит о двух типах государственного устройства в Европе: примером одного является Англия, примером другого – Германия. Их различие состоит в том, что по своим историческим традициям Англия – либерально-демократическая страна, в то время как Германия – авторитарно-бюрократическое государство.

¹ В настоящее время Америка из национального государства трансформируется в новую мировую империю.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 16.*

³ *Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 89.*

⁴ *Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 109.*

С геополитической точки зрения Англия – островное государство, Германия – государство континентальное. Большое количество колоний позволяло Англии смягчать социальные противоречия внутри страны, поэтому ее внутригосударственное устройство традиционно более мягкое – либерально-демократическое (парламент, конституция и т. д.). У Германии географическое положение совершенно иное, у нее традиционно мало колоний, поэтому ее развитие было возможно, главным образом, за счет внутренних резервов. Это отразилось и на ее государственном устройстве, которое больше напоминало авторитарную систему. Английский либерализм здесь исторически оказался неприемлем, свобода была ограниченной. Сегодня Америка является продолжением английской традиции. Если Америка перенимала английские традиции, то для России большое значение имели традиции немецкие¹.

Какие конкретные формы приобретает сегодня предсказанная Шпенглером трансформация системы международных отношений в направлении формирования новой мировой империи? Распад Советского Союза изменил геополитическую структуру всего послевоенного мира. Образовавшийся политический вакуум на континенте начал заполняться возросшим политическим влиянием США и стран Европы, которые рассматривают прекращение холодной войны как свою победу. Начавшийся процесс формирования нового политического порядка в мире не завершён до сих пор. Но уже ясны цели, которые преследуют «победители».

Для США это, прежде всего, гарантии своих экономических интересов во всем мире, причем принцип нацио-

¹ С точки зрения Америки, наша страна представляется авторитарной, какой для Англии всегда была Германия. В России периодически предпринимались попытки демократического устройства, но все они не смогли долго просуществовать и уступали место более деспотическим режимам. Видимо, причина тому – в особенностях исторического и географического характера нашей страны (См.: *Afanasjew W. W. Natürliche und kulturelle Besonderheiten Russlands in seinem Verhältnis zu Europa // Berliner Osteuropa Info. 2000. № 14. S. 53*).

нального суверенитета, на котором строится современное международное право, уже не является для этого существенным препятствием. Для Европы характерно стремление распространить свое влияние на бывшие социалистические страны Восточной Европы. Этот огромный регион рассматривается не только как значительные людские ресурсы, но и как стратегический пояс защиты Европы от России, но защиты не от военной агрессии, а от «гуманитарных кризисов и экстремизма». Военные проблемы безопасности сегодня трансформируются все больше в полицейские. По мере роста экономической стабильности в Европе и США, возрастают и политические амбиции западных стран, что проявляется в возросших требованиях к правительствам неевропейских стран – как в экономической сфере, так и в сфере их внутренней политики. Во многих восточноевропейских странах не только конституции, но и работа парламента, партий и правительства осуществляется по европейским стандартам.

Збигнев Бжезинский в качестве важной задачи современной американской внешней политики видит необходимость избежать сценариев, предсказанных Шпенглером и его последователями: «Широкомасштабный пересмотр всемирной роли Америки в соответствии с новыми историческими реалиями поможет Соединенным Штатам избежать развития событий по зловещим сценариям, описанным во всемирно известных произведениях трех крупнейших политологов XX века – Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби и Самьюэла Хантингтона. Творчество каждого из них совпало с переломными событиями их эпохи. Шпенглер создавал свой шедевр в период окончания Первой мировой войны и крушения его имперской Германии; Тойнби – под впечатлением от Второй мировой войны, истощившей его Великобританию; Хантингтон – сразу после распада Советского Союза и обретения его Америкой статуса единственной сверхдержавы. Каждый философ рассматривал проблему возникновения и падения великих империй с разных точек зрения, но все они пришли к выво-

дам, малоутешительным для Соединенных Штатов, которым пришлось столкнуться с современными глобальными дилеммами»¹.

Особенностью развития современных международных отношений является то, что принцип национального суверенитета уступает место другим более абстрактным принципам. Для мирового сообщества, интересы которого представляют сегодня США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека. Существующий в современной международной практике принцип суверенного национального государства сложился не случайно, а на протяжении столетий войн и конфликтов. С другой стороны, принцип прав человека, по сравнению с принципом территориального суверенитета, очень абстрактен; то есть различные группы, отдельные лица, организации трактуют его по-разному, но, прежде всего, в своих интересах. Именно поэтому сделать этот принцип реальным инструментом международной политики очень сложно, если вообще возможно. И тем не менее одним из важных шагов в реформировании международных отношений, активно обсуждаемых сегодня, является отмена принципа суверенитета национальных государств, чьи функции в будущем должно перенять мировое правительство². Когда речь идет о соблюдении прав человека, то, как правило, обращают внимание на события в неевропейских странах; в то же время некоторые вопросы, с этой точки зрения, вызывает практика высылки за пределы ЕС нелегальных эмигрантов, напоминающая этнические чистки, как и смертная казнь, активно применяемая в некоторых американских штатах.

Другой важный момент во внешней политике западных стран, который вызывает настороженность, – это поддерж-

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 24.

² Одна из точек зрения видит в качестве мирового правительства модифицированное ООН через отмену права вето и усиление санкций.

ка националистических и экстремистских сил, политических партий и движений¹, если эти силы обещают политический кризис внутри страны и хроническую гражданскую войну. В Европе хорошо знают, чем заканчивается националистический угар, и тем не менее рискуют выпускать этого опасного джина, если это обещает сиюминутные политические выгоды. Волна национализма уже перемещается из бывших советских республик и социалистических стран в Западную Европу: в Германии это не только активизация неофашистов, но и возрождение империалистических настроений с целью «навести порядок» за пределами Европы: в Англии – проблема Ольстера, в Испании – проблема басков и т. д.

Многие политики склонны полагать, что роль ООН вполне может заменить НАТО, если в него войдут все европейские страны, за исключением России. Попытки представить НАТО в качестве мирового миротворца сомнительны уже потому, что эта организация отражает интересы не всего мира, а, прежде всего, стран Атлантического региона против всего остального мира. С такой натяжкой можно согласиться только в том случае, если считать, что эти страны несут миру особую цивилизационную миссию. Например, если эта миссия состоит в распространении по всему миру ценностей демократии, прав человека, свободного рынка капиталов, товаров, людей и информации.

Расширение НАТО на Восток значительно усилило значение этой военной организации на европейском континенте. Это не только значительный промышленный потенциал, но и огромные людские ресурсы, не говоря о перемещении границ альянса почти на тысячу километров на Восток. Традиционно оборонительный союз постепенно эволюционирует в наступательный согласно новой стратегии, получившей свое подтверждение в Вашингтонском

¹ *Афанасьев В. В.* Россия и Европа: история и современность // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2006. С. 5.

заявлении в апреле 1999 года. Новой задачей НАТО теперь является проведение военных операций «на периферии»¹.

Определяющее значение для отношений между Россией и Западом имела война на Балканах. Шпенглер² писал, что тот, кто мешает русским в их стремлении к религиозным истокам православия, становится их врагом. Сербия была не только частью Византии, но и сохранила верность ее культурным традициям и православию. Это объясняет, почему агрессия НАТО на Балканах вызвала волну возмущения в российском обществе, которое в своем историческом развитии также унаследовало православные византийские традиции. Участие в этой операции Германии как союзника Соединенных Штатов поставило на грань срыва сложившиеся за последние годы отношения взаимного сотрудничества и доверия между Россией и Германией³. Россия испытывает значительные экономические трудности, а именно с этой точки зрения она представляет для Европы определенный интерес. Политически же Россия представляет лишь препятствие для полной реализации европейских интересов.

Отношения России и Германии можно охарактеризовать как амбивалентные: в истории сменяют друг друга периоды тесного сотрудничества с периодами вражды, что объясняется сходством двух народов и одновременно резкими различиями, которые существуют между их культурами⁴. Участие немецких солдат в военных операциях

¹ В уставе НАТО 1949 года присутствует статья о действиях только в рамках ООН. В результате Косовской войны мировое сообщество имеет прецедент, когда НАТО ведет агрессивные военные кампании вне своей территории и без санкции ООН.

² *Spengler O. Das Doppelantlitz Russlands und die deutschen Ostprobleme // Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 124.*

³ См.: *Афанасьев В. В. Новый мировой порядок и миротворческая роль Запада // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2006. С. 142–154.*

⁴ Например, грамматики немецкого и русского языка ближе находятся друг к другу, чем английского и русского, и в то же время в немецком языке существуют такие правила, которые в русском отсутствуют.

впервые после Второй мировой войны вызвало в сознании европейских народов старые ассоциации и предрассудки, – такие как мифы о исконно немецком стремлении на восток (*Drang nach Osten*), о традиционных прусских военных доблестях, доходящих до признания себя в качестве «расы господ». *Drang nach Osten*, начиная с крестовых походов, было направлено не только на восток (Восточную Пруссию, Прибалтику), но и на юг. Немецкая колонизация осуществлялась по течению Дуная.

Если восточная колонизация была протестантской, то южная – католической. Особенно активно католическая колонизация славянских земель происходила в Австрии, где немцы длительное время составляли небольшой правящий класс господ среди большинства славянского населения. Проводя активную германизацию населения, им удалось создать такие новые народы, как словенский и хорватский. Правящее меньшинство использовало традиционные методы германской колонизации, когда старая элита физически уничтожалась, а ее место заняли представители «расы господ». Кроме этого, представители правящих германских родов через династические браки и другие интриги составляли высший слой монархий почти во всех странах Восточной Европы (от Греции до России). Процесс расширения Европейского союза, наметившийся в последнее десятилетие, во многом отвечает интересам Германии, так как именно Германия, благодаря своему центральному положению в новой Европе, извлекает из этого процесса максимальные выгоды.

В истории современных этнополитических конфликтов заметна одна черта: мировое сообщество часто встает на защиту народов, которые в своих агрессивно-националистических устремлениях готовы разрушить статус-кво. Создается впечатление, что в интересах Запада происходит разрушение сложившегося в результате Второй мировой войны миропорядка. Изменение этого, ставшего «старым», миропорядка возможно только в результате безумной по своим масштабам войны. Тот, кто утверждает об устарело-

сти послевоенного миропорядка, видимо, готов положить на алтарь новой войны миллионы невинных жертв. Но геополитические обстоятельства существования России не позволяют ослабить политический центр, что может привести к политическому хаосу на огромном пространстве Евразии. На евразийском континенте ни одна страна, кроме России, не в состоянии играть роль интегративного пространства. Германия, в лучшем случае, способна интегрировать Восточную Европу, но уже на Балканах она не в состоянии этого сделать.

Важное значение в современной мировой политике, по мнению Шпенглера, играют колониальные народы. Шпенглер называет их «цветными» и подчеркивает их враждебность по отношению к европейской культуре. Участвуя во время Первой мировой войны в военных действиях вместе с европейцами, представители «цветных» народов освоили европейскую технику и стали использовать ее против самих европейцев. Поскольку положение колониальных народов третьего мира намного хуже положения европейцев, то их национально-освободительная война сулит им всяческие выгоды, и они будут использовать любой случай для нападения на европейцев. В качестве наиболее заметных представителей «цветных народов» Шпенглер особое внимание уделяет России и Японии. Россия, которая до революции 1917 года принадлежала Европе, теперь становится самостоятельной и организует все остальные «цветные» народы на борьбу с Западом. В подобной трактовке исторической миссии России заметны антироссийские мотивы, которые были основными в империалистической политике фашистской Германии. Здесь Шпенглер отчасти воспроизводит господствующие в тогдашней Германии антирусские настроения. По мнению Шпенглера, Россия в мировой политике стремится ослабить европейские государства, разрушить европейскую культуру. С этой целью она поддерживает в Европе революционные движе-

ния, которые также ставят целью уничтожение европейской культуры. Этот вопрос Шпенглер подробно анализирует в работе «Годы решения» и приходит к выводу, что «цветная революция» колониальных народов и «белая революция» европейских деклассированных элементов действительно способны подорвать здание европейской культуры¹.

Основным недостатком многих циклических концепций исторического развития, в том числе и концепции Шпенглера, является временной анализ истории, которому не сопутствует пространственный анализ исторического развития. Этот недостаток можно исправить, рассмотрев пространственную динамику «высоких культур». Здесь, как мне представляется, некоторую ясность может внести схема концентрических кругов, показывающая религиозную динамику развития «высоких культур». Дело в том, что по мере жизни «высоких культур» меняется характер их религиозности. Если вначале она носит универсальный характер, то где-то в середине своего жизненного цикла религия начинает приобретать национальные черты, появляются национальные церкви, которые носят, как правило, протестантский характер. На этот факт духовной эволюции «высоких культур» указывает и Шпенглер². И, наконец, в завершающей фазе религиозность приобретает групповой характер, что проявляется в появлении большого количества сект. Если изобразить эти фазы в виде расширяющихся кругов, то можно получить диаграмму, отражающую пространственную динамику развития «высоких культур», которая дополняет анализ их временной динамики, представленной в работах Шпенглера и других сторонников культурно-цивилизационного подхода.

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 157.*

² *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963. S. 880.*

Данный график позволяет видеть пространственное распространение «высоких культур», которое вначале носит региональный, а затем приобретает глобальный характер. Но пространственное распространение религии связано с ее внутренним ослаблением, что приводит к обеднению и искажению ее внутреннего содержания. Данная схема приложима к анализу всех «высоких культур». Нетрудно заметить, что эти круги совпадают с соответствующими странами, на территории которых данные религии в течение длительного времени были господствующими. Так, в случае европейской культуры эта схема будет выглядеть следующим образом:

Особый интерес представляет анализ российской культуры, которая еще не закончила своего исторического развития, и поэтому последние страны еще не обозначились

с окончательной ясностью; однако можно предположить, что схема в данном случае будет выглядеть следующим образом:

Эти схемы позволяют видеть, что если западная цивилизация, одновременно с процессом становления мировой империи, переходит на «последний» этап своего исторического развития, то российская «высокая культура» находится еще в периоде наций, что видно на примере становления «национальных» религий, которые, как правило, поддерживаются государством и носят «протестантский», более рациональный по сравнению с прежними универсальными религиями, характер.

После распада Советского Союза Россия находится перед выбором своего места в геополитической картине мира. Несмотря на все усилия, это место остается до сих пор неясным, что сказывается на проведении самих реформ, на трудностях законодательной и исполнительной политики. Очевидно, что эра больших империй – в прошлом. Для развития современной системы международных отношений характерна тенденция распада крупных государств на более мелкие составляющие, с одной стороны, и создание экономических и политических блоков мелких государств – с другой. Весь мир организуется как система региональных ассоциаций, состоящих из национальных государств. Несмотря на кризис национально-государственной формы политического устройства в Европе, в других

странах мира именно эта форма остается самой распространенной, а для некоторых государств – даже в определенном смысле идеальной, ориентированной на будущее. Может ли модель национального государства найти свое применение и в России?

П. С. Стыков отмечает, что Россия сегодня находится на этапе поиска своего национального государства¹, на этапе осмысления своего места и своего призвания среди других народов мира. Но на этом пути ее ждет множество вопросов и препятствий. Так, например, встает вопрос «На каких принципах должно основываться новое, “свое”, национальное государство, ибо “национальное государство”, в смысле этнически более или менее гомогенного образования на территории Российской Федерации, невозможно»². С последним утверждением трудно спорить: так, с одной стороны, в Российской Федерации проживает кроме русских более 130 других народов и национальностей, составляющих примерно 17% всего населения страны; с другой стороны, более 25 миллионов русских оказались на территории бывших советских республик, а ныне – независимых государств (Украина – 11,3 млн, Казахстан – 6,2 млн, Узбекистан – 1,6 млн, Белоруссия – 1,3 млн, Киргизия – 0,9 млн)³. Эти цифры свидетельствуют о том, что именно русские в наибольшей степени пострадали в результате распада Советского Союза.

По своим географическим особенностям и историческим традициям Россия заметно отличается от остальных стран Европы, где модель национального государства получила наиболее яркое развитие. Речь идет о большой территории Российской Федерации, несмотря на то что она

¹ *Stykov P.* Slawophile und Westler: die unendliche Diskussion // *Rußland wieder im Dunkel.* Berlin, 1992. S. 107.

² *Oswald I., Voronkov V.* Föderation oder Imperium? Zu den Tendenzen einer zukünftigen Nationalitätenpolitik in Rußland // *Berliner Debatte.* 1994. № 3. S. 6.

³ *Nolte H.* Nationenbildung östlich des Burg. Hannover, 1994. S. 376.

значительно меньше бывшего СССР. Размер территории, как известно, накладывает отпечаток на политическое устройство. Как заметил в свое время еще Шарль Монтескье, для больших по территории государств наиболее адекватной формой политического правления является монархия, а не республика.

Такие особенности национального менталитета россиян, как врожденный интернационализм, «открытость» российского общества для выходцев любых национальностей – то есть отсутствие дискриминации по национальному признаку, – привели к тому, что представители «некоренных» национальностей широко представлены на всех уровнях российского общества. Все это затрудняет применение модели гомогенного национального государства для Российской Федерации. Россия не может стать национальным государством в традиционном его понимании без этнической чистки, на которую ни государство, ни народ, в принципе, неспособны.

Особые проблемы в реализации модели идеального национального государства в России представляет традиционная терпимость со стороны государства к многочисленным народностям и национальностям, проживающим на территории России, что позволило этим народностям не только сохраниться самим, но и сохранить свою культуру. Эта традиция значительно обогащала культуру России на протяжении веков. К сожалению, распространение национализма в последнее время привело к росту политических амбиций малых народов России, что имеет крайне негативные последствия и приводит не только к многочисленным этнополитическим и социальным конфликтам, но и к вымиранию наиболее незащищенных народов. Возрождению национализма способствовала и национальная политика советского периода, направленная на нивелировку, уравнивание и унификацию национальных культур¹.

¹ Пак М. Н., Югай Г. А. Ноевразийская концепция российской цивилизации // Вестник Московского университета. Сер. 7. № 3. 1996. С. 66.

Особенности образования наций в России и Западной Европе отмечал еще И. В. Сталин в своей статье «Марксизм и национальный вопрос» (1913): «В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке возникли государства, состоящие из множества национальностей»¹. В чем же существо отличий процессов этногенеза в этих регионах мира? Ответить на этот вопрос можно, приняв тот исторический факт, что народы, проживающие в этих регионах, отличаются друг от друга не только по своему характеру, но и по историческому возрасту. Многие исследователи отмечают, что современные европейские народы сложились уже в начале нынешнего тысячелетия, в то время как российский этнос окончательно сложился лишь в XVI веке. Л. Н. Гумилёв указывал на разницу в историческом возрасте народов, составляющих основу современных наций в России и Европе примерно в пятьсот лет.² Кроме того, национальное государство можно рассматривать как переходную форму от старых империй к новым содружествам государств, – таких, например, как Европейский союз. На месте старой империи Карла Великого возникли современные европейские государства, которые в настоящее время постепенно сливаются, все отчетливее становясь единой политической системой; то есть национальное государство является исторически преходящей формой государственного строительства. Разницу в процессе этногенеза России и Европы можно изобразить в виде таблицы:

	Империя	Нации	Сообщество
Европа	Карл Великий	Франция, Испания, Италия, Англия и др.	ЕС
Россия	Петр Великий	РФ, Украина, Белоруссия и др.	СНГ

¹ *Stalin J. W. Werke.* Berlin, 1950. Bd 2. S. 278.

² См.: *Марченко Г. И.* Этнос как объект и субъект политики: социальные основы политики // Вестник Московского университета. Сер. 12. № 5. 1997. С. 24.

Если исходить из предложенной выше схемы, то России предстоит в ближайшее время пережить период дальнейшего обособления окраин в отдельные самостоятельные национальные государства по «однонациональной» модели, а самой еще сохранять свой многонациональный характер, от которого ей при всем желании в настоящее время невозможно избавиться.

Этот краткий анализ некоторых тенденций современной мировой политики ясно показывает, что предсказанные Шпенглером особенности политического развития западной цивилизации, в целом, остаются справедливы и в наши дни. Тот факт, что так называемые «мировые державы» сегодня уже сформировались и постепенно сливаются в единую мировую империю с центром в США, хотя и не был предсказан Шпенглером, однако его общая оценка империализма как политики в эпоху цивилизации выдержала проверку временем и активно используется сегодня в политической практике.

3.4. Шпенглер о России и российской культуре

В произведениях Освальда Шпенглера мы находим многочисленные характеристики отдельных народов. Особый интерес для нас представляет его характеристика русского народа, как и анализ российской культуры в целом¹. Во втором томе «Заката Европы» при анализе «исторических псевдоморфоз» Шпенглер выделяет арабскую и русскую культуры, которые стоят несколько особняком². Их

¹ См.: Афанасьев В. В. Освальд Шпенглер о России и будущем ее культуры // Труды членов РФО. Вып. 10. М., 2005. С. 294–303.

² Сущность псевдоморфозы состоит в том, что в начальном периоде своего развития эти культуры испытывают сильное влияние других культур, что накладывает на их облик заметный отпечаток и затягивает развитие. Так, Персидская империя была покорена Александром Македонским, и в результате этого ее развитие замедлилось. Продолжительность исторической жизни псевдоморфозы примерно в два раза дольше «обычной» культуры.

отличием от других «высоких культур» является то, что они длительное время существовали под воздействием культур чуждых им. Особенностью российской культуры является еще и то, что ей, по мнению Шпенглера, принадлежит будущее. Немецкий исследователь Антон Коктанек пишет: «Шпенглер считает, что с помощью своего метода он может установить появление новой культуры. «Вторая метаморфоза находится сегодня перед нашими глазами: петровская Россия. Петр Великий является в шпенглеровской интерпретации “одновременным с Карлом Великим”»¹. Фрэнсис Лантинк сообщает, что в первоначальном проекте второго тома «Заката Европы» последняя глава должна была называться «Будущее России»². О России Шпенглер упоминает практически во всех своих произведениях. Этой теме посвящены и специальные его выступления³.

Основной чертой шпенглеровского анализа России является то, что он рассматривает ее как особый культурно-исторический мир, который нельзя смешивать с Европой⁴. В отличие от других авторов, писавших в Германии о России, Шпенглер считал Россию не просто страной и народом, а множеством народов, которые еще не развились в отдельные нации: «До сих пор я молчал о России умышленно, так как здесь необходимо отличать не только два народа, но и два мира. Русские вообще не народ в том смысле, каким являются немцы и англичане. Они содержат в себе возможности многих народов будущего, как германские народы времен Каролингов. Россия есть обещание грядущей культуры, в то время как тень от Запада будет

¹ Koktanek A. Oswald Spengler und seine Zeit. München, 1968. S. 163.

² Lantink F. Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991. S. 250.

³ Spengler O. Das Doppelantlitz Russlands und die deutsche Ostprobleme // Spengler O. Politischen Schriften. München, 1933. S. 107–127.

⁴ Afanasjew W. W. Natürliche und kulturelle Besonderheiten Russlands in seinem Verhältnis zu Europa, in: Berliner Osteuropa Info. 2000. № 14. S. 53.

становиться все длиннее и длиннее»¹. Стюарт Хагес пишет: «Шпенглеровская теория во многом напоминает теорию Данилевского и славянофилов, которые видели в России нацию будущего, имеющую отличную от европейских наций судьбу. Эта оценка сегодня находит большее понимание, чем раньше, когда для большинства европейцев Россия принадлежала к Западу»².

Влияние Европы на Россию, по Шпенглеру, распространилось только на ее высший социальный слой. Через петровские реформы элита российского общества восприняла европейские формы, народ же продолжает жить по своим традициям. Большевики – продолжатели дела Петра³ – восприняли идеи западного марксизма. Благодаря великому терпению русского народа, эти западные формы были навязаны и просуществовали долгое время, хотя внутренне они не принимались народом и ощущались как чуждые. Для так называемой «внутренней России» основной вопрос современности состоит не в решении социально-политических проблем, а в религиозном вопросе. По мнению Шпенглера, в России должна возникнуть новая версия христианства, одним из провозвестников которого Шпенглер считал Федора Достоевского⁴. Это историческая перспектива большого исторического масштаба, и по сравнению с ней современная Шпенглеру борьба немцев и англичан за мировую империю является лишь небольшим эпизодом.

Шпенглер лично был знаком с переводчиками произведений русской литературы на немецкий язык, в беседах с которыми он обменивался мыслями с целью понять русскую душу⁵. На основе этих бесед сложилось его представ-

¹ *Spengler O. Politischen Schriften*, München, 1933. S. 98.

² *Hughes H. Oswald Spengler: A critical estimate*. L.–N. Y., 1962. P. 76.

³ *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Frankfurt am Main, 1997. S. 794.

⁴ *Ibid.* S. 795.

⁵ См.: *Werner X. Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen*. Hamburg, 1987.

ление о русской культуре. Шпенглер считает, что прасимволом российской культуры является бескрайняя равнина – исконный ландшафт России. Именно бескрайние просторы привели к тому, что у русского человека отсутствует сила воли и целеустремленность, так свойственная человеку западной культуры. Если европеец смотрит «вверх», то русский смотрит «вдаль» – на горизонт. Русская равнина способствовала, по мнению Шпенглера, бесцельному кочевничеству, переездам с места на место, что обусловило недостаток квалифицированных рабочих и ремесленников.

Шпенглер считает русский народ крестьянским народом, которому чужда городская культура Запада; а Россию – совокупностью народов, из которых в будущем разовьются новые нации. Находясь под влиянием Достоевского, Шпенглер видел большое будущее для русского народа, а культуре, которую он создаст, по его мнению, будет принадлежать следующее тысячелетие. Шпенглер отмечает: «Будущее внутренней России лежит не в решении политических или социальных вопросов, а в рождении новой религии, третьей из богатых возможностей христианства»¹.

Характеризуя черты русского народа, Шпенглер считает, что ему чужды такие свойства европейской культуры, как индивидуализм, сильная воля: «Истинный русский в своем жизнеощущении остался кочевником, как северный китаец, маньжурец и туркмен. Родиной для него является не деревня, но бесконечная равнина матери России. Душа этого бескрайнего ландшафта заставляет его бесцельно скитаться. «Воля» отсутствует. Германское мироощущение имеет цель, которая должна быть достигнута, – дальняя страна, проблема, Бог, власть, слава или богатство. Здесь же семьи крестьян, ремесленников и рабочих переезжают с одного места на другое, с одной фабрики на другую без необходимости, только следуя внутреннему стремлению»².

¹ Ibid. S. 102.

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 44.*

Несмотря, казалось бы, на высокую оценку русской культуры и будущности русского народа как ее основного носителя, Шпенглер относит русских не к «белым», а к так называемым «цветным» народам. «Что же принадлежит к “цветному” миру? – пишет он. – Не только Африка и индейцы – наряду с неграми и их смешениями – во всей Америке, исламские народы, Китай, Индия до Явы, но прежде, всего, Япония и Россия...»¹.

Шпенглер причисляет Россию не к Европе, а к Азии; более того, он считает ее державой, господствующей в Азии: «Россия есть госпожа в Азии. Россия и есть Азия. Япония принадлежит к ней только географически. По своей “расе” она находится, без сомнения, ближе Восточным Малаям, Полинезии, некоторым индианским народам Западной стороны Америки. На море она то, что Россия на суше: господствует на большой территории, в которой западные государства не имеют большого значения»². Шпенглер одним из первых на Западе заявил, что Россию ожидает большое будущее. Именно с Россией он связывает появление новой культуры³, которая придет взамен угасающей европейской культуры. Но произойдет это не скоро, ибо на рубеже XIX и XX веков европейская культура лишь переходит в период цивилизации, когда она должна будет подчинить своему влиянию весь мир.

В отношении России Шпенглер двойствен, хотя он сам упрекает Россию в двуличности⁴. С одной стороны, он говорит о грядущей российской культуре; с другой стороны, все его высказывания относительно политических событий

¹ Ibid. S. 150.

² Ibid. S. 153.

³ Начало российского государства Шпенглер датирует 1480 годом – годом освобождения от монголо-татарского ига (*Geier W. Russland und Europa: Skizzen zu einem schwierigen Verhältnis. Wiesbaden, 1996. S. 45*).

⁴ О чем говорит даже само название одной из его статей о России: «Двуличие России и немецкие восточные проблемы» (*Spengler O. Das Doppelantlitz Russlands und die deutschen Ostprobleme // Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 107–126*).

современной ему «большевистской» России имеют явно негативный характер. Большевизм он оценивает критически и считает его «городским» движением, создающим лишь европейские подоби¹. Большевизм Шпенглер считал продолжением антинародного строя в России, который на место старых европейских династических форм чуждого народу режима ставил западные капиталистические формы. Шпенглер видит заслугу большевизма только в том, что он расчищает дорогу для новой русской культуры². Лидеры большевиков смотрят на Запад, а «молчаливая Россия» смотрит на Азию.

Вопреки господствующему в Германии мнению, Шпенглер считает, что Восточная Пруссия не является истинно немецкой землей. Однако он повторяет расхожее в Европе мнение, что русские, благодаря своему равнинному существованию, не только способны выносить трудности, но и имеют склонность к подчинению, благодаря которой в политике России появлялись такие личности, как Чингисхан и Ленин³.

Русских, вместе с поляками и балканскими народами, Шпенглер относит к азиатам. По его мнению, несмотря на проевропейские реформы Петра, Россия имеет внутреннее стремление к Византии и Иерусалиму. Лишь верхний слой российского общества стремился на Запад – в Европу, наивысшим пунктом в этом стремлении был парад победы Александра I в Париже как «спасителя Европы». Нижние слои российского общества в этой политике не принимали участия. Для верхних слоев всегда был важен престиж в глазах Европы, народ же поддерживал только движение на юг, к Константинополю. Если Ленин для Шпенглера – типичный представитель западноевропейского коммунизма, то Сталин отражает интересы широкой народной мас-

¹ *Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 177.*

² *Ibid. S. 120.*

³ *Spengler O. Das Doppelantlitz Russlands und die deutschen Ostprobleme // Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 10–126.*

сы, и именно с его правлением Шпенглер связывает дальнейшее будущее России.

Шпенглер отмечает, что на Западе за Россией несправедливо закрепилось мнение, что она создала большевизм. Он старательно доказывает, что истоки большевизма лежат в Европе, а в России они нашли только благодатную почву для своего распространения. «Большевизм зародился в Западной Европе, точнее – в английских материалистических кругах, где Вольтер и Руссо вращались как ученики, а в якобинстве континент нашел свое реальное выражение. Демократия XIX века уже есть большевизм; ей не хватает только мужества быть до конца последовательной... Большевизм не угрожает нам, а уже овладел нами»¹. Шпенглер также отрицательно относится к поддержке со стороны Западной Европы русских нигилистов и революционеров, что говорит об определенной его смелости, поскольку общественное мнение Европы было на стороне революционеров, которые рассматривались как жертва царизма.

Как и любой другой народ со своеобразной культурой, русские внутренне враждебны чуждым им культурам. Так объясняет Шпенглер ненависть русских ко всему европейскому, к Петербургу как символу европеизации России. Он находит у Достоевского строки, в которых писатель признается в своей нелюбви к Петербургу, хотя и провел всю свою жизнь в этом городе. Даже революцию 1917 года Шпенглер пытается объяснить ненавистью народа к европейским формам. Шпенглер следующим образом резюмирует значение русской революции: «Азия вновь захватила Россию, после того как Европа приняла ее к себе с помощью Петра Великого»². И это несмотря на то, что самих революционеров, которые совершили революцию в России, Шпенглер считает явлением европейским. Большеви-

¹ *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933. S. 69.*

² *Ibid. S. 43.*

ки, по его мнению, были частью проевропейски настроенной русской элиты, которая не признавалась европейцами и поэтому затаила внутри себя ненависть к Западу.

Шпенглер дает следующую интерпретацию современной ему истории России: «В России в 1917 году обе революции, белая и цветная, разразились одновременно. Одна – мелкая городская революция рабочего социализма с западной верой в партию и программу, революция литераторов, академических пролетариев и нигилистических подстрекателей типа Бакунина в единстве с дрожжами больших городов, насквозь риторичная и литературная; она покончила с петровским обществом большей частью западного происхождения и поставила на сцену буйный культ „рабочего“. Машинная техника, которая так чужда и ненавистна русской душе, стала вдруг божеством и смыслом жизни. Однако снизу медленно, жестко, безмолвно, ориентируясь на будущее, началась другая революция – мужика, деревни, собственно азиатского большевизма. Ее первым выражением был вечный голод крестьян на землю, который тянул солдат с фронта, для того чтобы участвовать в разделе земли. Рабочий социализм очень скоро распознал эту опасность... Он отнял у крестьян собственность, ввел фактически крепостное право и фронтовые работы, отмененные в 1862 году Александром II, и установил в сельском хозяйстве злобное и бюрократическое управление – всякий социализм, который идет от теории к практике, превращается скоро в бюрократию, – поэтому поля сегодня заросли, бывшее поголовье скота растеклось на части, и голод азиатского стиля стал постоянным явлением, которое может перенести только слабовольная, рожденная для рабства раса»¹.

Такая ситуация позволяет немцам, по мнению Шпенглера, заниматься в России бизнесом, если не мешать русским в их стремлении в Константинополь и Иерусалим.

¹ Ibid. S. 151.

Антон Коктанек отмечает: «Еще полностью ограничивая себя своей теорией о нерусском характере машинной индустрии и денег, Шпенглер верил, что при умелой дипломатии немцы в России имеют шанс с пользой для русских руководить предприятиями. Ни в коем случае не желал он пересекаться с русскими интересами на Переднем Востоке, как не желал и военного нападения. Для русских будет любой врагом, кто будет блокировать их путь на Передний Восток»¹.

В отношении России Шпенглер предлагает тактику экономического использования ресурсов этой огромной страны в интересах Германии. Участие немцев в экономике России может быть огромным, поскольку русские, как и все народы в их начальном развитии, не интересуются торговлей, считая это дело недостойным; а иногда и просто неспособны на это. Такой своеобразный экономический колониализм может быть полезен как немцам, так и русским. Тем более что русские с их стремлением к кочевничеству, с их страстью к бесцельным переездам с места на место, по мнению Шпенглера, неспособны развивать собственную промышленность на высоком техническом уровне.

Если использовать геополитический подход, то позицию Шпенглера по отношению к России можно интерпретировать следующим образом. Германия, как страна, занимающая значительную часть европейского континента, имеет, однако, выход к морю, что делает ее геополитическую позицию непоследовательной, двойственной. В Германии борются между собой две партии: континентальная и морская. Континентальная партия исходит из того, что Германия является сухопутным государством, и предлагает стратегическое сотрудничество с континентальной Россией. Морская партия, напротив, ассоциируя Германию с другими морскими державами Запада, предлагает союз

¹ *Koktanek A. Oswald Spengler und seine Zeit. München, 1968. S. 262.*

с Америкой. С этой точки зрения Шпенглер является представителем континентальной партии, что и объясняет его симпатии к России и ее культуре.

Выход в свет «Заката Европы» вызвал большой резонанс в России. Важную роль в популярности идей Шпенглера в России сыграл его тезис о закате европейской культуры, – тезис, который уже давно пропагандировался представителями славянофильского лагеря¹. Необычным было то, что эту идею высказывал представитель европейской культуры². Хотя некоторые евразийцы и отрицали влияние идей Шпенглера на их мировоззрение, но даже поверхностное сравнение философии Шпенглера с учением евразийцев показывает много общих моментов³. Будучи наследниками славянофилов, евразийцы не могли не обратить внимания на славянофильские идеи Шпенглера. Многие исследователи говорят о сходстве политических идей Шпенглера и евразийцев⁴. Сближает взгляды Шпенглера и евразийцев, прежде всего, тезис о независимости российской цивилизации от истории и культуры Западной Европы. Россия рассматривается не только как самостоятельная цивилизация, но и как цивилизация, которой принадлежит будущее. Единоы евразийцы со Шпенглером и в том, что европейская культура исчерпала свои возможности и медленно приближается к своему историческому концу. Евразийцы, как известно, выступали с неоконсервативными идеями и предлагали православие в качестве идеологии не только для России, но и для всего мира. По-

¹ См.: *Afanasjev V. V. Russische Geschichtsphilosophie auf dem Prufstand. Münster, 2002. S. 81.*

² Адольф Дуров считает Шпенглера пророком «москвитизма» (*Dyrov A. Betrachtungen über Geschichte. Köln, 1926. S. 116*).

³ Примечателен тот факт, что как Шпенглер, так и Н. С. Трубецкой подверглись преследованию со стороны гестапо: один в Мюнхене, другой в Вене.

⁴ Например: *Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57.*

этому консервативная установка также является общим моментом для Шпенглера и евразийцев.

Однако в их мировоззрении существуют и различия. Это, прежде всего, отношение к европейским формам империализма. Как было показано выше, Шпенглер является одним из идеологов европейского, и в частности германского, империализма. Евразийцы же в числе первых указали на опасность со стороны европейского империализма не только для России, но и для других развивающихся стран. Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), например, в своей работе «Европа и человечество» (1922) показал опасности европейского империализма, прежде всего, для культуры развивающихся стран, которые в своих попытках перенять европейскую культуру с неизбежностью губят свою собственную. Такая критика Н. С. Трубецким экспансионизма Европы от имени эксплуатируемых неевропейских народов вполне вписывается в шпенглеровскую схему, согласно которой Россия стоит во главе неевропейских («цветных») народов, стремящихся разрушить культуру европейских («белых») народов¹. При этом Н. С. Трубецкой, как представитель России, защищает культуру колониальных стран, в то время как Шпенглер остается верен европейской культуре².

Таким образом, мы находим у Шпенглера и восхищение русской культурой, и старые предрассудки, которые существуют в Европе по отношению к России и продолжают определять отношение европейских народов к нашей стране. Шпенглер искренне попытался понять Россию, ее культуру, но сделать это ему до конца не удалось или в силу тех же устойчивых антирусских предрассудков, или в силу того, что, согласно тезису самого Шпенглера, пред-

¹ Александр Дугин называет Н. С. Трубецкого «русским» Шпенглером (Дугин А. Преодоление Запада // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 4).

² Afanasiev V. V. Europa aus eurasischen Sicht // Europa und seine Dimensionen im Wandel. Münster, 2005. S. 65–78.

ставители одной «высокой культуры», в принципе, не могут понять другую «высокую культуру». Хотя Шпенглер говорит о важной роли России для будущего человечества, сам он полностью поглощен только будущим Германии. А. К. Свасьян резюмирует: «Россия так и осталась для Шпенглера загадочным кентавром, то завоевываемым Европой, то отвоевываемым Азией; в обоих случаях – неким псевдоморфозом, не обретшим еще своего прасимвола и истонного ландшафта. В сущности, он увидел ее в традиционной расщепленности на потемкинские декорации Петербурга и Москвы и кромешную промежуточную тьму, на Россию голландских пивоваров и фон Визиных и пугачевско-разинскую стихию вечных недорослей – еще одна схема, за грамматической правильностью которой скрывается большая стилистическая ложь»¹.

Некая амбивалентность к России, которая наблюдается у Шпенглера, свойственна и для отношений России и Германии в целом. В истории этих стран периоды дружбы и сотрудничества перемешиваются с периодами войн и взаимной вражды. Основываясь на достаточно адекватном понимании исторических проблем России, Шпенглеру удалось найти правильный алгоритм отношения Германии к своему восточному соседу: экономическое сотрудничество и невмешательство в стремление России распространить свое политическое влияние на Балканы².

¹ Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1. С. 121.

² Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S. 124.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИДЕИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Среди наиболее известных последователей Освальда Шпенглера можно выделить английского историка Арнольда Тойнби и российского социолога Питирима Сорокина. Некоторые зарубежные исследователи считают, что Шпенглер опосредованным образом повлиял и на мировоззрение Карла Ясперса, хотя их историософские концепции в целом во много отличны друг от друга¹. Определенное влияние идеи Шпенглера оказали и на советского этнолога Льва Николаевича Гумилёва и немецкого футуролога Осипа Флехтгейма. Особое значение среди современных последователей Освальда Шпенглера имеет американский политолог Самуэль Хантингтон, который в основу своей политологической концепции положил шпенглеровскую философию политики. Влияние идей Шпенглера нельзя свести только к восприятию этими авторами шпенглеровской исторической концепции; речь идет, как правило, и о дальнейшем развитии его политических воззрений. Рассматривая взгляды вышеперечисленных авторов, постараемся выяснить, какие идеи Шпенглера получают у них особое звучание.

¹ См.: *Lehnert E.* Imperialismus und Welteinheit: Globalisierungsvorstellungen bei Spengler und Jaspers // *Utopiekreativ*. 2002. № 12. S. 1019; *Гайденоко П. П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 21.

4.1. Влияние идей Шпенглера на концепции А. Тойнби, П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилёва

Благодаря своей известности¹, английский историк Арнольд Тойнби (1889–1975) способствовал возобновлению интереса к философии Освальда Шпенглера. Питирим Сорокин писал: «Теория цивилизаций А. Тойнби продолжает линию Данилевского и Шпенглера и может считаться кульминационным пунктом в развитии теории локальных цивилизаций. Его монументальное исследование “Изучение истории” представляет собой шедевр исторической и макросоциологической науки»². Основное отличие исторической концепции Тойнби от шпенглеровской состоит в большем количестве цивилизаций, которые он выделяет во всемирной истории. Другим важным отличием, как правильно указывает Б. Л. Губман, является стремление Тойнби отказаться от тезиса о полной независимости «высоких культур»³.

Раймонд Арон говорит о так называемом «парадоксе Шпенглера». Дело в том, что Шпенглер, отрицая единство человеческой истории и утверждая «непроницаемость» отдельных культур, сам, в свою очередь, пытался понять и описать их. Этот недостаток шпенглеровского подхода

¹ Основные работы Тойнби переведены на русский язык: *Тойнби А. Д.* Постижение истории. М., 1996; *Тойнби А. Д.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995. Взгляды Арнольда Тойнби достаточно хорошо исследованы в отечественной научной литературе. Ср.: *Маркарян Э. О.* О концепции локальных цивилизаций: Критический очерк. Ереван, 1962; *Семенов Ю. Н.* Социальная философия А. Тойнби. М., 1997; *Уколова В. И.* «Старомоден» ли профессор Тойнби // *Тойнби А. Д.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 5–18; *Губман Б. Л.* Вызов концепции локальных цивилизаций // *Губман Б. Л.* Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 76–91; *Губман Б. Л.* Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997.

² *Сорокин П. А.* Социологические теории современности. М., 1992. С. 80.

³ *Губман Б. Л.* Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 76.

Арнольд Тойнби хотел исправить. Если Шпенглер исходил из отрицания единства истории, то Тойнби допускает «трансляцию» культурно-исторического опыта и говорит о связях между локальными цивилизациями. В результате он приходит к пониманию всемирной истории, в основе которого лежит религиозный подход. Кроме того, Тойнби, в отличие от Шпенглера, пытается найти смысл всемирно-исторического процесса.

По Тойнби, все цивилизации прошли стадию становления; большинство достигли также расцвета, а немногие претерпели и процесс дезинтеграции, завершившийся окончательной гибелью. Он допускает, что любая цивилизация способна сойти со своей исторической дистанции, поэтому время существования той или иной цивилизации нельзя заранее предопределить. Хотя Тойнби, в целом, воспроизводит идею цикличности Шпенглера, он, однако, отвергает исторический фатализм последнего: «Говорить догматически, подобно Шпенглеру, что каждое общество обладает предопределенным временем развития, столь же глупо, как утверждать, что каждая написанная пьеса должна состоять из одного и того же количества актов»¹.

Если у Шпенглера «высокие культуры» – это, прежде всего живые организмы, то для Тойнби цивилизации трактуются как поля действия индивидуумов. Понятия «общество» и «цивилизация» у Тойнби практически идентичны². Цивилизации для него – это общности людей, объединенных системой общественных связей. Они состоят из отдельных национальных государств.

Тойнби рассматривает мировую политику как арену состязания цивилизаций, при этом цивилизация у него, как и у Шпенглера, шире национального государства. Тем не менее, национальным государствам английский историк отводит важную роль в мировой политике, поскольку именно через них цивилизация реализует себя в простран-

¹ *Toynbee A. A Study of History. L., 1977. P. 155.*

² Такой же подход мы позже увидим и у Питирима Сорокина.

стве и времени. Особую роль призваны играть при этом, по его мнению, так называемые «центральные» государства.

Цивилизации, по Тойнби, представляют собой «общества с более широкой протяженностью, как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства¹, города-государства или любые другие политические союзы»². Термин «цивилизация», иногда используется в научной литературе для обозначения человечества в целом, поэтому Тойнби использует его вместе с атрибутом «локальная». Основным признаком принадлежности к цивилизации является культура, всегда тесно связанная с религией. Именно по культуре следует определять принадлежность государств к определенной цивилизации.

Каждая локальная цивилизация имеет, согласно концепции Тойнби, свои индивидуальные особенности. Так, развитие техники – характерная черта западной цивилизации, увлечение эстетикой – характерная черта греческой цивилизации, а религией – индуистской цивилизации. Особенность каждой цивилизации состоит еще и в ее языке. Чем сильнее развита цивилизация, тем неповторимей ее жизненный путь, тем уникальнее ее исторический опыт.

Тойнби выделял в истории более двадцати локальных цивилизаций. Среди них наиболее заметную роль, по его мнению, сыграли западная, российская, византийская, иранская, арабская, индийская, античная, сирийская, китайская, минойская, шумерская, хеттская, вавилонская, андская, мексиканская, майя, египетская цивилизации.

Он делит все цивилизации на «живые», «реликтовые», «неродившиеся» и «задержанные». На данный момент осталось пять живых цивилизаций: западная, православная, исламская, дальневосточная и индуистская³. Тойнби делит

¹ Национальные государства выступали раньше основной единицей анализа политики. Однако в условиях глобализации авторитет их начинает падать, поэтому Тойнби предлагает признать цивилизации основным уровнем политического анализа.

² Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 40.

³ Тойнби А. Д. Постигание истории. М., 1991. С. 33.

цивилизации на те, которые получили «полное развитие», и на «неудавшиеся». Цивилизации, получившие полное развитие, Тойнби подразделяет на «независимые» и «сателлиты»¹. Как и Шпенглер, Тойнби в своих работах уделяет большое внимание античной цивилизации. По аналогии с античной цивилизацией Тойнби предсказывает столкновение Запада со всем остальным миром.

Важной особенностью концепции локальных цивилизаций Тойнби является то, что он, в отличие от Шпенглера, не понимает, что многие из выделяемых им современных цивилизаций уже полностью прошли цикл своего исторического развития. Это означает, что в мировой политике они могут выступать только в качестве объекта для осуществления планов «живых» цивилизаций, еще не закончивших цикл своего развития, – европейской и российской².

Английский историк предостерегает от поспешных оценок, постулирующих возникновение сегодня единой человеческой цивилизации, тем более отождествляющих ее с западным обществом: «Западные историки... считают, что в настоящее время унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям»³.

Как и Шпенглер, Тойнби считает, что современное видение истории остается европоцентристским. Западная цивилизация, достигшая в своем развитии высокого научного и технологического уровня, породившая либеральную демократию⁴, тем не менее не представляется ему идеальной.

¹ *Toynbee A. A Study of History. L., 1977. P. 72.*

² Даже исламская цивилизация, о которой сегодня часто речь заходит как о важной политической силе современного мира, часто служит интересам Запада.

³ *Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 81.*

⁴ Этот факт, согласно известному тезису Ф. Фукуямы, является пиком исторического развития западной цивилизации и одновременно ее «концом истории».

Напротив, для Тойнби совершенно очевиден ее экспансионистский характер.

Для объяснения механизма исторического развития цивилизаций, Тойнби предлагает теорию «вызова – ответа». Конкретная историческая ситуация постоянно ставит перед цивилизациями новые проблемы – «вызовы». Наиболее стимулирующее воздействие оказывает «вызов» средней силы. Слабый «вызов» не может заставить систему перейти на качественно новый уровень, в то время как чрезмерно сильный «вызов» может ее разрушить.

Для успешного ответа на «вызов» необходимо наличие в обществе людей, способных этот «вызов» понять и дать на него «ответ». В любой цивилизации, по Тойнби, существует часть населения, «свободного от задачи не только производить продукты питания, но и быть вовлеченным в какую-либо область экономической деятельности – промышленности и торговли»¹. Это так называемое «творческое меньшинство» – элита общества, состоящая из военных, администраторов и священников². Здесь Тойнби полностью воспроизводит во многом элитаристскую трактовку Шпенглера.

Для возникновения цивилизации необходимы «вызовы»³. Они могут исходить как от других цивилизаций, так

¹ *Toynbee A. A Study of History. L., 1977. P. 44.*

² Здесь концепция Тойнби перекликается с теорией пассионарности Л. Н. Гумилёва. «Творческое меньшинство» Тойнби во многом напоминает пассионариев. Пассионарность, по Гумилёву, есть внутреннее стремление к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели. Пассионарность представляет собой форму антиинстинкта, поскольку часто толкает личность на поступки, идущие вразрез с инстинктом самосохранения. И в концепции Тойнби, и у Гумилёва пассионариев и творческих личностей мало, но именно они создают необходимую для развития социума критическую массу, увлекая своим примером других.

³ Он выделяет пять основных стимулов, которые могут положительным образом повлиять на успешный генезис цивилизации: «стимул природной среды», «стимул бесплодной земли», «стимул новой земли», «стимул окружения», «стимул удара», «стимул давления», «стимул ущемления».

и иметь естественную природу, – это вызовы территории и климата. «Вызовы» заставляют искать новые формы действия. «Вызов» обычно рассматривается как негативный фактор, однако он является основным фактором, толкающим общество на территориальную экспансию, стимулирующим развитие техники. «Вызовы» со стороны враждебных цивилизаций могут проявляться как в форме технического и экономического превосходства, так и в форме идеологической и культурной пропаганды. Заимствования чужой культуры, по мнению Тойнби, разрушают целостность цивилизации и ускоряют ее гибель. Отвечая на «вызов», общество решает вставшую перед ним задачу, что приводит к усложнению его внутренней структуры. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к развитию.

Тойнби выделяет пять типов «вызова»: «вызов суровых стран», «вызов новых земель», «вызов ударов», «вызов давления» и «вызов ущемления». Если вначале обществу приходится в основном отвечать на «вызовы природы», то, по мере развития, основными становятся социальные противоречия: борьба между классами, религиозные и национальные вопросы.

Территориальное расширение не является показателем развития цивилизации. Оно, по мнению Тойнби, – признак внутреннего кризиса: «Общество, переживающее упадок, стремится отодвинуть день и час своей кончины, направляя всю свою жизненную энергию на материальные проекты гигантского размаха, что есть не что иное, как стремление обмануть агонизирующее сознание, обреченное собственной некомпетентностью и судьбой на гибель»¹. Тойнби не считает и рост власти над природой показателем прогресса; скорее, он свидетельствует о надломе сил цивилизации. Кроме того, технический прогресс, как известно, часто ведет к пренебрежению духовной сферой жизни. Прогресс, по Тойнби, заключается в законе упрощения. Смысл его

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 224.

в том, что прогрессирующая система должна переходить к элементам все более элементарным, постигаемым лишь при помощи абстрактных категорий; иногда происходит перенос поля действия цивилизации, связанный со стремлением найти альтернативную сферу действия.

На стадии роста цивилизации происходит постоянная ротация среди творческого меньшинства: «Время от времени выдающиеся личности или социальные группы вынуждены отступать в тень, уходить за кулисы исторического действия, чтобы внутренне преобразоваться, накопить энергию для последующего победоносного выступления»¹. Отношения между творческими и инертными слоями общества становятся все более противоречивыми, что говорит о начале духовного раскола внутри цивилизации. Стремление подражать приводит к упадку творческой деятельности. Появляется бездумное копирование, повторение, тиражирование. Тойнби подчеркивал, что механизм подражания пагубно действует на личность, развивает равнодушие. В результате творческие импульсы затухают в инертной социальной массе. Процесс духовного разобщения между творческим меньшинством и пассивным большинством начинается тогда, когда элита адаптируется к среде и не совершает творческих усилий. Ее авторитет падает, она, для сохранения своего привилегированного положения, начинает прибегать к силовым методам. Таким образом, возникает противоречие, ведущее к социальной пропасти между элитой и остальным обществом, что, в конце концов, приводит к надлому.

Надлом может произойти по следующим причинам: 1) отказ большинства от подражания. Во время катаклизмов оно может потерять веру в идеалы меньшинства и, не имея сдерживающих традиций, оказывается в «подвешенном» состоянии; 2) ошибка меньшинства, выражающаяся в его пассивности. Общество с таким творческим мень-

¹ Там же. С. 26.

шинством существует лишь до первого кризиса; 3) изоляция правящего меньшинства от общества и, как следствие, его вырождение; 4) Идолопоклонство – «ущербное и слепое обожествление части вместо целого, твари вместо творца и времени вместо вечности»¹.

Во время надлома общество распадается на три части: 1) «правлящее меньшинство», цепляющееся за свое привилегированное положение, создает «универсальное государство»; 2) «внутренний пролетариат», не доверяющий правящему меньшинству, создает «вселенскую Церковь»; 3) «внешний пролетариат» создает атаки «варваров» на ослабевшую цивилизацию². Эта схема во многом совпадает с политической концепцией Освальда Шпенглера, который в свое время писал и о важной политической роли правящего меньшинства, и о «белой» и «цветной» революциях, движущей силой которых, очевидно, и являются «внутренний» и «внешний» пролетариат.

Творческое меньшинство, используя силовые методы, вырождается в господствующую элиту. Пассивное большинство перерождается во «внутренний пролетариат» – в бесправную и обездоленную массу людей, оторванных от своих корней и постоянно испытывающих чувство неудовлетворенности. Отчуждение элиты от большинства населения ведет к внутреннему расколу. В это же время на политической арене все чаще появляются военные отряды «внешнего пролетариата» – соседних народов, внешне вовлеченных в судьбу данной цивилизации, но внутренне чуждых ей.

Такая трактовка кризисного состояния цивилизации говорит о том, что Тойнби остается верным учеником Шпенглера, которому принадлежит первенство в подобной

¹ Там же. С. 310.

² Как видно, эта схема полностью вписывается в трактовку Шпенглером современного кризисного состояния западного общества, изложенную в его работе «Годы решения».

интерпретации кризиса цивилизации. Напомним, что, согласно Шпенглеру, «белой» революции приходит на помощь «цветная» революция внешних народов, которая так же враждебно настроена по отношению к культуре. Именно эти две силы, по мнению Шпенглера, разрушают здание старой европейской культуры.

Тойнби считает, что разложение общества сопровождается деградацией элиты, которая теряет свою творческую силу, успокаивается или погружается в апатию. Как отдельный человек иногда незаметно для себя деградирует, поживает на лаврах, элита теряет свою дееспособность. Творческую активность заменяет слепое копирование и плагиат – «мимесис»¹. Одновременно элита стремится всеми законными и незаконными средствами закрепить свое привилегированное положение.

Одновременно развитие техники начинает негативно влиять на большинство населения, приучая его жить без усилий и стремиться к наслаждениям. Все это подготавливает почву для внутреннего раскола. Тойнби пишет: «Раскол – есть продукт двух негативных движений. Сначала властвующее меньшинство старается удержать силой против всякого права и разума позицию унаследованного привилегированного положения, которого оно уже не достойно; затем пролетариат воздает за несправедливость – сопротивлением, за страх – ненавистью и за насилие – насилием»².

Продуктом умирающей цивилизации является «универсальное государство», которое создает загнивающая элита для закрепления своего несправедливого господства. Это государство основано исключительно на букве закона и потому является мертвой политической формой. Одновременно пролетариат создает «универсальную Церковь», историческая роль которой состоит в том, что она служит своеобразным мостиком, переходом к новым цивилиза-

¹ *Toynbee A. A Study of History. L., 1977. P. 164.*

² *Ibid. P. 228.*

циям¹. Универсальная Церковь выполняет задачу переноса культурных достижений умершей цивилизации, когда умирающая цивилизация выступает той культурной средой, в которой последующие цивилизации видят образец для развития собственной культуры.

«Читатели Шпенглера и Тойнби, – пишет В. Л. Цымбурский, – наверняка обращали внимание на ту исключительную значимость, которую оба этих автора в своих сценариях цивилизационных судеб придавали фазе “универсальных государств”, или “мировых империй”. Речь идет о фазе, когда цивилизация – высокая культура, увлеченная императивом пространственного расширения, – в наибольшей степени приближается к политическому овладению всем известным и доступным ей миром, к переработке его в свое жизненное пространство. Обе эти модели – и шпенглеровская, и тойнбианская, – отталкиваясь от укоренившегося в умах европейцев прецедента Римской империи, трактовали крушение универсального государства как предел существования цивилизации, итог ее “биографии”»².

Определяющим фактором живых цивилизаций Тойнби называет религию. В процессе рождений и гибели цивилизаций Церковь играет роль личинки или «куколки». В основе каждой цивилизации имеется универсальная Церковь. И. А. Василенко пишет: «Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон подчеркивают особую роль религии в формировании цивилизационной идентичности. Они утверждают, что цивилизации представляют собой типы человеческих сообществ, вызывающие определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев, – словом, в области культуры»³.

¹ В истории распада Римской империи такими продуктами были римское государство и христианская Церковь. Последняя сыграла, по мнению Тойнби, роль связующего звена между античной и западной цивилизациями.

² *Цымбурский В. Л.* Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над картой XXI века) // *Pro et contra*. 2000. № 3. С. 180.

³ *Василенко И. А.* Политическая глобалистика. М., 2000. С. 40.

Религия, по Тойнби, является главной объединительной силой общества¹. Эта позиция свидетельствует о консервативной политической установке автора, хотя религией будущего для него является пантеизм. Тойнби пишет: «Нам надлежит расстаться с религией иудео-христианского монотеизма и постхристианской нетеистической верой в научный прогресс»². Но религии в истории цивилизаций часто играют роль камня преткновения и порождают немало конфликтов и войн.

Одним из основных вопросов в концепции всемирной истории Тойнби является проблема экспансии цивилизаций. Цивилизации имеют тенденцию к распространению путем подчинения и ассимиляции других обществ. Экспансия – одна из основных форм взаимодействия между цивилизациями. Экспансия западного общества, например, способствовала контактам западной цивилизации с другими народами. Тойнби приводит примеры русской цивилизации в направлении Сибири, китайской – на Индокитай, исламской – на Европу, индуистской – на Индонезию. Он говорит и о «контрэкспансии», проводимой русской цивилизацией.

Каждая из локальных цивилизаций стремится оказывать давление на соседние цивилизации, особенно если соседние слабее ее. Экспансия – это естественное желание цивилизации в расширении своего влияния к расширению границ и ассимиляции соседних народов. Осуществляется экспансия как в форме внешнего давления, так и в форме военных ударов. Война является, по Тойнби, основным средством экспансии цивилизаций. Бесконечные войны Запада против остального мира способствовали единению Запада. Войну Тойнби характеризовал как «дтиа цивилизации», хотя и осуждал ее в нравственном плане³.

¹ Рашковский Е. Б. Востоковедческая проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976. С. 162.

² *Toynbee A., Ikeda D. The Toynbee Ikeda dialogue: Man himself must choose.* Tokyo, 1982. P. 300.

³ Подчеркивание важности войны в мировой истории говорит о близости позиций Шпенглера и Тойнби в данном вопросе.

Цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не может не прибегнуть к силе. Конфликт цивилизаций Тойнби характеризует как конфликт политический, а цивилизация реализует себя посредством таких политических инструментов, как государство, армия, войны. Борьба, которая на протяжении истории велась между цивилизациями, была жестокой, бескомпромиссной и упорной. Агрессивное воздействие может быть не только в форме войны, но и в форме постоянного «внешнего давления»¹.

Экспансии со стороны западной цивилизации Тойнби уделяет особое внимание. Конфликт между западной цивилизацией и остальным миром он считал основным конфликтом современности. По Тойнби, западная экспансия сегодня приобретает мировой масштаб. Английский историк задается вопросом о последствиях распространения западной цивилизации² и приходит к пессимистическому выводу, что если мир пойдет западным путем, то у планеты не хватит природных ресурсов, а западный динамизм «пожрет сам себя». Он надеется на то, что вскоре придет незападная цивилизация с традиционной культурой и спасет человечество от неминуемой гибели.

Процесс «вестернизации», или «модернизации», породил реакцию «священных войн» со стороны колониальных народов. Страны, ощутившие на себе культурное давление Запада, стали проводить политику изоляции. Для Тойнби, удержать власть над другой цивилизацией – задача более серьезная, чем эту власть завоевать. Вначале западная экспансия несла в себе религиозный элемент – покоренные

¹ Государства, которые испытывают внешнее давление, Тойнби назвал «форпостами». Таким «форпостом» он считал российскую цивилизацию. Давление со стороны западного мира, по Тойнби, принимало форму военных ударов по России, которая создала пояс восточноевропейских государств, отделивший Россию от Европы.

² О негативной роли западной экспансии писал известный представитель евразийства Николай Трубецкой в работе «Европа и человечество» (1920), где он ясно показал пагубность для неевропейских народов любых попыток перенять универсальную культуру Запада.

народы обязаны были принять католицизм, — но это требование было отменено, когда в Европе начался процесс секуляризации. По сути дела, речь идет здесь о процессе захвата колоний европейскими странами и насильственного насаждения в них своих культурных традиций. Тойнби, как и Шпенглер, полагает, что только западный человек олицетворяет собой цивилизованное человечество.

К экспансии цивилизацию толкают два фактора: бурное экономическое развитие и демографический взрыв. Цивилизации осуществляют экспансию в целях подчинения материальных и людских ресурсов других обществ, распространения своих ценностей. Однако если в истории большинства цивилизаций активные периоды экспансии были несчастными и непродолжительными, то западная цивилизация на всем протяжении своего существования проявляет постоянное стремление к экспансии, которая приобретает сегодня глобальный характер. Сегодня наиболее распространенными формами экспансии являются: экономическая, политическая, информационная, культурная, религиозная и демографическая. Развитию внешней экспансии способствует демографический динамизм, экономический динамизм, усиление военной мощи, стремление к расширению своего влияния.

Осознав слабость соседней, любая цивилизация, по мнению Тойнби, непременно будет использовать шанс и применит силу. Збигнев Бжезинский, комментируя идеи Тойнби, пишет: «Господствующая и воинственная цивилизация, убежденная в собственной непогрешимости, непреднамеренно воспроизводит те самые варварство и зло, с которыми она сражается. В результате „чуждая глобальная держава... становится все менее популярной; ее подданных все больше оскорбляют ее действия, совершенно им чуждые“. Тойнби заключает, что „гибель, постигшая ряд цивилизаций в прошлом... всегда была в чем-то похожа на самоубийство“»¹.

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 25.

Тойнби считает идею «единства современной цивилизации» ложной. Многие западные историки игнорируют другие цивилизации, кроме европейской. Часто они характеризуют их как «варварские» или вообще исключают из истории. По мнению Тойнби, в западном общественном сознании возникла «эгоцентрическая иллюзия». Сложилась ошибочная схема: активный Запад и статичный Восток. Тойнби полагает, что одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила свою экономическую и политическую экспансию по всему миру. Однако нельзя преувеличивать значение экономической унификации мира. Провозглашение западной цивилизации единственной универсальной цивилизацией, достигшей мирового господства, приводит к грубейшим искажениям исторических фактов. Создание универсального государства, «экуменической республики», которая дала бы покой западному миру, по мнению Тойнби, является утопией, поскольку история развивается через многообразие локальных цивилизаций. Вместе с тем, Тойнби старается найти пути развития западноевропейской цивилизации, которые бы позволили ей избежать «заката».

Вслед за Шпенглером, Тойнби говорит о кризисе западной цивилизации в XX веке. По его мнению, начиная с эпохи Возрождения, утрата христианства приводит Запад к созданию псевдорелигиозных идеологий. «Поскольку человек не может жить без какой-либо веры, — пишет Тойнби, — падение влияния христианства на Западе имело своим следствием подъем псевдорелигий — заменителей в форме постхристианских идеологий — национализма, индивидуализма и коммунизма»¹.

Цивилизационный экспансионизм Европы, по мнению английского историка, обернулся в XX веке против нее самой. Иллюзия евроцентризма поддерживалась на протяжении двух столетий постоянными успехами западной ци-

¹ *Toynbee A. Change and habit: The challenge of our time. L., 1966. P. 168.*

визилизации, когда веками политическое влияние западных стран неуклонно возрастало. Однако величие Европы принадлежит прошлому. Начиная с XX века, США доминируют во многих областях политики, экономики и культуры.

Вначале Тойнби включал Россию в границы западно-христианской цивилизации¹, но потом выделил ее в качестве самостоятельной цивилизации. Согласно Тойнби, после окончания холодной войны противостояние Запада и России не исчерпано². Запад всегда настороженно относился к России. Этот страх усилился после ее победы во Второй мировой войне. В глазах же европейцев Россия всегда была агрессором, хотя у нее было, по мнению Тойнби, гораздо больше оснований считать агрессивным Запад. Запад и Россия хотя и принадлежат к христианскому миру, но к двум его противостоящим частям – католической и православной.

Тойнби был убежден, что у России всегда были основания смотреть на Запад с не меньшим подозрением, чем Запад смотрит на Россию. Россия всегда находилась в русле византийской, то есть православной, имперской традиции. Советский Союз Тойнби считал современным вариантом Византийской империи. Резкий рывок России в сторону Запада способен привести, по его мнению, к разрушению российской цивилизации. Россия должна сделать свой политический выбор: занять ли ей место в западном мире, или построить свой альтернативный антизападный мир.

¹ Вначале российскую цивилизацию рассматривали как оплот Запада в борьбе с Азией. Даже сегодня некоторые историки продолжают считать, что православная цивилизация еще не исчерпала свои функции «буфера». Однако буферные государства – это государства, находящиеся между более могущественными политическими образованиями. Сегодня геостратегическая ситуация претерпела значительные изменения, и Россия в военно-политическом отношении превосходит своих соседей как на Западе, так и на Востоке.

² Не только постановка проблемы взаимоотношений европейской и российской цивилизаций, но и сам тон критики Запада, делает позицию Тойнби близкой позиции Освальда Шпенглера.

Сегодня России сделать этот выбор очень непросто, и не только из-за сложности внутренней обстановки, но и из-за антироссийской позиции Запада.

Давая современную оценку идеям Арнольда Тойнби, Б. Л. Губман пишет: «Тойнби был одним из западных философов, уловивших существенные тенденции истории XX столетия, изучавших все более нарастающую универсализацию социальных связей, те альтернативы, которые открываются перед человечеством в свете глобальных проблем современности. Его мировоззрение отмечено последовательным гуманистическим подходом к вопросам мировой политики, содержит установки нового мышления»¹. Идеи Арнольда Тойнби нашли на Западе много последователей, которые образовали свою научную школу. И. А. Василенко называет эту школу «культурно-исторической»: «В рамках культурно-исторической школы работало немало выдающихся ученых современности – А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Кребер, Н. Элиас, Ф. Нортроп. Одним из основоположников этого направления по праву считают Н. Данилевского... Крупным координационным центром культурно-исторической школы стало Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций, организаторами которого были Тойнби, Сорокин и Кребер (1861 г., Зальцбург). В США ежегодно проводятся международные конференции этого общества»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Арнольд Тойнби не только использовал основные идеи политической философии Освальда Шпенглера, но и во многом перенял его трактовку кризиса современной западной цивилизации. Постоянное подчеркивание английским историком важности религии и Церкви – как для развития локальных цивилизаций, так и для связи между ними – говорит о принадлежности его к лагерю консерваторов,

¹ Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 105.

² Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 39.

насколько политический консерватизм вообще возможен в либеральной Англии. Его историческая концепция объяснила проблемы генезиса, становления, развития и борьбы локальных цивилизаций. Благодаря концепции Тойнби, цивилизационный подход принес значительные научные результаты и стал сегодня одним из основных в современной науке.

Во многом благодаря влиянию Освальда Шпенглера, Питирим Сорокин (1889–1968) стал последовательным приверженцем циклической теории исторического развития. Сорокин подвергает критическому анализу основные положения своих предшественников и, используя новую терминологию, пытается представить культурно-цивилизационную парадигму в качестве целостной теоретической концепции.

Питирим Сорокин создает свое представление об эволюции исторических культур. Ему удалось выделить то общее, что объединяет отдельных авторов¹ в единую теоретическую школу, которая, по его мнению, сформировалась в XX веках и представляет собой более реалистическое основание для анализа социально-политических явлений, чем линейные социальные теории XIX века. Он пишет: «Поэтому различные линейные интерпретации в XVII, XVIII и XIX веке задавали тон практически всем европейским ученым. С приближением заката сенсуалистической суперсистемы в XX веке все виды линейных интерпретаций были вынуждены уступить место циклическим, эсхатологическим и творчески-функциональным представлениям о ходе истории. Такая замена линейных теорий на нелинейные практически уже произошла»².

¹ Кроме идей Освальда Шпенглера Сорокин изучал взгляды Н. Я. Данилевского, Арнольда Тойнби, Н. А. Бердяева, Альберта Швейцера и других авторов, внесших вклад в развитие культурно-цивилизационной парадигмы.

² *Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und das Wesen ihrer Krisen.* Stuttgart, 1953. S. 328.

Вслед за Шпенглером, Сорокин называет «высокие культуры» «культурными суперсистемами», при этом он выделяет три уровня их анализа: а) «культурные связи»; б) «культурные системы»; в) «культурные суперсистемы». При этом особое внимание Сорокин уделяет «культурным системам», которые делятся на три вида: идеологические, поведенческие и материальные¹. Идеологические системы играют особую роль, поскольку они наделяют смыслом как определенные поведенческие модели, так и материальные объекты.

Культурные суперсистемы представляют собой наиболее сложный тип взаимосвязей. Они состоят из систем религии, политики, экономики, искусства и т. д., которые, взаимодействуя, создают единую идеологию суперсистемы, формулирующую ее ценности и истины, что находит свое выражение, прежде всего, в господствующей религии. Каждая культурная суперсистема представляет собой смысловое единство, вырабатывает свои оригинальные формы, которые основаны на единой внутренней идее². Эта идея накладывает свой отпечаток на все творения суперсистемы, что напоминает понятие «прасимвола» у Шпенглера.

Питирим Сорокин выделяет следующие свойства культурных суперсистем: а) реальность; б) индивидуальность; в) общую и специальную зависимость их главных частей; г) индивидуальность или «самость» даже при изменении частей; д) изменчивость структуры; е) внутреннее, самоуправляющееся изменение; ж) избирательность; з) ограниченную изменчивость³. Каждая суперсистема, несмотря на

¹ Афанасьев В. В. Историческая социология Данилевского, Шпенглера и Сорокина // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 135.

² У Освальда Шпенглера этой идее соответствует понятие «прасимвола высокой культуры».

³ Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und das Wesen ihrer Krisen. Stuttgart, 1953. S. 330.

свой широкий характер, есть конечный феномен и имеет свои границы. Как только эти границы преодолеваются, она теряет свою индивидуальность и разлагается.

Шпенглеровским периодам роста, зрелости и распада «высоких культур» соответствуют «умозрительная», «идеальная» и «чувственная» суперсистемы у Сорокина. Описания периодов «высоких культур» и соответствующих суперсистем схожи между собой. Периоду роста «высокой культуры» у Шпенглера соответствует умозрительная суперсистема у Сорокина, которая характеризуется следующими важными чертами: интуитивное творчество и понимание истины, внутренняя религиозность, преимущественно религиозные ценности, преимущественно религиозное искусство, преобладание теократически-аристократического творческого меньшинства, незначительное развитие городов, промышленности и коммерциализации общества, сильное чувство собственности и т. д.¹

«Умозрительная» суперсистема религиозна. Она основана на идее Бога. Искусство полностью посвящено религиозной тематике. Художественный образ воплощается в архитектуре церковных зданий, в богослужебных песнопениях и молитвах. Этические ценности и нормы строятся на религиозной морали. Отношение к наслаждениям отрицательно, главным же является безупречное исполнение своих обязанностей. К умозрительному типу Сорокин относит средневековую западноевропейскую культуру.

«Умозрительной» суперсистеме противостоит «чувственная», которую, по мнению Сорокина, характеризует: светскость, материализм, утилитаризм, эмпиризм, гедонизм, сциентизм, техницизм, относительность ценностей, упадок религиозности и интуитивного творчества, секуляризованное искусство, развитие технических приспособлений, количество вместо качества, социальная дифференциация, «раскол в душах», классовая борьба, усиление городов и промышленности, упадок деревни, замена чувст-

¹ Ibid. S. 333.

венных отношений в семье и общине на договорные, вытеснение творческого меньшинства другими меньшинствами¹. С чувственной суперсистемой связано разложение общества и эпоха социального кризиса.

Целостное мировоззрение в «чувственной» суперсистеме подменяется эклектикой. Культура стремится освободиться от религии и религиозной морали. Современную культуру Запада Сорокин считает чувственной. Здесь он целиком согласен с тезисом Шпенглера о «закате» Европы: «Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего рассвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвлечь предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры»².

«Идеальная» суперсистема мыслится Сорокиным как промежуточная стадия перехода «умозрительной» суперсистемы в «чувственную». В ней смешиваются признаки обеих суперсистем, поэтому она существует не более двух веков и уступает место чувственной суперсистеме. В этой смене суперсистем и видит Сорокин основной механизм социокультурной динамики³. Расцвет «идеальной» суперсистемы Запада приходится на эпоху раннего Возрождения, но, начиная с XV века, она начинает приходить в упадок. Если период становления «чувственной» суперсистемы сопровождался гармонизацией правовых отношений, укреплением нравственных основ, то в период ее упадка наблюдается крах всего образа жизни.

По мнению Питирима Сорокина, в XX веке на месте старой «чувственной» суперсистемы Запада развивается новая «умозрительная» суперсистема Востока, которая способствует обновлению этических ценностей⁴. В пере-

¹ Ibid. S. 333–334.

² Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 428.

³ Sorokin P. A. Social and cultural dynamics. N.Y., 1962.

⁴ На подобное обновление надеялся и Арнольд Тойнби.

ходные периоды от старой суперсистемы к новой имеет место «поляризация» общественных ценностей, так как, с одной стороны, развивается новая религия и мораль, а с другой стороны, господствует безрелигиозность и деморализация. В эти периоды происходит множество войн и политических кризисов. Современный исторический период характеризуется, по Сорокину, переходом от старой европейской культуры к новой культуре, носителем которой будут славянские народы, центр ее будет расположен в Тихом океане, а участвовать в ней будут народы Америки, Индии, Китая, Японии и России. Даже если Европа объединится, она будет играть определенную роль в мировой политике, но никогда уже не восстановит то величие, которое она имела в последние пять веков.

Западное общество, по Сорокину, должно будет пройти четыре основные фазы, прежде чем возникнет новая суперсистема. Первая фаза – кризис чувственной культуры. Этот кризис начнется, когда «нарастающая атомизация чувственных ценностей, включая самого человека, обесценит их, сделает более чувственными и материальными, далекими от всего божественного, священного, абсолютного», когда «сила станет правом»... когда «вместо закона – насилие, вместо созидания – разрушение», когда функции семьи превратятся в «случайное сожительство, в основном, для сексуальных контактов», когда «культурные ценности прошлого подвергнутся уничтожению»¹. Во время кризиса материальный уровень жизни снизится, уменьшится безопасность жизни и имущества; самоубийства, психические расстройства и преступления начнут расти, и скука поразит все более широкие слои населения. Следующая фаза – катарсис². Уже в условиях кризиса люди снова повернутся к вечным непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям. С достижением состояния катарсиса кризис

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 784.

² Там же. С. 883.

закончится. Затем общество получает харизму, а вместе с ней – воскрешение. Кризис – катарсис – харизма – воскресение – это фазы, через которые проходят все суперсистемы. Здесь шпенглеровская идея цикличности исторического развития получает у Сорокина свое дальнейшее развитие¹.

Таким образом, Сорокин трактует историю человечества как последовательную смену культурных суперсистем, объединенных единством ценностей, норм и значений. В чистом виде умообразительная и чувственная культурные суперсистемы не существуют. Речь идет лишь о доминировании их в тот или иной исторический период. Переход одной суперсистемы в другую всегда связан с социальными конфликтами в форме роста преступности, в восстаниях, революциях и войнах. Пока длится этот переходный период, война играет главную роль в международных отношениях.

Сорокин рассматривает так называемые «социальные нарушения»: «болезни роста» развивавшегося молодого организма и «старческое недомогание» отжившей свой век суперсистемы. Он отмечает множество предрассудков относительно социальных нарушений, хотя они являются «нормальными» проявлениями жизненных процессов. Так, например, говорят о предопределенности, о наследственной склонности одних наций и народов к порядку, других – к анархии и революциям. По мнению Сорокина, все нации в равной степени склонны к социальному порядку и к его нарушениям. Особое внимание среди социальных нарушений Сорокин уделяет революциям и войнам. В основе любых революционных движений в обществе лежит подавление базовых инстинктов: пищеварительных, сексуальных, инстинктов собственности, самовыражения, самосохранения и многих других. Революции возникают как следствие дезинтеграции общей системы ценностей, вой-

¹ Сорокин П. А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12.

на – как следствие дезинтеграционных процессов в отношениях между странами. Кроме того, война стимулирует революцию – и наоборот.

Циклическую смену культурных суперсистем, по мнению Сорокина, следует дополнить представлением о перемещении центра «культурного лидерства» в географическом пространстве суперсистемы. Причину постоянной смены систем Сорокин видит в неспособности найти такой идеальный баланс существования и ценностей, который мог бы обеспечить гармоничное развитие общества. Каждый тип культуры своеобразно проявляется в разных нациях, которые развиваются в своих пространственных и временных границах.

Анализируя исторические кризисы, Сорокин, приходит к выводу, что, когда созидательные силы исчерпаны и все их возможности реализованы, суперсистема гибнет. Кризис современной западной культуры связан, по мнению Сорокина, со стремлением к наслаждению и к излишнему потреблению материальных благ. Сорокин видел выход из нынешнего кризиса в восстановлении новой суперсистемы, ориентированной на религиозные идеалы. Он пишет: «Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас с ее кошмарами, путающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различаем расцвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего»¹.

Питирим Сорокин внес важный вклад в развитие идей Освальда Шпенглера. В своей работе «Социальная философия века кризиса»² он систематически проанализировал все существовавшие до него циклические концепции исторического развития общества. Ему удалось развить идеи

¹ Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С 245.

² См.: Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und das Wesen ihrer Krisen. Stuttgart, 1953.

Шпенглера и создать концепцию «культурных суперсистем», основанную на интегральном методе.

Известный советский этнолог Лев Николаевич Гумилёв (1923–1990) является одним из видных представителей неоевразийства¹. Гумилёв, безусловно, использовал идеи Шпенглера для разработки своей теории этногенеза. Следующее высказывание свидетельствует о том, что ему были известны идеи не только Шпенглера, но и многих его предшественников и последователей: «Концепцию Полибия ныне рассматривают как изящный раритет, Ибн Халдуна (XIV в.) – как курьез, Джамбаттиста Вико упоминается только в истории науки, а грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные конструкции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей»².

В своей политической позиции Л. Н. Гумилёв ставит себя в ряд с евразийцами. Как и евразийцы, Л. Н. Гумилёв уделяет большое внимание азиатским народностям, населяющим Россию, считая, что исторические судьбы русского народа тесно связаны с этими народами. В качестве предпосылок теории этногенеза Л. Н. Гумилёв называет два научных открытия, а именно: открытие системного подхода Л. фон Берталанфи и теорию биоэнергии живого вещества биосферы В. И. Вернадского. Л. Н. Гумилёв стремится создать новую науку – этнологию, которая лежит на стыке трех наук: истории, географии и биологии. При этом этнолог выступает против общепринятого деления наук на гуманитарные и естественные, вместо которого он предлагает деление наук по способу получения информации на мифотворчество и наблюдение.

Этнологию Л. Н. Гумилёв относит к естественным наукам. Проблема соотношения гуманитарных и естественных наук представляется автору следующим образом: в процес-

¹ Гумилёв Л. Н. «Меня называют евразийцем» // Наш современник. 1991. № 1. С. 132.

² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004. С. 20.

се истории происходило постепенное отпадение отдельных областей знания от гуманитарных наук к естественным. Так, вначале философия занималась почти всем кругом вопросов, относящихся к изучению природы, но к XIX веку оформились самостоятельные науки, не имеющие почти ничего общего с философией.

История, по мнению Л. Н. Гумилёва – гуманитарная наука лишь при изучении предметов человеческой деятельности; в остальном же она естественная наука, которая использует методы эмпирического обобщения. В основе этнологии как науки лежит принцип актуализма, согласно которому законы природы, действовавшие в прошлом, действуют и сейчас. Л. Н. Гумилёв различает методологию истории и этнологии, считая, что они относятся друг к другу, как арифметика и алгебра. Этнология не может совсем заменить историю. Помимо «этносферы», изучаемой этнологией, у Л. Н. Гумилёва мы встречаем понятие «социосфера», которое изучается социологией.

Как и Шпенглер, Л. Н. Гумилёв отрицательно относится к линейной теории исторического прогресса, считая ее «иллюзией роста».¹ Недостаток теории прогресса, по его мнению, состоит в том, что игнорируется явление распада цивилизаций. Циклическая теория исторического развития преобразуется у Л. Н. Гумилёва в учение о пассионарных толчках.

Идеи Л. Н. Гумилёва противоречили общепринятым в советский период мнениям. Так, например, он считает, что клановая организация укрепляет этнос. Эта мысль противоречила господствующему тогда мнению, что прогресс всегда связан с устранением социально-классовых различий и перегородок. Другой его «крамольной» мыслью была мысль о том, что природу и культуру губят свободное общение² и свободная любовь: «Что выигрывается в общест-

¹ Там же. С. 33.

² Подобные мысли мы встречаем у К. Н. Леонтьева, известного своими антилиберальными настроениями.

венной свободе, то теряется при контакте с природой, точнее с географической средой и собственной физиологией»¹. С этим трудно согласиться, оставаясь на позициях марксизма. Не удивительно, что идеи Л. Н. Гумилёва вызвали многочисленные критические отзывы в печати. Однако научные дискуссии по его идейному наследию, не стихавшие на протяжении десятилетия, послужили большой известности автора в России и за рубежом. Между тем Л. Н. Гумилёв в рамках своей теории этногенеза воспроизводит основные идеи Освальда Шпенглера и его последователей.

Л. Н. Гумилёв говорит о двух уровнях существования этносов: историческом и этнографическом. Создание этносом своего государства можно считать выходом его на исторический уровень бытия. И наоборот: потеря нацией государственной самостоятельности всегда связана с возвратом этноса на этнографический уровень. Такой подход имел место в философии Шпенглера, когда он говорил об исторической жизни «высоких культур». До и после периода исторической жизни народы существуют на биологическом уровне, как и другие животные виды. Всемирная история имеет место только в период существования внутри «высокой культуры» нескольких национальных государств. Л. Н. Гумилёв указывает, что существует еще «биологический» уровень, когда старый этнос полностью исчезает, а его заменяют новые этносы.

В соответствии с этими двумя уровнями существования этносов, Л. Н. Гумилёв выделяет два основных их состояния: инерцию пассионарного толчка (историческое развитие) и гомеостаз (устойчивое равновесие с окружающей средой). Если этнос не получил «пассионарный толчок», он тесно включен в определяемый ландшафтом биоценоз и свою основную задачу видит в поддержании традиций. Развитие этносов определяют поведенческие стереотипы, а не язык, раса или религия. Они являются формой адапта-

¹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 91.

ции этноса в ландшафте. Разнообразие ландшафтов приводит к разнообразию этносов.

Используя системную теорию, Л. Н. Гумилёв предлагает рассматривать этнос как систему, а ее элементами (таксонами) считает конвексию, субэтнос, этнос, суперэтнос¹. Таксоны низшего ранга растут по мере увеличения пассионарности. Конвексия – это коллектив с разделением функций, преследующий общие цели. Субэтнос сопоставим с такими понятиями, как социальная прослойка, каста, народность. По мере роста пассионарности, количество субэтносов в этносе возрастает; и наоборот: по мере убывания пассионарного напряжения структура этноса упрощается и количество входящих в него субэтносов уменьшается.

Нацией этнос становится только в период своего исторического существования, то есть когда он создает свое государство. По своему значению, понятие этноса соответствует понятию «нации» у Н. Я. Данилевского, а понятие «культурно-исторического типа» по содержанию совпадает с понятием «суперэтноса» у Л. Н. Гумилёва. Под «суперэтносом» Л. Н. Гумилёв понимает группу этносов, схожих в культурном отношении. Эта категория по своему содержанию совпадает с понятием «высокая культура» у Освальда Шпенглера. Суперэтнос, как и «высокая культура», является максимально широкой категорией исторического анализа. Л. Н. Гумилёв пишет: «Предел исторического исследования – суперэтнос, а за ним стоит изучение человечества как вида, что уже относится к биологии»². Человечество как вид исследовать невозможно, а можно только представить как некоторое отвлеченное понятие, когда речь идет о всемирной истории.

Вместо «человечества» Л. Н. Гумилёв использует термин «гиперэтнос», хотя и считает, что анализ всемирной

¹ Там же. С. 135.

² Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 30.

истории начинается и заканчивается на уровне суперэтносов. Критикует Л. Н. Гумилёв и использование понятия «всемирная история»: «"Всемирная история" – просто способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета. Например: Западная Европа, в традиционных учебниках весьма условно делимая на Древнюю, Среднюю и Новую¹, а кругом "дикость" и "отсталость". Итак, само понятие "всемирная история" только литературный прием, Впрочем, весьма удобный»².

Рассматривая проблему языка в жизни этносов, интересно сравнить точку зрения Л. Н. Гумилёва с мнением Н. Я. Данилевского, для которого наличие общего языка является основанием для выделения культурно-исторического типа. «Всякое племя или семейство народов, – пишет Н. Я. Данилевский, – характерное отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, составляет самобытный культурно-исторический тип»³. В отличие от Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилёв считает, что ни язык, ни культура, не являются основным признаком этносов. Таковым признаком для Л. Н. Гумилёва выступает стереотип поведения. Он пишет: «Различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте»⁴. Язык Гумилёв рассматривает как один из многих факторов, характерных для этноса. Он считает, например, что французский этнос говорит на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском. Но для самосознания нации необходим тем не менее один общий язык. Л. Н. Гумилёв отмечает важность осознания принадлежности к данному этносу по принципу «мы – они», важность же общего языка при этом отрицает.

¹ В данном случае Л. Н. Гумилёв не оригинален и повторяет мнение Н. Я. Данилевского и Освальда Шпенглера.

² Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 30.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.

⁴ Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 5.

Исторический процесс возникновения и развития этносов Л. Н. Гумилёв называет этногенезом. Этногенез – это следствие солнечного импульса, энергетического толчка живого вещества биосферы, в результате которого возникает пассионарность. Пассионарность – это историческая энергия, которая постепенно теряется этносом. Под этногенезом Л. Н. Гумилев понимает не только процесс возникновения этноса, но и весь процесс его развития до возврата в первоначальное состояние гомеостаза. Говоря о «линиях» пассионарных толчков, Л. Н. Гумилёв объясняет их появление через некие космические излучения, которые вызывают мутации у новорожденных. В своей основной массе мутанты гибнут в условиях естественного отбора, оставшаяся часть их обладает особым свойством – *пассионарностью*. Мутанты-пассионарии передают свою пассионарность по наследству, что приводит к появлению новых суперэтносов. В результате рассеивания энергии в течение 60 поколений признак пассионарности теряется. Причем количество пассионариев в суперэтносе сначала растет, а затем уменьшается, определяя общий уровень пассионарности этнической системы. В свою очередь, рост пассионарности приводит к усложнению этнической системы, а снижение пассионарного напряжения – к ее упрощению.

Для иллюстрации процесса этногенеза Л. Н. Гумилёв совместно с К. П. Ивановым разработали кривую этногенеза – график, отражающий изменение величины пассионарности этнической системы в зависимости от времени. При этом по оси абсцисс расположено время (примерно 1500 лет, или 60 поколений), а по оси ординат – величина пассионарности в условных единицах. Основным смыслом данной кривой сводится к следующему: после пассионарного толчка происходит рост пассионарного напряжения этнической системы до некой максимальной величины, которая характеризуется на поведенческом уровне жертвенностью. В период надлома происходит «перегрев» этнической системы, что проявляется во внутренних кризисах и гражданских войнах. При этом погибает большое ко-

личество «пассионариев» – носителей пассионарности. После этого периода система теряет пассионарность и примерно через 1200 лет полностью погружается в состояние гомеостаза. Элементы культуры и некоторые социальные институты обладают инерцией и, как правило, «переживают» этносы, их создавшие. Процесс усложнения этнической системы, по мере роста ее пассионарного напряжения, находит выражение в количестве субэтносов.

Основные фазы этногенеза следующие: подъем, акматическая фаза, надлом, инертная фаза, обскурация, регенерация и реликт. Продолжительность каждой фазы составляет примерно триста лет, причем переход от одной фазы к другой всегда происходит болезненно из-за смены субэтнической структуры и стереотипов поведения. В эти моменты этнос ослабевает, что обостряет проблему внешней опасности. Л. Н. Гумилёвым хорошо показана цикличность в исторической эволюции суперэтносов, что свидетельствует о схожести основных подходов Л. Н. Гумилёва с воззрениями Освальда Шпенглера.

Говоря о том общем, что имеется между взглядами Л. Н. Гумилева и Шпенглера, следует отметить и понятие такта, которое, по мнению Шпенглера, присуще всякой культуре. У Л. Н. Гумилёва этому понятию соответствует представление о внутренней частоте этноса. Через это понятие Л. Н. Гумилёв рассматривает все процессы взаимодействия этносов, уподобляя последние взаимодействию энергетических полей с различной внутренней частотой.

В работах Л. Н. Гумилёва мы встречаем упоминание Освальда Шпенглера, когда он говорит о двух школах в исторической науке: «всемирно-исторической» и «культурно-исторической». К первой он относит Гегеля, ко второй – Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби¹. По мнению Л. Н. Гумилёва, представители «культурно-исторической» школы опустили то общее, что присуще

¹ Там же. С. 23.

всем процессам – “возрасты” или смены фаз»¹. Такая оценка не совсем точна, так как у перечисленных авторов встречаются характеристики, показывающие возраст культур, а динамика развития культур во многом совпадает с представлениями Л. Н. Гумилева о процессе этногенеза.

Оставаясь в русле идей Шпенглера, Л. Н. Гумилёв отрицательно относится к представлению о прогрессе, считая последний «иллюзией роста, процветания людей за счет беспредельных богатств Природы»². Недостаток теории прогресса, по мнению Л. Н. Гумилёва, состоит в том, что игнорируется явление вырождения, ослабления и вымирания целых народов. Проблема зависимости культуры от пассионарного напряжения решается Л. Н. Гумилёвым следующим образом: расцвет культуры не прямо определяется уровнем пассионарности. Для культуры важна умеренная величина пассионарного напряжения. Избыток последнего вреден для культуры. При малой пассионарности также отсутствуют условия для развития культуры, поскольку без определенной степени жертвенности невозможно даже удержание старых традиций и тем более создание новых.

Говоря о «биполярности этносферы», Л. Н. Гумилёв отмечает, что, кроме фазы этногенеза, существует еще доминанта отношения к окружающей среде – природной и культурной. Опасным, по мнению Л. Н. Гумилёва, является так называемое «негативное» мировоззрение, «ненавидящее мир, сложный в своей иррациональности, и стремящееся добиться его упрощения, на базе разума»³. Негативное отношение к излишней рационализации мы находим и у Шпенглера, но Л. Н. Гумилёв пошел дальше и создал теорию антисистем, которые своей негативной рациональностью способны погубить все органически выросшие этнические системы. Пример – манихейство, характерной чер-

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 39.

той которого является непринятие действительности и ее отрицание. Именно это отрицание «помогло им побеждать, но не давало победить»¹.

Условием существования антисистемы является снижение пассионарного напряжения. При этом системные связи рушатся, старые субэтноты исчезают, а новые не возникают. В зоне контактов с другими этносами стереотип поведения разрушается. Антисистемы не связаны с ландшафтом; они отрицают традиции общества, представления о добром и злом, хорошем и плохом, то честном и преступном, красивом и безобразном. Без груза традиций антисистемы часто побеждают политически и экономически. Принцип антисистем – ложь. Позитивные системы всегда связаны с конкретным биоценозом, всегда вводят запреты, ограничения через нравы, мораль, закон. Этому же служит и религия, подчиняя поведение человека определенному стереотипу. В антисистемах же этих внутренних ограничений нет, но много внешних ограничений, поэтому в антисистемах всегда строгая дисциплина. Антисистемы приводят к созданию «псевдоэтнических общностей», напоминающих общины и секты, которые влияют на судьбы этносов и культур «как раковая опухоль на организм»².

Россия прожила в своей исторической судьбе уже примерно 600 лет и находится сейчас в фазе надлома. Согласно теории этногенеза Л. Н. Гумилёва, этот период в жизни этнической системы характеризуется гражданскими войнами, кровопролитием, уничтожением «пассионарных особей», которыми в этот момент исторической судьбы пересыщен суперэтнос, что вызывает его «перегрев». И действительно, если мы рассмотрим исторические события в России в XX веке, то сразу же обращает на себя внимание раскол российского общества на две враждующие партии. Возникновение этих столкнувшихся друг с другом в

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 39.

гражданской войне 1917–1921 гг. группировок зародилось еще в начале XIX века на идеологическом уровне, когда в литературе сформировались два крупных идейных течения – славянофилов и западников. Размежевание на теоретическом уровне вылилось затем в революцию и гражданскую войну, которые унесли большое количество пассионариев.

Россия, по мнению Л. Н. Гумилёва, находится в инерционной фазе, то есть прошла половину своей исторической судьбы. Процесс укрепления государства и расширения границ закончился. Одной из основных характеристик настоящего исторического момента является отказ от религиозного обоснования всех сфер социальной жизни и переход от традиционного принципа к революционному, от периода накопления сил к периоду их растраты.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Л. Н. Гумилёв дополнил философию Шпенглера естественно-научным анализом и уделил особое внимание исследованию российской цивилизации. По сравнению со Шпенглером и Тойнби, концепция Л. Н. Гумилёва выглядит более антропологичной и даже психологичной. Л. Н. Гумилёв не только выделил большее число периодов в жизни суперэтносов, но и дал им более подробное описание.

4.2. Гуманистическая футурология

О. К. Флехтгейма

Футурология Оссипа К. Флехтгейма (1909–1999), основываясь на философии истории Освальда Шпенглера, ставит целый ряд современных проблем, которые обострились в связи с процессами глобализации и интернационализации общественной жизни. Она синтезировала в себе гуманистические идеи, современные футурологические и политологические подходы, развила проблематику социально-политического идеала будущего. Впервые Флехтгейм использовал термин «футурология» в 1943 году при анализе

идей Освальда Шпенглера, и уже тогда он выразил надежду, что скоро она станет новой наукой о будущем¹.

Формирование футурологии как самостоятельного течения начинается после Второй мировой войны. Все футурологические разработки до 60-х годов носили эпизодический характер. Политический кризис 60-х годов вызвал в странах Запада новую идеологическую волну, которая породила множество различных футурологических концепций. Наибольшее развитие они получили в работах Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу, Р. Арона и др. в виде теорий «деидеологизации», «конвергенции», «стадий экономического роста», «единого индустриального общества». К концу 70-х годов сформировалась новая социологическая концепция, которая явилась логическим завершением предшествующих теорий и впитала в себя все их сильные стороны. Она получила название концепции «постиндустриального общества». Известными представителями данной концепции являются Д. Белл, А. Тоффлер, З. Бжезинский и др. Именно эта концепция легла в основу большинства исследований будущего в рамках западной футурологии.

В качестве основного методологического приема западных исследований будущего служит эффект так называемого «будущетворного прогноза». Этот метод позволяет разработкой различных представлений о будущем воздействовать на сознание людей, влияя, тем самым, на принятие решений в желаемом направлении. Исключительно популярен у футурологов метод сценариев, который позволяет продуцировать альтернативные представления о будущем. Методы «сценариев», «будущетворного планирования», «социальной инженерии» и другие, использование их для создания желаемых ценностных установок в массовом сознании – свидетельствуют о большой идеологической нагрузке, которую несут многие исследования будущего в рамках западной футурологии.

¹ *Flechtheim O. K. Futurologie. Köln, 1971. S. 263.*

Обычно выделяют четыре основных этапа развития футурологии. Первый этап – возникновение новой «науки о будущем» в 50-е годы. Второй этап связан с появлением множества организаций, задачами которых является выработка различных прогнозов. Третий этап характеризуется креном в сторону постиндустриализма, выдвижением на первый план проблем человека и глобальных проблем. Четвертый этап связан с развитием глобального моделирования. К середине 80-х годов футурология исчерпывает свое значение как всеобъемлющая наука о будущем человечества. Получив максимум своего развития в 70-е годы, она начинает делиться на множество отдельных направлений.

В современной футурологии обычно выделяют несколько основных направлений. Ю. П. Ожегов и В. И. Супрун выделяют техницистское, социоисторическое, экологическое и аксиологическое направления¹. Неогуманистические концепции будущего, согласно этому делению, следует отнести к аксиологическому направлению, хотя по некоторым вопросам они смыкаются и с экологическим направлением. В отечественной научной литературе имеются и другие варианты выделения основных направлений в западной футурологии; например, когда по характеру отношения авторов к будущему говорят о пессимистическом и оптимистическом направлениях.

В самом общем виде все футурологические концепции можно разделить на техницистски ориентированные и антитехницистские – по отношению их авторов к технике и ее роли в развитии общества. Техницистские концепции позитивно оценивают развитие технологии, надеются на нее в плане решения основных общественных проблем, снятия острых социальных противоречий. Антитехницистские концепции будущего, напротив, негативно относятся

¹ Ожегов Ю. П., Супрун В. И. Тенденции развития буржуазной футурологии // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии. М., 1981. С. 166.

к развитию промышленного производства, хотя прямо его не отрицают. Их авторы обращают внимание на негативные последствия НТР, особенно в отношении экологии, культуры, проблем человека. Данные концепции не являются, в строгом смысле, антиподом техницизму, а, скорее, лишь дополняют его, пытаются сгладить отдельные недостатки последнего. Эта половинчатость оппозиции техницизму особенно видна в отношении к развитию научных знаний. Антитехницисты, как и техницисты, придают им большое значение. Неогуманистические концепции представляют собой типичный антитехницистский подход.

Если техницистские концепции представлены, главным образом, теоретиками консервативного лагеря, то антитехницистские концепции несут в себе определенный критический настрой против существующего общественного устройства. Техницистские концепции достаточно полно описаны в научной литературе – преимущественно через анализ методологии «технологического детерминизма». Примерно такое же деление футурологии присутствует у Флехтгейма. Техницистскому направлению у него соответствует консервативно-технократическое, а антитехницистскому – гуманистически-демократическое¹.

Советский исследователь В. И. Супрун отмечает, что в основе почти всех современных футурологических концепций лежит теория постиндустриального общества. «Современная буржуазная футурология, – пишет он, – сложное неоднородное явление с различными представлениями, течениями и подтечениями, которые сливаются и вновь расходятся, прокладывая себе удобное русло, ведущее в океан будущего. Углубить это русло и направить его призвана идея прогресса, а укрепить его дно – представление о движущих силах общественного развития в виде теорий постиндустриального общества»².

¹ *Flechtheim O. K. Ausblick in die Gegenwart. München, 1974. S. 23.*

² *Супрун В. И. Современная буржуазная футурология: проблемы, тенденции. Новосибирск, 1986. С. 77.*

Концепция постиндустриального общества впитала в себя все предшествующие теории «индустриального общества», явилась их логическим завершением. В наиболее развитой форме она представлена в работах известного американского социолога Даниэла Белла. В книге «Приход постиндустриального общества» Белл пытается противопоставить марксизму свое понимание истории. «Понятия феодализм, капитализм, социализм, — пишет он, — представляют собой последовательный ряд концептуальных схем в марксистской системе, построенных вдоль оси, за которую приняты отношения собственности. Понятия доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества представляют собой концептуальные ряды вдоль оси, за которую приняты производство и виды используемых знаний»¹. В соответствии с этим пониманием, исследователи, характеризуя современное общество как индустриальное, будущее общество называют постиндустриальным. Это общество представляется как «технотронное общество», «общество всеобщего благоденствия», «информационное общество», «общество третьей волны» и т. д.

Концепция, предложенная известным американским социологом Алвином Тоффлером в книге «Третья волна», практически полностью укладывается в схему Даниэла Белла: первая волна — земледельческая — соответствует доиндустриальному обществу, вторая волна соответствует индустриальному обществу и, наконец, «цивилизация третьей волны» — это тоффлеровский вариант постиндустриального общества². Примечательно, что многие авторы выделяют схожие черты для характеристики постиндустриального общества. Среди таких черт можно назвать рост влияния знаний и науки, дезинтеграцию, децентрализацию, нестандартизацию, рост сферы услуг, индустрию досуга и др.

¹ Bell D. The coming of post-industrial society. N. Y., 1973. P. 11.

² Toffler A. The third wave. N. Y., 1980.

Для эволюции современной западной футурологии характерна тенденция постепенного отхода от рассмотрения основных вопросов мировоззренческого характера и переход к более частным проблемам: к прогностике, к использованию методики социологических исследований в разработке прогнозов, касающихся отдельных факторов и сторон в развитии общества. Эти прогнозы рассматривают мир в целом. Не случайно в рамках исследований под эгидой Римского клуба возникает такое направление футурологии, как глобальное моделирование.

С начала 70-х годов в западной футурологии значительное место начинают занимать глобальные проблемы. Поворот к глобальным проблемам не был случайным. В 70-е годы страны Запада вошли в полосу кризиса, отчасти вызванного негативными последствиями развертывания научно-технической революции, что привело к падению авторитета технократических концепций. На смену им выдвигались анитехнократические, гуманистические концепции. Большое внимание авторы этих концепций уделяли гуманитарным проблемам, положению человека в современном мире, взаимоотношению общества с окружающей природой; высказывались за развитие человека, а не индустрии. Так, например, Теодор Розак писал, что именно индустриализм и сциентизм являются причинами кризиса, который переживает современное человечество¹.

Осип Флехтгейм является типичным представителем гуманистически ориентированного направления западной футурологии. Его футурологическая концепция соединила в себе гуманистические идеи, представление о футурологии как о новой науке о будущем, глобальные проблемы современной цивилизации. Он длительное время занимался исследованием проблем будущего, главным образом через разработку своей концепции «критико-гуманистической футурологии». Первые его статьи на эту тему появились в Соединенных Штатах во время Второй мировой

¹ Planet: The disintegration of industrial society. N. Y., 1978. P. 38.

войны. В дальнейшем в целом ряде своих работ он пытается дать методологическое обоснование этой новой науки о будущем.

С этой целью Флехтгейм предпринимает анализ взглядов на историю Г. Гегеля, О. Шпенглера и А. Тойнби. Результатом этих исследований явилось представление о новой науке, исследующей будущее человечества. Флехтгейм пишет: «Футурологию я вижу как попытку с помощью прогностики, планирования и политики достичь философии будущего, как синтеза идеологии и утопии»¹. Футурология, по Флехтгейму, состоит из футуристики, прогностики и планирования. Футуристика, в свою очередь, делится на философию, политику и педагогику будущего, при этом философия будущего исходит из противоречия между утопией и идеологией².

Футурологический подход, по мнению Флехтгейма, является проявлением настоящего, в отличие от идеологической фиксации прошлого и утопического прославления будущего. В качестве недостатка идеологии Флехтгейм отмечает то, что она абсолютизирует прошлое, видит современность только в свете прошлого и оправдывает существующий порядок вещей³.

Утопия же понимается им лишь как мечта о будущем. В анализе этих понятий футуролог исходит из понимания их Карлом Мангеймом в его книге «Идеология и утопия». Вслед за Мангеймом, Флехтгейм утверждает, что утопия является выражением мечты о прекрасном будущем угнетенных классов, а идеология – это лишь отражение интересов господствующего класса, ложное сознание, ориентированное только лишь на прошлое. Флехтгейм считает футурологию «реальной утопией»⁴. Несмотря на использование футурологом идей Карла Мангейма, он, однако, не заметил

¹ *Flechtheim O. K. Von Marx bis Kolakowski. Köln, 1978. S. 9.*

² *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 45.*

³ *Ibid. S. 46.*

⁴ *Flechtheim O. K. Der Kampf um die Zukunft. Bonn, 1980. S. 203.*

сходства своих взглядов с такой формой утопического сознания, которая в «Идеологии и утопии» характеризуется как «либерально-демократическая идея»¹.

Флехтгейм придает большое значение планированию, которое выступает у него как одна из важнейших частей футурологии. Говоря о планировании, футуролог имеет в виду необходимость создания «глобального плана». Этот план должен быть ориентирован на изучение проблемы питания и переселения². Ученый пытается отмежеваться от понимания плана и планирования, которое до недавнего времени существовало в социалистических странах: «Планетарное планирование никаким образом не должно вести к твердому, всеохватывающему, тотальному плану. Целью его является изменяемый небюрократический план в рамках мира, с определенным синтезом планирования и конкуренции, частного и общественного производства от глобального установления цели, до региональной, локальной функциональной децентрализации»³. Планирование, у Флехтгейма, является промежуточным звеном между прогнозированием и философией будущего. Через планирование общественная система ищет способы образования будущего. План – это «систематическая подготовка будущего»⁴.

Свою футурологическую концепцию Флехтгейм противопоставляет другим буржуазным исследованиям будущего, особенно исследованиям идеологов «истеблишмента». Называя свою футурологию «критическо-гуманистической», автор противопоставляет ее «консервативно-технократической»⁵. Первая, по его мнению, должна заниматься решением глобальных проблем и поисками модели гуманного общества. «Гуманистическая футурология», считает

¹ Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 134.

² Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 83.

³ Ibid. P. 65.

⁴ Flechtheim O. K. Futurologie. Köln, 1971. S. 224.

⁵ Flechtheim O. K. Ausblick in die Gegenwart. München, 1974. S. 23.

Флехтгейм, носит прогрессивный характер и призвана искать пути «очеловечивания» мира, предостеречь его от гибели. В качестве основных проблем, которые призвана решить футурология, автор называет: сохранение мира, преодоление голода и перенаселения, решение экологической проблемы, проблемы взаимоотношения индивида и общества¹.

Флехтгейм говорит о необходимости сочетать два основных подхода, существующих в философии истории: линейное представление о постоянном прогрессе общества и циклическое представление о том, что общественное развитие совершается по определенному циклу, который постоянно повторяется.

Своим идейным предшественником Флехтгейм считает Освальда Шпенглера, но нельзя сказать, чтобы все его взгляды были в русле шпенглеровской концепции. Так, например, Шпенглер говорит об упадке западной цивилизации в недалеком будущем, чему и соответствует его ярко выраженный пессимизм. Флехтгейм же оптимист, и хотя он допускает возможность упадка западной цивилизации в результате войн и революций, но надеется на возможность создания в будущем всемирной цивилизации. Различны данные концепции и в методологии исторического исследования.

Метод исторической аналогии, основной в концепции Шпенглера, не представлен широко у Флехтгейма. Более того, если у Шпенглера в ближайшем будущем ожидается появление неоцезаристских государств, которые придут на смену демократическим, то у Флехтгейма, наоборот, на смену современным тоталитарным режимам придет мировая демократическая федерация. Шпенглер предсказывает мировые войны, Флехтгейм – «становления мирового равновесия»², «демократическую реконструкцию цивилизации, не прибегая к войнам»³.

¹ *Flechtheim O. K. Warum Futurologie? // Furturum. München, 1980. S. 19.*

² *Flechtheim O. K. History and futurology. Hain, 1980. P. 65.*

³ *Ibid. P. 94.*

Что касается перспектив общественного развития, то здесь ученый встает на точку зрения, присущую многим европейским социал-демократам. Его взгляды близки к концепции демократического социализма, в центре которой лежит представление о так называемом «третьем пути» в мировой политике. Этот путь ведет человечество к гуманному, демократическому, либеральному социализму помимо «западного капитализма» и «восточного коммунизма», к мировой социалистической федерации. «По ту сторону от “капитализма” и “коммунизма”, — пишет Флехтгейм, — необходимо видеть новый синтез, который связан с понятием “демократического социализма”»¹.

В данном случае, помимо идеи становления мирового сообщества, которая является сквозной темой для неогуманистических концепций, взгляды футуролога напоминают мысли Эриха Фромма о том, что альтернатива состоит в выборе не между капитализмом и коммунизмом, а между бюрократизмом и гуманизмом. При этом как капитализм, так и коммунизм Фромм относит к так называемому «индустриальному бюрократизму».

Отвергая капитализм с частной собственностью и коммунизм с общественной собственностью на средства производства, Флехтгейм предлагает в качестве основы гуманистического социализма кооперативную форму собственности. Социализм, по мнению футуролога, есть выражение средних слоев, поэтому для него неприемлема ни полная свобода предпринимательства и рынка, ни жесткий диктат монополий. В экономической области идеал его лежит в регулируемых рыночных отношениях. Этот средний путь признается сегодня в большинстве развитых европейских стран оптимальным, его активно разрабатывают теоретики европейской социал-демократии. Социализм есть «общество без эксплуатации, без классов, рас и другой дискриминации, без войн... самоуправляющееся общество в мате-

¹ *Flechtheim O. K. Zeitgeschichte und Zukunftspolitik. Hamburg, 1974. S. 80.*

риальном и культурном изобилии объединенного человечества»¹.

Социализм, по мнению Флехтгейма, немыслим без демократии. «Последовательная демократия, — пишет он, — должна быть идентична с той или иной формой социализма и интернационализма»². Футуролог активно выступает в пользу демократии, считая ее единственно приемлемой формой государственного устройства; ратует за гуманизацию и демократизацию общества; то есть для него гуманистический социализм есть социализм либеральный.

Для Флехтгейма характерно понимание коммунизма как простого отрицания капитализма. Такая позиция схожа с мнением Б. П. Вышеславцева, представленным в его книге «Кризис индустриальной культуры». Но если у Флехтгейма коммунизм есть только отрицание капитализма, которое в дальнейшем диалектически «снимается» гуманистическим социализмом, то у Вышеславцева социализм есть отрицание вообще. Так, он считает, что вначале социалисты отрицали капитализм с его частной собственностью, затем они отрицали монополии, сегодня они отрицают индустриализм. «Социализм, — писал он, — есть протест против капитализма, преодоление зла капитализма»³. Понимание социализма как протеста, отрицания приводит к тому, что социалистами должны считаться не только социал-демократы и анархо-синдикалисты, но и все антииндустриальные течения (от разрушителей машин до экологических движений). При таком подходе следует все альтернативные движения отнести в разряд социалистических — экологические, молодежные, феминистские и другие. Их главной задачей является эмансипация и распространение единого мирового стандарта нового человека. Такая позиция характерна для ранних работ Карла Маркса.

¹ *Flechtheim O. K. Von Marx bis Kolakowski. Köln, 1978. S. 203.*

² *Flechtheim O. K. Ausblick in die Gegenwart. München, 1974. S. 100.*

³ *Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк, 1953. С. 154.*

Таким образом, под социализмом Флехтгейм, как и Освальд Шпенглер, понимает изменение существующего общественного устройства в соответствии с моральными требованиями. В таком подходе присутствуют два момента: критическое отношение к традиционному социальному порядку и наличие моральных ценностей. Особую роль при этом играют общечеловеческие ценности. «Общечеловеческие ценности, – пишет Флехтгейм, – это «абсолютные ценности», которые существуют не только абстрактно – мир, правда, порядок, гуманизм, справедливость»¹. В своих работах Флехтгейм часто упоминает идеи Тойнби и других приверженцев гуманистических идеалов. По сути, основные понятия Флехтгейма о гуманизме целиком соответствуют гуманистической традиции. «Гуманисты в социал-демократии, – пишет он, – стоят на почве динамической демократии. Гуманизм характеризуют терпимость, критическую открытость, посюсторонность и современность»².

Флехтгейм пишет: «Социализм идентичен с синтезом демократического самоопределения, солидарного мирового планирования и культурного плюрализма»³. «Гуманистический социализм включает традицию либерализма, радикализма и анархизма»⁴. При этом обращает на себя внимание разрушительный характер перечисленных немецким политологом политических течений. Либерализм ищет свободу от предрассудков и общественных ограничений, радикализм стремится «радикально» покончить с прошлым, а анархизм вообще отказывается признавать какие-либо общественные институты. Это, конечно, упрощенное представление, однако оно позволяет судить об общей направленности концепции Флехтгейма.

Флехтгейм предлагает рассматривать гуманизм как альтернативу марксизму и христианству. Соответственно

¹ *Flechtheim O. K. Futurologie. Köln, 1971. S. 254.*

² *Flechtheim O. K. Eine Welt oder keine? Frankfurt am Main, 1964. S. 125.*

³ *Ibid. S. 217*

⁴ *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 217.*

Этому, немецкий ученый говорит, что помимо марксистского и христианского социализма существует еще и гуманистический социализм. Таким образом, он стремится отмежеваться как от науки, так и от религии. Подобную позицию высказывает О. Рейзер: «Великая надежда динамической и творческой демократии состоит в развитии не-сверхъестественной религии – “научного мистицизма”. Эта новая мировая религия пытается дать основание для универсальной культуры...»¹. Хотя Флехтгейм не считает свою концепцию мировой религией, но говорит о необходимости перехода к «демократическо-социалистической мировой культуре»². Именно гуманизм, по его мнению, должен лечь в основу новой мировой культуры, растворив в себе все многообразие культур и народов.

Обострение глобальных проблем способствовало усилению гуманистической направленности многих западных исследователей. Однако им не удалось увидеть главное в гуманизме – признание ценности человеческой жизни. «Опасность термоядерной войны, – пишет Б. Т. Григорян, – углубление экологического кризиса способствовали непосредственному осознанию ценности жизни человека»³. Такой подход развивал в начале прошлого века Николай Фёдоров. Смерть он считал злом, а жизнь – добром: «Добро есть жизнь. Добро отрицательно будет не отнятие лишь жизни, а положительно – сохранение и возвращение жизни»⁴. Такие ценностные ориентации позволили русскому мыслителю правильно решить проблему взаимодействия общества и природы. Он рассматривает это взаимодействие как процесс «регуляции», которая должна стать целью для всего человечества⁵. Разрабатывая свою концепцию ре-

¹ *Reiser O. A new earth and a new humanity. N. Y., 1942. P. VIII.*

² *Flechtheim O. K. Eine Welt oder keine? Frankfurt am Main, 1964. S. 149.*

³ *Григорян Б. Т. Философская антропология. М., 1982. С. 181.*

⁴ *Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 608.*

⁵ Подобное представление присутствует и в проектах К. Э. Циолковского, а также в концепции «ноосферы» В. И. Вернадского. Ноосферу Вернадский понимал, как соединение совокупного разума человечества с огромными природными стихиями и силами, как разумное управление природными процессами.

гуляции природы, Николай Фёдоров выделяет ряд проблем, которые сегодня назвали бы глобальными. Основную опасность для человечества он видел в проблеме голода и «санитарном вопросе». Последний автор понимал достаточно широко, что вполне соответствует современному уяснению экологических проблем. Решение проблемы войны он углубил до необходимости преодоления человеческой розни. Он предложил решить этот вопрос с помощью идеи родства, с необходимостью братства всех людей. Решение экологических проблем Н. Ф. Фёдоров мыслит, главным образом, через изменение пропорции между промышленностью и сельским хозяйством в пользу последнего.

Важно отметить, что для Н. Ф. Фёдорова вопрос жизни и смерти важнее вопроса о богатстве и бедности, поэтому в своем анализе он умышленно абстрагируется от анализа проблем собственности, а значит, во многом, и от всего комплекса социальных проблем, которые обычно так или иначе связаны с проблемой собственности. Этот приоритет жизни над богатством дает ключ к правильной постановке вопроса о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Н. Ф. Фёдоров отмечал опасные тенденции в современной цивилизации, которые могут привести ее к кризису. Н. Н. Моисеев так пишет об этом: «За восемьдесят лет до Печчеи и Форрестера – людей бесспорно замечательных, Н. Ф. Фёдоров писал: «Итак, мир идет к концу, а человек своей деятельностью способствует приближению конца, ибо цивилизация эксплуатирующая, а не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца»»¹. Интересен тот факт, что если для многих современных западных исследователей характерен «геоцентризм» в подходах к глобальным проблемам, то для отечественных ученых характерен «космизм». «Человеческая деятельность, – писал Н. Ф. Фёдоров, – не должна

¹ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 18.

ограничиваться пределами земной планеты»¹. С этим вполне бы согласились К. Э. Циолковский и В. И. Вернадский.

«Жизнь человека священна»², – говорит Н. Ф. Фёдоров. Этот постулат говорит о глубоком гуманизме русского мыслителя. Подобное понимание гуманизма можно встретить у некоторых зарубежных исследователей, однако большинство западных авторов ставят вопрос не просто о сохранении жизни, а говорят о необходимости «достойной жизни», о «качестве жизни». Только гуманизм, основанный на принципе ценности человеческой жизни, способен обеспечить выживание человечества. Он требует анализа проблем и факторов, приносящих урон человеческой жизни. Он представляет собой программу практических действий, направленных на устранение причин смерти. Однако зарубежные, да и некоторые отечественные ученые, говоря об основных ценностях, ставят все их в один ряд. Представляется, что при таком подходе, когда в качестве высших выделяются несколько разноплановых ценностей, трудно рассчитывать на единство действий человечества. Гуманизм должен исходить из ценности человеческой жизни; он призван гарантировать первейшее право людей – право на жизнь, что особенно важно в условиях обострения глобальных проблем.

Глобальные проблемы являются обобщенным выражением противоречий современного индустриального общества. В качестве критериев глобальных проблем обычно выделяют их общечеловеческий, планетарный характер. Однако эти критерии не позволяют отделить глобальные проблемы от других актуальных проблем. Таким критерием могла бы стать та опасность, которую они несут в себе для человеческой жизни. В этом случае к глобальным следует относить только те проблемы, которые непосредственно несут в себе угрозу для человеческой жизни. К таким проблемам относятся войны, голод, эпидемии, природные

¹ Фёдоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 360.

² Там же. С. 189.

катастрофы, приводящие к значительным человеческим жертвам. Необходимость такого критерия состоит в важности отделения действительно опасных и важных проблем от других, не угрожающих человеческой жизни, но которые часто относят в разряд глобальных. Например, Флехтгейм относит к глобальным проблемам необходимость устранения насилия внутри государства, в качестве глобальной проблемы выступает у него сам человек¹. Г. Х. Шахназаров относит к числу глобальных проблему защиты «духовной среды», так называемую отологическую проблему². Нельзя приуменьшать важность последних проблем, но относить их к глобальным было бы не совсем правильно, так как они не связаны с непосредственной угрозой для жизни людей.

Необходимость создания единого мирового сообщества возникает сегодня вследствие важности единения сил всего человечества для выхода из кризисного состояния. Однако расплывчатость отдельных положений современных гуманистических концепций, отсутствие четкости в иерархии ценностей значительно умаляют их достоинства, не позволяют объективно оценивать новые реалии быстро меняющегося мира.

Флехтгейм отмечает кризисное состояние современного человечества. Он пишет: «Мегакризис нашего времени включает как весь мир, так и все основные области жизни людей»³. При этом немецкий политолог пытается занять наднациональные, глобальные позиции. «Решающий прогресс, — отмечает он, — будет действительно реализовываться только в наднациональных рамках»⁴. Очевидно, что футуролог отдает приоритет общечеловеческим интересам, полагая, что «необходимо подчинить особые интересы государств и народов, классов и элиты общим интересам че-

¹ *Flechtheim O. K. Ausblick in die Gegenwart. München, 1974. S. 40.*

² *Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. М., 1981. С. 183.*

³ *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 95.*

⁴ *Flechtheim O. K. Ausblick in die Gegenwart. München, 1974. S. 37.*

ловечества»¹. При этом футурология, по его мнению, должна способствовать объединению «локальных единств» под эгидой мирового государства. Будущее общество будет синтезом элементов, присущих капитализму и коммунизму (например, плана и рынка), а бесклассовая мировая федерация возникнет на основе «солидарной гуманизации», «социалистической демократии»² и «гуманистического социализма»³.

Выступая за единое планетарное общество, Флехтгейм видит в качестве основного препятствия на этом пути деление человечества на расы, нации, на государства и религии. На пути планетарной цивилизации, по его мнению, лежат традиционные духовные, социально-исторические и географические границы, которые характеризуются им как предрассудки и фанатизм. При этом он старается занять общечеловеческие позиции, показывает заботу об интересах всего человечества. Стремление занять общечеловеческие позиции, отражающие интересы всего человечества, присутствует и у многих отечественных исследователей. Так, например, И. Т. Фролов отмечает: «Мы говорим о приоритете таких подходов, об утверждении общечеловеческих ценностей как главных, решающих»⁴. Г. Х. Шахназаров считает, что «интересы общечеловеческого развития выше любых других интересов»⁵.

Здесь необходимо отметить, что, говоря об общечеловеческих интересах, часто имеют в виду интересы Европы, западной цивилизации, которая сегодня оказывает свое влияние на весь мир. «Все же продолжают смешивать Европу с человечеством,... — писал Н. Я. Данилевский. — Я вижу в этом только смешение понятия о цивилизованной

¹ *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 96.*

² *Flechtheim O. K. Futurologie. Köln, 1971. S. 317.*

³ *Flechtheim O. K. Zeitgeschichte und Zukunftspolitik. Hamburg, 1974. S. 356.*

⁴ *Фролов И. Т. Новый гуманизм // Новое время. 1989. № 1. С. 26.*

⁵ *Шахназаров Г. Х. Восток — Запад: К вопросу о деидеологизации межгосударственных отношений // Коммунист. 1989. № 3. С. 78.*

ступени развития культурного типа с понятием об общечеловеческом на том основании, что цивилизация всегда стремится разрушить те специальные формы зависимости, которые были положены на племенную волю при переходе народов каждого культурного типа из этнографической в государственную форму быта»¹. Другими словами, часто те, кто считают, что встают на общечеловеческую, интернациональную точку зрения, отстаивают интересы Запада, то есть, прежде всего, стран Европы и США.

Во взглядах Флехтгейма присутствуют черты мировоззрения самых различных идейных направлений, что свидетельствует об эклектичности его подхода. Стремясь занять во всем «золотую середину», ученый пытается синтезировать элементы совершенно из разнородных по своим исходным принципам концепций. «Третий путь», например, Флехтгейм понимает как «синтез социалистических и демократических элементов»². Этот путь ведет к либеральному, демократическому социализму, представляющему собой «синтез либеральной демократии и коллективистского социализма во имя свободы, равенства и братства»³.

По третьему пути двигать человечество должна так называемая «третья сила» – «критико-гуманистическая футурология», которая призвана объединить все оппозиционные и альтернативные движения как в социалистических, так и в капиталистических странах. Ядром третьей силы является свободная Европа, которая занимает срединное положение между «западным капитализмом» и «восточным коммунизмом» – США и Россией. Эта концепция, очевидно, рассчитана на политику лавирования Европы между двумя этими политическими силами.

Флехтгейм считает, что футурология должна внести важный вклад в решение таких глобальных проблем, как

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 119.

² Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 216.

³ Flechtheim O. K. Zeitgeschichte und Zukunftspolitik. Hamburg, 1974. S. 354.

уничтожение опасности войны и институализация мира; преодоление голода, нищеты и перенаселения в третьем мире; преодоление эксплуатации и угнетения; защита природной среды; устранение отчуждения¹. Из этих задач футурологии отчетливо видно, что Флехтгейм был противником политического консерватизма Освальда Шпенглера. Можно даже говорить о противоположности их политических убеждений. Национализму и цезаризму Шпенглера Флехтгейм противопоставляет космополитизм и демократию. Если Шпенглер оправдывал войну как важное средство мировой политики, то Флехтгейм старается исключить войну из арсенала средств решения международных конфликтов. Становится очевидным, что эти авторы принадлежат к двум основным направлениям в теории международных отношений: Шпенглер – к реализму, Флехтгейм – к либерализму.

Если Шпенглер считает пацифизм признаком старости культуры, то для Флехтгейма он является одним из важных политических лозунгов. Говоря о сохранении мира, Флехтгейм подчеркивает особую важность этой проблемы для будущего человечества. «Войны и революции, – пишет он, – всегда ведут к полному упадку общества и регрессу во всех сферах человеческой деятельности»². Называя себя «пацифистским гуманистом», Флехтгейм отмечает, что войны приносят не только огромный материальный ущерб, но и связаны с глубокими психологическими переживаниями людей. Решение этой проблемы автор видит в необходимости создания всемирной федерации.

Ассоциируя войну с крахом цивилизации, Флехтгейм видит в качестве одной из важнейших задач футурологии борьбу за мир. «Победа над войной решает будущее людей, – пишет он, – поэтому исследование будущего есть всегда и исследование мира»³. Мнение автора об опасности

¹ *Flechtheim O. K. Warum Futurologie? // Futurum. München, 1980. S. 19.*

² *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. IX.*

³ *Ibid. S. 96.*

войны в современных условиях вряд ли кто возьмется оспаривать. Другое дело, что ученый предлагает мир любой ценой. С этим трудно согласиться. Бывают моменты в жизни государств, когда посягают на основы их существования, и их обязанность состоит в том, чтобы защитить себя и свой народ. Поэтому безгранично пацифистская позиция в вопросе войны и мира в реальной политике неприемлема. Идеи «вечного мира» не раз высказывались в прошлом, но всегда содержали в себе определенную долю утопизма.

Позиция Флехтгейма по вопросам войны и мира близка к воззрениям Эриха Фромма, который предлагал уничтожить угрозу войны, достичь справедливого распределения ресурсов между странами, сформировать международную экономическую кооперацию, создать мировое правительство, осуществить полное разоружение¹. Опираясь на философию ненасилия Л. Н. Толстого, А. Швейцера, М. Ганди, авторы гуманистических концепций предлагают всю политику строить на принципах лавирования и компромисса, часто апеллируя к общечеловеческой морали. Сходную позицию занимает академик Н. Н. Моисеев, говоря о необходимости «теории компромиссов»: «Первым условием нравственного императива я назвал исключение войн и вообще любых силовых воздействий из арсенала средств разрешения конфликтных ситуаций»². И все же компромиссы в политике не могут быть безграничными, и когда речь идет о суверенитете народа, о его историческом существовании, порой невозможно ограничиться мирными средствами.

Другой проблемой, которую Флехтгейм рассматривает как глобальную, является проблема «репрессий и дефицита демократии». Основными путями решения этих проблем являются демократизация и гуманизация общественных

¹ *Fromm E. The sane society. N.Y., 1955. P. 360.*

² *Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 11.*

институтов. По мнению Флехтгейма, идеальный тип «тоталитарного общества» изображен в известной антиутопии Оруэлла «1984 год». Первыми в разряд «тоталитарных» государств у него попадают фашистская Германия и социалистические страны.

В целом, футурологическая концепция Флехтгейма стоит на позициях социал-реформистского толка. Футуролог пытается выступить с общечеловеческих позиций. Он отрицает западный капитализм и восточный коммунизм как крайние формы, которые, борясь между собой, как бы нейтрализуют себя, а победит гуманный, демократический социализм. Эта концепция отражает интересы «среднего класса», который в Америке и Европе составляет большую часть населения. Это класс работников умственного труда, мелких собственников, высококвалифицированных рабочих, интеллигенции и служащих. Неоднородность этих слоев, может быть, способствовала тому, что позиция Флехтгейма не сводится чисто к социал-демократической. Социализм, в его понимании, – это и есть идеология среднего класса, включающая в себя самые различные характеристики: антимонополизм, антитоталитаризм, экологичность и т. д.

Гуманизация и демократизация – два процесса, которые, по мнению Флехтгейма, способны привести человечество к приемлемому будущему. Первую он понимает как либерализацию, то есть борьбу за права и свободы человека; вторую – как борьбу со строгими формами государственного устройства. Это, своего рода, анархизм: размывание государства, ограничение его полномочий до минимума. Эти процессы призваны осуществить нивелировку всех людей, стран, народов, культур в некие средние мировой типы, которые обычно именуются, соответственно, «новым человеком», «новым обществом», «новой культурой», «новым мировым порядком».

Единственно приемлемым идеалом будущего Флехтгейм считает создание всемирной федерации¹. В основе этой

¹ *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987. S. 11.*

федерации лежит принцип активного интернационализма, уничтожающий все исторически сложившиеся национально-государственные формы. Все права отдельных государств должны быть переданы единому мировому центру, объединяющему так называемые «локальные единства». Эта схема активно разрабатывалась американскими гуманистами в послевоенный период, причем на роль мирового центра претендовали Соединенные Штаты, а «локальными единствами» должны были стать развивающиеся, зависимые колониальные страны. При этом остается неясной суть предлагаемой модели: или она носит имперский характер и имеет в виду создание мировой империи с единым центром, или же это проект анархический, когда «локальные единства» живут своей независимой обособленной жизнью. Видимо, эта двойственность специально заложена в данной концепции. Но правильнее было бы рассматривать данную теорию так: национально-государственные образования дробятся до уровня отдельных индивидов, затем каждый гражданин мира должен подчиняться непосредственно указаниям «мирового центра».

Аналогичной взглядам Флехтгейма является концепция «планирования мира» К. Вайцеккера¹, согласно которой для решения проблемы войны и мира необходимо создание всемирного государства. Автор считает, что «обеспечение мира имеет явный приоритет над всеми другими частными, сепаративными интересами», и поэтому необходимо мировое правительство, преобразование сознания в космополитическом духе.

Говоря о существующих в западной идеологии моделях нового мирового порядка, советский исследователь Г. Х. Шахназаров выделяет так называемый «планетарный гуманизм», предлагающий «построить будущее путем разрушения традиционных структур и эрозии связей, обеспечивающих лояльность в отношении национальных государств, замены их общечеловеческой солидарно-

¹ См.: *Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок*. М., 1981. С. 312.

стью»¹. Речь здесь идет о типичном неогуманистическом подходе к проблеме международных отношений. «Мы живем в одном мире, — писал Фромм, — однако в своих мыслях и чувствах современный человек все еще живет в национальном государстве. Этот анахронизм может привести только к гибели»².

Критикуя национальные государства, Флехтгейм предлагает создать вместо них единое мировое государство, которое сменит межгосударственные противоречия на противоречия между «мировым центром» и «локальными единствами». Но при такой схеме никто не будет застрахован от диктата «мирового центра», и «локальным единствам» придется постоянно иметь с ним дело. И эта модель упорно проводится некоторыми теоретиками, которые, стремясь обуздать диктатуры, возникающие в отдельных государствах, по сути, пытаются установить всемирную диктатуру.

А. А. Федосеев считает, что теория «всемирного государства» используется для обоснования космополитической модели³. Сторонники этой теории выводят демократию как универсальную категорию. «Суть этой позиции, — пишет советский исследователь, — в том, что к решению всех мировых проблем современности можно прийти только через максимальную интернационализацию общественно-политической жизни — путем перестройки существующих международных организаций (в частности ООН и ее подразделений) и создания новых. К числу таких организаций относятся: всемирный парламент, наделенный зако-

¹ Там же. С. 312.

² *Fromm E. Beyond the chains of illusion.* N. Y., 1962. P. 171.

³ А. Г. Затуренский считает, что концепции «планетарного общества» служат для отрицания применимости понятий «коммунизм» и «капитализм» в современных условиях обострения глобальных проблем. Автор называет в качестве одного из создателей теории единого планетарного общества американского политолога Збигнева Бжезинского (*Затуренский А. Г. Критика буржуазных и реформистских «моделей социализма».* Киев, 1983. С. 74).

нодательными функциями, всемирное правительство как исполнительно-распорядительный орган, всемирный суд с «наднациональной» юрисдикцией, всемирная полиция и всемирные вооруженные силы, обладающие принудительными полномочиями»¹.

В противовес теории «всемирного общества», в отечественной науке развивается концепция «целостного и взаимозависимого мира», основными положениями которой являются: уважение национального суверенитета и самостоятельности различных государств; баланс их интересов; право свободного выбора каждым народом пути своего развития; создание надежного механизма регулирования международных конфликтов. Эта концепция исходит из того, что для поддержания международного мира и безопасности необходимо не мировое правительство, а межгосударственные организации.

Творцы концепции «мирового правительства» игнорируют тот факт, что государство может быть преобразовано в инструмент международной безопасности. Предлагаемые проекты ведут к посягательству на независимость народов. Фактически сторонники этой концепции игнорируют объективный характер существования нынешнего человечества в виде мира суверенных национальных государств². Таким образом, по Флехтгейму, будущее общество должно представлять единую мировую республику, подобно Римской империи, где все государства рассматриваются как провинции. Америка наиболее приспособлена к принципу мировой космополитической республики, рассматривающей все другие страны как источники ресурсов – природных, человеческих, культурных. Неслучайно гуманистические концепции развивались параллельно с представлениями о лидирующей роли Америки в современном мире³.

¹ Федосеев А. А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. М., 1989. С. 158.

² См.: Костин А. И. Глобальные проблемы современности и идеологическая борьба. М., 1989. С. 149.

³ См.: Никитин А. И. Эволюция американского глобализма. М., 1987.

В книге «Можно ли спасти будущее?» Флехтгейм рассматривает три сценария возможного развития цивилизации в будущем. Согласно первому сценарию, происходит мировая война, цивилизация гибнет, человечество оказывается в варварстве. Это самый неблагоприятный сценарий. В этом случае человечество не имеет будущего. Рассматривая этот сценарий, футуролог стремится показать ту большую опасность, которая нависла над человечеством. Согласно второму сценарию, на земле установятся неоецезаристские тоталитарные диктатуры. Нетрудно догадаться, что и этот возможный исход не удовлетворяет Флехтгейма. Этот сценарий изображен автором в качестве пугала, которое должно подтолкнуть людей к созданию всемирной федерации. Становление этой федерации изображается футурологом в качестве третьего возможного сценария будущего. Такая федерация призвана стать наиболее желательной целью для всего человечества.

Синтез либерализма и социализма является программным требованием Флехтгейма: «Чтобы человечество преодолело величайший в истории кризис, необходимо осуществить синтез либерализма и социализма, западного плюрализма и восточного коллективизма, рыночной и плановой экономики, передачу функций государств глобальным институтам, с одной стороны, и локальным ассоциациям, с другой»¹.

В качестве синонима авторитаризма, фашизма, тоталитаризма Флехтгейм использует термин «неоецезаризм», который, по-видимому, происходит от понятия «цезаризм» Освальда Шпенглера. «Современный цезаризм, — пишет Шпенглер, — есть диктатура; и диктатура не какой-либо партии, а одного человека над всеми партиями, прежде всего над собственной»². Становление в будущем неоеца-

¹ *Flechtheim O. K. Die Praxisgruppe und der Humanismus // Marxistische Praxis. München, 1973. S. 51.*

² *Spengler O. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1961. S. 178.*

ристских диктатур рассматривается у Флехтгейма в качестве одного из возможных путей будущего современной цивилизации. Неоцезаристские диктатуры являются своеобразным антиподом мировой демократической федерации. Основная задача международной политики, по мнению Флехтгейма, состоит в том, чтобы не допустить появления таких диктатур путем развития процессов демократизации.

Таким образом, О. К. Флехтгейм не только опирался на историческую концепцию Освальда Шпенглера для создания новой науки о будущем – футурологии, но и перенял некоторые понятия политической философии Шпенглера при создании своего проекта мировой гуманистической федерации. Некоторые общие моменты во взглядах обоих авторов видны и в трактовке ими социализма, как наиболее приемлемого политического строя. О. К. Флехтгейм, в отличие от других последователей Освальда Шпенглера, является представителем либерального лагеря. Не разделяя консервативные идеи Шпенглера, он тем не менее использует целый ряд его философских и политических идей для анализа современной мировой политики.

4.3. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона

Философия Освальда Шпенглера оказала влияние на развитие не только истории (А. Тойнби), социологии (П. А. Сорокин), этнологии (Л. Н. Гумилёв), футурологии (О. К. Флехтгейм), но и политической науки. Это влияние особенно наглядно видно на примере концепции известного американского политолога Самуэля Хантингтона – одного из ведущих теоретиков республиканцев, президента Американской политологической ассоциации, директора Института стратегических исследований при Гарвардском университете, советника министерства иностранных дел США. Интерес к работам Шпенглера на Западе в 90-е годы возрос благодаря книге Хантингтона «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка» (1996). Многие

зарубежные и отечественные исследователи считают Хантингтона одним из современных последователей Освальда Шпенглера¹. Самуэль Хантингтон, наряду с П. Кеннеди, Ф. Фукуямой, М. Катцом, З. Бжезинским и другими американскими политологами, участвовал в дискуссии о характере изменения международного порядка². У Хантингтона присутствует претензия на создание всеобъемлющей современной модели мирового порядка. Ему удалось эффективно использовать цивилизационный подход для анализа современной международной политики.

Как и Шпенглер, Хантингтон является представителем школы политического реализма в мировой политике. На этот факт указывают Р. Рубинштейн и Ч. Крокер: «Мышление Хантингтона остается связанным с допущениями политического реализма, с доминирующей философией периода холодной войны. Для него, как и для реалистов, международная политика есть борьба за власть между индивидуальными и преимущественно изолированными агентами, каждый из которых ищет возможность наилучшим образом защитить свои интересы в условиях анархии. Хантингтон заменил нации-государства, главную фигуру в главной игре политического реализма, фигурой большего размера – цивилизациями»³.

Хантингтон так определяет понятие «цивилизация»: «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей... Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка – таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, –

¹ Например: Thöndl M. «Der Untergang des Abendlandes» als «Kampf der Kulturen»? Spengler und Huntington im Vergleich // Politische Vierteljahresschrift. 1997. № 12. S. 824.

² Сыч А. И. Конфликт цивилизаций: новая опасность или возрождение старого противоборства // Философская и социологическая мысль. 1996. № 1. С. 7.

³ Rubenstein R., Crocker C. Challenging Huntington // Foreign Policy. 1994. № 96. P. 115.

а также субъективной самоидентификацией людей»¹. Если у Тойнби под цивилизацией понимается блок исторического материала, то у Хантингтона цивилизация – это культура, дошедшая до естественных границ своего распространения.

В современном мире Хантингтон находит не пять, как Тойнби, а восемь цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую². Здесь у него появляются три «новые» цивилизации – японская, африканская и латиноамериканская³. Если у Тойнби выделение пяти современных цивилизаций было основано на пяти существующих мировых религиях, то у Хантингтона это деление носит, скорее, географический характер, в соответствии с культурными особенностями регионов мира. Это говорит о том, что если Тойнби и пытался дать какое-то логическое объяснение для своего выделения цивилизаций, то у Хантингтона оно полностью отсутствует. Многие народы земли обладают своими этнографическими и культурными особенностями, что позволяет осуществлять выделение цивилизаций до бесконечности.

Вероятно, Хантингтон в своем делении мира на цивилизации исходил из геополитических интересов США в различных регионах мира. Именно эта логика доминирует в концепции Хантингтона, который старается анализировать все современные проблемы мировой политики через призму возможных угроз для мирового господства Соединенных Штатов. Он убежден, что современная мировая политика зависит от отношений между цивилизациями,

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 34.

² Huntington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. P. 45.

³ А. И. Уткин предлагает, вслед за Хантингтоном, выделять шесть «цивилизационных сообществ» (См.: Уткин А. И. Россия и Запад: мир общечеловеческих ценностей или планетарной разобщенности? // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 3. С. 79.

ибо, по его мнению, «...для людей важна не политическая идеология или экономические интересы. Вера и семья, кровь и убеждение – это то, с чем люди себя идентифицируют, за что они будут бороться и умирать. И поэтому столкновение цивилизаций заменит холодную войну»¹.

Хантингтон делает значительный акцент на роли религии в истории и политике. По его мнению, культурные ценности цивилизаций сосредоточены в господствующей религии. Он пишет: «Религия является главной характеристикой цивилизации»². Такие высказывания Хантингтона ясно показывают его консервативный подход. В современных условиях усиливается взаимодействие между разными цивилизациями, что ведет к углублению различий между ними, к росту разногласий и враждебности. Данному процессу, по Хантингтону, способствует и то обстоятельство, что ослабевает роль национальных государств. Он утверждает, что, в результате ослабления роли государства, усиливается роль религии, а «религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность»³.

Хантингтон рассматривает историю не через призму национальных государств, а пытается выйти на региональный уровень – на уровень цивилизаций. Отдавая дань теориям реализма в международных отношениях, он пишет: «Основными действующими лицами в мировой политике по-прежнему остаются национальные государства... Теперь речь идет о семи-восьми основных цивилизациях мира за пределами Запада... “В XXI веке, – отмечал Генри Киссинджер, – международная система будет включать, по крайней мере, шесть основных держав: Соединенные Штаты, Европу, Китай, Японию, Россию и, возможно, Индию,

¹ *Huntington S. If not Civilisations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs.* 1993. № 5. P. 187.

² *Huntington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order.* New York, 1996. P. 47.

³ *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования.* 1994. № 1. С. 35.

а также множество стран среднего и малого размера". ...Самые же опасные конфликты культурного характера будут разгораться вдоль демаркационных линий, разграничивающих цивилизации»¹.

Чтобы сделать цивилизационный подход применимым к анализу мировой политики, Хантингтон предлагает рассматривать в каждой цивилизации свою политическую структуру, которая состоит из так называемых «центральных» и «периферийных» государств².

Хантингтон не соглашается с традиционным либеральным тезисом, идущим еще от Канта, что между демократическими государствами не может быть войн. «История показывает, — отмечает он в своем интервью западногерманскому журналу «Фокус», — что страны, находящиеся в переходном периоде от авторитарной к демократической системе, с большей вероятностью способны участвовать в войне, чем стабильные демократии или стабильные авторитарные режимы»³. Хантингтон полагает, что сегодня межкультурные проблемы выходят на первое место. Они включают распространение вооружений, права человека и иммиграцию. По этим трем проблемам Запад находится на одной стороне, а большая часть других цивилизаций мира — на другой: «Границы между цивилизациями почти полностью соответствуют пределу, до которого идут страны в защите прав человека. Запад и Япония весьма оберегают права человека; Латинская Америка, часть Африки, Россия, Индия защищают лишь некоторые из этих прав; Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ в меньшей мере оберегают права

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 532–533.

² Это деление напоминает геополитическую концепцию «больших пространств» Карла Шмитта (*Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Berlin, 1991. S. 49*).

³ *Huntington S. Ich sehe keine Supremacht // Focus. 1999. № 19. S. 162.*

человека»¹. Здесь у Хантингтона появляется новый критерий выделения цивилизаций – соблюдение прав человека. Он полагает, что одной из главных стратегических задач Запада является ограничение роста военной мощи конфуцианских и исламских стран².

Вслед за Тойнби Хантингтон считает важным источником конфликтов современности типичное для западной цивилизации стремление навязать другим свои нормы и ценности. Он даже осуждает борьбу западных стран за соблюдение прав человека, поскольку она может стать источником новых конфликтов. Своим стремлением насадить везде демократию и права человека западные страны лишь создают почву для новых международных конфликтов. Эти конфликты способны разрастись в глобальную мировую войну, вероятность которой, по мнению Хантингтона, остается велика и в XXI веке, причем источник ее находится в исламском мире: «Как мы показали, такая война может возникнуть из эскалации на одной из линий соприкосновения цивилизаций между группами из различных культур; вероятнее всего, с участием мусульман на одной стороне и не мусульман на другой стороне»³.

Збигнев Бжезинский пишет: «Хантингтон убедительно доказывает, что глобализация не только не создает общую цивилизацию, но и порождает усиливающиеся столкновения между цивилизациями, из которых наиболее опасным является конфликт между Западом и исламским миром. Обобщая свои выводы, он утверждает: “С европейским колониализмом покончено; американская гегемония идет на убыль. Размывание западной культуры неизбежно наступит, когда во всеуслышание заявят о себе национальные

¹ *Huntington S. If not Civilisations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. № 5. P. 186–188.*

² *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 47.*

³ *Huntington S. Der Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. München, 1996. S. 515.*

обычаи, уходящие корнями в историю, языки, верования и учреждения”. Поэтому он предупреждает, что “демократизация, по своей сути, не объединяет, а обособляет людей в их местечковой исключительности”; естественный результат этого процесса – “народная мобилизация против прозападных элит, получивших образование на Западе”»¹.

Хантингтон призывает учитывать влияние двух факторов, обуславливающих внешнеполитическую активность цивилизаций: стремительный демографический рост, рост экономической и военной мощи. Демографический рост характерен, в первую очередь, для Балкан, Северной Африки и Центральной Азии. У Китая растет экономическая и военная мощь. Все это является потенциальной причиной новых войн между цивилизациями. Быстрый рост населения в исламских странах порождает политическую напряженность, что приведет в ближайшем будущем к конфликтам вдоль границ исламской цивилизации. Особую опасность представляет исламская цивилизация и для Запада². В отличие от других цивилизаций, исламская цивилизация не имеет своего центрального государства. В результате этого маленькие государства цивилизации постоянно конкурируют между собой, создавая почву для конфликтов, поэтому именно эта цивилизация обладает большим конфликтным потенциалом³.

Возможна эскалация конфликта между США и Китаем. По Хантингтону, события могут развиваться по следующему сценарию: в конфликт между центральным государством цивилизации (Китай) и ее же маленьким государством (Вьетнам) вмешивается центральное государство другой цивилизации (США). Он пишет: «В будущем для

¹ Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. № 1. С. 25.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 182.

³ Huntington S. Der Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. München, 1996. S. 285.

предотвращения больших войн между культурами необходимо, чтобы центральные государства не вмешивались в конфликты внутри других культур. Признать эту истину некоторым государствам, особенно США, будет нелегко»¹.

При анализе современной политики Хантингтон указывает на моральное разложение Запада, которое выражается, по его мнению, в росте преступности, распаде семьи, в отказе от этики работы, в понижении уровня образования. Подобного рода оценки встречаются и у Освальда Шпенглера. Совпадения между Хантингтоном и Шпенглером видны и в определении признаков разложения общества. Однако, по Хантингтону, цивилизации не только могут остановить разложение, но и регенерироваться. Он надеется на то, что это удастся сделать Западу. В этом смысле фатальный пессимизм Шпенглера сменяется у Хантингтона политическим оптимизмом, оставляющим для западной цивилизации все возможности открытыми.

Вслед за Шпенглером, Хантингтон одним из важных признаков кризиса Запада считает постоянное уменьшение прироста населения. Этот факт приводит к постоянной миграции на Запад. В Европе одна треть всех мигрантов являются выходцами из мусульманских стран. Хантингтон считает, что культурная интеграция мигрантов становится все более проблематичной, становясь заметной проблемой внутренней жизни государств Запада, ведущей к фрагментации и разложению их культуры.

Как и Шпенглер, Хантингтон видит в этих проблемах признаки кризиса западного общества. По его мнению, недостаточно предоставить для мигрантов рабочие места; необходимо еще, чтобы они усвоили для себя западные культурные ценности. Мультикультурное общество он считает фикцией, ведущей к гражданской войне. Проблематичным считает Хантингтон как интеграцию индивидов чуждой культуры, так и смену государством своего мента-

¹ Ibid. S. 521.

литета, как это попытался сделать Ататюрк в Турции. Процесс изменения национальной идентичности он считал длительным и болезненным.

Многие политологи, преувеличивая значение экономической и политической унификации мира на основе западных стандартов, защищают тезис о «единстве современной цивилизации». При этом в центре ее видится западная цивилизация, которая называется «уникальной», достойной мирового господства¹. Известный американский политолог Френсис Фукуяма идет еще дальше, полагая, что все страны с радостью воспримут западные ценности, и это будет означать «конец истории», победу либеральной демократии во всем мире².

Освальд Шпенглер, говоря об особенностях европейской культуры, полагал, что она очень тесно связана с представлением о конце света. В современных условиях это представление трансформировалось в идею «конца истории», однако осталась вера в то, что именно европейская цивилизация находится в центре мира. Евроцентризм, против которого выступали как Шпенглер, так и Тойнби, преобразовался сегодня в американоцентризм. Не случайно речь сегодня идет уже не о Европе, а о Западе, который невозможно представить без Америки. Но если подогнать все цивилизации под сложный европейский стандарт было тяжело, то подогнать под упрощенный стандарт американской культуры это становится вполне возможным, что позволяет возродиться старой мечте о «вестернизации» мира.

Если следовать логике Хантингтона, государства должны воевать за цивилизационные ценности. Этот своеобразный идеализм свойствен американской внешней политике, делающей упор на борьбе за демократические ценности и

¹ В. Нейпол, например, утверждает, что западная цивилизация универсальна и годится для всех народов (См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 43).

² Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории: Антология. М., 1994. С. 290–291.

права человека. В этом смысле идеи Хантингтона отражают интересы современной американской политической элиты. Концепция Хантингтона направлена на то, чтобы доказать, что центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между Западом и другими цивилизациями. Автор предлагает сплотить западный мир, дать ему новую консолидирующую идею, призывает к глобальной защите интересов Запада.

По Хантингтону, влияние Запада на остальной мир и ответное влияние других цивилизаций будут определять облик мира в обозримом будущем. Западу предстоит выдержать множество ударов со стороны других цивилизаций. Кроме того, Запад будет подвергаться не только экспансии извне, но и разрушительному влиянию «переселенцев» изнутри.

Все войны Хантингтон рассматривает как результат конфликта цивилизаций. Он вводит понятие «линии разлома» между цивилизациями. Если раньше очаги кризисов сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на «линии культурных разломов». Особую опасность при этом представляют конфликты вдоль «линий разлома» между цивилизациями. Следующая мировая война, по мнению американского политолога, будет войной между цивилизациями.

Хантингтон явно старается принизить роль отдельных национальных государств в цивилизации, хотя и заявляет, что «в настоящее время главными действующими лицами на международной арене остаются национальные государства»¹. По Хантингтону, цивилизации ведут войны через свои государства-форпосты, поэтому задача международной политики заключается в выявлении этих «форпостов». Признав центральные государства цивилизаций основными действующими лицами истории, Хантингтон считает, что международная система XXI века будет включать в себя шесть таких держав: США, Европейский союз, Китай,

¹ Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. М., 1997. С. 2.

Японию, Россию и, возможно, Индию. Он полагает, что в основе международных конфликтов будут лежать «не политические, экономические или идеологические, а культурные причины». Хотя возрождение ислама и подъем Китая и составляют главную угрозу для Запада, однако в XXI веке эти угрозы будут устранены, что приведет к установлению полной гегемонии Запада, гегемонии в форме мировой империи *Rex Americana*, которая обеспечит международный порядок. В данном случае Хантингтон выступает как последовательный «атлантист»¹.

Сущность конфликтов цивилизаций, по мнению Хантингтона, заключается в желании завоевать, покорить, подчинить соседнюю цивилизацию, использовать ее материальные, природные и людские ресурсы. Особенно острым это противоборство было между Западом и Россией. Заблуждаются те, кто считает, что все европейские государства, как и Россия, принадлежат к одной цивилизации — христианской. Различия между католичеством и православием настолько значительны, что они исторически образовали две отличные друг от друга цивилизации. На протяжении многих веков велась ожесточенная борьба между западной и православной цивилизациями. Попытки вестернизации России осуществлялись не раз. Последняя из них происходит на наших глазах в форме массовой культурной экспансии Запада на пространстве бывшего СССР.

В концепции Самуэля Хантингтона большое внимание уделяется роли России и Украины в современной мировой политике. Во-первых, следует подчеркнуть, что Хантингтон выделяет православную цивилизацию из всех современных цивилизаций и отводит ей важную роль². Он придает России статус особой цивилизации, поскольку она, по его мнению, является «продуктом идущей от Киевской Руси и Московского Княжества особой культуры, имею-

¹ Дугин А. Основы геополитики. М., 2000. С. 160.

² *Huntington S. The Clash of Civilisation. N. Y., 1996. P. 45.*

щей византийские корни и сложившейся под воздействием монгольского господства. Это влияние сформировало общество и культуру, не похожую на культуру Западной Европы»¹.

Хотя Хантингтон отмечает внутри России и в находящихся в ее политической орбите странах борьбу западников и славянофилов, он, однако, полагает, что после краха коммунизма, разрыв между Россией и Западом вновь увеличился². По его мнению, Россия создает сейчас свой государственный блок, ядро которого будет православным, а на периферии будут расположены исламские государства, такие как Азербайджан, Армения и Грузия. Он приходит к следующему итогу: «В то время как Советский Союз был сверхдержавой с мировыми интересами, Россия является крупной державой с региональными... интересами»³.

Интересно, что Хантингтон не стал безоговорочно включать Украину в русско-православный блок. Вместо этого в 1996 году он предложил три возможных сценария для дальнейшего развития отношений между Россией и Украиной: 1) государственное объединение двух родственных народов, 2) раздел Украины вдоль исторически сложившейся границы на восточную и западную, 3) образование Россией и Украиной ядра православной цивилизации, подобно тому, как Франция и Германия образуют ядро европейской цивилизации⁴. В 1996 году он считал последний сценарий самым вероятным.

Совершенно иначе оценивает ситуацию на посткоммунистическом пространстве другой известный американский политолог — Збигнев Бжезинский, который в своей книге «Великая шахматная доска»⁵ обращает внимание на образование в посткоммунистической России «оппозици-

¹ Ibid. P. 140.

² Ibid. P. 142.

³ Ibid. P. 164.

⁴ Ibid. P. 167.

⁵ Brzezinski Z. The Grand Chessboard. N. Y., 1997.

онных альянсов». Сюда следует отнести и правую идеологию, которая копирует США и стремится достичь глобального господства. Несколько позднее на основе старых антикоммунистических идей появляется проект «ближнего зарубежья», который разделяет только небольшая часть интеллектуалов. Под этим проектом одни понимали старую советскую империю, другие – «евразийское сообщество». Некоторые российские политики развивали идею создания «антигегемонистического фронта», состоящего из России, Китая и Индии. Все эти идеи, по мнению Бжезинского, были ошибочными, поскольку Россия не располагала необходимыми для реализации этих миссий экономическими средствами.

Бжезинский развивал тезис о том, что единственным спасением для посткоммунистической России может быть «путь в Европу», путь создания «органичной, все более тесной связи с трансатлантической Европой»¹. По мнению Бжезинского, Россия со своими геополитическими мечтаниями только отодвигает тот исторический момент, когда ей придется сделать этот шаг для выхода из современного кризисного состояния. «Никакая другая перспектива, – пишет он, – не может дать России столько преимуществ, как союз с современной, богатой и демократической Европой, объединенной с США»². Если Россия действительно встанет на европейский путь, первым шагом на котором является вступление в Совет Европы, она сможет одновременно модернизироваться и демократизироваться. При этом ей необходимо, по мнению американского политолога, отказаться от имперских амбиций и от противодействия процессу расширения ЕС и НАТО. Только этот путь поможет России включиться в мировые события, гарантировать счастливое будущее, сохранить национальную идентичность, авторитет региональной евразийской державы, ко-

¹ Ibid. P. 118.

² Ibid. P. 119.

торая, несмотря на территориальные потери, останется самым большим государством в мире.

Степень «европеизации» России определяется, по мнению Бжезинского, ее отношением к Украине. Он пишет: «Мы не должны забывать о том, что Россия не будет в Европе, если Украина не станет членом ЕС; хотя Украина вполне может стать членом ЕС, а Россия нет»¹. Бжезинский считает, что Россия заинтересована в том, чтобы уважать государственную независимость Украины и приветствовать ее членство в ЕС, которое откроет дверь для членства в ЕС и кавказских государств – Грузии, Армении и Азербайджана. В противном случае Россию ждет участь «евразийского изгоя», который не находит себе места ни в Европе, ни в Азии, провоцируя постоянные конфликты с ближним зарубежьем и с Китаем.

Если Бжезинский исходил из того, что Россия без Украины будет отброшена назад, потеряв свое значение региональной державы, то Хантингтон рассматривает Россию и Украину как ядро основанной на православии цивилизации. При этом оба американских политолога были хорошо знакомы с концепцией Освальда Шпенглера и высоко оценивали ее значение. Это не помешало им, однако, в оценке политики современной России прийти почти к противоположным мнениям.

Если трудно сразу определить, кто из этих американских исследователей прав в оценке современного исторического и геополитического положения современной России, то очевидно, что позиция Самуэля Хантингтона больше соответствует духу политического анализа Освальда Шпенглера. Поскольку поставленная здесь проблема отношения России и Европы имеет важное политическое значение, хотелось бы рассмотреть ее более подробно.

Если в XIX веке речь шла о России и Европе, то в XX веке речь идет о России и Западе. Понятие «Европа»

¹ Ibid. P. 122.

изменилось: Европа уже не является самостоятельной политической величиной, а является лишь частью западной цивилизации. Это подтверждается в часто повторяемых европейскими политиками уверениях их верности трансатлантической солидарности. Представление о России также изменилось: в XIX веке это была Российская империя, в конце XX века – Российская Федерация. Если сравнить динамику политических систем Европы и России, то сразу же обращают на себя внимание несколько интересных моментов; но главное, что подобное сравнение ясно показывает, что эти системы находятся на различных стадиях исторического развития.

Становление политической системы в Европе заняло несколько столетий. Основу ее составляла империя Карла Великого, границы которой практически не изменились до настоящего времени, а дальнейшее развитие было связано с образованием на территории этой империи национальных государств. Установление баланса сил между европейскими нациями можно считать наивысшим пунктом развития политической системы Европы. Пять государств, примерно одинаковых по своему геополитическому потенциалу, были едины во мнении, что ни одно из них не имеет права усилиться настолько, чтобы представлять угрозу для своих соседей. В противном случае остальные государства вступали в коалиции для совместной борьбы и возврата пошатнувшегося баланса сил.

В XIX веке эта система стала давать сбои. Могущественная Франция нарушила баланс власти, который был восстановлен только с помощью неевропейской страны – России. В XX веке ситуация повторилась, только на гегемонию в Европе претендовала уже не Франция, а Германия. И вновь неевропейские государства (США и СССР) были вынуждены вмешаться в ход европейской истории. После Второй мировой войны США стали играть важную роль в европейской политике, инициировав процесс объединения Европы, то есть медленное разрушение традиционных национальных государств и передачу их суверени-

тета общеевропейским политическим структурам. Сегодня в ЕС Европа нашла новую динамическую форму, которая постоянно изменяется в процессе своего расширения. В истории европейской политической системы можно условно выделить три периода: период империи, период развитых национальных государств и период европейского сообщества наций (ЕС). Не зная этих периодов, невозможно понять современную европейскую политику.

Сравнение динамики политических систем Европы и России позволяет выделить следующее важное отличие: если в Европе доминируют процессы объединения, то в России – процессы распада. После распада Российской империи, основу которой заложил еще Петр I, идет перманентный процесс обособления ее частей – процесс становления новых национальных государств. Этот процесс еще не закончен, о чем свидетельствуют современные политические события. При этом Советский Союз был переходной формой, которая имела черты как бывшей империи, так и признаки национальных государств. Именно во времена СССР национальный принцип государственного строительства был впервые применен в полной мере.

Особенно ярко отличие динамики развития политических систем Европы и России видно, если сравнивать происшедшие почти одновременно распад Советского Союза на 15 независимых республик и объединение 15 европейских государств в Европейский Союз. Если бывшие республики СССР получили государственный суверенитет, то страны ЕС отдали часть своего национального суверенитета наднациональным общеевропейским структурам. Все это подтверждает тезис о том, что Россия и Европа представляют собой две политические системы, имеющие различную историческую динамику.

Несмотря на изложенные выше очевидные факты, есть теоретики, утверждающие, что Европейский Союз и Российская Федерация могут создать единую политическую систему, которая должна называться «единой», или «большой», Европой. Особенно часто можно слышать об том

в России, где со времени перестройки говорят о строительстве «общеевропейского дома». Эту идею развивают не только известные ученые из Фонда Горбачева, но и эксперты из Института Европы РАН. По их мнению, не только возможно, но и необходимо интегрировать Россию в европейские политические структуры.

Противоположного мнения придерживаются так называемые «неоевразийцы», находящиеся в настоящее время в оппозиции к демократически настроенным политическим силам. Наиболее известными их идеологами являются Александр Панарин и Александр Дугин. Ассен Игнатов следующим образом характеризует позицию А. С. Панарина: «Путь России на Запад, ее интеграция в Европу возможны, но только совершенно другим путем. Представители демократов, говорящие о необходимости европеизации России, не хотят замечать тот факт, что Россия не является “государством русских”, а представляет собой особую цивилизацию... Она является не “Второй Европой”, а “Третьим Римом”, наследницей Византии. Тем самым путь в Европу представляется, в отличие от представителей западников, только как путь геополитической победы под флагом православного мессианизма. Те, кто хочет вступления России в ЕС, не понимают, что она там будет второстепенной, зависимой страной»¹.

На Западе получила распространение другая точка зрения, согласно которой если бы Россия и вступила в ЕС, то она взорвала бы эту организацию изнутри. Такого мнения придерживается, например, Манфред Петер, который считает, что Россия и ЕС являются самостоятельными политическими образованиями, которые могут иметь договоренности только на двустороннем уровне как равноправные партнеры². Многие европейские авторы рассматривают данную проблематику со скрытой надеждой, что Россия

¹ *Ignatow A.* Das russische Europa-Bild heute // *Berichte des BIOst.* 1997. № 48. S. 14.

² *Peter M.* Russlands Platz in Europa. Berlin, 2001. S. 89.

согласится на подчиненную роль в Европе. Аргументами для оправдания такого мнения часто служит констатация кризисного экономического и политического положения в современной России. Эта же надежда скрывается в формулировке «привязать Россию к ЕС»¹.

Промежуточную позицию в данном вопросе занимает руководитель центра по изучению России немецкого Фонда науки и политики в Берлине Хайнц Тиммерманн. Он предлагает говорить о вступлении России в ЕС в очень отдаленной перспективе: «Многие российские политики, как и Ельцин, много раз ставили вопрос о полном членстве России в ЕС. Поскольку эта перспектива в настоящее время представляется нереальной, то следовало бы это вступление рассматривать как отдаленную цель»².

Особое мнение на этот счет имеет Гельмут Вагнер, считающий, что РФ имеет реальные шансы для вступления в ЕС, но для этого ей необходимо соответствовать всем европейским нормам, а защиту своего национального суверенитета доверить ЕС. Если же Россия не пойдет по этому пути, то она будет «продана и предана», «отброшена назад», окажется в изоляции и вынуждена будет сотрудничать с Китаем. По мнению Вагнера, вступление в Европейский Союз соответствует «национальным интересам России», но она должна для этого отказаться от СНГ и создать с ЕС некую «конфедерацию», которая будет промежуточным этапом на пути к ее полному членству в ЕС. Принятие России в ЕС приведет к созданию «единой Европы без границ»³.

В Германии и других странах ЕС Россия по-прежнему рассматривается как некая периферия, которая не может

¹ *Timmermann H.* Strategische Partnerschaft: Wie kann die EU Russland stärker einbinden? // SWP-Aktuel von 12.04.2002. S. 11.

² *Timmermann H.* Impulse, Rückschläge und Chancen für eine Partnerschaft // Berichte BIOst. 1999. № 3. S. 21.

³ *Wagner H.* The Changing Relationship between Europe and Russia // Forum Baltikum. Tartu, 2000. S. 123.

оказывать существенного влияния на саму Европу. Так, Герхард Симон пишет: «Окраинное положение России и ее культурная близость к Византии привели к тому, что в средние века европейские институты там не получили своего развития»¹. По мнению Симона, в этом виновата сама Россия, так как она не хотела интегрироваться в западный мир.

Многие немецкие авторы придерживаются аналогичного мнения, указывая при этом на особенности России, на особенности ее истории и географического положения. Так, Карл Шлегель видит особенность России в ее срединном положении между Европой и Азией: «Двойственный, дуалистический характер России заключается в том, что она одновременно чувствует свою принадлежность к Европе и чуждость к ней»². Эту же идею развивал в начале XX века Освальд Шпенглер³. Однако сама Германия также является страной, занимающей промежуточное, в этом смысле своеобразная двойственность положения свойственна и ей. Задачей данного исследования не является выяснение всех особенностей России; здесь важно лишь отметить, как эти особенности влияют на ее отношения с Европой.

Сегодня проблема взаимоотношения России и Европы находится в иной плоскости: сегодня уже вопрос стоит не о том, является ли Россия частью Европы, а в какой мере Европа является частью России? Дело в том, что, начиная с XIX века, Россия вмешивается в европейские дела – сначала в составе антинаполеоновской, а затем антигитлеровской коалиции, и в обоих случаях она оказывается на стороне победителей. Поэтому можно говорить о том, что европейская часть евразийского континента также находится под влиянием России. Начиная с символического участия

¹ *Simon G.* Russland und die Grenuen Europas // Osteuropa. 1999. № 11. S. 1095.

² *Schlögel K.* Ein Sonderweg Russlands? // Die Gemeinschaft Unabhängigen Staaten. Stuttgart, 1992. S. 45.

³ *Spengler O.* Politische Schriften. München, 1932. S. 109.

в 1814 году русского царя в параде победы в Париже, Россия рассматривает Европу как свою часть. Именно тогда Россия впервые господствовала на всем пространстве евразийского континента, что послужило началом новой эпохи во взаимоотношениях России и Европы. Об этом не следует забывать сегодня, когда Россия находится на кризисном этапе своего развития.

Проблема взаимоотношения России и Европы является важной проблемой в истории российской политической мысли. По мнению Николая Бердяева, тема «Россия и Европа» была основной темой XIX века; именно она в наибольшей степени характеризует «русскую идею и русскую миссию»¹. Не потеряла своего значения эта тема и сегодня. Политические дискуссии о расширении Европейского Союза вновь поднимают старый вопрос о том, где же проходят восточные границы Европы.

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на отношение России и Европы с отдаленной исторической перспективы. Только в этом случае становится ясно, что такой границей является Восточная Европа в целом. По Восточной Европе проходит не только политическая, но и этническая, не только культурная, но и географическая граница Европы. Этническая граница – это граница между германскими и славянскими племенами, культурная граница – это граница между католичеством и православием, географическая граница – это граница между немецким нагорьем и российской степью, между морским климатом Европы и континентальным климатом России.

Срединное положение Восточной Европы между Европой и Россией сравнимо со срединным положением России между Европой и Азией, причем в данном случае Европа и Азия (Китай) имеют больше общего, чем Европа и Россия. Петр Чаадаев считал, что Россия одной рукой опирается на Китай, а другой – на Германию. Федор Достоевский писал:

¹ *Berdjaev N. Die russische Idee. Sankt Augustin, 1983. S. 30.*

«Для настоящего русского Европа, как и судьба всей арийской расы, так же дорога, как и сама Россия». По его мнению, Азия для России также имеет большое значение, поскольку «Россия находится не только в Европе, но и в Азии»¹.

Западники видели будущее России в ее единении с Европой, славянофилы говорили о великой цивилизаторской миссии России в Азии, но и те и другие считали Россию и Европу двумя культурными мирами. Россия рассматривалась ими как самостоятельный культурный мир со своими религиозными, политическими, экономическими и социальными ценностями. Исходя из такого подхода, сама постановка вопроса о том, является ли Россия частью Европы, становится абсурдной. В такой постановке вопроса скрыто желание видеть Россию в качестве сферы влияния европейских интересов.

За свою длительную историю Россия получила свой, отличный от европейского, опыт политического существования. В результате во всех сферах общественного бытия она выработала свои стандарты, именно поэтому так тяжело приживаются на российской почве сегодня европейские законы. Россия не может существовать по европейским нормам, поскольку у нее есть свои, соответствующие ее историческому опыту, культурным традициям и географическому положению². Новая попытка европеизировать Россию показала еще раз, что Россия при всем желании не может стать европейской страной. Кроме того, для большинства европейцев ясно, что Россия «не подходит» к ставшей такой маленькой Европе. Именно поэтому становятся непонятными призывы некоторых российских политиков добиться для России равноправного положения среди других европейских наций. Карл Шлегель, например,

¹ *Dostojewski F.* Tagebuch eines Schriftstellers. Darmstadt, 1963. S. 584.

² *Afanasjew W. W.* Natürliche und kulturelle Besonderheiten Russlands in seinem Verhältnis zu Europa // *Berliner Osteuropa Info.* 2000. № 14. S. 53.

пишет: «Я думаю, что было бы правильным рассматривать развитие России в контексте европейской динамики»¹. Подобная европоцентристская точка зрения, которую разделяют, к сожалению, некоторые российские политики, ведет к ложному представлению о принадлежности России к Европе.

После наполеоновских войн культурные контакты между Россией и Европой стали более интенсивными. Эти контакты вошли в сознание народов и оставили свой след в литературе. Как считает Вольфганг Гайер, эти контакты часто носили, к сожалению, негативный характер и основывались на «незнании друг друга, недоверии, страхе, ненависти, враждебности и предрассудках»². Сегодня в эпоху глобализации многие старые национальные предрассудки потеряли свое значение, а необходимость сотрудничества заставляет по-новому взглянуть на другие культуры и народы. Поэтому именно сегодня появилась надежда преодолеть пропасть исторических предрассудков, разделяющих народы России и Европы.

Хантингтон и Шпенглер

Говоря о Шпенглере, Хантингтон относит его к выдающимся мыслителям, исследовавшим предпосылки, возникновение, рост, разложение и гибель цивилизаций. Хантингтон считает, что тезис Шпенглера о «закате Европы» подтвердился последующей историей: «Первая книга Шпенглера появилась в 1918 году, и “закат Запада” был центральной темой в течении всей истории двадцатого века. Сам этот процесс растянулся на все столетие. Тем не менее он может ускориться»³. Многие высказывания Хантингтона напоминают идеи Шпенглера. Является ли Хантингтон «американским Шпенглером», как, например, счи-

¹ *Schlögel K.* Ein Sonderweg Russlands? // Die Gemeinschaft Unabhängigen Staaten. Stuttgart, 1992. S. 48.

² *Geier W.* Rußland und Europa. Wiesbaden, 1996. S. 1.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 118.

тает Генрих Риттер?¹ Сравнение Хантингтона и Шпенглера требует указания на различия в их концепциях. Если для Шпенглера характерна четкая теоретическая схема в понимании «высоких культур», которая в современных условиях несколько потеряла свою убедительность, то концепция Хантингтона более открыта для всевозможных толкований, поэтому вопрос о будущем Запада у него во многом остается открытым.

Другим важным отличием концепции Хантингтона от Шпенглера является несколько иная трактовка цивилизации. Для Хантингтона цивилизация – это район пространственного распространения культуры, а не собственно культурные явления; поэтому его теория более применима к политическим явлениям, с ней совместим геополитический подход. Своей концепцией «центральных государств»², которые присутствуют в любой цивилизации, Хантингтон достаточно далеко уходит от Шпенглера, однако именно она дает ему научный инструментарий для анализа современной мировой политики. Трактовка цивилизаций у Хантингтона схожа с понятием культурного пространства у Карла Шмитта. По мнению Шмитта, центральные государства региона обслуживают своей политической идеей все это пространство, что позволяет исключить интервенцию чуждых государств³.

Важным отличием концепции Хантингтона является то, что если у Шпенглера «высокие культуры» следуют в истории друг за другом, то цивилизации у Хантингтона существуют одновременно и борются между собой. Здесь американский политолог, с одной стороны, приспособли-

¹ *Ritter H. Amerikas Spengler? // Frankfurter Allgemeine Zeitung* von 18.4.1997. S. 41.

² Понятие «центрального государства» у Хантингтона, очевидно, связано с доктриной изоляционизма, которая развивалась в США в 30-е годы и отрицала вмешательство со стороны США в политику стран, расположенных в других регионах мира.

³ *Koenen A. Der Fall Carl Schmitt. Sein Aufstieg zum «Kronjuristen des Dritten Reiches».* Darmstad, 1995. S. 803.

вает свою теорию цивилизаций для объяснения мировой политики, а с другой стороны, упускает из виду очень важный момент в философии истории Шпенглера, а именно его положение о том, что все цивилизации следует делить на «живые» и «мертвые». Хантингтон уравнивает в правах эти два вида цивилизаций, отдавая дань, скорее, географии, чем внутренней «душе культуры», как это было у Шпенглера. При этом Хантингтон делает серьезную ошибку, упуская из виду то, что «живые» цивилизации¹ в политическом отношении намного сильнее «мертвых», поскольку их сила складывается не только из количества населения, объема природных ресурсов и географического положения, но и из духовной объединительной силы, которой почти полностью лишены современные мертвые цивилизации.

Хантингтон очевидно воспринял ряд идей Шпенглера не непосредственно, а через работы Арнольда Тойнби. Так, его основной тезис о «столкновении цивилизаций» был заимствован им у Тойнби. Через полвека после Тойнби Хантингтон практически полностью воспроизводит его учение о цивилизациях и, так же, как и английский историк, основную проблему современной политики видит в отношении Запада с остальными цивилизациями: «Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение... Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам»².

Концепция «столкновения цивилизаций» получила большой международный резонанс. Поначалу многие его идеи были отвергнуты, но постепенно отношение к ним меня-

¹ На сегодняшний день такими цивилизациями являются лишь европейская и российская.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 48.

лось. К ним стали привыкать. Даже один из самых последовательных его критиков – Френсис Фукуяма – вынужден был признать некоторые хантингтоновские выводы правильными. В России концепция Хантингтона активно обсуждалась, его статья несколько раз переиздавалась на русском языке¹. Вышел в свет и перевод его книги «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»². В журналах «Политические исследования» и «Общественные науки и современность» прошли обсуждения теории Хантингтона.

По мнению А. П. Цыганкова, в этой дискуссии можно выделить два лагеря: «Мы будем называть эти группы либералами и националистами. Либералы атакуют Хантингтона за поиск нового образа врага вместо признания подлинного плюрализма цивилизаций в мировой политике; националисты обеспокоены тем, что Россия постепенно уступает Западу свою политическую независимость...»³. Аннетт Юбара отмечает, что концепция Хантингтона критикуется российскими либералами за то, что России в ней отводится роль ведущего государства славянско-православной цивилизации, но именно этот тезис пришелся по душе националистически настроенным российским политикам⁴. Это двойственное отношение к Хантингтону в России приводит к тому, что дискуссии вокруг нее до сих пор

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Философская и социологическая мысль. 1996. № 1–2; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003 и др.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

³ Цыганков А. П., Цыганков П. А. Плюрализм или обособление цивилизаций? Тезис Хантингтона о будущем мировой политики в восприятии российского внешнеполитического сообщества // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 19.

⁴ Jubara A. «Kampf der Zivilisationen» oder interkultureller Dialog? // Berliner Osteuropa Info. 1998. № 11. S. 12.

не утихают. Концепция цивилизаций Хантингтона адаптировала политическую философию Шпенглера для реалий XIX века, что сделало его идеи еще более популярными.

Многие российские ученые весьма критически восприняли идеи Хантингтона¹. Среди тех немногих, кто хотя и критически, но творчески подошел к их анализу, следует отметить Н. Н. Моисеева². Цивилизационный подход, по Н. Н. Моисееву, нельзя игнорировать, поскольку политики и ученые могут договориться друг с другом, но цивилизации не смогут воспринять договоренности: возникнут фронты непонимания, подозрительности и вражды, которые могут стать и фронтами военными.

Л. В. Поляков считает, что Хантингтон выполнял некий социальный заказ, который выдвинуло американское общество после окончания Второй мировой войны: «С. Хантингтон писал свою статью 40 лет назад для американских либералов, искавших консервативный ответ на коммунистическое давление в ситуации разгара “холодной войны”. И он отмечал, что, подобно тому как прусские аристократы в 1820 г. и рабовладельцы-южане в 1850 г., так американские либералы 100 лет спустя должны стать консерваторами. Раньше американские либералы выступали в пользу расширения свобод, социального равенства, в пользу более “осмысленной” демократии. Теперь (в 50-е годы) оказалась “величайшая потребность не столько в создании более либеральных учреждений, сколько в успешной защите учреждений уже существующих”... “Продолжать излагать философию либерализма, предостерегал – С. Хантингтон, – значит предоставить врагу то оружие, с помощью которого он сможет нападать на либеральное общество”»³.

¹ См. Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 65–80; Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 131–142.

² Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 5.

³ Поляков Л. В. Консерватизм в России – время пришло? // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 78.

Основываясь на идеях шпенглеровской политической философии, концепция Хантингтона становится сегодня центром политологических дискуссий во многих странах мира. Это косвенно свидетельствует не только об актуальности цивилизационного подхода для современной науки, но и об интересе к консервативным политическим идеям Шпенглера. Можно привести мнение другого известного американского политолога – Збигнева Бжезинского, который следующим образом оценивает вклад Шпенглера в современную политическую науку: «В “Закате Европы”»¹ содержится многое, имеющее значение для нашего времени. Это не относится, однако, как мне представляется, к основному его тезису/ Если Запад находится на закате, то это опасно для всего остального мира, поскольку нет никого другого, кто бы смог решить глобальные проблемы. Если Запада не будет, мир погрузится в хаос и анархию»¹.

¹ Цит. по: *Ulmen G. Metaphysik des Morgenlandes // Spengler heute. München, 1980. S. 125.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия политики Освальда Шпенглера еще не достаточно осмыслена в отечественной научной литературе, хотя имя этого немецкого философа известно во всем мире. Появившиеся в последнее время переводы работ Шпенглера говорят о большом интересе в нашей стране к творчеству этого немецкого автора. Традиционное критическое и во многом идеологизированное отношение к его наследию не позволяло раньше понять и использовать положительное содержание работ Шпенглера.

К этому положительному содержанию следует отнести периодизацию Шпенглером политических эпох, которая во многом схожа с аналогичной платоновской периодизацией, хотя Шпенглер придал ей совершенно иную форму. Как и Платон, он считает идеальным сословное общество, где основную роль играют духовенство и дворянство (у Платона – философы и стражи). Кризис идеального государства происходит в результате последовательного чередования наполеонизма, демократии и цезаризма (у Платона – тимократии, олигархии, демократии и тирании). Характеристики этих периодов Шпенглером во многом совпадают с платоновскими. Кроме философии Платона, идеи Шпенглера близки взглядам Николая Данилевского и Константина Леонтьева. С первым Шпенглера сближает его концепция исторических культур, со вторым – консерватизм и антидемократизм. Философия политики Шпенглера имеет в России не только предшественников, но и последователей, к которым можно отнести некоторых представителей евразийства.

Положительным содержанием философии политики Шпенглера является и анализ демократического устройства современного ему общества. Шпенглеру удалось взглянуть на демократический способ правления с исторической дистанции и указать его место в политическом цикле куль-

туры. В своем стремлении решить проблемы демократии Шпенглер создает модель будущего цезаристского правления, которое, по его мнению, будет основываться на немецком понимании государства и политики. По существу, речь здесь идет о модели бюрократического государства, которая уже долгое время существовала в Германии. Эта модель предлагается Шпенглером в качестве эталона для всех современных государств.

Можно выделить следующие основные идеи шпенглеровской философии политики. В качестве основного структурирующего элемента государства у Шпенглера выступает дворянское сословие, которое вырастает на почве крестьянства. Крестьянство не является актером истории, но оно выполняет функции корней, которые поставляют растению культуры необходимые для его развития жизненные соки. Дворянству противостоит духовенство, оторванное от жизни, ориентированное на духовное, со своими ценностными установками. Борьба между этими сословиями приводит к традиционному противостоянию государства и Церкви. Дворянство и духовенство, по выражению Шпенглера, являются «вечными», «всемирно-историческими» сословиями. С их появлением в недрах культуры начинается ее историческая жизнь, именно эти два сословия являются единственными творцами культуры. Каждое сословие имеет свою мораль: духовенство – «мораль смерти» (жертва), направленную к умерщвлению жизни, дворянство – мораль жизни и истории (честь). С приходом к власти буржуазии, которая, по своей сути, несословна и либеральна, в позднюю эпоху культуры центр исторического развития перемещается в город. Культура в эту эпоху окостеневает и переходит в цивилизацию.

Шпенглер разработал свою периодизацию исторических эпох культуры. В традиционную эпоху государство находится «в форме», но, по мере кризиса государственной формы, происходит отказ от старых правил и традиций, от дипломатии, которая, по мнению Шпенглера, является основной формой политики «высоких культур». В период

«наполеонизма» начинается постепенный возврат в первоначальную стихию природной борьбы за существование, «войны всех против всех». В результате наступает эпоха «цезаризма», завершающая политический цикл «высокой культуры» и ведущая к окончательному распаду цивилизации. Анализ исторических культур Шпенглер ведет с использованием социологических категорий. Особое место при этом уделяется противопоставлению города и деревни. Культура появляется в деревне, она тесно связана с природным ландшафтом, а заканчивается в большом городе, свободном от окружающей его природной среды.

Основными чертами политической философии Шпенглера являются консерватизм, империализм, национализм, надежды на сильное немецкое государство, оправдание агрессивной завоевательной внешней политики. Некоторые идеи Шпенглера сопоставимы с такими элементами политики национал-социалистов, как лозунг «крови и почвы», переход на готический алфавит, поддержка крестьянства, меры по увеличению рождаемости, подчеркнутый милитаризм и т. д. Однако имели место и существенные идейные расхождения, которые, в конечном счете, привели к конфликту между Шпенглером и национал-социалистами. Несмотря на близость философии политики Шпенглера к идеологии и практике национал-социализма, не следует полностью отождествлять его идеи с нацистскими. Защита и философское обоснование империалистических планов Германии, безусловно, является важным моментом, сближающим Шпенглера с фашизмом. Однако аристократизм и антидемократизм мировоззрения Шпенглера не позволили ему не только сотрудничать с новым режимом, но и смириться с его существованием.

Важным вкладом Шпенглера в политическую философию является обоснование им современной консервативной политики. Несмотря на непоследовательность своего консерватизма, Шпенглер смог обозначить основные моменты консервативной политики, поэтому он является одним из важных теоретиков современного консерватизма.

Непоследовательность консерватизма Шпенглера объясняется тем, что бюрократическое государство, как основной политический институт общества, призвано у него осуществлять свою политику независимо от Церкви. Более последовательно, с консервативной точки зрения, рассматривает Шпенглер проблему соотношения государства и экономики, – проблему, актуальную сегодня не только для европейской политики. Однозначно высказываясь за приоритет государства в решении всех политических проблем общества, Шпенглер выступает как последовательный сторонник укрепления государства и сохранения традиций, лежащих в его основании.

Позицию Шпенглера можно охарактеризовать как консервативную, хотя сам он критикует консервативные партии, считая их подобием либеральных. Здесь налицо некоторое внутреннее противоречие, которое присутствует и у других консервативных революционеров Веймарской Германии. Критикуя либерализм, они, однако, не хотели возврата к порядкам кайзеровской Германии. Поэтому их идеалом стал предшествующий период в истории Европы – период феодализма. Но Шпенглер осознавал реалии своего времени и понимал невозможность вернуться в прошлое, поэтому в практической политике он был последователем так называемого прусского социализма – немецкого варианта империализма, основывающегося на военных традициях средневековых орденов. Консерватизм философии политики Шпенглера, как наиболее известного представителя политической философии Германии, состоял, главным образом, в неприятии либерализма и демократии. В качестве антипода этим, по его мнению, английским формам империализма, Шпенглер противопоставляет немецкую модель империализма – модель тотального чиновнического государства.

Если исходить из того, что основной чертой либеральной политики является господство экономики над государством, то для консервативной политики – это господство Церкви над государством. В этом смысле философия

Шпенглера не была последовательно консервативной, так как ее автор не высказывается за возрождение политической роли Римско-католической Церкви. Но тот факт, что Шпенглер предлагает организовать немецкое государство по модели рыцарских орденов католической Церкви, позволяет охарактеризовать его позицию как консервативную. О важности консервативной установки для мировоззрения Шпенглера говорит то обстоятельство, что первоначально название для его книги «Закат Европы» было «Либеральное и консервативное».

Кроме консерватизма, для Шпенглера характерен аристократизм, наметившийся уже в раннем его творчестве, когда он занимался проблемами искусства. Считая эпоху Барокко расцветом европейской культуры, Шпенглер всегда испытывал ностальгию по ее цветущему аристократическому стилю. При анализе современных ему политических событий Шпенглер пытается встать на точку зрения немецкого дворянства – наследника аристократических традиций. С позиций аристократии все исторические события в Германии того времени – отречение кайзера, принятие новой конституции, революция – означали не что иное, как катастрофу, уход с исторической арены этого сословия. Крах старинных укладов и отмену старых привилегий немецкого дворянства Шпенглер воспринял как закат Европы.

На самом деле Шпенглер не был представителем дворянства, а выражал интересы немецкого чиновничества, которое в кайзеровской Германии значительно выросло и опасалось, что его привилегии вследствие революционных событий и нового демократического порядка Веймарской Германии могут быть утеряны. Эти опасения, как и возможные варианты дальнейшего политического развития, выгодного для немецкой государственной и промышленной бюрократии, и нашли свое выражение в работах Освальда Шпенглера.

На основе своих исторических познаний Шпенглер выработал не только своеобразную философию политики, –

он приспособил свои теоретические схемы для анализа современной ему политики. В центре его анализа была Германия. Политическая ситуация в Германии начала XX века носила двойственный характер. С одной стороны, это рост экономического и политического влияния на европейскую и мировую политику; с другой стороны – поражение в войне и Версальский договор, ухудшение экономической конъюнктуры. Несмотря на тяжелую ситуацию в стране, Шпенглер считал Германию одной из ведущих держав мира, способной вести борьбу за мировое господство. В анализе актуальных политических проблем Шпенглер не ограничивается внутренними политическими проблемами Германии, а пытается подобрать ключ и к решению мировых проблем. В анализе современных ему политических проблем Шпенглер опирается на тот методологический инструментарий, который он выработал в процессе своей интерпретации истории. Это позволило ему взглянуть на современные события с необычной точки зрения и увидеть новые перспективы, что определило оригинальность его подхода и интерес к его творчеству.

Политические проекты Шпенглера ориентированы на то, что для Германии не все еще потеряно, и если ей удастся справиться с «белой» и «цветной» революциями, то за ней ближайшее будущее. Эти проекты Шпенглера противоречат его пессимизму относительно общей судьбы европейской культуры. Многие оценки Шпенглера относительно политического состояния современного мира не потеряли свою актуальность и сегодня, несмотря на то что после выхода в свет его книг над планетой прошла гроза второй мировой войны. Еще до войны, и Шпенглер это отмечает, европейские страны стали терять свое стратегическое положение на планете, а США, наоборот, становились крупной мировой державой. Уже тогда обозначилась Япония как один из важных центров мировой политики. Для Шпенглера культурное творчество Запада – в прошлом. Впереди лишь борьба за всемирное могущество, в которой Германия, по его мнению, призвана сыграть важную роль.

Шпенглер констатирует «падение государственности» в Европе. Этот процесс, по его мнению, начался в XIX веке с появлением национализма. Нация теперь понималась как бесформенная, не нуждающаяся в жестких государственных формах. Эта тенденция отмирания государственности в европейских странах проявилась в изоляции настоящих политических деятелей, в приоритете внутренней политики в ущерб внешней, а также в возрастании роли экономики. В последних своих работах Шпенглер еще раз обращает внимание на те опасности, которые угрожают европейским странам. Однако одного осознания проблем бывает недостаточно тогда, когда живые силы покидают народы. Это судьба, с которой только остается смириться. Шпенглер, пожалуй, сделал многое для того, чтобы европейцы смирились со своей судьбой, и эта негативная заслуга не позволяет ему быть в достаточной мере оцененным европейскими учеными. Даже американским исследователям легче непредвзято оценивать взгляды Шпенглера, чем его соотечественникам, хотя интерес к его философии в Европе не ослабевает до сих пор, несмотря на вековую черту, отделяющую нас от времени его творчества.

Анализ Шпенглером современных ему политических проблем осуществлен им на достаточно высоком теоретическом уровне с использованием своеобразной историко-философской терминологии, при этом доминирующим моментом выступает критика либерализма как в реальной политике, так и в теории. В своей философии политики Шпенглер подвергает критике основные демократические устои, что было характерно для всех консервативных революционеров в Германии эпохи Веймарской республики. Шпенглер указал на многие недостатки демократических институтов, показал их партийный характер, их связь с абстрактными теориями и идеалами. Однако за критическим отношением Шпенглера к демократии трудно понять его положительный идеал. Грядущий цезаризм, который во многом напоминает распространенные представления о социалистическом строе, судя по многим высказываниям

Шпенглера, также не вызывает его симпатий. Остается предположить, что идеальное политическое устройство для Шпенглера находится в прошлом, что видно и в предложенных им «таблицах одновременных исторических эпох», где так называемое абсолютное государство располагается примерно в середине исторического цикла культуры и представляет тем самым некий пик, после которого начинается деформация политических и культурных форм.

Многие исследователи отмечают определенный цинизм шпенглеровской философии. В ней содержится призыв к оправданию того нового варварства, которое приходит в политическую жизнь Запада. Здесь имеет место одно из внутренних противоречий Шпенглера. Он восхищается богатыми культурными формами старой Европы и в то же время признает современный политический нигилизм, то есть отказ от старых культурных форм и традиций. Эта внутренняя противоречивость позиции Шпенглера характерна и для других представителей консервативной революции в Германии.

Исторический анализ эволюции политических форм позволил Шпенглеру указать на политические формы, ожидающие европейскую цивилизацию в недалеком будущем. Именно эти прогнозы представляют интерес для современного исследователя, который может судить, насколько реализовались пророчества Шпенглера. Следует отметить, что, несмотря на отдельные неприемлемые с точки зрения демократии, идеи, в философии политики Шпенглера содержится множество интересных и оригинальных идей, не потерявших свою актуальность и в наши дни. Историческая эрудиция позволила Шпенглеру взглянуть на происходящие в нашем веке события с достаточной дистанции и определить главные тенденции в развитии политической жизни не только Германии, но и всего мира.

Шпенглеру удалось выяснить механизм социально-политической дезинтеграции общества. Он сформулировал причины падения культуры и указал на те социальные силы, которые заинтересованы в этом процессе. Приход

к власти в государстве в период цивилизации низших слоев общества приводит к тому, что само общество «очищает» себя от остатков прежней культуры, освобождая место простым животным потребностям и инстинктам. Тем самым происходит возврат к доисторическому существованию, что означает конец «высокой культуры».

Шпенглер сделал много для пропаганды школы реализма в международных отношениях. В его работах содержатся прогнозы мирового развития в XX и XXI веке. Несмотря на то что он не увидел центральную роль Америки в международной политике грядущего столетия, он правильно определил империалистический характер современной эпохи и обосновал необходимость укрепления государств для борьбы за мировое господство. Некоторые конкретные прогнозы Шпенглера выдержали проверку временем. Это, прежде всего, его тезис о грядущих мировых войнах, о гонке вооружений, о становлении новой мировой империи.

Шпенглер заметил, что некоторые современные тенденции развития мировой экономики способствуют снижению внимания к политической сфере, что приводит к ослаблению обороноспособности государств. Подобная пацифистская трактовка мировой политики характерна для многих современных либеральных теорий, которые полагают, что мировая политика должна уступить место мировой экономике. Шпенглер указывает на опасности этих иллюзий. Критикуя либеральный подход в международных отношениях, он отмечал, что невнимание к обороноспособности может привести любую нацию к гибели, поскольку империалистический характер современной эпохи для него был очевиден. Будущее цезаристское правление, по мнению Шпенглера, будет не только не пацифистским, но даже и не либеральным, поскольку политическая инициатива перейдет в руки частных лиц, отдельных выдающихся личностей, которые свирепо будут бороться друг с другом, удовлетворяя свои личные амбиции.

Особый интерес для исследования представляет трактовка Шпенглером российской культуры, как культуры нового тысячелетия, причем он предельно ясно отделяет историю Европы от российской истории. Именно Россия, по его мнению, должна распространить в следующем тысячелетии новую форму христианства по всему миру. Российская цивилизация способна создать новые нации и их оригинальную культуру, наполнить историю новыми событиями, обогатить культурную сокровищницу человечества. Шпенглер предсказал крушение большевизма в России, считая его явлением европейским по своей природе. Он выступал за экономическое сотрудничество Германии и России. Сегодня, спустя почти столетие после выхода в свет его работ, эти планы становятся реальностью.

Политические идеи Освальда Шпенглера нашли многочисленных последователей не только на Западе, но и в нашей стране. Среди них известный историк Арнольд Тойнби, социолог Питирим Сорокин, этнолог Лев Гумилёв и политолог Самуэль Хантингтон. Последний, опираясь на идеи Тойнби и Шпенглера, предложил концепцию «столкновения цивилизаций», которая вот уже на протяжении десятилетия продолжает оставаться в центре политологических дискуссий во всем мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Первоисточники

Spengler Oswald. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1997.

Spengler Oswald. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1963.

Spengler Oswald. Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933.

Spengler Oswald. Der Mensch und die Technik: Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München, 1931.

Spengler Oswald. Preussentums und Sozialismus. München, 1920.

Spengler Oswald. Gedanken. München, 1941.

Spengler Oswald. Politische Schriften. München, 1933.

Spengler Oswald. Reden und Aufsätzen. München, 1937.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1–2. М., 1998.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1–2. М., 2002.

Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.

Шпенглер О. Годы решений. М., 2006.

Монографии

Афанасьев В. В. Либеральное и консервативное. М., 2006.

Афанасьев В. В. Социология политики Освальда Шпенглера. М., 2006.

Афанасьев В. В. Политическая философия Освальда Шпенглера. М., 2003.

Афанасьев В. В. Философия политики Освальда Шпенглера. М., 1999.

Афанасьев В. В. Современная неогуманистическая футурология. Барнаул, 1995.

Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.

Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005.

Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2000.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994.

Геге А. Философия кризиса. М., 1978.

Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. М., 2000.

Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семёнов В. А. Западная социология. СПб., 2003.

- Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997.
- Губман Б. Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М., 1991.
- Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М., 1992.
- Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
- Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004.
- Гумилёв Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
- Дырин А. И. Философия и история философии. М., 2003.
- Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988.
- Зубов В. И. Основы этнологии: Учебное пособие по теории этногенеза Л. Н. Гумилёва. М., 1999.
- Иосифова М. Н. Критика философии культуры Освальда Шпенглера. Автореферат... М., 1974.
- Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций. М., 2002.
- Корсунцев И. Г. Проблемы развития и будущее цивилизации. М., 1994.
- Лазарев В. Н. Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство. М., 1922.
- Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
- Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993.
- Люкс Л. Россия между Востоком и Западом. М., 1993.
- Маркарян Э. О концепции локальных цивилизаций: Критический очерк. Ереван, 1962.
- Мельвиль Ю. К. Пути буржуазной философии XX века. М., 1983.
- Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999.
- Мочкин А. Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002.
- Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.
- Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.
- Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
- Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
- Погорелый А. И. Критика современной буржуазной социологии культуры. Киев, 1987.
- Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.
- Рормозер Г., Френкин А. Новый консерватизм: Вызов для России. М., 1996.
- Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
- Семёнов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби. М., 1980.
- Семёнова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М., 1990.
- Современная буржуазная философия. М., 1972.
- Соколова Р. И., Спиридонова В. И. Государство в современном мире. М., 2003.
- Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

- Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.
- Сорокин П. А.* Социологические теории современности. М., 1992.
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Тавризян Г. М. О.* Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989.
- Тавризян Г. М.* Техника, культура, человек. М., 1986.
- Тойнби А. Д.* Постижение истории. М., 1996.
- Тойнби А. Д.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
- Фёдоров В. П.* Крушение Европы? М., 2005.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Хьюбшер А.* Мыслители нашего времени. М., 1994.
- Цымбурский В.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
- Чумаков А. Н.* Глобализация: Контуры целостного мира. М., 2005.
- Чумаков А. Н.* Метафизика глобализации: Культурно-цивилизационный аспект. М., 2006.
- Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
- Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.

Статьи

- Аверинцев С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. М., 1991. С. 183–203.
- Афанасьев В. В.* Историческая социология Данилевского, Шпенглера и Сорокина // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 129–137.
- Афанасьев В. В.* Консервативная идеология Освальда Шпенглера // Политические исследования. 2005. № 5. С. 166–174.
- Афанасьев В. В.* Новый мировой порядок и миротворческая роль Запада // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2006. С. 142–154.
- Афанасьев В. В.* Освальд Шпенглер о международной политике // Вестник Московского университета. 2005. № 4.
- Афанасьев В. В.* Освальд Шпенглер о России и будущем ее культуры // Труды членов РФО. Выпуск 10. М., 2005. С. 294–303.
- Афанасьев В. В.* Особенности политического консерватизма Освальда Шпенглера // Будущее России. Стратегии развития: Сборник научных докладов. М., 2005. С. 22–38.
- Афанасьев В. В.* Россия и Европа: история и современность // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2006. С. 3–10.
- Афанасьев В. В.* Россия как национальное государство // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М., 2006. С. 133–141.
- Афанасьев В. В.* Социология истории Освальда Шпенглера // Афанасьев В. В. Историческая социология. Барнаул, 1995. С. 33–48.

Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста. // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 364–381.

Блуменкранц М. А. «Русская идея» и мессианское сознание // Общественные науки. 1990. № 5. С. 213–221.

Богомоллов А. С. Философия жизни в Германии // Современная буржуазная философия М., 1972. С. 112–153.

Букишпан Я. Неопределенный рационализм // Бердяев Н. А. Смысл истории: Новое средневековье. М., 2002. С. 382–404.

Буцениеце Э. А. Критика иррационалистической концепции «заката культуры» О. Шпенглера // Вопросы философии. 1978. № 2. С. 81–89.

Гаврюшин Н., Лаут Р. Шпенглер и «христианство Достоевского» // Общественные науки. 1990. № 2. С. 207–213.

Давыдов Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С. 228–271.

Давыдов Ю. Н. Освальд Шпенглер и судьбы романтического мирозерцания // Проблемы романтизма. М., 1971. Т. 2. С. 229–301.

Давыдов Ю. Н. Освальд Шпенглер: апофеоз кризисного сознания в европейской социальной философии и культурологии // История теоретической социологии. М., 1998. Т. 2. С. 81–150.

Давыдов Ю. Н. Шпенглер и война: Историческое эстетство в свете современного опыта // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 76–113.

Дейвицкий И. И. Томас Манн Contra Шпенглер // Проблемы метода, жанра, стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX веков. Пермь, 1975. С. 164–174.

Драч Г. В. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Шпенглер О. Закат Европы. Ростов на Дону, 1998. С. 3–35.

Дубнов А. П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 5–33.

Кутлуниин А. Г. Критика исторического метода О. Шпенглера // Философские науки. 1997. № 1. С. 84–89.

Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57–69.

Манн Т. Об учении Шпенглера // Манн Т. Сочинения. М., 1976. Т. 10. С. 610–619.

Мельвиль Ю. К. Философия истории О. Шпенглера // Зотов А.Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. М., 1988. С. 413–459.

Межуев В. М. Судьба цивилизаций: конфронтация или диалог // Личность. Общество. Культура. 2003. Т. V. Вып. 3–14. С. 44–54.

Михаленко Ю. П. Политический идеал Платона в контексте реальной истории. М., 2003.

Орлов Ю. Я. К значению философии Шопенгауэра, Ницше и Шпенглера для методологии немецко-фашистской пропаганды // Вестник Московского университета. Серия 10. 1993. № 1. С. 51–69.

Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 122–144.

Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 163–216.

Поляков Л. В. Консерватизм в России – время пришло? // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 70–78.

Пономарёва Л. Освальд Шпенглер и русская историко-философская мысль конца XIX столетия // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1991. С. 74–89.

Руткевич А. М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 187–228.

Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. Т. 1. С. 5–122.

Свасьян К. А. Социально-политическая философия Освальда Шпенглера // Социологические исследования. 1987. № 6. С. 125–133.

Сербенко Н. И., Соколов А. Э. Кризис культуры как исторический феномен (в концепциях Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина) // Философские науки. 1990. № 7.

Соколов А. Э. «Кризис культуры» – смерть или трансформация? // Проблемы социально-гуманитарного знания. Л., 1989. С. 65–76.

Сорокин П. А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12.

Старостин Б. Историсофия Шпенглера и наше время // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1991. С. 47–73.

Степун Ф. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 314–342.

Сыч А. И. Конфликт цивилизаций: новая опасность или возрождение старого противоборства // Философская и социологическая мысль. 1996. № 1. С. 3–8.

Тавризян Г. М. Наука и миф в морфологии культуры О. Шпенглера // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 103–116.

Тульчинский Г. Шпенглер и мы, или Где же русско-сибирская культура? // Час пик. 1992. № 52.

Уколова В. И. Старомоден ли профессор Тойнби? // Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 3–12.

Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бой за историю. М., 1991. С. 242–247.

Франк С. Кризис западной культуры // Бердяев Н. А. Смысл истории: Новое средневековье. М., 2002. С. 343–363.

Фрумкин С. Н. Освальд Шпенглер и неонацизм // Современная философия и социология в ФРГ. М., 1971.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Плюрализм или обособление цивилизаций? // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 18–23.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальный мир и будущее российской теории международных отношений // Космополис. 2004. № 3. С. 102–114.

Цымбурский В. Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над картой XXI века) // Pro et contra. 2000. № 3. С. 176–183.

Шварц М. Шпенглер и Данилевский (Два типа культурной морфологии) // Современные записки. 1926. № 28. С. 436–456.

Янов А. Веймарская Россия // Нева. 1994. № 3–6.

Зарубежная литература

Adorno Theodor. Spengler nach dem Untergang // Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. Berlin/Frankfurt am Main, 1955. S. 55–81.

Afanasjev Valeri. Russische Geschichtsphilosophie auf dem Prüfstand. Münster, 2002.

Albert Hans. Intellektuelle Humanismus // Siegfried Bachmann (Hrsg.), Theodor Geiger: Soziologie in einer Zeit zwischen Pathos und Nüchternheit. Berlin, 1995. S. 85–106.

Baltzer Armin. Oswald Spenglers Bedeutung für die Gegenwart. Nürnberg, 1959.

Baltzer Armin. Philosoph oder Prophet? Oswald Spenglers Vermächtnis und Voraussagen. Neheim-Hüsten, 1962.

Baltzer Armin. Untergang oder Vollendung. Spenglers bleibende Bedeutung. Göttingen, 1956.

Bamme Arno. Wieder das Ende der Geschichte // Selbstorganisation. 6/1995. S. 299–315.

Bialas Wolfgang (Hrsg.). Die Weimarer Republik zwischen Metropole und Provinz. Intellektuellendiskurse zur politischen Kultur. Weimar, 1996.

Bickel Cornelius. Oswald Spengler // Iring Fetscher (Hrsg.) Neuzeit: vom Zeitalter des Imperialismus bis zu den neuen sozialen Bewegungen. München, 1987. S. 173–180.

Bolle Eric. Der Architekt und der Wille zur Macht // Weimarer Beiträge: Zeitschrift für Literaturwissenschaft. 3/1992. S. 390–406.

Borkenau Franz. Ende und Anfang von den Generationen der Hochkulturen und von der Entstehung des Abendlandes. Stuttgart, 1984.

Borkenau Franz. Spengler weitergedacht. Eine Antwort an seine Kritiker // Der Monat. 2/1955. S. 46–55.

Bozeman A. Decline of the West – Spengler reconsidered // Virginia Quarterly Review. 59/1983. P. 181–207.

Brentano B. von. Der Philosoph der Schwerindustrie // Die Weltbühne 27/1931. S. 369–372.

Breuer Stefan. Anatomie der konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

Brownlee John. Getting along with Spengler // Dalhousie Review, 2/1969. P. 184–195.

Bucllholz Lutz-Udo. Oswald Spengler. Eine Studie zur Entstehung und weltanschaulicher Wirkung eines politisch-sozialen Leitbildes des deutschen Imperialismus in der I. Hälfte des 20. Jahrhunderts, (Dissertation) Halle 1984.

Carus Fred. Skeptiker und Prophet. Zum Bilde Oswald Spenglers // Die Neue Rundschau 47/1936. S. 855–871.

Cervo Nathan. Civilisation as Spent Culture: Mann's «Infant Prodigy» and Spengler's Decline // Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature 1/1990. P. 73–86.

Demandt Alexander, John Farrenkopf (Hrsg.). Der Fall Spengler. Eine kritische Bilanz. Köln, 1994.

Demandt Alexander. Spengler und die Spätantike // Peter Christian Ludz (Hrsg.). Spengler heute. München, 1980. S. 25–48.

Dorso M. Man out of time – Kerouac, Spengler, and the faustian soul // Studies of American Fiction, 11/1983. P. 19–30.

Dray W. H. Vision of world history. Oswald Spengler and the life-cycle of cultures // Perspectives on history. London, 1980. S. 99–139.

Düren Wilhehn. Meine Unterredung mit Spengler. Die abendländisch germanische Idee. Bonn, 1940.

Dyroff Adolf. Betrachtungen über Geschichte. Köln, 1926.

Eckermann Karin Erika. Oswald Spengler und die moderne Kulturkritik. Darstellung und Bewertung der Thesen Spenglers sowie der Vergleich mit einigen neueren gesellschafts- und staatstheoretischen Ansätzen (Dissertation). Bonn, 1980.

Elm Ludwig (Hrsg.). Leitbilder des deutschen Konservatismus. Köln, 1984.

Farrenkopf John. Early phase in Spengler's political philosophy // History of political thought. 13/1992. P. 319–338.

Farrenkopf John. Hegel, Spengler and the Enigma of World History: Progress or Decline? // Clío: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History. 1/1989. P. 51–62.

Farrenkopf John. Hegel, Spengler and the origins, spirit and development of capitalism // Comparative Civilisations Review. 27/1992. P. 1–30.

Farrenkopf John. Nietzsche, Spengler and Politics of Cultural Despair // A Journal of Political Philosophy. 2/1992. P. 165–185.

Farrenkopf John. Oswald Spengler's Philosophy of World History and International Politics. Dissertation. Univ. of Virginia, 1989.

Farrenkopf John. Spengler's historical pessimism and the Tragedy of our age // Theory and Society. 3/1993. P. 103–120.

Farrenkopf John. The transformation of Spengler's philosophie of world history // Journal of the history of ideas. 2/1991. P. 463–485.

Felken Detlef. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988.

Fennelly John F. Twilight of the evening lands. Oswald Spengler – a half century later. N. Y., 1972.

Ferber Rafael. Wittgestein und Spengler // Archiv für Geschichte der Philosophie. 2/1991. S. 188–207.

Ferrari Zurnbinj. Massimo, Untergänge und Morgenröte. über Spengler und Nietzsche // Nietzsche-Studien. 5/1976. S. 194–254.

Fisch Jörg. Kausalität und Physiognomik. Zyklische Geschichtsmodelle bei Ibn Haldun und Oswald Spengler // Archiv für Kulturgeschichte. 67/1985. S. 263–309.

Fischer Friedrich. Die politische Gedankenwelt Oswald Spenglers. Dissertation. Heidelberg, 1941.

Fischer Klaus S. History and prophecy: Oswald Spengler and the decline of the west. Durharn, 1977.

Frye Northrop. The decline of the west by Oswald Spengler // Daedalus. 103/1973. S. 1–13.

Gasset Jose Ortega. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1947.

Gaube Eberhard. Spengler und die Romantik. Berlin, 1937.

Geier Wolfgang. Rußland und Europa: Skizzen zu einem schwierigen Verhältnis. Wiesbaden, 1996.

Gottfried Paul. Oswald Spengler and the inspiration of the classical age // Modern Age: A Conservative Review. 26/1982. S. 68–75.

Grützmaker R. H. Spengler und Nietzsche // Die Sammlung. 1950, S. 590–609.

Haffner Sebastian. Im Schatten der Geschichte: historisch-politische Variationen aus 20 Jahren. Stuttgart, 1985.

Haushofer Heinz. Die agrargeschichtlichen und agrarsoziologischen Aussagen Oswald Spenglers // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 2/1980. S. 141–156.

Heller Erich. Oswald Spengler and the predicament of the historical imagination // The disinherited Mind Essays in modern Germany literature and thought. London, 1971. S. 181–196.

Herzfeld Hans. Historische Theorie und Geschichtsforschung der Gegenwart. Berlin, 1964. S. 1–14.

Hodgson J. Springtime out of winter – Powys, John, Cowper, a Glastonbury Romance and Spengler // Powys Pevew. 4/1981. P. 471–472.

Hofmann Hasso. Legitimität gegen Legalität: Der Weg der politischen Philosophie Carl Schmitts. Berlin, 1964.

Hoser Paul. Ein Philosophie im Irrgarten der Politik. Oswald Spenglers Pläne für eine geheime Lenkung der nationalen Presse, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 38/1990. S. 435–458.

Hughes Stuart. Oswald Spengler. A critical estimate. New York, 1952.

Huntington S. Der Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. München, 1996.

Huntington S. The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order. New York, 1996.

Hutton Patrik. Should Spengler be reconsidered? // New Vico Studies. 10/1992. P. 78–82.

Jung Thomas. Jenseits der Geschichte – Jenseits des Humanen? // Stefan Müller-Doohm (Hrsg.), Jenseits der Utopie: Theoriekritik der Gegenwart. Frankfurt am Mein, 1991. S. 364–395.

Jünger Ernst. Der Arbeiter: Herrschaft und Gestalt. Stuttgart, 1982.

Kellner Hans. Figures in the Rumpelkammer: Goethe, Faust, Spengler // Journal of European Studies. 13/1983. S. 142–167.

Kiesel Helmut. Gläubige und Zweifler. Zur Rezeption von Oswald Spenglers «Untergang des Abendlandes» // Jahrbuch des Archivs der deutschen Jugendbewegung. 16/1987. S. 157–182.

Kissinger Henry. The meaning of history: reflections on Toynbee, Spengler and Kant. Dissertation. Harvard, 1950.

Kluge Thomas. Noch ein Untergang des Abendlandes? // Politische Vierteljahresschrift. 4/1983. S. 428–455.

Koebner Thomas. Die Erwartung der Katastrophe. Zur Geschichtsprophetie des «neuen Konservatismus» (O. Spengler, E. Jünger) // Thomas Koebner, Weimars Ende. Prognosen und Diagnosen in der deutschen Literatur und politischen Publizistik 1930–1933. Frankfurt am Main, 1982. S. 348–359.

Koebner Thomas. Oswald Spenglers Phantasien über Wesen und Werden der Kulturen // Helmut Bracker (Hrsg.), Kultur Bestimmungen im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Mein, 1990. S. 111–131.

Koehler Fanz. Untergang oder Aufstieg der abendländischen Kultur? München. 1921.

Koellreuter Otto. Die Staatslehre Oswald Spenglers. Eine Darstellung und eine kritische Würdigung. Jena, 1924.

Koellreuter Otto. Die staatspolitischen Anschauungen Max Webers und Oswald Spenglers // Zeitschrift für Politik. 14/1925. S. 481–500.

Koktanek Anton Mirko. Oswald Spengler in seiner Zeit, München 1968.

Koktanek Anton Mirko. Spenglers Verhältnis zum Nationalsozialismus in geschichtliche Entwicklung // Zeitschrift für Politik. 13/1966. S. 33–55.

Konrad Werner. Max Frischs «Die Chinesische Mauer»: Ein Paradigma für Oswald Spengler Rezeption. Frankfurt am Mein, 1990.

Kooprnann Helmut. Der Untergang des Abendlandes und der Aufgang des Morgenlandes. Thorns Mann, die Josephsromane und Spengler // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. 24/1980. S. 300–331.

Kornhardt Hildegart. Goethe und Spengler // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 38/1949. S. 589–596.

Körtner Ulrich H. J. Morphologie des Untergangs. Zivilisations- und Technikkritik bei Oswald Spengler // Theologische Zeitschrift. 2/1991. S. 148–171.

Lantink Francis Wilhelm. Oswald Spengler oder «zweite Romantik». Der Untergang des Abendlandes, ein intellektueller Roman zwischen Geschichte, Literatur und Politik. Leusden, 1991.

Lebovics Hermann. Social conservatism and the middle classes in Germany, 1914–1933. Princetown, 1969. S. 157–177.

Leers Johann von. Spenglers weltpolitisches System und der Nationalsozialismus. Berlin, 1934.

Lehnert Erik. Imperialismus und Welteinheit: Globalisierungsvorstellungen bei Spengler und Jaspers // Utopiekreativ. 12/2002. S. 1019–1030.

Lenk Kurt. Spengler redivivus? // Politische Vierteljahresschrift. 1/1984. S. 120–125.

Lübbe Hermann. Politische Philosophie in Deutschland. Basel, 1963.

Ludz Peter Christian (Hrsg.). Spengler heute. Sechs Essays mit einem Vorwort von Hermann Lübbe. München, 1980.

Luter Arthur. Ein russischer Vorläufer Oswald Spenglers // Alere Flamm. Leipzig, 1921. S. 51–59.

Lutzeler Paul. Hermann Broch und Spenglers Untergang des Abendlandes // Adrian Steven u.a. (Hrsg.). Hermann Broch: Modernismus, Kulturkrise und Hitlerzeit. Innsbruck, 1994. S. 19–43.

MacMaster Robert E. Danilevsky und Spengler. A new interpretation // Journal of Modern History. 26/1954. S. 154–161.

Mann Golo. Propheten des Unheils // Der Monat. 81/1955. S. 225–226.

Mann Thomas. Über die Lehre Spenglers // Thomas Mann Gesammelte Werke. Bd.11. Berlin, 1955.

Martin Alfred von. Geistige Wegbereiter des deutschen Zusammenbruchs. Hegel – Nietzsche – Spengler. Recklinghausen, 1948.

McInnes Neil. The great doomsayer. Oswald Spengler Reconsidered // The National Interest. 2/1997. P. 65–76.

Meier Hans Georg. Romane der Konservativen Revolution in der Nachfolge von Nietzsche und Spengler (1918–1948). Frankfurt am Main, 1983.

Meinecke Friedrich. Über Spenglers Geschichtsbetrachtung // Werke. Bd. 4. Stuttgart, 1959.

Merlio Gilbert. Ernst Junger and Oswald Spengler // Etudes-Germaniques. 4/1996. P. 657–676.

Merlio Gilbert. Gobineau als Vorläufer Spenglers // Wolfgang Drost (Hrsg.), *Fortschrittsglaube und Dekadenzbewußtsein im Europa des 19. Jahrhunderts*, Heidelberg, 1986. S. 139–150.

Merlio Gilbert. Oswald Spengler ou le dernier des Kulturkritiker // *Revue allemande*. 14/1982. S. 97–112.

Merlio Gilbert. Oswald Spengler. Temoins de son temps. Stuttgart, 1982.

Metz Karl H. Faust und Chronos. Das Problem der Technik in der Zivilisationstheorie Oswald Spenglers // *AJK* 75. 1/1993. S. 153–170.

Meyer von Kailern Hans. Die Funktion der Analogie im Werk Oswald Spenglers. (Dissertation) Freiburg/Schweiz, 1976.

Meyer Eduard, Spenglers Untergang des Abendlandes. Berlin, 1925.

Mezger Edmund. Spenglers «Untergang des Abendlandes». Eine neue Geschichts- und Gesellschaftslehre // *Logos*. 9/1920. S. 260–283.

Moeller van den Bruck Arthur. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

Moeller van den Bruck Arthur. Der Untergang des Abendlandes. Für und wider Spengler // *Deutsche Rundschau*. 84/1920. S. 41–70.

Mohler Armin. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932 – Grundriss ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

Mommsen Wolfgang J. Oswald Spengler, das Mißverständnis seiner Zeit // *Die Welt der Literatur*. 26 (19.12.1968). S. 16.

Muhs Karl. Spengler und der wirtschaftliche Untergang Europas. Berlin, 1934.

Müller Gert. Oswald Spenglers Bedeutung für die Geschichtswissenschaft // *Saeculum*. 13/1962. S. 380–393.

Murjahn Gerhard. Romantik und Realismus in der Lehre Oswald Spenglers. Ein Versuch. Berlin, 1968.

Naehrer Jürgen. Oswald Spengler. Hamburg, 1984.

Nelson Eduard. Spuk. Einweihung in das Geheimnis der Wahrsagekunst Kunst Oswald Spengler. Leipzig, 1921.

Neurath Otto. Anti-Spengler. München, 1921.

Nicholls R. Thomas Mann and Spengler // *German Quarterly*. 58/1985. P. 361–374.

Noll A. Examples of German Conservatism // *Osterreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 14/1985. S. 252–254.

Nolte Ernst. Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1992. S. 215–227.

Ortega y Gasset Jose. Der Aufstand der Massen. Stuttgart, 1947.

Pabst Martin. Oswald Spengler und die «farbige Weltrevolution» // *Jahrbuch zur Konservativen Revolution*. Köln, 1994. S. 273–300.

Parent Marie-Elisabeth. Recherches sur les elements d'une conception esthetique dans l'oeuvre d'Oswald Spengler. Frankfurt am Main, 1981.

Paulus Erich. Johann Gottfried Herder und Oswald Spengler. Studie zum Decadence-Problem in der neueren Literatur, Dissertation. Erlangen, 1951.

Peters Bernhard. Völker Europas! Woher – wohin? Der Ablauf des eisenen Zeitalters. Eine Völkergeschichte im Lichte des prophetischen Worts. Worms, 1927.

Petriconi Helmuth. Spenglers «Untergang des Abendlandes» als Werk der schönen Literatur // Antike und Abendland. 7/1958. S. 47–61.

Petzold Joachim. Konservative Wegbereiter des Faschismus und ihre Rehabilitation in der Bundesrepublik // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1/1983. S. 80–93.

Petzold Joachim. Das politische Programm Oswald Spenglers im System der imperialistischen Ideologie // Jahrbuch für Geschichte. 5/1971. S. 175–207.

Pfeil Sigurd Graf von. Die dogmatische Dichtung Oswald Spenglers // Die Welt als Geschichte. 33/1963. S. 60–92.

Rauhut Franz. Die Geschichtsphilosophie Vicos, Spenglers und Toynbees in ihrer Zusammengehörigkeit // Hamburger romanistische Studien, Reihe B. 25/1955. S. 23–32.

Reddaway Darlene. Pasternak, Spengler and quantum Mechanics // Russian Literature. 1/1992. P. 37–70.

Reusch Paul (Hrsg.). Oswald Spengler zum Gedenken. München, 1937.

Robinson Michael. Mysses and The Magic Mountain: Two Terminal Novels and The Decline of the West // Facets of European Modernism, 1985. S. 131–147.

Rudloff Hermann. Oswald Spenglers ethische Anschauungen. Leipzig, 1926.

Samuel Richard. Oswald Spengler redivivus? // Deutsche Rundschau. 89/1963. S. 20–28.

Schmitt Carl. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Berlin, 1991.

Schmitt Carl. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963.

Schmitt Carl. Land und Meer: Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Leipzig, 1942.

Schoeps Hans Joachim. Vorläufer Spenglers. Studien zum Geschichtspessimismus im 19. Jahrhundert. Köln, 1953.

Scholz Heinrich. Zum «Untergang des Abendlandes». Eine Auseinandersetzung mit Oswald Spengler. Berlin, 1921.

Schröter Manfred. Der Nachlaß Oswald Spenglers // Universitas: Zeitschrift für Wissenschaft, Kunst und Literatur. 11/1956. S. 281–284.

Schröter Manfred. Der Streit um Spengler. Kritik seiner Kritiker. München, 1922.

Schröter Manfred. Metaphysik des Untergangs. Eine kulturkritische Studie über Oswald Spengler. München, 1949.

Schubnell Matthias. The Decline of Amerika // *Cather Studies*. 2/1993. P. 92–117.

Schück Karl. Spenglers Geschichtsphilosophie. Eine Kritik. Karlsruhe, 1921.

Schulin Ernst. Die Erfassung der modernen sozialen Welt bei Rathenau, Spengler und Jünger // *Deutschland und Europa in der Neuzeit*. Wiesbaden, 1988. S. 85–97.

Schwendter Rolf. Zur Zeitgeschichte der Zukunft. Frankfurt am Main, 1984.

Schwiarskott Hanns-Joachim. Arthur Moehler van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962.

Siedler Wolf Jobst. Behauptungen. Frankfurt am Main, 1990. S. 178–191.

Sieferle Rolf Peter. Die Konservative Revolution. Fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Junger, Hans Freyer). Frankfurt am Main, 1978.

Sorokin P. A. Social and cultural dynamics. N. Y., 1962.

Sorokin P. A. Kulturkrise und Gesellschaftsphilosophie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und das Wesen ihrer Krisen. Stuttgart, 1953.

Eduard Spranger. Gesammelte Schriften. Bd. 5. Tübingen, 1969.

Stutz Ernst. Die philosophische und politische Kritik Oswald Spenglers. Zürich, 1958.

Stutz Ernst. Oswald Spengler als politischer Denker, Dissertation. Bern, 1958.

Thiel Rudolf. Oswald Spengler – oder die Wollust des Untergangs // *Die Generation ohne Männer*. Berlin, 1932. S. 439–484.

Thirring Hans. Anti-Nietzsche, Anti-Spengler. Wien, 1947.

Thöndl Michael. «Der Untergang des Abendlandes» als «Kampf der Kulturen»? Spengler und Huntington im Vergleich // *Politische Vierteljahresschrift*. 4/1997. S. 824–830.

Thöndl Michael. Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // *Zeitschrift für Politik*. 4/1993. S. 418–443.

Thöndl Michael. Die Rezeption des Werkes von Oswald Spengler (1880–1936) in Italien bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 73/1993. S. 572–615.

Toynbee Arnold. A Study of History. London, 1972.

Toynbee Arnold. Kultur am Scheidewege. Frankfurt am Main, 1958.

Toynbee Arnold. Change and habit: The challenge of our time. L., 1966.

Trigg Hugh Larimore. The impact of a pessimist. The reception of Oswald Spengler in America. Ann Arbor, 1968.

Troeltsch Ernst. Die Kulturzukunftstheorie. Berlin, 1928.

Troeltsch Ernst. Literaturbericht. «Der Untergang des Abendlandes». Bd. I // Historische Zeitschrift. 120/1919. S. 281–291.

Troeltsch Ernst. Literaturbericht. «Der Untergang des Abendlandes». Bd. II // Historische Zeitschrift. 128/1923. S. 313–321.

Ulmen G. L. Metaphysik des Morgenlandes Spengler über Rußland // Peter Christian Ludz (Hrsg.). Spengler heute. München, 1980. S. 123–173.

Volkelt Johannes. Die Grundbegriffe in Spenglers Geschichtsphilosophie // Historische Vierteljahrsschrift. 20/1920. S. 257–288.

Vollnhals Clemens. Oswald Spengler und der Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs // Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte. 13/1984. S. 263–303.

Weber Alfred. Spengler der Politiker // Der Neue Merkur. 7/1922, S. 773–777.

Weber Max. Gesammelte politische Schriften. München, 1921.

Werner Xenia. Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen. Hamburg, 1987.

Werth Christoph. Sozialismus und Nation. Die deutsche Ideologiediskussion zwischen 1918 und 1945. Opladen, 1996.

Wescott Roger. The Enumeratoins of Civilisations // History and Theory. 1/1970. P. 59–85.

Whitley John. A «Touch of Disaster»: Fitzgerald, Spengler and the Decline of the West // Robert Lee (ed.), Scott Fitzgerald. N. Y., 1990. P. 157–180.

Zweiniger Artbus. Spengler im Dritten Reich. Eine Antwort auf Oswald Spenglers «Jahre der Entscheidung». Oldenburg, 1933.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВОЙНОЙ ЛИК РОССИИ И НЕМЕЦКИЕ ВОСТОЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (1923)	3
НОВЫЕ ФОРМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (1924)	21
ГОДЫ РЕШЕНИЙ (1933)	45
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ	51
МИРОВЫЕ ВОЙНЫ И СУПЕРДЕРЖАВЫ	66
БЕЛАЯ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	110
 ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>АФАНАСЬЕВ В. В.</i>	
ЛИБЕРАЛЬНОЕ И КОНСЕРВАТИВНОЕ.....	222

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

Освальд ШПЕНГЛЕР

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Божко Ю. В.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.04.2009.
Формат 84×108¹/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 800 экз. Заказ 842.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация».
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел/факс 702-04-57.

E-mail: bozhkouga@mtu-net.ru; kanonplus@mail.ru
Сайт: iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0131528 от 30.04.2004.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

ISBN 978-5-88373-184-5

9 785883 731845

